

Христианские рассуждения и размышления, предложенные и в особых статьях, и в словах, беседах и речах. Том I епископ Виталий (Гречулевич)

Том I • [Том II](#) • [Том III](#)

Вместо предисловия

В 1856 году было издано мною два выпуска книги: „Христианские Размышления, предложенные в словах, беседах и речах“. Все издание давно разошлось, и требования названной книги оставались доселе без удовлетворения.

Между тем, и в особых книжках, и в издаваемом мною духовном журнале „Странник“ в разное время, напечатано довольно статей, не вошедших в состав первого издания „Христианских Размышлений“. В нынешнем издании все это по возможности собрано вместе, и разделено на три части, в двух томах. Причину такого разделения внимательный читатель легко усмотрит из самого содержания статей, вошедших в состав каждой части.

В род и род возведу истину Твою, Господи, усты моими.

[Пс.88:2.](#)

Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.

[2Кор.13:8](#)

Человеческий разум и Божественное откровение

Бог даровал душе человека два светильника: естественный – разум, и сверхъестественный – святое Откровение.

При свете своего разума человек может ясно усматривать и необходимую для себя потребность Божественного Откровения, и всю благотворность сообщаемых им истин. Но при свете Откровения, – он в состоянии познавать и такие предметы, которые сами по себе для ограниченных сил его разума были бы совершенно недоступны, и которые, однако же, знать ему необходимо.

Вопрос об отношении между разумом человеческим и Божественным Откровением весьма важен. Решением его занимались самые знаменитые умы различных веков. Многие из них даже находили в нем для себя камень преткновения, так что при разрешении этого вопроса впадали в крайности: то слишком много приписывали разуму, то все почти отнимали у него, и таким образом, разум и Откровение поставляли в ненадлежащее, а иногда и во враждебное отношение между собой.

Но там, где резко обозначаются крайности, наблюдателю беспристрастному и мыслителю, искренно любящему истину, не трудно усмотреть „золотую середину“. Поищем ее и мы между противоречущими мнениями о предмете нашего рассуждения, не пускаясь однако же в подробное изложение и опровержение их, но ограничиваясь только оценкой противоречий пред судом здравого смысла и слова Божия. Это будет едва ли не лучшее средство – установить надлежащую точку зрения на взаимное отношение между разумом и Откровением.

1. Люди, составившие о человеческом разуме слишком высокое понятие, полагают, будто бы Откровение, или вся совокупность откровенных истин, есть лишь некоторое „предупреждение« (anticipatio) тех результатов, до которых разум может и должен доходить собственными силами, по своим законам, или тех истин, до которых он естественно

доходит сам по себе. Поэтому выходит, что Божественное Откровение дано людям единственно для облегчения их ума на многотрудном пути собственных его изысканий. Притом, если результаты разума и Откровения одни и те же, то и существенное содержание последнего тождественно с коренными идеями первого. Следовательно, по мнению таких мыслителей, в Откровении не должно быть ничего непонятного для разума. А если есть, если здесь действительно находится много такого, чего ум постигнуть не может, то это, говорят, не должно быть признаваемо за истину, – это не есть Божие Откровение или не существенное в Откровении: это – представления, порожденные недостаточной образованностью века, или наружный покров, оболочка, которую мыслитель, чтобы открыть для себя разумное ядро истины, должен снять. Отсюда явно, что, по учению подобных мыслителей, отношение разума к Откровению есть как бы отношение судьи к подсудимому, несмотря на то, что этот подсудимый, по собственному же их признанию, должен учить своего судью (явное противоречие здравому смыслу!).

Очевидно, что все такие мудрования суть плод разума человеческого, *взимающагося на разум Божий* (2Кор. 10:5), что все люди с таким образом мыслей кружатся *в суете ума* (Еф. 4:17).

Чтобы видеть всю несообразность этого мнения об отношении между разумом и Откровением, довольно сделать два замечания. Во-первых, и самые идеи разума, которым упомянутые мыслители усвоят высшее, господственное в нашем духе значение, и которые, однако же, надобно почитать касающимися только еще вершин человеческой духовной природы, озарениями Божественного *Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир* (Ин. 1:9), – самые эти идеи разума требуют, очевидно, совершенного подчинения их верховному Божественному Свету, когда сей Свет благоволил, сколько можно полнее, открыться людям.

Во-вторых, Божественное Откровение не есть какая-нибудь философия, хотя бы то совершеннейшая (смотря на Откровение с этой частной точки зрения, и потом выводя

заклучение общее, разум явно противоречив собственным законам): оно есть открытие благодатного Завета между Богом и человеком. Одного этого уже весьма достаточно, чтобы иметь полное право сказать всякому нездравомыслящему словами Премудрого: *вещающая разума человеческого показана тебе суть. Посему, вышедших себе не ищи, и крепящихся себе не испытуй; яже тебе повелена, сия разумевай, несть бо тебе потреба тайных* (Сир. 3:23, 21, 22). То есть, не Откровение должно подчиняться суду разума, а разум человеческий должен безусловно покоряться гласу Откровения, как гласу разума Божия.

2. Но с другой стороны, это безусловное повиновение не должно быть и таково, чтобы, как некоторые хотят, оно ниспадало до степени слепой веры. Пусть будут совершенно справедливы все указания на крайнюю слабость ума человеческого; пусть будет справедливо и то, что разум впадал в самые грубые заблуждения и поставлял себя во враждебное отношение к Откровению. Но, когда высшие идеи разума суть не иное что, как отблески и мерцания Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир, каким открылся для нас Христос – Бог Слово во плоти; то подавлять разум слепой верой, значит безумно закрывать сияние самого Христа, Бога Слова воплощенного. Посему говорить, что разум человеческий вовсе не способен дойти до убеждения в чем бы то ни было, и не может понимать истин откровенных, – то есть, истину, которая существенно одна, как бы раздвоять на разумную и откровенную, или, как выражались схоластики, на философскую и богословскую, – явно, опять крайность!

Нет, не так смотрит на наш разум св. Церковь¹. Не такое отношение между разумом и Откровением полагают св. Отцы Церкви, собственным, Живым примером показывавшие, как можно и должно пользоваться первым в пользу последнего. Не такова, не слепая, а разумная вера была у св. Апостолов, как свидетельствовал о них сам Божественный их и наш Учитель, пред Отцом Небесным. *Глаголы, ихже дал еси Мне, дах им: и тии прияша, и разумеша воистину* (Ин.17:8). Не слепого повиновения Откровению требовали и Апостолы, когда

говорили верующему: *общение твоя веры действительно да будет в разуме (разумении) всякого блага, еже о Христе Иисусе (Флм. 1:6)*; или когда молили Всевышнего, да дарует Он ученикам их *разуметь даже преспеющую разум любовь Христову (Еф. 3:19)*! Да и из глубины души всякого верующего всегда, без сомнения, готов излететь молитвенный вздох Моисеев: *Господи, даруй мне, да разумно вижду Тя (Исх. 33:13)*, – по крайней мере столько, сколько это возможно ныне, когда мы ходим верой, а не видением!

Итак, требовать от разума слепого подчинения Откровению противно самому слову Божию.

Значит, если бы нужно было в нескольких словах определить отношение разума к Откровению, то лучшего ответа нельзя было бы найти, как приведенные нами выше слова Премудрого: *Вящшая разума человеческого показана ти суть. Вышших себе не ищи, и крепльших себе не испытуй, несть бо ти потреба тайных (Сир. 3:21–22)*. То есть, не усиливайся напрасно подвести все в Откровении под формы твоего разума, постигнуть непостижимое; *подчиняйся* Откровению; внемли с благоговением его Божественному голосу. Но, с другой стороны, *яже ти повеленна, сия разумевай*. Да будет твоя умственная покорность, хотя и безусловной, но не слепой, а разумной. Не взимайся, человеческий разум, на разум Божий; но, отдавая себя в плен и послушание веры, познай в этом благодатном и благородном плену истинную свою свободу, и, во свете веры, *разумевай, и широту и долготу и высоту и глубину, – разумевай преспеющую разум любовь Христову (Еф. 3:18, 19)*. Помни, что и Откровение и разум равно суть дары Божии; что Откровение раскрывает тот самый Свет, от лучей которого происходят идеи и законы разума. Пользуясь одним, ты не можешь и не должен пренебрегать другим. Напротив, приложи все свое старание, чтобы употребить в дело оба вверенные тебе *таланта*, и при том употребить так, чтобы они служили друг другу для взаимного их приращения, чего именно и потребует от тебя всевышний Раздаятель всех вверенных нам талантов.

3. Чтобы показать, каким образом это бывает, или чтобы раздельнее определить взаимное отношение между разумом и Откровением, посмотрим, что делает Откровение для разума, когда последний подчиняется первому, смиренно внемлет его вещаниям; и что разум, с своей стороны, делает для Откровения, когда он, в благородном плену веры, всеохотно и свободно старается *разумевать, яже ему повеленна* (Сир. 3:22).

Много, чрезвычайно много делает Откровение для разума! Оно сообщает разуму человеческому столько истин, столько познаний, сколько он собственными силами никогда не мог бы узнать или приобрести. Стоит только сравнить круг познаний наилучшего из знаменитейших философов древности, или и всех их в совокупности, с убеждениями о предметах священных каждого христианина, даже необразованного, чтобы ясно видеть, какое необычайное обилие света пролито и проливается – свыше – в Откровении на блуждавший и блуждающий во мраке, хотя и не без мерцаний вышнего Света, разум человеческий.

Но, главное, – сообщаемые нам Божественным Откровением познания глубоких истин и неисследимых тайн назначены не для внешних только каких-либо скрижалей истины, а для открытия в нас самих благодатного источника живых вод Божественной истины и любви. *Веруяй в Мя, якоже рече Писание, сказал Господь, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. 7:38).

Стоит лишь обратиться к ежедневному опыту и посмотреть, откуда почерпаются все наши высокие понятия о Боге, о мире и человеке, и мы увидим, как много делает Божественное Откровение для нашего разума еще тогда, когда он не в состоянии ничего сделать для Откровения.

Посмотрите на христианского младенца! Едва разрешился язык его от уз немотствования, как он уже лепечет достопоклоняемое имя Бога!

Мало того: видно, ему сообщено и более обширное понятие о Боге; ибо он произносит имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Не умея еще хорошо различать окружающие его предметы, он уже знает, откуда и каким образом они произошли. Спросите

малютку: „кто создал эти вещи, и небо и землю?” И вы услышите от него прямой и верный ответ: „Бог – из ничего, словом своим, в шесть дней!» И вслед за тем, малютка станет говорить вам о всемогуществе и премудрости Божией. Дитя, которое едва может различать правую руку от левой, *доброе от лукавого*, обнаруживает однако же в себе уже некоторое познание о начале и происхождении нравственного закона. Оно повторяет: „Так Бог велел. Это противно Богу. За то Бог наградит; а за это накажет!» Вот и понятие о благодати и правде Божией.

Не много лет прожило на свете дитя, но много уже пролило слез!.. Откуда ж эти слезы, если Бог, Творец и Промыслитель, благ? – Этот вопрос еще не успел возникнуть в неразвитом сознании дитяти, как Божественное Откровение, или те, которые служат его проводниками, уже вразумляют дитя о происхождении в мире зла, – рассказывают ему историю падения прародителей. Но где средства к восстановлению, к восстанию из этого несчастного падения? Не успел и этот вопрос возродиться в уме малолетнего христианина, как ему указывают на святой образ Иисуса Христа, и говорят: „Вот наш Спаситель!» И дитя с жадностью внемлет всей истории искупления. С притрепетным чувством видит оно смерть, и тотчас, с утешением, узнает о жизни за гробом.

Нашему размышлению не было бы и конца, если бы мы решились перечислять все те истины и познания, которыми Откровение обогащает разум человека в самом нежном его возрасте.

Посмотрим теперь на человека, как на действительного члена общества, в возрасте зрелом. В каком бы звании и состоянии ни находился он, всюду сопровождает его св. Откровение, и озаряет его разум небесными истинами. Углубляется ли он в изучение гражданских законов, по которым управляется христианское государство? – Видит, что этим законам сообщает истинную прочность и животворный дух Евангельское учение. Воин ли он? – В истинах веры находит свет, радужно рисующий для него неизреченные блага вечной жизни даже в те минуты, когда необходимость велит ему идти

на явную смерть. Посвящает ли он жизнь свою наукам? – Стоит ему только быть внимательным, чтобы заметить, как Божественное Откровение то сообщает каждой Науке твердое основание, то расширяет и ограждает круг ее истин.

А кто исключительно посвятил себя на изучение истин откровенных, тот, в непродолжительное время, узнает столько истин, что для надлежащего раскрытия и усвоения их недостаточно не только всей его жизни, но, по-видимому, и целой вечности!..

И, потому-то самому, среди чрезвычайного обилия светлых истин, сообщаемых Откровением разуму человеческому, он как будто все еще чего-то ищет, все еще стремится восполнить недостаток своих познаний, приблизиться, если можно, к самому Источнику премудрости, и в Нем утолять непрестанно свою бесконечную жажду. Св. Откровение оказывает ему и это величайшее благодеяние. Сообщая разуму человека столько истин, оно действительно открывает ему путь к соединению с самим Источником и Подателем премудрости – Богом триипостасным, – с Богом Отцом, который *дает премудрость мудрым, и разум ведущим смышление* (Дан. 2:21), – *дает всем нелицеприемне* (Иак. 1:5), – с Господом Иисусом Христом, *единородным Сыном Божиим*, который от вечности пребывая в лоне Отца присносущного (Ин. 1:18), *один токмо знает Отца*, и один только – познание о Нем может сообщить тому, *ему же волит открыти* (Мф. 11:27), – со Христом, который есть *Свет миру* (Ин. 8:12), – *Свет истинный, просвещающий всякого человека грядущаго в мир* (Ин. 1:9), – со Христом, в Нем же, – как в существенном основании всяческих, как в самой Истине (Ин. 14:6), *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2:3). Наконец, Божественное Откровение наставляет человеческий разум, каким образом он может оживляться и *Духом Святым*, которого помазание *научает всему* (1Ин. 2:20,27), – *наставляет на всяку истину* (Ин. 16:13).

Что же остается делать разуму после того, как ему предоставлена совершенная возможность получать такое озарение свыше, чрез Откровение? В какое отношение поставить ему себя к сему последнему? Первая его обязанность

– сделать себя, сколько это может от него зависеть, способным и готовым к чистому восприятию живительных лучей небесной Истины. Он должен очистить себя, по возможности, от всех предрассудков и вообще приготовить себя надлежащим образом к выслушанию Божественных вещаний откровенной веры. Св. Василий Великий (в наставлении юношам, как должно пользоваться языческими писателями) советует, „не прежде приступать к слушанию наук священных и таинственных, как усовершенствовавшись в предварительных познаниях”, почерпаемых из разума, „подобно тому, как весьма полезно было бы для глаз не прежде обращать взоры свои прямо на солнце, как уже привыкли смотреть на него в воде, в которой оно отражается». – „Посему-то Моисей, – замечает Святитель, – удостоился зреть Сущаго после того, как уже образовал ум свой египетскими науками. И мудрый Даниил не прежде изучения халдейской мудрости в Вавилоне, приступил к урокам мудрости Божественной”. Впрочем, само собой разумеется, что вселенский учитель понимает такое изучение мирских наук, чтобы изучать собственно Божественные же мысли, осуществленные и выражающиеся в природе, в истории, в человеческом естестве, и проч.; ибо Моисей и Даниил именно так, а не иначе, изучали мирские науки, которые в противном случае настраивали бы и повели разум не к послушанию, а к противлению Божественным вещаниям Откровения. Если так образуем мы свой разум различными науками, то должны стараться, чтобы сообщаемые ими познания были благотворны для нас по отношению к истинам Откровения.

Это может быть в двух случаях: во-первых, когда между науками, проистекающими из естественного разума, и науками, относящимися прямо к Откровению, есть сходство; во-вторых, когда этого сходства, или сродства с Откровением в известных знаниях и, вообще говоря, в направлении известных умов, не замечается.

Что касается до первого случая, то вот что говорит об этом вселенский учитель, св. Василий Великий: „Если, между науками внешними и духовными есть некоторое сходство: то приобретение первых не может быть для нас бесполезно. Как

существенную доброту дерева составляют приносимые им плоды, при чем служат ему некоторым украшением и колеблющиеся на его ветвях листья: так равно и в душе, преимущественную красоту ее составляет плод истины” (сообщаемой в существе своем именно Откровением); „хотя не неприятным украшением служит ей и внешняя образованность: она подобна листьям, которые доставляют плодам покров, а дереву красивый вид”.

В самом деле, ничего, кажется, не может быть прекраснее человека истинно образованного, который обогатил свой разум многоразличными познаниями, как бы для того только, чтобы лучше разуместь голос Откровения! – Нет сомнения, что довольно и одного взгляда на небесную твердь, усеянную мириадами звезд, чтобы разумно и сознательно воскликнуть с боговенчанном певцом Сиона: *небеса поведают славу Божию* (Пс. 18:2)! Довольно помыслить, как солнце не проспит ни одного утра, луна никогда не умедлит явиться на небосклоне в урочный час, чтоб увериться нашему разуму, что все эти небесные круговращения совершаются с такой точностью, по мановению зиждительного перста, премудрого Творца вселенной (Пс. 83:17) – так в оригинале *прим. электронной редакции*. Но когда разум, сведущий в астрономии, скажет нам, что каждая из этих блестящих точек на синеве неба есть отдельный мир, – когда он объяснит, сколько это доступно для него, весь чудный механизм солнечной системы, тогда душа наша невольно наполняется чувством особеннейшего благоговения пред Высочайшим Существом, того благоговения, которое заставляло „Ньютонов” всякий раз, при произношении имени Божия, обнажать свою голову; тогда *вся кости наша рекут: Господи Господи, кто подобен Тебе* (Пс. 34:10)? *Яко взятся великолепие Твое превыше небес* (Пс. 8:2)!

„Если же между теми науками, в которых упражняется разум, и теми истинами, которые преподаются Откровением, нет постоянного сходства”, рассуждает упомянутый св. Отец Церкви: „то одно уже познание различия их, посредством взаимного противоположения, немало способствует к уразумению того, какие из этих наук превосходны”.

Бывали, к несчастью, и ныне бывают примеры, что превратно понимаемые науки не туда сиются привести разум человеческий, куда направляет его Божественное Откровение. Тогда-то разум истинно образованный, углубляясь в размышление о предметах откровенных, приводя святые истины в порядок или в систему и стараясь давать себе отчет в своей вере, ясно видит всю неосновательность суетных мудрований. Здесь должно заметить, что под этим „разумным отчетом” в вере мы понимаем такой отчет, который делает разум не как судья, а как уже плененный в сыновне-свободное послушание веры. Само собой разумеется, что такое пленение в послушание веры предполагает предварительное убеждение разума в том, что святое Откровение имеет происхождение Божественное.

Подобные исследования разума по отношению к Откровению необходимы не для одних только пастырей Церкви, которые, конечно, по преимуществу обязаны, по слову Апостола, *быть готовыми присно ко ответу всякому вопрошающему словесе о нашем уповании* (1Пет. 3:15). И в жизни каждого христианина весьма нередко могут случаться такие обстоятельства, в которых требуется защитить истину веры истинами разума, или путем умственных доводов привести ближнего к разумному убеждению в откровенном учении.

Нужно впрочем заметить, что в подобных случаях не только разум просвещенный, или лучше, утонченный образованностью и вооруженный силой различных доказательств, низлагает возношение, взимающееся на разум; но часто, невидимой силой благодати Божией вразумляют человека в истинах Откровения и простые суждения верующего, а потому облагодатствованного разума, или так называемого здравого смысла.

Никакие убеждения не могли обратить в недра веры некоего вольнодумца. Но вот, он приходит к одному из своих приятелей, и, увидев у него глобус, украшенный звездами, спрашивает: „Кто это так хорошо сделал?” – „Сам сделался!” отвечают ему. – „Быть не может!” – „Уверю тебя”. – „Нет, это... невозможно! –

„Как! Ужели невозможно, чтоб эта, столь незначительная вещь устроилась сама собою, случайно, без руки мудрого художника, – когда, по твоему суждению, и вся земля с ее разнообразными произведениями, и небеса, украшенные сонмами столь дивных светил, произошли – по какому-то случаю?...” – Вот самое естественное суждение разума! Но оно сделало то, чего не могли произвести никакие другие убеждения – привело заблудшего в лоно откровенной истины.

Другой пример. Является приходской священник к местному владельцу, который любил хвалиться своим безверием. – „Не о вере ли, батюшка, пришли поспорить?” – сказал вольнодумец своему посетителю. „Куда нам, людям простым, спорить с такими учеными людьми!” – был ответ смиренного пастыря. „Однако, святой отец, охота же вам, – продолжал тот, – тревожить и тревожиться страхами о будущих мучениях,” и прочее. „Мы ничего не теряем от этой тревоги и в настоящей жизни, а тем менее можем потерять – за гробом; если же наши верования справедливы, то, без сомнения, очень много выиграем. Но посудите, если все то истина, что сообщается нам Божественной верой, – каково будет на том свете человеку, жившему так, как будто бы для него не существовало будущей жизни?..” Вот опять самое простое суждение здравомыслящего разума: но оно как молния блеснуло в душе невера, и озарило ее светом истины откровенной. Таково употребление разума по отношению к Откровению!

В заключение краткого нашего рассуждения повторим – в сокращенном виде – все сказанное нами об отношении между разумом и Откровением.

1. Погрешают те, которые поставляют разум и Откровение как бы во враждебное отношение между собой.

2. Возвышающие разум пред Откровением противоречат здравому смыслу, идеям и законам самого разума.

3. А ослепляющие, так сказать, разум слепой верой, разногласят с Церковью и словом Божиим.

Взаимное отношение между разумом и Откровением должно полагать в том, что разуму, покорившемуся в послушание веры, Откровение сообщает множество

самоважнейших истин и готовых познаний, и показывает ему путь к соединению с самим Триединым Источником премудрости; а разум, получив надлежащее развитие и образование, приготавливает человека к лучшему, сознательному, сыновне свободному принятию истин Откровения. В таком случае, он, с одной стороны, способствует к уразумению откровенных истин и к разумному отчету в вере; с другой, – обнаруживает заблуждения мудрований, несогласных с Откровением, и даже, при содействии Божьей благодати, возвращает заблуждших в недра св. веры, не только посредством изысканных доказательств, но и простосердечными суждениями.

Черты истинного христианина, упражняющегося и преуспевающего в богопознании²

Реки богословия из честных уст твоих истекоша, Апостоле, имиже Церковь Божия напаяема, покланяется православно Троице единосущней, юже и ныне моли, Иоанне Богослове, утвердити во истинном богопознании и спасти души наша. – Песнь св. Церкви (26 сент. на лит. ст. 1).

Высоким и поистине преизящнейшим даром украсил Господь наш Иисус Христос возлюбленного ученика Своего, сообщив ему в обильнейшей мере откровение тайн истинного богопознания. Иоанн, сын рыбака Зеведея, еще во дни земной жизни Божественного Наставника истины, прозванный от Него самого *сыном громовым* (Мк. 3:17), быв озарен свыше лучами Божьей премудрости, осиял вселенную блистанием сего света небесного. Наперсник Христов, возлегая, с богомудренным дерзновением, на персях Господа, он, можно сказать, почерпнул из них, как бы из самого источника премудрости живые струи истинного богоразумия, которыми весь мир напаяет.³ Но, братья-христиане! Хотя и из самых даже избранных друзей Божьих немногим дано источать из своих честных уст реки богословия, тем не менее, однако же, всем членам Церкви Божьей предоставлена полная возможность напаяться сими живительными потоками. Это составляет даже неперемennую обязанность каждого из нас.

Весь род человеческий и создан для богопознания: *взыскати Господа, да поне осяжут Его и обрящут, яко недалече от единаго коегождо нас суща* (Деян. 17:27) Одной из главнейших целей сошествия на землю Сына Божия было именно то, чтобы озарить род человеческий, омраченный ложными понятиями о Боге, светом истинного богоразумия, – *да познаем Бога истиннаго* (1Ин. 5:20). Благовествовать людям сию *премудрость Божию, юже представил Бог прежде век в славу нашу* (1Кор. 2:7), святые Апостолы почитали для себя самой важной и первой обязанностью (1Кор. 9:16). Все

святые мужи, все истинные последователи Христовы изучали, преподанные самим Богом и Его св. посланниками, наставления в вере и добрых делах, во всю свою жизнь, *поучаясь в законе Господнем день и ночь* (Пс. 1:2).

И не напрасно: это совершенно согласно с достоинством истинного богопознания! В нем одном, по свидетельству самого Сына Божия, заключается *живот вечный* (Ин. 17:8). По отношению к богопознанию, вся настоящая жизнь есть, можно сказать, только приготовительная школа к тому небесному училищу, где приобретенные здесь познания о Боге будут умножаться и усовершеншаться до бесконечности, когда узрим Бога не *яко зеркалом в гадании*, как ныне, но *лицем к лицу* (1Кор. 13:12).

И вот единственная наука, познание которой, ко благу нашему, перейдет с нами в вечность, как наука о вечном Боге, тогда как сведения, приобретаемые нами, с тяжкими иногда трудами, в других науках, если они только не прививаются, так сказать, к истинному боговедению, часто годны бывают лишь для одной настоящей жизни, как и самые предметы сих наук.

Если же так важно приобретение надлежащих познаний о Боге, если оно даже составляет непременную обязанность всякого последователя Христова, то раскрыть и уяснить для себя черты этой важной, священной обязанности нашей должно быть близко к сердцу каждого из нас.

Кто верно исполняет эту обязанность, тот *мыслит* о Боге, *говорит* о Боге, и *живет* в Боге: вот три стороны, из которых представляется нам образ истинного христианина, с полным усердием упражняющегося и преуспевающего в богопознании.

1. Благодаря попечениям святой Церкви, богоучрежденной наставницы нашей в деле христианского боговедения, нет, можно сказать, между нами человека, который бы не имел более или менее достаточного познания о Боге. Но в чем самое первое отличие христианина истинно богомудрого? В том именно, что у него познание о Боге, или лучше сам триединый Бог составляет предмет постоянного и непрерывного его размышления.

Святые истины христианского учения, или, по выражению божественного Павла, *слово Христово* не остается для него чем-то внешним, но *вселяется* в него *богато* (Кол. 3:16), обитает в нем, живет и действует так, что если, кроме того, дается место в душе его и другим мыслям, чувствам и желаниям, то как гостям только и пришлецам, на время, по нужде. А постоянный обитатель и господин в душе мудрого христианина – это высокий помысл о Боге! „О Боге должно чаще вспоминать, – сказал св. Григорий Богослов⁴, – нежели дышать, и если можно, этим только и заниматься”. Так всегда и действует истинно боголюбивая душа христианская!

Обращается ли богомысленный человек к слову Божию, в котором он поучается день и ночь? Здесь, можно сказать, каждая *иота*, раскрывает ему высокие истины богопознания. и внушает глубокие мысли о Боге.

Устремляет ли он свой умственный взор, просветленный божественным Откровением, на видимую природу? Здесь, не только небеса с их величественными светилами, и земля с ее дивными произведениями, *поведают ему славу Божию* (Пс. 18:2); не только великие явления природы, то грозные и поразительные, то благотворные и восхитительные, вещают ему о всемогущем, премудром и всеблагom Владыке твари: но и самые, по-видимому, ничтожные вещи, самые малоприметные явления возбуждают в нем мысли о Творце и Промыслителе!

Обращает ли свое внимание богомудренный христианин на себя самого? – Здесь не только в важнейших событиях собственной жизни усматривает он дивную, промыслительную руку Отца небесного, но и всякий ежедневный, самый незначительный случай рождает в его душе представление о Боге. Нередко, первый попавшийся ему на встречу предмет, и даже самое простое слово, произнесенное кем-нибудь случайно, говорят ему о Боге и о судьбах правды Его, а тем самым увеличивают его духовное, собираемое от мира, сокровище, которое у него и всегда и везде есть Бог и Господь. (Таково „Сокровище» святителя Тихона Задонского)!

Что же такое мысль истинно благочестивого христианина? Это чистый луч солнца, который каких бы ни касался предметов,

не сливается с ними, но, непрестанно отражаясь, как бы возвращается к тому светилу, из которого истекает, как из своего первого начала. Это чистое, непрерывно пылающее пламя, которое, чем бы ни было питаемо, всегда стремится горé. Это благовонное кадило, которое, будучи воскурено, неудержимо стремится к небу, и, как святая жертва, непрестанно возносится, в благоухании, к Престолу Всевышнего. Такова мысль душ истинно богомудренных!

Явно, что она есть плод не одного только озарения ума светом божественной истины, но и согреяния сердца теплотой любви божественной. У людей истинно благочестивых, сколько чист, светел и возвышен ум, столько же свято и чисто сердце. Ибо сам Господь блаженство созерцать Бога обетовал только *чистым по сердцу* (Мф. 5:8). Только *любяй – знает Бога, яко Бог любви есть* (1Ин. 4:7,8), засвидетельствовал св. Иоанн Богослов. И свидетельство его верно; потому что и сам он, как воспевают ныне Церковь, токмо „полн сый любви, полн бысть и богословия”.⁵

И если люди, душевно преданные богопознанию, непрестанно стремятся к Богу мыслью, то потому именно, что и сердце их обрело в Боге свое сокровище, по слову Господа: *идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6:21). Или лучше, истинные христиане пребывают мыслью в Боге, потому что Бог пребывает в их сердце (1Ин. 4:17). „Всякая богомысленная душа, – говорит св. Ефрем Сирин⁶, – есть храм Его, а сердце – священный жертвенник; здесь Ему приносятся жертвы, здесь Дух Святой присутствует и, как священник, совершает святое служение!” Такова душа истинно христианская!

А когда душа полна мыслью о Боге и чувством Его вездеприсутствия и благодатного на нас действия, то это не может не выразиться и в словах, и в действиях или в жизни.

2. *От избытка сердца и уста глаголют* (Лк. 6:45). Вот почему всякому христианину богомысленному, для которого Бог становится *Богом сердца* (Пс. 72:26), сладко и говорить о Боге. Принося Ему в дар свои мысли и чувствования, богомудрый христианин посвящает Ему же, Триединому, и дар своего слова.

Вечер и заутра, и полудне возвещает он имя Господне (Пс. 54:18). Он точно исполняет заповедь Боговидца, да возглаголеши о них (т.е. о словах благочестия, о Господе Боге), сидя в доме, и идый путем, и лежа, и состоя (Втор. 6:7). Он со всеми желал бы поделиться тем пребожественным сокровищем, которое наполняет его душу и дарует ей блаженство ангельское.

Такова была ревность к благочестивым беседам о Боге и у первенствующих христиан. В первые века, в те богосветлые дни христианства, эта благочестивая ревность одушевляла людей всякого возраста и пола, проявлялась во всякое время, во всех местах. Не только во св. храмах, в церковных собраниях, но и на пути сопровождало христиан слово о Боге. Девы и рабыни, занимаясь домашними работами, рассуждали о Боге. Ни жестокость мучения, ни узы темниц, ни различные роды смерти не могли заставить в те времена верующих прекратить взаимные увещания словом Божиим и беседы об Отце небесном.⁷

Но истинный христианин всегда таков. На всякий случай побеседовать с кем-либо о Боге он смотрит, как на особенный дар, исходящий от Отца светов. Слово о Боге входит во все беседы его; каждая речь Его одушевлена понятием о Боге, освящена именем Божиим!

При всем том, богомудрый христианин всегда помнит и тщательно наблюдает правило, преподанное св. Григорием Назианзином,⁸ в изобилии стяжавшим дар богословствования; именно, что „не для всякого (вполне) возможно богомудрствовать о Боге“, или упражняться в высших богословских умозрениях и беседах; „и притом должно беседовать о Боге в известное время, пред известными людьми, в известной мере“.

«Не для всякого: потому что дело сие возможно только для опытных, преуспевших в созерцании, и прежде всего очистившихся и по душе, и по телу, или по крайней мере старающихся очищать себя. Ибо, нечистому, может быть, и небезопасно касаться чистого, подобно как слабому зрению – луча солнечного».

«В известное время, – тогда, то есть, когда мы бываем свободны от внешней нечистоты (всего плотского) и смущения, и когда наш вождь (ум) не смешивается с худыми и блуждающими образами (тленных вещей), как бы смешивались прекрасные письма с худыми, или благовонное миро с отребьем». Или другими словами: тогда как ум наш, освободившись от внешней темноты, не блуждает ощупью между временным и вечным, между вещественным и духовным; но, воспарив над всеми низшими побуждениями человеческой природы, устремляется к источнику истинной мудрости – к богопознанию.

«Пред известными людьми, именно пред теми, которые занимаются сим делом с важностью, с должным благоговением, а не пустословят о нем для одной забавы, как о предметах неважных, – как обо всем другом, – стараясь находить удовольствие и в том, чтобы пустословить и препираться о высоких божественных предметах!»

И наконец, в собеседованиях о Боге „должно касаться только того, что для нас постижимо, и в такой мере, до какой простирается сила разумения (и наша и наших) слушателей”.

Этими-то мудрыми правилами ограничивается пламенное желание богомысленного человека, всегда и везде мудрствуя, разглагольствовать о Боге.

Но во всяком случае, „истинно богословивый язык, добропишущий разумение богословия истинное”, как выражается Церковь о св. Иоанне Богослове⁹ – этот язык весьма далек от того, чтобы, произнося достойное имя Бога, и освящаясь этим именем, мог произносить затем слова недостойные, которые осквернили бы его. Богомудрый христианин так рассуждает: „непристойно нам тем самым языком, которым благословляем Бога и Отца, злословить человеков, созданных по подобию Божию. И как могут от одних и тех же уст исходить благословение и клятва? Не подобает сим тако бývати. Еда ли источник от единого устия источает сладкое и горькое (Иак. 3:8 – 11)?“

Рассуждая таким образом, богоразумный христианин всегда говорит так, что каждое слово его столь чисто и свято, как бы

оно произносилось при видимом присутствии самого Бога! Посему-то никакое *гнилое слово* никогда не исходит из его уст; но точною еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащим (Еф. 4:29)!

3. Но тем более открывается достоинство истинно богомысленного и преуспевающего в богопознании христианина в его жизни! Чей ум и сердце преисполнены мыслью о Боге и живым чувством вездеприсутствия и благодатного действия Его на нас, того и воля не может не пребывать в Боге. Все его существо, весь *живот* его *сокровен* в Боге. Такой человек, можно сказать, только телом еще остается на земле, а душа его на небе, – предстоит престолу Божию.

Оттого вся жизнь озаренного светом истинного богоразумия человека есть, именно, непрестанное служение Богу. Он, по выражению св. Писания, *ходит пред Богом* постоянно, и не сделает ни одного шага без полной уверенности, что поступает совершенно по воле Божией.

Как у людей небогомысленных даже духовные дела оскверняются плотскими, нечистыми побуждениями, так у человека истинно богомудрого самые телесные действия возвышаются до высоты и святости дел духовных, по слову Писания: *аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1Кор. 10:31).

Такая тщательность к богоугождению есть самый естественный плод богомысленного ума и боголюбивого сердца. Живая мысль о Боге и Его вездеприсутствии – есть прекрасный цвет, из которого не может не произрасти спасительный плод благих дел. У всякого истинного христианина каждая мысль о Боге, каждое чувство, посвященное Богу, возбуждаясь при одном даже воззрении на тот или другой предмет, обращается для него в правило жизни, в закон деятельности.

И не потому ли о святых мужах, всегда пребывавших в богомыслии, или изучавших священнейшую науку богопознания не одним лишь обыкновенным изучением умственным, а своей собственной жизнью, говорится, что они поучались *в законе Господнем* непрестанно?

Так некогда один из богомысленных, хотя и „некнижных“ людей, св. Памва – сознавался, что он девятнадцать лет изучал один только стих божественного Писания: *рех, сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим* (Пс. 38:2), – потому именно, что старался осуществить этот опыт истинного богопознания в своей собственной жизни, чтоб быть сведущим в истинах богопознания не на одних только словах, но и на самом деле.

Вот к чему клонятся все умственные подвиги верных слуг Божьих! К тому именно, чтобы изучить весь круг богопознания самым делом, – осуществить Его в собственной жизни! Они горят желанием всю жизнь свою, и все существо свое посвятить всецело Богу, к которому непрестанно стремится весь ум, в котором непрерывно живет их сердце.

И – благ Господь всем призывающим Его во истине! – сии благословенные рабы Господни достигают, наконец, до столь высокой степени преуспевания в деятельном богопознании и богочтении, что одни только узы смертной плоти отделяют их от преискреннейшего единения с Богом триипостасным! Тогда-то у истинно богопросвещенного христианина раздается самое пламенное *желание* – *разрешиться* от этих уз, чтобы вечно быть с Богом в теснейшем союзе (Флп. 1:23)!

Это желание есть, можно сказать, не что иное, как тайное чувство (тайное, потому что человек богомудрый не замечает своих совершенств), чувство того, что он уже созрел для высшего небесного училища боговедения и боговидения, – что после того, как он еще здесь временно удостоивался быть собеседником Ангелов, уже может быть и постоянным их соучеником в богопознании, как присный небожитель.

И вот, когда по воле Божией, узы плоти расторгаются, богомысленная душа воспаряет горе, и предвкушает блаженство вечного единения с Тем, Кого жаждала, к Кому стремилась, о Ком беседой услаждалась (Пс. 118:103), для Кого жила и действовала во все время земного странствования!

Таково назначение истинного христианина, усердно упражняющегося и постепенно преуспевающего в богопознании! Таковы черты его!

Таковы, братья, должны быть и все мы, призванные во Христе к тому, *да познаем Бога истинного, и да будем во истинном Сыне Его Иисусе Христе*, как истинном Боге и животе вечном (1Ин. 5:20)! Но таковы ли мы на самом деле?

Ах, братья, может быть, совесть каждому из нас скажет, что не таков наш ум, омраченный непрестанным помышлением о суетных и тленных вещах; не таково наше сердце, на жертвеннике которого пылает чуждый огонь любви не к Творцу и Богу, а к тварям; не таков наш язык, быть может, слишком чуждый истинного богоразумия; не такова наша и воля, если она пресмыкается долу, в делах бесплодных и безместных!

Но, нет ли и для нас недостойных средства стяжать дар истинного богопознания, столь необходимого не только для настоящей, но и для будущей, и особенно для будущей жизни? Как и нам усвоить себе черты истинно богомудрых христиан, столь светлые и возвышенные? Как приобрести и нам эту высокую божественную премудрость боговедения?

Да просим, – по совету богодухновенного Апостола, *да просим от дающего всем Бога, – и дастся нам* (Иак. 1:5)! Усердная молитва – вот самое первое и самое наилучшее средство к тому, чтобы привлечь к себе благодать самого Всевысочайшего Наставника сей премудрости Божией, который есть Дух Святой, *уже вся испытует, и глубины Божия* (1Кор. 2:10). Он озарит наш помраченный ум, согреет и наше хладное сердце, освятит грешный наш язык, смягчит и управит к добру нашу волю!

И если мы хорошо молимся, то мы уже не только приобретаем, но и обнаруживаем в себе черты, свойственные христианам богомудренным. „Если ты истинно молишься, – сказал один св. Отец (св. Григорий Синаит), – то ты богослов, и если ты истинный богослов, то ты должен молиться!” Значит, если бы мы исполняли заповедь: *непрестанно молитесь* (1Сол. 5:17), то мы непрестанно упражнялись бы и преуспевали в богопознании, потому что как тот, кто пребывает в молитве, так и тот, кто упражняется в богомыслии, – равно возносятся к Богу своим умом и сердцем!

К кому же „по Бозе” приличнее всего прибегнуть нам ныне с молитвой о нашем вразумлении и направлении на путь истинного богопознания и богочтения, как не к возлюбленному ученику Христову, св. Апостолу Иоанну Богослову, яко первостоятелю всех истинных богословов, и всех православно богомудрствующих христиан?

Да воззовет же к нему каждый из нас усердно: Святый Апостоле и Евангелисте Иоанне Богослове! „Великая и божественная сияния богословия твоего всю просветиша, славне, вселенную, и светом трисолнечным озариша! Ты тело, душу и ум очистив, благовестил еси небесное Христово Евангелие”¹⁰ и „богословии твоими священными всяку напоил еси душу, священнопроповедниче Апостоле! Тем же ти зову: иссохшее сердце мое грехами, все напой¹¹ – светлыми и чистыми струями богоразумия!” Аминь.

О воцерковлении¹²

И егда исполнишася дние очищения Ею, по закону Моисеову, вознесоста Отроча Иисуса во Иерусалим, поставить Его пред Господом (Лк. 2:23,24).

Богоматерь, чистейшая солнечного света, без сомнения, не имела нужды в очищении, определенном для обыкновенных матерей. Первенец Приснодевы Марии, рожденный прежде веков от Отца безначального, не подлежал закону о поставлении пред Господом первенцев израильских.

Нет, это не есть обыкновенное „очищение” или посвящение Богу первенца: таинственный серафимский Угль, очистивший древле пророка Божия, приносится ныне славнейшею Серафимов, Богородицею¹³, как бы для предварительного поставления пред Господом в очистительную жертву за грехи людей, – прежде чем *принесется Сам Он в жертву непорочную* за мир, на жертвеннике крестном!

Что же значит убогая жертва, приносимая св. Обручником Пресвятой Девы, Иосифом, от лица Младенца Иисуса? „Супруг горлицищ” по гласу св. Церкви, „образует нескверную Церковь” Иудейскую „и от язычников новоизбранных людей”, имеющих соделаться достоянием Христа Спаса; „два голубиных птенца” служат здесь как бы видимым знамением того, что Младенец Иисус есть „Начальник ветхого же и нового завета”¹⁴ которого, „как супруг горлиц или двоица птенцов голубиных”, сретают в иерусалимском храме „божественный старец, удостоившийся принять в свои объятия Свободителя душ наших, и целомудренная и преподобная Анна пророчица, священнолепно проповедающая всем Владыку” Господа!¹⁵

Братья христиане! Как отрадно, как утешительно вспомнить нам ныне, что вся эта многознаменательная тайна сретения Господня повторяется, некоторым образом, в жизни каждого из нас! И наши матери, по примеру Пресвятой Богородицы (какая высокая честь для матери христианки!), в сороковой день по рождении, приходят в церковь для принятия очищения, и особенно для того, чтобы, по выражению св. Кирилла

Иерусалимского¹⁶, „посвятить в дар Господу, как две горлицы, душу и тело” своего детища. Служитель алтаря Господня, подобно праведному Симеону, носившему на своих объятьях Божественного Младенца Иисуса, принимает на свои руки всякого четырехдесятидневного младенца, „принесенного” в церковь – „явится всех Творцу и Владыке всесильному”, поставляет его пред Господом и благословляет Бога молитвой Богоприимца.

И с этим действием соединено весьма важное событие в нашей жизни, – именно, окончательное „сопричтение к святому стаду словесных овец, нарицающихся именем Христа”¹⁷ – торжественное введение в святую Церковь, или одним словом „воцерковление”. Это событие столь важно в нашей жизни, что мы, во все течение ее, должны бы непрестанно памятовать о нем и воспоминать с глубокой благодарностью к Богу, как о великом и поучительном для нас благодеянии Божьем. Между тем, должно сознаться, весьма нередко мы совершенно забываем о нем, будто о неважном каком-нибудь обряде церковном, так что и самое наименование „воцерковления” для многих невразумительно и малоизвестно!

Посвятим же несколько минут на то, чтобы утвердить в себе мысль о важности воцерковления, – воскресить в памяти самые действия этого священного обряда, и вместе вникнуть кратко в их значение, и наконец, заметить хотя некоторые назидательные истины, которым они поучают нас. Если когда, то особенно ныне, празднуя то евангельское событие, „егоже мы вернии подражание благодатью держим” именно в обряде воцерковления, прилично нам размыслить об этом предмете.

1. Господь Бог, создав человека, ввел его в рай сладости (Быт. 2:16). Так и после того, когда младенец возсозидается в бане пакибытия, во святом крещении, по благодати того же Бога, он вводится в „Церковь”, которая по словам святых Отцов, „есть живой, Богом насажденный на земле, рай”. Как вы думаете, братья, не было ли важно для нашего праотца введение его в рай эдемский, – не памятовал ли он о нем во всю жизнь свою? Без всякого сомнения! Как же не считать нам

весьма важным нашего введения в рай церковный, и как не благодарить Бога при каждом воспоминании об этом событии?

Посвящение Богу первенцев израильских было, в некотором смысле, памятником того, каким чудесным образом ввел Господь израильтян в землю обетованную (Исх. 13:11). Так и поставление пред Богом воцерковляемых младенцев, как духовных первенцев – возлюбленнейших чад Богу о Христе Иисусе, есть не только памятник, но и „начало вводиться в Церковь”, – в эту, по выражению святителя Димитрия Ростовского¹⁸, „обетованную землю, кипящую млеком и медом (Исх. 3:8), то есть обильную учениями Пророков, Апостолов и святых Отцов наших”.

Крестившись в Моисея, в водах Чермного моря (1Кор.10:2), израильтяне сорок лет странствовали по пустыне, пока удостоились вступить в священное наследие обетований Божьих. А каждый из нас, братья, крестившись во имя Пресвятой Троицы, не далее, как чрез сорок дней после рождения, вступает в новоблагодатную землю – Церковь Божию, и сонм верующих уже спешит „радостно встретить новопросвещенного как брата, возвратившегося из дальнего странствования”¹⁹. Не есть ли это видимый залог особеннейшего благоволения к нам Божия, и не тем ли более должно быть важно для нас вступление во святую Церковь?

Самое таинство святого крещения есть необходимое условие к принятию воцерковления, подобно тому, как и обрезание должно было запечатлеть всех, вступавших в землю обетованную (Нав. 5:3).

Посредством святого крещения, мы делаемся живыми членами „Церкви, сего таинственного тела Христова (Еф. 1:23)“, – по изречению св. Василия Великого²⁰, – до бесконечности исполненного всех благ и благословений”.

А чрез воцерковление вводимся как бы в действительное обладание²¹ теми небесными сокровищами, которыми изобилует святая Церковь!

Отсюда сама собой открывается важность священного обряда воцерковления. Но эта важность еще яснее откроется

нам, когда обратим внимание на самые действия, из которых состоит воцерковление, и рассмотрим вкратце их значение.

2. Еще в притворе храма, мать с младенцем сретается священнослужителем. Еще здесь священник Божий принимает на руки новопросвещенного младенца, и таким образом он переходит из рук одной матери, родившей его по плоти, в объятия другой, „святой матери нашей Церкви”, возродившей его духовно в „крестительной купели”: той матери, „которой глас, – яко глас горлицы, пекущейся о чадах; которой уста изливают миро апостольских учений; которой очи – вера истинная и надежда несомненная на Бога” – прозревают тайны мира невидимого; „которой руки искапают смирену благодворения и человеколюбия; которой два сосца суть два Завета, – ветхий, Пророками возвещаемый, и новый, Апостолами проповедуемый²²”, той матери, которая (по словам св. Киприана)²³ „заключает в своих объятиях всех верующих, как бы одно единоедушное тело”, точно так, как воцерковляемого младенца заключает в своих объятиях священнослужитель, – той матери – „Церкви”, которой если „кто не признает матерью, не может иметь Бога Отцом!” Приняв младенца от матери на свои руки, служитель Церкви начертывает им пред вратами храма крест святой, как спасительное орудие, отверзшее врата рая, и возглашает: „воцерковляется раб Божий – во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.... ” Потом вводит его в храм, глаголя: *внидет в дом Твой, поклонится, ко храму святому Твоему (Пс. 5:8)*. Таким образом, действием воцерковления, прежде всего отверзается человеку вход в святой храм, место особенного таинственного присутствия Бога триипостасного, где по преимуществу возвещается слово Божие, совершаются таинства и общественные молитвы.

Но тут же вводится новопросвещенный христианин и в таинственный дом Божий, яже есть Церковь Бога, жива (1Тим. 3:15), „которой основание – сам Христос, стены – закон Божий, столпы – Апостолы, евангелисты, учителя, покров – Дух Святой” (слова св.Димитрия Ростовского²⁴). Для верующих нет другого дома, говорит св. Киприан²⁵, кроме единой Церкви. О сем-то доме, о сей-то обители единомыслия предвозвестил Дух

Святой в псалме: *Бог вселяет единомысленныя в дома* (Пс. 67:7), – в дом Божий, в Церковь Христову. Здесь же, при введении в храм видимый, вселяется новый член Церкви и в храм духовный, которого *камение живо*, все верующие (1Пет.2:5), *наздани на основании апостол и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу: о Немже всяко создание составляемо растет в Церковь святую о Господе, – в жилище Божие Духом* (Еф. 2:20–22).

И вот, входит затем иерей Божий с воцерковляемым младенцем на средину храма, снова восклицает: „воцерковляется раб Божий...” и присовокупляет: *посреде Церкви воспоет Тя!* (Пс. 21:23) Эти слова псалмопевца придают здесь особенное, высокое значение совершаемому при них священнодействию, – не только сами по себе, но и потому, что они прилагаются к тому *Первородному*, которого сам Бог Отец *ввел некогда во вселенную*, то есть – к самому Иисусу Христу: *Святый бо, говорит Апостол, и освящаемы от единого вси: еяже ради вины не стыдится братию нарицати их, глаголя: возведу имя Твое братии Моей, посреди Церкви воспою Тя* (Евр.1:6, 2:11,12)... Этим действием воцерковления новорожденный поставляется среди сонма избранных Божиих, сынов новоблагодатного царствия, наследников Богу, сонаследников Христу, – поставляется среди них, как среди братьев и присных по вере, для того, чтобы вместе с ними и, *с ополчающимися окрест их* (Пс. 33:8), *ликама безплотных певцов, славил и воспевал он Господа и Бога, дондеже есть* (Пс. 145:2), – *дотоле, пока эти временные славословия, или прославления Бога в душах и телесех* (1Кор. 6:20), не заменятся (по выражению св. Григория Богослова)²⁶ как „предначинательный гимн, будущими“, вечными, небесными, „хвалебными песнопениями!”

Наконец, вводит слугитель Божий новопросвещенного младенца пред двери алтаря, и в третий раз возглашает: „воцерковляется раб Божий...” И вводит его „во святой жертвенник”, – самый алтарь святой, если младенец мужского пола, или – до царских врат, если женского (так как совершение церковного богослужения возлагается собственно только на

мужей: 1Кор. 11:4, 14:34,35). Этим действием воцерковления новопросвещенный некоторым образом сопричисляется к сонму самих священнослужителей. Здесь-то особенно открывается, что все верующие – *святительство свято, царское священство* (1Пет. 2:5,9), – все, в духовном смысле, *цари и иереи Богови* (Откр. 5:10).

Но предстание новопросвещенного младенца алтарю имеет еще и особенное значение. „То, что ты прямо после крещения должен будешь предстать пред великим жертвенником, – говорит св. Григорий Богослов²⁷ – есть предъизображение будущей славы“, имеющей открыться на небеси, в жизни будущего века. Итак, являясь во святой алтарь, как в самое небо, новопросвещенный христианин как бы предначинательно *приступает к Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и Церкви первородных, на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных* (Евр. 12:22)... Здесь как бы показывается человеку, куда наконец имеет привести его руководство Церкви, сущей на земле!

Взглянем еще раз мысленно на служителя Церкви святой, сохранный на своих руках воцерковляемого младенца, и постепенно переходящего с ним из одной части храма к другой, имеющей высшее назначение и знаменование. Это живое изображение того, как святая Церковь, подобно заботливой матери, как бы носит на руках своих каждого человека, – возводит его от силы в силу, *преобразует от славы в славу*, – дотоле пока не введет его, как любимое, покорное ей, чадо в небесное Святое святых, пока не дарует ему Господь – *взирать откровенным лицом славу Господню* (2Кор. 3:18), в Церкви торжествующей, на небесах! С другой стороны, поучительно для нас то, что священник, при воцерковлении, почти не останавливается с младенцем на одном месте, но все стремится вперед.... Не ясно ли представляется чрез это воцерковляемому, что он делается членом Церкви воинствующей, – что мы, верующие, *не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем* (Евр.13:14), и потому должны, забывая задняя, непрестанно *простираются в*

предняя, со усердием гоня к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе (Фил. 3:13,14)?...

Когда новорожденный и нововозрожденный удостоился поклониться алтарю Господню, над ним уже совершенно воцерковление: он уже окончательно „сопричтен к Божьему, святому стаду словесных овец, которым принадлежит наследие небесного царствия”; и тогда-то уже священник, принося благодарение и хвалу Богу, возглашает песнь Богоприимца. И эта песнь имеет здесь особенное значение:

„Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром”, – говорит иерей от лица воцерковленного, и как бы такие слова влагает ему в уста: *«яко видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей (Лк. 2:29), а путь и средства к достижению сего спасения предоставил единой, святой, православной Церкви, да в ней, якоже во дни Ноевы в ковчеге, обрящем единственно верное пристанище²⁸ – от потопления в волнах житейского моря, воздвигаемого напастей бурю! Со вступлением в сию священную ограду святой православной Церкви, открывается очам моим и истинный свет, воссиявший с небесе во откровение Тебе, истинного Бога, всем племенам и языкам. Ибо, „святая Церковь” Твоя, Господи, „есть светило, по всему земному кругу распространяющее лучи свои, – седмисвещный светильник, сияющий” светом Твоим, „светом Христовым; и потому, удаляющиеся от ее учения, поистине, подобны слепым, коих водят слепые же: всегда ища и никогда не находя истины, они впадут в яму, изрытую их невежеством!”²⁹ – Здесь, и только здесь, в недрах святой православной Церкви, возмогу зреть и славу людей Твоих, нового Израиля, – в недрах той Церкви, которую Ты, Христе, до того возлюбил, что Себе предал за нее, да представишь ее Себе славну Церковь (Еф.5:27), – той „Церкви, которая Тебе, Спасителю нашему обручена, Ангелами почтена, Пророками украшена, Апостолами прославлена, Мучениками и Исповедниками вознесена, ей же Ты, Господи, небесный чертог уготовал!»³⁰ О, благословен буди, Господи Боже, сподобивший меня узреть стол дивную славу нового Израиля, свет небесный и спасение Твое! Отныне одного только*

осталось мне желать: чтобы и при моей кончине, засыпая сном блаженным в объятьях матери Церкви, мог я столь же радостно, как и при самом начале дней моих, воскликнуть: *ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром!*»

Благословив Бога молитвой святого и праведного Симеона, и тем как бы запечатлев священный обряд воцерковления, священник уже не возвращает воцерковленного младенца в руки матери (или восприемника), а „полагает его при дверях жертвенника“, пред Царскими вратами. Это значит, что отныне он уже есть достояние Церкви: троекратным действием воцерковления, при входе из притвора храма в самый храм, посреди церкви, и наконец, в алтаре, – посвящены на служение триединому Богу, под руководством Церкви, все три части его существа – дух, душа и тело. Телу – по преимуществу – принадлежит поклонение Богу, «богослужение внешнее: *внидет в дом Твой, поклонится ко храму святому Твоему* (Пс.5:8); душе – воспевание, или прославление Бога (Пс. 33:3, 103:1, 145:1): *воспоет Тя*; духу – служение Богу, принесение духовных жертв: *духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12:11)³¹! Об этом мы должны, братья, памятовать во всю жизнь. Этого, в особенности, не должны забывать родители при воспитании своих детей.

3. Нам остается еще, братья, заметить хотя некоторые назидательные истины, внушаемые нам уже предложенным размышлением, как о важности воцерковления, так и о значении действий, совершаемых в этом священном обряде.

Посредством воцерковления, мы вводимся во святую православную Церковь, как в рай земной. Вместе с этим внушается нам заповедь, весьма соответствующая той заповеди, которую получили наши прародители, как скоро поселились в раю эдемском. „Церковь подобно раю насаждена в этом мире“, говорит св. Ириней³². „Посему-то, *от всякого древа райского вкушайте*, говорит Дух Божий (Быт. 2:16), то есть, вкушайте от всего Божественного Писания; но не вкушайте от гордого разума, и даже не прикасайтесь никакому разномыслию еретиков. (Ибо они уверены, что сами имеют

познание добра и зла и возносятся гордым своим помыслом выше Бога, сотворившего их). *Не мудрствуйте паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12:3), дабы не быть вам изгнанными из рая жизни, в который Господь, возглавивший в Себе все, что на небе и на земле (Еф. 1:10), – ввел истинных последователей Своих”. Или иначе, мы должны помнить, что со вступлением в Церковь, мы посвятили премудрому Богу свой разум, который, в делах веры, непременно обязан, *плняясь в послушание Христово* (2Кор. 10:5), подчиняться руководству Церкви Христовой!

Через воцерковление мы вступаем в Божию Церковь, как в обетованную землю, *кипящую млеком и медом* (Иез. 20:6), то есть обилующую Божественными писаниями. *Возлюбим же, братья, всем сердцем, яко новорожденные младенцы, словесное и нелестное млеко* – учение святой православной Церкви, *яко да о нем возрастем во спасение* (1Пет. 2:2). *Истинные и оправданные судьбы Господни*, открываемые нам св. Церковью, да будут для нас *слаждша паче меда и сота* (Пс. 18:10,11)!

Через воцерковление мы введены как бы в действительное обладание теми *совершенными дарами, сходящими свыше* (Иак. 1:17), которыми от Отца щедрот облагодатствована Церковь Христова. И здесь-то наше сердце, жаждущее блаженства, может и должно находить удовлетворение своей неутолимой жажды. О, если бы наша душа была открыта для всех впечатлений, какие старается производить в нас святая Церковь! Тогда мы опытно познали бы, сколь *честная и великая обетования даровашася нам* (2Петр. 1:4); – тогда мы, истинно, *вкушали бы те блага, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1Кор. 2:9)!

При воцерковлении, святая Церковь, как „мать”, воспринимает нас в свои объятия, и, конечно, ни одна из земных матерей не печется о своем любимом детище с такой нежной заботливостью, с какой мать-Церковь, во все течение нашей жизни, от колыбели до гроба, печется о каждом из нас, устрояя наше временное и вечное благо! Возлюбим же святую мать нашу – Церковь тою же, или еще большею любовью, нежели

какова бывает любовь добрых детей к родной матери! Пребудем послушны ей во всем. Не скроем от нее ни наших радостей, ни наших печалей и скорбей. Всякую радость нашу она соделает *радостью святою*, печаль – *печалию по Бозе* (2Кор. 7:10), и в скорбях утешит нас, *якоже еще кого мати утешает* (Ис. 66:13), или еще более! – Впадет ли кто из нас в некое прегрешение? У матери-Церкви готово прощение от Господа: не умедлим испросить его! Внушит ли нам Бог предпринять какое-нибудь доброе дело? Поспешим принять из ее матерних рук благословение Господне! – Словом, будем всегда и во всем держаться материнского руководства Церкви подобно тому, как дитя не желало бы отстать от своей доброй матери ни на один шаг!

Действием воцерковления нам открыт вход во святой храм, – в сии *возлюбленные селения Господа сил, Царя нашего и Бога* (Пс.83:2) нашего! Вожделенно для всякого подданного иметь свободный доступ в чертоги Царя земного: но несравненно вожделленнее право посещать святой храм, посвященный страшному и славному имени Царя небесного. Не престанем же, братья, со всевозможным тщанием, пользоваться столь высоким преимуществом! *Сердце наше и плоть наша да возрадуются о Бозе живе, и да возвеселимся о рекших: в дом Господень пойдем* (Пс. 83:3, 121:1)!

Действием воцерковления мы поставлены, братья, среди сонма избранных Божиих. Не забудем же, что мы *сожителю святым и присные Богу* (Еф. 2:19); будем и сами *святи во всем житии, по звавшему нас Святому* (1Пет. 1:15): *потщимся известно наше звание и избрание творити* (2Пет. 1:10), *терпяще друг друга любовью, тщащся блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4:2,3)!

Действием воцерковления мы удостоились предстать и поклониться самому алтарю Господню, и чрез то некоторым образом сопричислены к сонму священнослужителей Божьих! Не престанем же, во всю жизнь свою, *возносить жертвы духовны, благоприятны Богу Иисус Христом* (1Пет. 2:5)! Принесем в жертву Богу *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно* (Пс. 50:19). *Представим и телеса наша жертву живу,*

святу, благоугодну Богови (Рим. 12:1). Да исправится молитва наша яко кадило (Пс. 140:2), молитва не только за себя, но и друг за друга (Иак. 5:16). Принесем выну жертву хваления и воскликновения Богу, – плод устен, исповедающихся имени Его (Евр. 13:15. – Пс. 26:6)! Не забудем благотворения и общения, как таких жертв, которыми преимущественно благоугождается Бог (Евр. 13:16)! Сии-то и подобные духовные жертвы обязаны мы приносить Господу Богу, как иереи Божьи, в духовном смысле!

*Мы предстали некогда, при воцерковлении пред великим, святым и пренебесным жертвенником и „в предъизображение будущей, небесной славы!“ Будем же непрестанно содержать в уме и сердце, что *наше истинное, нескончаемое житие – на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа* (Флп. 3:20)!*

*Наконец, мы заметили, что самый внешний, так сказать, образ совершения воцерковления, этого торжественного вступления нашего в недра святой православной Церкви, живо представляет нам, что мы (доколе живем на земле) – члены Церкви воинствующей, что мы *странники и пришельцы* (1Пет. 2:11), *и не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13:14). Будем же неослабно *подвизаться добрым подвигом веры* (1Тим. 6:12), *яко добрые воины Иисус Христовы* (2Тим. 2:3). Не пощадим никаких трудов и усилий для того, чтобы с каждым днем и часом – по мыслям, чувствам, желаниям, действиям – становиться все ближе и ближе к нашему горнему отечеству.*

Возлюбленные братья-христиане! Не употребим во зло столь многообразных средств к нашему спасению, открытых для нас в Церкви Христовой, к которой, по особенному благоволению к нам Божию, мы сопричислены; воспользуемся, сколько вместить можем, теми неоцененными благами, к обладанию которыми открыло нам вход святое крещение и последовавшее за ним священное воцерковление!

Если воспользуемся, как должно, то всеблагой Господь и глава Церкви удостоит нас некогда нового, блаженнейшего „воцерковления“, вожделеннейшего введения в Церковь, вечно

торжествующую на небеси: *сице бо обильно преподается нам вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (2Пет. 1:11).*

О, да сподобит нас сего блаженства благодать и человеколюбие Спасителя нашего, по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и всей святой, земной и небесной, Церкви! Аминь.

Постепенное раскрытие обетований и пророчеств о Христе Спасителе³³

Христос рождается, славите! Христос с небес, срящите!

Уже около пяти недель слух наш, возлюбленные братья-христиане, стал оглашаться сей священной песнью Церкви Божией. Православная Церковь столь благовременным, и столь многократно повторяемым благовестием желала сколько можно лучше приготовить нас к достойнейшему воспоминанию и празднованию того величайшего события, которого весь род человеческий ожидал со времен Адамовых, и к которому Бог многократно и многообразно приготавлиал людей более пяти тысячелетий!

В этом-то и открывается все величие сдвигаемого нами преславного Рождества Христова, и той безмерной милости к нам Божией, по которой мы удостоились торжествовать исполнение того, что прародители наши, святые праотцы и все ветхозаветные праведники *видели и целовали*, – радостно приветствовали только лишь издавеча (Евр. 11:13), хотя и для них, точно так же, как и для нас, то была единственная надежда спасения. Братья-христиане! Если когда, то особенно ныне, как бы в самом преддверии благознаменительного праздника Рождества Христова, воссиявшего миру свет разума, всего приличнее обозреть нам, хотя в кратком очерке, как этот свет постепенно воссиявал покрытому греховой тьмой роду человеческому – в постепенных откровениях об Искупителе, от первого обетования о Нем, и до самого явления Бога во плоти.

Подлинно, глубокая тьма объяла души прародителей наших, когда, быв увлечены *князем тьмы*, чрез обаяние змия искушителя, дерзнули они нарушить заповедь Божию! – Омрачился их ум, в котором родилась безумная мысль – укрыться от вездесущего Мздовоздаятеля; помрачилась их совесть, в которой невинность и правота заменились рабским страхом и лукавством; вся жизнь, ожидавшая их и все потомство их в будущем, представлялась им в самом мрачном и безотрадном виде; ибо после изнурительных трудов и тяжких

болезней, она неминуемо должна была оканчиваться смертью, и смертью вечной.

В этом-то всестороннем мраке, объявшем падших в грех прародителей, Господь Бог, по бесконечному милосердию своему, озарил их души и сердца первым лучем небесной надежды на избавление, – первым обетованием, или, как называют святые Отцы, первоевангелием о Христе Спасителе, возвестив осужденным, что *Семя Жены сотрет главу змия* (Быт. 3:15., с подл.), то есть, что Сын Девы победит царство дьявола, овладевшего человеком.

Поняли всю важность этого утешительного обетования наши прародители; и оно было для них столь вожделенно, что, желая в самом первенце своем видеть обетованное Семя, наименовали его *Каином*, то есть *приобретением от Бога*. Хотя вскоре и увидели они свою погрешность, и потому второго сына своего назвали *Авелем*, что значит *плач*; но это, без сомнения, только усилило их желание и ожидание Исккупителя. Ах, они не ведали, что еще родятся и исчезнут с лица земли миллионы их потомков, пройдут тысячелетия, пока родится Обетованный!

Не ведали, а потому и ближайший потомок их, Ламех, тоже надеясь увидеть в сыне своем обещанное успокоение людей, назвал его *Ноем*, то есть, *успокоением*, – *глаголя: упокоит нас от дел наших, и от печали рук наших, и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. 5:29).

Сам Ной уже прозорливее выразил свою веру и надежду – в благословении, данном *Симу*, и из трех сынов своих, его назначил уже не обетованным, а только родоначальником обетованного Семени. *И рече: благословен Господь Бог Симов, – да распространит Бог Иафета, и да вселится в селениях Симовых* (Быт. 9:26,27).

Нельзя не заметить и того, что при всей таинственной неопределенности первого обетования о Спасителе, данного прародителям, Богу угодно было пролить на него и некоторый особенный свет, представив им и прообраз будущей спасительной смерти Исккупителя, – *в жертвах*, которых употребление видно еще в семействе Адамовом. И

сокровенный смысл сего прообраза, если и не был постигаем их разумом, то, без сомнения, был доступен их вере, как и говорит Апостол: *верую множайшую жертву Авель паче Каина принес* (Евр. 11:4).

Греховная тьма, особенно открывшаяся в Каине, и от него распространившаяся на все потомство его, обуяла весь мир допотопный крайним нечестием и безбожием, так что свет веры в Бога и Христа едва сохранился в семействе Ноя. – За то и одно лишь семейство Ноя спаслось тою же верой, тогда как все тогдашнее человечество погибло в волнах потопа.

Новый мрак идолопоклонства распространился в самом потомстве Ноя, или лучше в потомстве злонравного сына его, Хама; и свет обетования Божия о Христе Спасителе, казалось, снова был в опасности, померкнуть! Но то был свет, который *и во тме светится, и тма его не объят* (Ин. 1:5).

Не обуяла тьма язычества столь вожделенного света; но по чудному промыслению всеблаготворного Бога, в сии несчастные времена он еще более прояснился. – Ибо, для сохранения истинной веры и начатков Церкви Христовой, Бог отделил из всего рода человеческого одно племя Авраамово, и дал Аврааму обетование, что именно от него произойдет то Семя, или тот Божественный Потомок, о котором *благословятся вся племена земная* (Быт. 12:3, 18:18, 22:16–18, см. Гал. 3:16).

Аврааму же, в яснейшем виде, указан был и прообраз Икупителя, предающего самого Себя в жертву за род человеческий, – в сыне его, Исааке, когда, по повелению Божию, он, имея обетования, приносит в жертву единородного (Евр. 11:17)! И как радостно было для сего отца верующих созерцать живой образ спасительной смерти и живоносного воскресения Икупителя, засвидетельствовал сам Он, Господь наш Иисус Христос, говоря: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой, и виде, и возрадовася* (Ин. 8:56).

Обетование, данное Аврааму, о благословении всех народов земных, чрез его во веки благословенного Потомка, преемственно повторено было преемникам его веры, сыну и внуку, Исааку (Быт. 26:4) и Иакову (Быт. 28:14). Чрез Иакова же Господь Бог озарил новыми и разительнейшими лучами

благодатное обетование о Христе, в точнейшем указании рода грядущего Икупителя, времени Его пришествия, цели явления Его в мир, и обращения к Нему язычников. – Потухающий взор умирающего патриарха прояснен Божиим светом, и он, благословляя сына своего Иуду, изрек: *не оскудеет князь от Иуды, и вождь от чресл его*, то есть не прекратится власть верховная в колене Иудином (и она не прекратилась до времен Рождества Христова), *дондеже приидут отложенная ему*, то есть, пока не придет Примиритель, *и Той чаяние языков* (Быт. 49:10).

Новый свет для веры во Христа открылся во времена Моисея. – Моисей предрек о грядущем Икупителе, что Он будет Пророк, подобный ему: *Пророка от братии твоя, якоже мене, воздвигнет тебе Господь Бог твой. Того послушайте* (Втор. 18:15, 18,19).

Но не только в лице самого Моисея, пророка и боговидца, и вместе – законодателя, посредника между Богом и людьми, и избавителя своего народа, верующие израильтяне могли видеть живой образ пронареченного им Христа Спасителя, которого небо хранило в себе *даже до лет устройства всех* (Деян. 3:21)! Для утверждения своей веры в Обетованного, народ Божий, во времена Моисея, был озарен множеством прообразований будущих времен Икупителя. – Изведете сынов Израиля из Египта, из дому работы; пасхальный агнец, и своей непорочностью, и обрядами при вкушении его, и особенно своей кровью, спасавшей израильтян от ангела погубляющего; переход по сухому дну Чермного моря, действием крестообразного начертания жезлом; манна, хлеб ангельский, сшедший с неба; вода из камня, составлявшая для верующих питье духовное, *от духовного последующаго камене* – Христа (1Кор. 10:4); медный змий, вознесенный на древо во спасение взиравших на него с верой в Господа, от уязвления змиев смертоносных, и, наконец, вообще вся судьба израильтян в те времена: все это имело, по слову Апостола, смысл прообразовательный: *вся сия, говорит он, образи прилучахуся онем* (1Кор. 10:11). Особенно же, весь обрядовый закон Моисеев, во всех своих обрядах жертвоприношений, очищений,

окроплений, праздников, по слову Апостола, как не заключал в себе *самого образа вещей* божественных, то имел только *сень грядущих благ* (Евр. 10:1), то есть, событий новозаветных; все это было тенью будущего, а телом во Христе (Кол. 2:17)!

В сии-то столь обильные преобразованиями времена, в сени и гаданиях времен подзаконных, и вне Церкви израильской уже довольно светлое пророчество изречено устами Валаама: *возсияет звезда от Иакова, и встанет человек от Израиля, и обладает языки многими, и возрастет царство Его; благословящий Его, благословени, и проклинаящий Его, прокляти* (Числ. 24:3–9, 15–17).

С течением веков, все более и более проясняясь, в таинственном сумраке времен ветхозаветных, благовестие о грядущем Икупителе является как бы полным сиянием луны в богодухновенных псалмах царя Давида; а вызванный Богом, в последующие времена, целый сонм Пророков, как светоносный лик звезд небесных, до того озарил души верующие, и столь многоразличными чертами прояснил откровение о Христе, что, подлинно, ничего уже более не оставалось, как только ожидать утренней зари, полного рассвета, появления самого *Солнца правды*, Христа и Бога, – как это выразил св. апостол Петр в своем послании братьям, уверовавшим из иудеев: *и имамы известнейшее пророческое слово, емуже внимающе, якоже светилу сияющу в темном месте, дóндеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших* (2Петр. 1:19).

После того, как из обетований Божьих, данных Аврааму, Исааку и Иакову, уже известно было избранному народу, что Христос от них имел произойти по плоти; после того, как в частности, по откровению Божию, патриарх Иаков предсказал, что из числа двенадцати сынов его, собственно из колена Иудова произойдет Мессия: сыну Иессея, царю Давиду Бог указал, еще частнее, ту отрасль колена Иудова, от которой должен был родиться ожидаемый веками Избавитель, – открыл, что обетованное Семя, которого престол будет управлен до века, которому Бог будет во Отца, и который Богу будет в Сына, произойдет именно из рода Давидова (2Цар. 7:12–19. Пс. 88:29–38).

Озаренный Духом Божиим, богоотец Давид провидит в сем благодатном Семени своем, и обетованном Искупителе, своего Господа, сидящего одесную Бога: *рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Пс. 109:1), и, в духовном восторге, взывает к Нему: *престол Твой Боже, в век века; жезл правости, жезл царствия Твоего. Возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой, елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44:7,8).

Сей-то Господь, сидящий одесную Господа, Бог, помазанный от Бога, Сын Божий, рожденный от Отца предвечного прежде денницы (Пс. 2:7, 109:3), прежде всех веков, – в пророческих созерцаниях, изображенных псалмопевцом, то изъявляет Богу Отцу готовность принять *тело*, для принесения Себя в жертву за человеков, – благоприятнейшую паче всех жертвоприношений и всесожжений прообразовательных (Пс. 39:7), как вечный Иерей по чину Мелхиседекову (Пс. 109:4): то предуказывает своего предателя, ядущего с ним хлеба, и поднимающего на него пядь (Пс. 40:10, 108:4), и лжесвидетелей на суде беззаконном (Пс. 84:11); то, предъизображая Себя терпящим, за спасение мира, неописанные страдания, вопиет к Отцу небесному: *Боже, Боже мой, Вскую Мя оставил еси* (Пс. 21:2)? и, предрекая будущее, как уже сбывшееся, (сбывшееся у креста), взывает: *сонм лукавых одержаша Мя! Ископаша (то есть, пронзили) руце мои и нозе мои, исчетоша вся кости моя; разделиша ризы моя себе, и о одежде моей меташа жребий* (Пс. 21:17–19); *и даша в снедь мою желчь, и в жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. 68:22); *вместо еже любити мя, оболгаху мя, покиваша главами своими* (Пс. 108:4,25)! То предсказывает Христос устами Давидовыми Свое сошествие во ад, и – что не останется там душа Его, и не увидит истления, но что воскреснет Он (Пс. 15:10. Деян. 2:30), – со славою вознесется на небеса, как Царь славы и Господь сил (Пс. 23:7,10), и воссядет одесную Отца (Пс. 109:1); а *возшедши на высоту* небес, примет и будет разделять дары человеков (Пс. 67:19). Затем, псалмопевец пророчески взывает к народам и царям земным, почто восстают они тщетно против Господа и Христа Его (Пс. 2:1. и д.), –

призывает всех израильтян обратиться к Богу Спасителю (Пс. 94:1), предъизображает распространение евангельской проповеди, – как во всю землю изыдет вещание и в концы вселенныя глаголы провозвестников ее (Пс. 18:5), как, пренебреженный зиждущими, камень соделается во главу угла (Деян. 4:11), – основанием Церкви вселенской, и как сему основанию или главе ее, Христу не только поклонятся все Ангелы Божии (Евр. 1:6), но и цари земные и народы соберутся *вкупе, еже работами Господеву* (Пс. 101:23), – принесут дары и воспоют *возшедшему на небо небесе* (Пс. 67:34), и обратятся ко Господу *вси концы земли, и поклонятся пред Ним вся отечествия язык* (Пс. 21:28–32); *и будет имя Его благословено во веки, прежде солнца пребывает имя Его; и благословятся в Нем вся колена земная, и вси языцы ублажать Его* (Пс. 71:17).

Пророки, сии от Святаго Духа просвещаемы, святии Божии человецы (2Пет. 1:21), являясь один за другим, изглаголали все свойства и все обстоятельства земной жизни Христа Спасителя, и плоды пришествия Его на землю.

Иона, (живший во времена Иеровоама 2-го, царя израильского), еще за 800 лет до Рождества Христова, действием Божественного провидения, пребывая невредимо во чреве китове три дни и три ночи, представил в себе прообразовательное знамение тридневного воскресения Христа Спасителя (гл. 2. Мф. 12:40).

Амос, смиренный пастырь овец, живший немного после Ионы (за 780 л. до Р.Х., во дни Озии, царя Иудина), получив от Бога вдохновение и дар пророчества, предсказал, что *не в конец отвержен будет дом израилев*, – что возстановит Бог скинию Давидову падшую, то есть Церковь Божию, и возградит, или возсозиждет ее навсегда, *якоже дние века, и възыщут Бога истинного вси языцы, в нихже призвася имя Его в них* (Ам. 9:11,12).

В то же время, и еще в многие годы, предшествовавшие и последовавшие пророческому служению Амоса, – (при иудейских царях Озии, Иоафаме, Ахазе и Езекии, 803–728 г. до Р.Х.), пророчествовал о Христе *Исаия*, с такой ясностью, что отцы Церкви называют его ветхозаветным евангелистом. В его

пророческих вещаниях уже слышится и глас Предтечи Христова, *вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень* (Ис. 40:3). Он предсказывает, что Божественный Спаситель рода человеческого родится от Девы: *се Дева во чреве примет, и родит Сына, и наречеша имя Ему Еммануил! – С нами Бог* (Ис. 7:14, 8:8)! – и, уже созерцая, в пророческом духе, событие сего предречения, имевшего исполниться только лишь спустя более 700 лет, описывает неизреченное величие Богомладенца, говоря: *Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам, егоже начальство бысть на раме Его, и нарицается имя Его: велика Совета Ангел Чуден, Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущего века* (Ис. 9:6). – Вот устами пророка сам Мессия говорит о Себе, что *Дух Господень помазал Его, то есть, сообщил Его человечеству чрезвычайные дары божественные, для того, чтобы благовестити нищим, исцелити сокрушенныя сердцем, проповедати пленником отпущение, и слепым прозрение, нареци лето Господне приятно, и день воздаяния, утешити вся плачущия* (Ис. 61:1,2)! – С особенной силой изображает Пророк Его кротость и милосердие, Его святость и безгрешие (Ис. 42:1–4, 57:9).

Но, Господи, восклицает Исаия, *кто верова слуху нашему? и мышца Господня кому открыся!* – *Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша* (Ис. 53:5); Он *плещи свои вдаст на раны, и ланиты свои на заушения, лица же своего не отвратит от стыда заплеваний* (Ис. 50:6); как агнец незлобивый, Он будет веден на заклание, и Тот, в устах коего и *лесть не обретется, вменится с беззаконными, и возмется от земли живот Его!* Но *язвою Его мы исцелеем: Той наследит многих, и крепких разделит корысти* (Ис. 53:4–12); Он *полагается в основание Сиону – Камень многоценен, избран, краеуголен, честен, – в основание Церкви Божией, сего новоблагодатного царства, в которое призовутся и язычники, неведавшие прежде имени Бога истинного, и веруяй в Онъ не постыдятся* (Ис. 28:16; 65:7). *Запечатлев уверовавших в Него своим знаменем, Он пошлет спасенных от них во языки, во все концы земли, да соберутся, приидут и узрят славу Его* (Ис. 66:18,19). И *коль красны ноги благовествующих мир,*

благовествующих благая (Ис. 52:7), торжествующих над земной мудростью (Ис. 29:14)! От Сиона бо изыдет закон, и слава Господня от Иерусалима (Ис. 2:3). И вот, волки пасутся с агнцами, и львы с тельцами, и вся земля наполняется ведения Господня (Ис. 11:6–9), спасительной веры в Того, кто дан в завет рода, во свет языком, даже до последних земли (Ис. 49:6)!

Современник Исаии, Михей, (749–679 г. до Р.Х.), пророчесвенно предуказывая место рождения Икупителя, возвестил, что именно *Вифлеем* Евфрафов, или Иудейский, прославится тем, что из него *изыдет* обетованный *Вождь* израилев, предвечно раждающийся от Бога Отца, *изначала, от дней века* (Мих. 5:2).

Почти в то же время пророк *Иоиль*, (за 700 л. до Р.Х.), по вдохновению от Бога, предвозвестил обильнейшее излияние Духа Святого в новом Израиле, – на всех истинно верующих во Христа (*Иоил. 2:28, 29, 32*), и суд над врагами Церкви (*Иоил.3*).

Не прошло еще и столетия после сего Пророка, – *Иеремия*, (призванный Богом к пророчеству в 30-й год Иосии, при последних царях иудейских Иоакиме и Седекии, 638–597 л. до Р.Х.), предвозвещал, что грядущий Икупитель, святая отрасль дома Давидова (*Иер. 33:15*), потребитель грехов (*Иер. 50:19,20*), коего *имя – Господь праведен наш*, воцарится на престоле Давидовом (*Иер. 23:5,6; 33:16,17*). Он-то завещает *дому Израилеву и дому Иудину Завет новый*, совершеннейший того, который был дан отцам их, по изведении их из Египта, быв написан на скрижалях каменных: Он даст законы в мысли их, и на сердцах людей напишет их (*Иер. 31:31–34*)!

Вот прошло еще несколько лет, и богоглаголивый *Аввакум*, (в царствование Манассии, за 608 л. до Р.Х.), сокрушаясь о нечестии, господствовавшем в его отечестве и об угрожавших ему бедствиях, утешался грядущим пришествием Христовым, и проповедывал, что Икупитель *идый приидет, и неумедлит, и праведный от веры в Него жив будет*; и что с Его пришествием *наполнится вся земля славы Господни, якоже вода многа в мори покрывает* я (*Авв. 2:3,4,14*). Предсказывая столь дивное Богоявление, во спасение верующих, и, то поражаясь

божественным величием грядущего Господа, то возвеселяясь о Нем, Боге Спасителе, Пророк восклицает: *Господи, услышах слух Твой, и убояхся; Господи, разумех дела Твоя, и ужасохся. Внегда приблизится лето, познаешия; внегда приити времени, явишия. Бог от юга приидет, и Святой из горы приосененныя чащи. Покры небеса добродетель Его, и хваления Его исполнь земля. Изшел еси во спасение людей Твоих, спасти помазанныя Твоя. Аз же о Господе возрадуюся, возвеселюся о Боже Спасе моем* (Авв. 3:1–3, 13,18).

Иезекииль, во времена плена Вавилонского (за 600 л. до Р.Х.), предрек, что рассеянные овцы, – истинные израильтяне – все верующие в грядущего Икупителя, соберутся, и сей истинный Давид будет единым Пастырем народов во веки (Иез. 34:23,24); – совершится очищение людей, дано будет им *сердце ново и дух нов* (Иез. 11:18,19), и утвердится завет мирен и завет вечен, и тогда сам Бог вселится с ними на веки (Иез. 37:26–28).

Даниил (за 530 л. до Р.Х.), со всей точностью определил время пришествия *Христа Старейшины, Святого Святых*, седмьюдесятью седминами, то есть семилетиями (Дан. 9:24–27). Он же предсказал, что Камень, отторгшийся от горы без руки, силой сверхъестественной, – (а Камнем называли Пророки самого Христа) – *истнит и развеет вся царства нечестия, и восстановит Бог небесный царство благодати, еже во веки не разсыплется*, наполнив собой всю землю (Дан. 2:34–45)!

Аггей (516 л. до Р.Х.), по возвращении Иудеев из 70-ти летнего пленения Вавилонского, убеждая к воссозданию храма иерусалимского, тем, которые видели храм сей в славе его прежней, и потом – *яко не суца пред собою*, предрек, что *велия будет слава второго храма последняя, паче первыя*, поскольку в нем явится Тот, кто *даст мир всякой душе верующей* (Аг. 2:3,9).

В то же время, *Захария* предвозвестил торжественно радостное, но вместе кроткое и смиренное вшествие Икупителя, как *Царя праведнаго и спасающаго*, во Иерусалим (Зах. 9:9), предание Его за тридесять сребренников (Зах. 11:12),

– предсказал, как с поражением сего *Пастыря* душ, *расточатся овцы стада*, рассеются Его ученики (Зах. 13:7), но впоследствии – и самые Иудеи обращенные *воззрят с верой на Того, егоже прободоша* (Зах. 12:10), – которого пронзили копием.

Наконец, *Малахия* (за 412 л. до Р.Х.) заключил пророчества ветхого Завета, явным указанием на *Предтечу* Завета нового. Он предвидел, как в след сего Предтечи, облеченного духом Илии (Мал. 3:1; 4:5), *внезапу приидет в церковь свою Господь, и Ангел Завета* (Мал. 3:1).

Столь ясные предсказания о Христе Спасителе делали Его для душ истинно верующих уже довольно близким; а тяжкие бедствия, которыми испытывал Бог, в продолжение уже многих веков, род человеческий, и особенно избранный народ Свой, – при свете заповедей Божиих, возбуждая в людях живое сознание своей греховности и гнева Божия, постепенно усиливали в них желание скорее видеть обетованного Избавителя от зол внешних и внутренних. Это желание ясно выражали Пророки.

Так Иеремия, в живом ощущении душевных и телесных болезней, и многоразличных скорбей, постигающих человека, взывал ко Господу Спасителю: *чаяние Израилево! Исцели мя Господи, и исцелею; спаси мя, и спасен буду* (Иер. 17:13,14). *Ожидание Израилево Господи, Спасителю наш во время скорби! – не забуди нас* (Иер. 14:8,9)! И могло ли быть для всех вообще людей избранного народа Божия какое-либо утешение большее того, что Желанный ими уже скоро придет? О, как памятны были всем чадам Церкви ветхозаветной слова последнего из Пророков: *внезапу приидет в церковь свою Господь, егоже вы ищите, и Ангел Завета, егоже вы хотите: се грядет* (Мал. 3:1)!

Посему-то во времена Маккавеев все ожидали Мессию в непродолжительном времени; и вот, по свидетельству книги Маккавейской, *благоволиша Иудеи и жерцы быти Симону вождем и архиереем в век, дбндеже встанет Пророк верен* (1Мак. 14:41), то есть, Христос.

С течением времени, ожидание сего *верного* паче всех Пророка, Божественного Наставника истины и Совершителя спасения, все более и более усиливалось, и наконец, пред самым пришествием Иисуса Христа, блаженное царство Мессии сделалось первейшим предметом желаний каждого, даже последнего израильтянина, как и видим в самой Евангельской истории, что во время земной жизни Иисуса Христа, – сего обетованного *Сына Давидова* уже знали все! Жена самарянская говорила: *вем, яко Мессия приидет, глаголемый Христос: егда той приидет, возвестит нам вся* (Ин. 4:25). Нищие и слепцы, и даже жена хананейская знали о Христе, – и веровали в Него; а желая выразить свою веру в Господа Иисуса, что Он-то и есть Христос, называли Его Сыном Давидовым.

Итак, настало, наконец предопределенное судьбами Божиими время; настало время явиться *Востоку свыше*; приблизился восход *Солнца правды*, Христа истинного Бога!

Как в царстве природы, пернатые своим пением встречают восход дневного светила, так в царстве блаженных духов чистейшие сонмы Ангелов Божиих спешат встретить явление в роде человеческом Света незаходимого, и воспеть *славу в вышних Богу*, возвестить *земли мир и человекам* – Божие благоволение! *Христос рождается, славите! Христос с небес, срящите!* Зрите, чада веры: вот уже явился на земли *Свет истинный, просвещающий всякаго человека, грядущаго в мир Божий* (Ин. 1:9). Слава небесная осиявает смиренных пастырей вифлеемских, и один из небожителей благовествует им радость сию; чудная звезда являет это необычайное событие восточным волхвам, да придут они и поклонятся рождшемуся Христу!

Приидем и мы, верные люди, грядите, воспоим песнь Господеви, и возвеличим Христа, от Девы рождшагося, и возблагодарим Бога, сподобившаго нас быть чадами света и дне (Еф. 5:9, 1Сол. 5:5), – зреть в полном сиянии то, чему наши прародители, праотцы, пророки, *внимали только яко светилу, сияющу в темном месте* (2Пет. 1:19), в сени и гаданиях времен ветхозаветных, и, *послушествовани бывшие верою, не прияша обетования* (Евр. 11:39), – не получили Обещанного, Богу

лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство приимут (Евр. 11:40).

Мы же, братья, сынове суще дне, да трезвимся, оболкшися в броню веры и любве, и шлем упования спасения; яко не положи нас Бог в гнев, но в получение спасения Господем нашим Иисусом Христом (1Сол. 5:8), Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем, и с Пресвятым и благим и животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Последнее шествие Иисуса Христа в Иерусалим³⁴

Бяху па пути, восходяще во Иерусалим; и бе варяя их Иисус, и ужасохуся, и во след идуще, бояхуся. И поем паки обанадесять, начат им глаголати, яже хотяху Ему быти... И пред Него приидоста Иаков и Иоанн, сына Зеведеева, глаголюще: Учителю, хожева, да еже просива, сотвориши нама (Мк. 10:32–35).

Внимательные к богослужению святой Церкви христиане православные, без сомнения, знают, что в чине Божественной литургии творится воспоминание Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Здесь очам верующих представляется живое изображение важнейших событий земной жизни Искупителя, особенно тех, которые прямо относятся к спасительным Его страданиям и крестной смерти, и последующей за ними славе (1Пет. 1:11). Здесь, на святом престоле, таинственно и существенно повторяется самая жертва голгофская, принесенная вочеловечившимся ради нашего спасения единокровным Сыном Божиим Отцу Небесному за грехи мира.

Мы желаем теперь, благочестивые слушатели, обратить ваше внимание на одно из евангельских событий, о котором слышали вы в ныне чтенном Евангелии, – по ряду дня недельного, предшествующего Неделе вайй. Это событие – последнее шествие Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим, которое само предшествовало торжественному Его входу во врата дщери Сионой, яко обетованного Царя Израилева и Сына Давидова. Событие это, изображаемое и в священнодействии Божественной литургии, во время великого входа, весьма поучительно и само по себе, как событие евангельское, и по тем назидательным мыслям, на которые наводит оно в применении различных обстоятельств его к нашей собственной жизни.

Всмотритесь, братья, мысленно в это знаменательное шествие Господа с двенадцатью избранными Его учениками. „Были они“, говорит Евангелист Марк, *„на пути, восходя в*

Иерусалим; Иисус шел впереди их, а они ужасались, и, следуя за Ним, были в страхе” (Мк. 10:32).

Какими трогательными чертами изображено это последование малого стада Христова за своим добрым Пастырем, – безмолвно подвигающегося за Ним, вдали от шума житейских треволнений, но как видно, сильно напуганного донесшимся до его слуха воем кровожадных волков, готовых растерзать самого их Пастыря! Да, именно за день или за два пред сим, ученики Христовы с крайним опасением говорили своему Божественному Наставнику: „*Равви! давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?»* (Ин. 11:8) Тогда Господь успокоил их, сказав: „*не двенадцать ли часов во дне? Кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего*“ (Ин. 11:9). Но теперь, – теперь Господь, по-видимому, совершенно в другую сторону направляет Свою речь к пораженным ужасом ученикам: „*Подозвав двенадцать, Он начал им говорить о том, что будет с Ним. „Вот мы восходим в Иерусалим, и Сын человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет*» (Мк. 10:82–84).

Это было уже третье предсказание Господа Иисуса Христа о Своих крестных страданиях, смерти и воскресении. В первый раз Господь открыл об этом Своим ученикам за неделю до Своего славного преображения на Фаворе. Тогда, как известно, апостол Петр, только что заслуживший особенную похвалу за исповедание Иисуса Христа Сыном Бога живаго, начал прекословить Ему, и за то подвергнулся строгому обличению (Мф. 16:28). В другой раз, вскоре после преображения Господня, ученики опять слышали от Иисуса Христа предсказание о предстоящих Ему крестных страданиях, смерти и воскресении, и хотя, по замечанию Евангелиста, оно и тогда было закрыто от них, но они боялись спросить Его о сем слове (Лк. 9:45), как ни сильно опечалило оно их (Мф. 17:23). Теперь, в третий уже раз, находясь в печальном и чрезвычайно тревожном настроении духа, ученики Христовы снова слышат предсказание

о том, что Сын человеческий предан будет иудеям, и осужден на смерть, что Его предадут язычникам, и убьют Его, и что Он в третий день воскреснет. Не удивительно, что Апостолы, еще не получившие благодати Духа Святого, и на сей раз не уразумели открытой им великой тайны царствия Божия. Они еще не могли отрешиться от вкоренившихся в их народе понятий о земном царстве Мессии. Думали, что наступает наконец время, когда оно должно открыться, и только о том до крайности скорбели, что сему вожделенному событию, как могли они заключать из слов Христовых, должны предшествовать ужасные бедствия, поругание и смерть, но потом, с утешением помышляли они, – опять торжество и жизнь Божественного их Учителя.

И вот, занятые такими мыслями, двое из учеников обратились к Иисусу Христу с особенной и по-видимому, совершенно неожиданной просьбой. *„Тогда подошли к Нему сыны Зеведеевы, Иаков и Иоанн, и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую руку, а другому по левую, в славе Твоей”*. Очевидно теперь для всех нас, братия, до какой степени земные мечты, высказавшиеся в этом желании сынов Зеведеевых, не соответствовали истинному смыслу предсказания Христова. Но Господь Иисус кротко заметил им: *„не знаете, чего просите,”* и напомнил им, что кто хочет разделять славу Его, тот прежде должен претерпеть одинаковую с Ним участь. Когда же они, в жару усердия, изъявили на то полное свое согласие, то Он, как Сердцеведец, зная, что они впоследствии действительно будут пить чашу страданий Христовых, т.е. пострадают за имя Христово, – не отказывает им в этом жребии, но тем не менее отклоняет от них мысль о сидении у Него по правую и по левую руку: *„это, – говорит он, – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим”* (Мк. 10:35–40. Мф. 20:23). Возведши их мысли к Отцу Небесному, Господь, чтобы смирить и прочих учеников, которые начали негодовать на Иакова и Иоанна, всем им сказал: *„кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и*

Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк. 10:43–45)“. „Он, – скажем, в пояснение сего, словами св. апостола Павла, – будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу: но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам, и по виду став как человек, смирил Себя, быв послушным до смерти, и смерти крестной; посему и Бог превознес Его, и дал Ему имя выше всякого имени: дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Флп. 2:6–11)“.

Остановимся на этом изложении и пояснении слышанного вами евангельского события, и посмотрим, когда и каким священнодействием изображается оно, как мы сказали, на Божественной литургии.

При самом начале пения херувимской песни, приглашающей нас отложить всякое житейское попечение, чтобы, воспевая трисвятую песнь животворящей Троице, удостоиться поднять Царя всех, сопровождаемого невидимо ангельскими чинами, – отверзаются царские врата, и мы видим, как священнодействующий, после пламенной своей молитвы ко Гоюподу, троекратно распростирает руки свои во образ креста. Не напоминает ли это вам, братья, троекратного предсказания Христа Спасителя о Своих крестных страданиях и живоносном воскресении? Действительно, такое воспоминание – самое приличное созерцаемому вами священнодействию, после которого и начинается так называемый великий вход.

Припомните черты описанного в ныне чтенном евангелии последнего шествия Иисуса Христа в Иерусалим: *„Иисус шел впереди», а ученики, «следуя за Ним, были в страхе» (Мк. 10:32).* И вот, впереди торжественного шествия на великом входе, является вашим взорам на святом дискосе, несомом на главе священнодиакона, приготовленный для таинственного жертвоприношения Агнец, и следующие за Ним, со страхом Божиим, иереи Бога Вышнего, как преемники служения апостольского, несут в своих руках святую чашу, крест, копие –

священные предметы, которые, вместо слов, вещественно выражают то, что Господь Сам при этом говорил святым Апостолам: „се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет” (Мф. 20:18). „Се бо, – скажем словами известной церковной песни, – се бо Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным”. Смиренно преклоняясь пред орудиями страданий Христовых, вы, братья, внемлете изрекаемым при этом молитвенным благожеланиям священнослужителей, да помянет Господь Бог во царствии Своем предержащие власти, предстоятелей Церкви, и вас всех православных христиан. Это значит, что мы, наученные святым Евангелием, вместо несвойственной возрожденным благодатью Божией просьбы сынов Зеведеевых о сидении по правую и по левую руку небесного Царя Христа, взываем к Нему гласом благоразумного разбойника лишь о том, да помянет Он нас во царствии Своем!

Следовало бы вам, братья, после сего припомнить, что как в евангельской истории последнее шествие Господа Иисуса Христа в Иерусалим, сопровождавшееся славой Его чудотворений – дарованием зрения иерихонским слепцам, и особенно воззванием из гроба к жизни Лазаря, на четвертый день после его смерти, окончилось тем, что весь народ, исповедуя свою веру во Христа, начал в радости велегласно хвалить Бога за все чудеса, какие видел, и затем, приветствуя торжественный вход Господень во святой град, встречал Его восклицаниями: „Осанна, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних» (Мк. 11:9,10): так и на Божественной литургии, вскоре после великого входа, произносится исповедание веры, благодарение Господу, и священная песнь: „свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя! осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!” Но обстоятельное раскрытие сих событий и священнодействий увлекло бы нас далеко за пределы нашего слова.

Довольно и того, если оно своим указанием успеет, при помощи Божией, возбудить во многих из вас желание поближе познакомиться с этим душеспасительным предметом. А

недостатка в пособиях к сему чада Церкви православной, искренно ищущие своей душевной пользы, наверное не будут иметь. Нам, братья, остается обратить ваше внимание на то, что, по словам святого апостола Павла, *„все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением писаний сохраняли надежду (Рим. 15:4)“*. Поэтому, размышляя о благоветствованном нам ныне евангельском событии, мы должны по возможности применять его к своей собственной жизни. И мы, подобно сынам Зеведеевым, весьма нередко обращаемся к Господу с такими желаниями нашего сердца, на которые и во глубине нашей совести, и в последующих событиях нашей жизни можем слышать вразумляющий глас Господа: *не веста, чего просита*, – не знаете, чего просите!

Братья! если мы искренно желаем себе истинного, вечного блага, – отбросим в сторону все земные мечты, смирим себя пред Богом, потрудимся неленостно для спасения душ наших, вполне вверяя Господу свою временную и вечную судьбу, – будем прежде всего и более всего *искать царствия Божия, и правды Его*, а все прочее – земное, необходимое для нашего благополучия, и без особенных с нашей стороны усилий, приложится нам (Мф. 6:33), Аминь.

Торжественна встреча Христа, Царя Израилева³⁵

Народ мног, пришедый в праздник, слышавше, яко Иисус грядет во Иерусалим, прияша ваия от финик, и изыдоша во сретение Ему, и зваху, глаголюще: осанна, благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев (Ин. 12:12,13)!

Невозможно описать всего величия и необычайности этой встречи! Ни прежде, ни после нее, не было в мире ничего подобного. '

Это была торжественная, всенародная встреча обетованного праотцам предвозвещенного Пророками, ожидаемого в продолжение 55-ти веков, Избавителя мира, Сына Давидова, Христа, Царя Израилева. Он мирно вступал в царственный город Давидов, восседая на осле, покрытом одеждами учеников. Но бесчисленное множество народа приветствовало Его, как победителя смерти, который, в довершение всех дивных чудес своих, воздвиг из мертвых уже четыре дня лежавшего в гробе Лазаря.

С неописанным восторгом, все наперерыв спешили выразить Божественному Иисусу свое усердие, чем кто мог. Одни постилали Ему по пути свои одежды; другие срезывали ветви с дерев и, потрясая ими в воздухе, как знаменами победы, бросали их пред Ним. А все вместе, предшествуя Ему и сопровождая Его, – даже малые дети, приветствовали Его единодушными восклицаниями: „осанна (спасение) Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев! Мир на небеси и слава в вышних! Осанна! Осанна в вышних!” (Мф. 21:9; Лк.19:38)

Таким-то образом встречали Царя Христа народ и дети. Но, ах! среди сего множества ликующих и веселящихся о Господе, были и такие люди, которым эта встреча Господа, и эти восклицания в честь Его были вовсе не по сердцу. То были фарисеи, первосвященники и книжники.

Фарисеи даже осмелились сказать Господу: „Учитель! уйми учеников своих» (Лк. 19:39)! А первосвященники и книжники

открыто изъявили пред Ним свое негодование на восклицание отроков: „осанна Сыну Давидову”, и сказали Ему: „*слышишь ли, что они говорят*” (Мф. 21:15,16). – Отчего же, спрашивается, произошло такое мрачное отчуждение от общей священной радости в тех, которые, и по своей видимой набожности, и по значению в обществе, и по своему образованию, должны были еще живее, нежели смиренные ученики Христовы, простой народ и дети, ощущать эту радость при виде Христа Спасителя, Царя Израилева и Божественного Наставника истины?

Христиане, братья! Поучительно нам вникнуть, что располагало к радости веселящихся о Господе, и что повергало в уныние противников Его. Это с одной стороны, поможет нам приумножить и укоренить в себе те добрые качества, которые необходимы для истинно радостной встречи Господа; а с другой предохранит нас от тех пагубных свойств, которые могут отчуждать нас от Него.

1. Если обратим мысленный наш взор на учеников Христовых, как на первых участников общей радости ныне празднуемого события, то что видим, братья? – Видим, что причиной их священной радости при торжественном входе Господа в Иерусалим преимущественно была их истинная вера в Него, вера живая, деятельная. Еще не зная Христа Спасителя, они уже стремились к Нему душою своею. Хотя были они люди простые, незнатные, немногочученые, но высоко воспаряли своею мыслью. Обетования Божии и пророчества о Христе были у них постоянно в уме и сердце. Вот почему те из них, которые слышали слова Иоанна Крестителя о Иисусе: „*се Агнец Божий*”, – немедленно пошли за Ним и, узнав в Нем Спасителя, с великой радостью сообщали один другому благовест: „*мы нашли Мессию, что значит Христос. Мы нашли Того, о ком писали Моисей и Пророки*» (Ин. 1:41,45)! – Вот почему одного слова, сказанного Иисусом Христом кому бы то ни было из них: „*иди за Мною*”, – достаточно было, чтобы они оставили все, и последовали за Ним. – Сделавшись Его учениками, они крепко держались Его, и с величайшим вниманием, благоговейно наблюдали за всеми Его деяниями, и слушали Его божественное учение. И то и другое – и дивные дела Его, и Его

учение, все более и более приумножало их веру. Если в учении Христа Иисуса они чего-либо не понимали, то отнюдь не позволяли себе произвольных толков, но, по окончании Его проповеди к народу, подходили к Нему наедине, и просили Его объяснить им слышанное от Него. При одном случае, когда таинственное учение Спасителя о хлебе небесном некоторым слушателям показалось до того странным, что они удалились от Него, и Господь спросил учеников! *„не хотите ли и вы идти?“* – они ответствовали: *„Господи! кь кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни; и мы уверовали, и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго“* (Ин. 6:58–69)! Имея столь твердую и постоянную веру, они доказывали ее самым делом: не только с сыновнею покорностью принимали все внушения Господа – к исправлению некоторых погрешностей в их образе мыслей и предположений, или к очищению их сердца от примеси человеческих страстей; но с истинным самоотвержением переносили все наветы, кривые толки и явные преследования со стороны многочисленных врагов Христовых, врагов истины и добра. Итак, могли ли они не радоваться всем сердцем теперь, когда несметные толпы народа, воодушевленные быстро разнесшеюся вестью о воскрешении Лазаря, единодушно приветствовали Божественного Чудотворца, их Учителя и Господа? Могли ли не восклицать Ему в гласе радования: *„Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!“* (Мф. 21:9)

Как же были жалки эти несчастные, враждовавшие против Господа *фарисеи*, когда для них до такой степени был чужд и даже нестерпим священный восторг учеников Спасителя, что они говорили Ему: *„Учитель, уйми учеников!“* Но от фарисеев ничего лучшего нельзя было и ожидать. То были самые злые враги, к истинному учению веры примешивавшие множество произвольных толкований на основании предания старцев, – таких же фарисеев, как и они. То были самые упорные раскольники, самопроизвольно отчуждавшиеся от истинной Церкви Божией, на основании тех же старческих преданий, и свое внутреннее нечестие прикрывавшие самой благовидной наружностью – строгим соблюдением буквы Закона и внешних

обрядов, при совершенном отчуждении от Духа Божия. Если они изучали Закон и Пророков, то как будто для того только, чтобы найти в них подтверждение мнимых своих прав на исключительное наследие небесного царствия Христова, по одному происхождению от Авраама; тогда как, по делам, они были не Авраамовы дети, а порождения ехидны... Для таких людей свет истинной веры был нестерпим. *Возлюбил тьму, паче нежели свет: беша бо дела их зла (Ин. 3:19)*. Кроткие убеждения Спасителя нисколько не вразумляли их; ибо они хотели только учить, а не учиться, – быть судьями, можно сказать, самого Бога, а не подлежать суду Божию. Посему-то, с невероятной дерзостью высказывали они и распространяли в народе самые дерзкие суждения и об учении, и о делах Христовых. Так чудеса благотворения, которыми Господь особенно любил освящать покой праздничных дней, они принимали за важное нарушение закона Божия. А в другое время, среди бесчисленных чудес Иисуса Христа, как будто и не замечали их, требовали от Него знамения с неба. Когда же чудеса были слишком очевидны для всех, приписывали их естественным причинам, или даже – нечистой силе. Что же дивного, если такие люди были совершенно чужды Спасителю и той радости, с которой встречали Его ученики и народ? – *Несет радоватися нечестивым (Ис. 48:22)*!

2. Взглянем теперь на *народ*, приветствовавший Господа с таким усердием, что фарисеи уже совершенно отчаявались в успехе своего злоумышления – погубить Иисуса Христа. „*Видите ли, – говорили они между собой, – что нет успеха ни в чем? Весь мир за Ним идет (Ин. 12:19)*!“ – Что же было причиной этого общего народного усердия к Спасителю? – Без сомнения, *надежда, ято Сей есть хотяй избавити Израиля (Лк. 24:21)*:

И как было им, сим людям, не иметь этой надежды? – Можно утвердительно сказать, что в этом несметном множестве народа всех городов и селений святой земли, пришедшего в Иерусалим на праздник, не было ни одного человека, который бы не был свидетелем божественных дел сего кроткого и милосердного Царя Израилева, щедрой рукой повсюду

изливавшего на всех Свои милости и щедроты. Весьма многие из них и сами, силой Христовой, получили исцеление от неизлечимых болезней, освободились от насилия злых духов, были чудесно насыщены, были услаждены душевно пищей слова Божия, утешены в печали, разрешены от грехов. Даже и те из них, которые колебались в своих понятиях о Христе, говорили: *„Когда придет Христос, неужели Он сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил (Ин. 7:31)?“* – *„Это, истинно, Тот Пророк, – говорили другие, – Которому надлежало придти в мир»(Ин. 6:14),* При таком убеждении, они, в своих ожиданиях, что Христос, для совершенного благоденствования избранного народа Божия, должен быть земным властителем, намеревались даже силой взять Его и сделать Царем (Ин. 6:15). Правда, это ожидание было неосновательно, ибо царство Иисуса Христа не от мира сего (Ин. 18:36); но та общая, столь единодушно выразившаяся при настоящем случае надежда израильтян, что никто другой, как один только Иисус Христос, яко обетованный отцам Сын Давидов и Царь Израилев, может даровать и дарует и блаженство – не временное, а вечное, – в этом смысле надежда их была вполне истинной, и была самой довлеющей причиной того радостного восторга, с которым встречали Его, как Царя – Мессию, грядущего для приятия благодатного царства, во спасение людей Своих!

Совсем не то думали, не то чувствовали первосвященники иудейские, которых все надежды на ожидаемого Мессию состояли, кажется, единственно в том, что Он еще более расширит духовную и гражданскую власть их над народом. Властолюбию их и заботам о своих временных выгодах и славе человеческой, а отнюдь не о славе Божией, не было границ. Посему, усматривая и в учении и в делах Иисуса Христа совершенно противное своим видам, они неоднократно спрашивали Его: *коею властью сия твориши (Мф. 21:23. сн. Ин. 2:18)?* – Ответы Спасителя, исполненные божественного достоинства, нисколько не удовлетворяли их самолюбию; ибо то, чего искал Он – слава Божия, – и то, к чему стремились они, – слава человеческая, – совершенно противоположны между

собой. Итак, не основывая более на Нем никаких надежд, они решили: *не хотим сему, да царствует над нами* (Лк. 19:14). Однако, при всей своей нравственной порче, стыдясь открыто сознаться, что вражда против Иисуса Христа происходит единственно от их преступного самовластия, иудейские властители старались прикрыть ее личиной любви к отечеству, которому будто бы угрожала великая опасность со стороны римлян, если духовная власть Христова распространится в народе. Как бы уступая необходимости, будто для спасения народа от гибели, они решились погубить Иисуса! „Лучше нам, – говорил первосвященник Каиафа к нарочно собранному для совещания о сем синедриону, – *лучше нам, чтобы один человек умер за людей, а не весь народ погиб*» (Ин. 11,50). Но вот, несколько дней спустя после этого решения, они видят царский вход Иисуса Христа в Иерусалим, от которого *потрясся весь град, глаголя: кто есть Сей* (Мф. 21:10)? – видят общее усердие к Нему народа и надежды всех на Него, – слышат радостные восклицания, выразившие всему миру то чаяние, что грядущее царство Сына Давидова будет непременно мирное, славное и благоденственное; и их негодование разгоралось тем сильнее, чем живее был восторг народный.

Но, если что было всего тягостнее для сих лукавых властителей иудейских, так это хвалебные песни в честь Спасителя в устах самых детей.

3. Посмотрим же, братия, и на сей лик богомудрых *отроков*, встречающих Господа и вопиющих: „осанна в вышних!“ – Если в учениках Христовых мы видим, по преимуществу, веру во Христа; в народ – особенно надежду на Него; то в этих детях виден избыток *любви к Нему*, – любви, которая двигала их невинными устами и тогда, как уже умолкли восклицания самых учеников и народа, – в храме. И не дивно: как было детям не любить Божественного Иисуса, Который Сам так нежно любил детей, – обнимал их и благословлял и, высоко оценивая их простоту, кротость и незлобие, внушал всем, что таковых есть царствие Божие, – что Ангелы их на небесах выну видят лице Отца Небесного, – что кто не смирится, как отроча, тот не

внидет в царствие Божие (Мф. 19:14, 18:4,10)? – И вот причина, почему дети с таким восторгом и с такой любовью встречали и приветствовали любвеобильного Царя Израилева.

Зато, как далеки были от подобных чувств особенно те книжники, которые, вместе с первосвященниками, негодовали на сих детей! Сухие и холодные их занятия книжной мудростью, – чуждые истинного любомудрия, возносящего умы и сердца к Богу, – кажется, иссушили их сердце! Они любили толковать и о путях жизни, и о том, какая наибольшая заповедь в законе; а о том, чтобы идти истинно спасительным путем и соблюдать заповеди Господни, они и не думали. Посему-то Господь давно сказал ученикам и народу, что „если праведность их не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не войти им в царствие небесное (Мф. 5:20)!“ Книжники это знали, и не любили за то Иисуса Христа. Когда глаголы вечной Премудрости все более и более касались их слуха, – они, без сомнения, чувствовали все ничтожество своих жалких мудрований, но, глубоко зараженные ученой гордостью, никак не хотели сознаться в том, а только втайне снедались завистью и, не менее фарисеев и первосвященников, враждовали против Божественного Наставника истины, вовсе не желая, чтобы Он царствовал над их умом и сердцем. Вот причина, по которой и книжники не только не сочувствовали радости всех, и особенно – добрых детей, при встрече Господа, но еще испытывали чувство совершенно противоположное.

Итак мы видели, братья, что причинами той общей, единокорной радости, с которой ученики Христовы, народ и дети встречали и приветствовали Иисуса Христа, при Его царском, торжественном входе в Иерусалим, были вера в Него, надежда на Него и любовь к Нему, и что, напротив, лжеверие и лицемерие фарисеев, самовластие и себялюбивая самонадеянность иудейских первосвященников, суемудрие и ученая гордость книжников, – совершенно отчуждали их от святого Господа Иисуса и, при общей радости, наводили на них мрачное уныние, возбуждали в них бессильную злобу и давали им чувствовать свое ничтожество. Это – две стороны празднуемого нами события, светлая и темная.

Братья христиане! кто из нас, участников сего великого христианского празднования, не пожелал бы принадлежать к светлому лику сопровождающих Господа с радостью и веселием! Да и в самом деле, если посмотреть на нас с внешней стороны и, по наружным признакам, судить о цели нынешнего стечения нашего в храм Господень, как в благодатный Иерусалим, то эти горящие светильники, с которыми мы имеем священный обычай предстоять здесь, что иное могут означать, как не наше озарение светом веры? Эти древесные ветви, приветливые начатки развивающейся весны, что иное могут выражать, как не знамение нашей надежды на оживление свыше? Эти сладкозвучные восклицания хвалы и песнопений, которыми величаем Христа, о чем ином могут свидетельствовать, как не о нашей искренней любви к Нему?

Но так ли, действительно, и у всех ли это так?

Спросим самих себя, по совести: так ли близки к нашему сердцу истины Христовой веры, как они были близки к сердцу первых учеников Спасителя? – Заботимся ли мы о том, чтобы основательно изучать обетования Божии о Христе Спасителе, и радуется ли наше сердце при том убеждении, что „мы нашли Мессию, – обрели Того, о ком писали Моисей и Пророки?“ А радуясь сему, крепко ли держимся веры во Христа, благоговейно ли созерцаем проповедуемые Евангелием дела Христовы, и с должным ли вниманием слушаем божественное Его учение? Встречая же, при таком направлении наших трудов, что-либо непонятное для себя, ищем ли мы вразумления у пастырей Церкви, которых Господь для сего поставил? Имеем ли всегдашнюю готовность с сыновней покорностью поверять свой образ мыслей и чувствований внушениями святой веры, и остаемся ли неизменными исповедниками ее, когда подвергаемся наветам против нее, кривым толкам и разного рода преследованиям? Готовы ли и умереть за веру? – Если так, братья, то да возрадуется сердце наше о Господе! Встречая Его ныне во святилище, мы встречаем по истине, веселящегося и взывая: приидите, возвеличим Христа; – а потому и Он возвеличит нас величием небесным.

Но кто фарисей: только по виду верующий, а в душе чуждый веры, и только позволяющий себе судить и рядить о ней, не смысля в делах ее ничего далее буквы, не прозирая в нее глубже внешних обрядов; или кто настоящий презритель Церкви Христовой; имеет непростительную дерзость даже глумиться над ее учением; не верит даже очевидным чудесам Божией силы и Божией премудрости, а ищет знамений с неба; толкует всем и каждому о том, каковы должны быть святые, будучи сам растлен нечестием, – о, тот пока не раскается в своем фарисействе, напрасно встречает Господа; в душе его не свет, а тьма, – часть его с неверными!

Опросим себя опять, братья: тверда ли, непоколебима ли наша надежда на Господа? Действительно ли мы, ища, по Его наставлению, не столько временных, сколько вечных благ, не славы человеческой, а славы Божией, видим в Нем залог и временного нашего благополучия, и особенно – вечного нашего блаженства? В Нем ли ищем исцеления душевных и телесных наших недугов? В Нем ли для нас пища души и сердца, утешение в скорби, радость и веселие в лучшие минуты жизни, отрада в час смерти и надежда по смерти? Если так, то ненапрасно приветствовали мы Его ныне, нося ваия, знамения победы; ибо, действительно, *Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лк. 24:21) от всех зол.

Но кто лукавый властолюбец и самолюбец, – до того осуетился помышлениями своими, что в своих заботах о земном благополучии, забыл о небе, – составляет разные мечтательные предположения о благоустроении отечества, по своим узким планам, и в то же время разрушает лучшие надежды на наследие горней отчизны; кто не славу Божию, а славолубие, своекорыстие и самоуправство поставляет настоящей целью своих стремлений: тот чужд Иисусу Христу, и суетны его надежды. Такой верно и не пришел ныне в храм Господень, но где-нибудь на концерте провел вчерашний вечер; где-нибудь за игрой прободрствовал; за каким-нибудь пустым чтением или столь же суетным писанием убил время; а о доме Божием и не вспомнил, будто о чем стороннем! Если же пришел он сюда, то пусть знает, что пока не раскается в своих мечтах о земном

владычестве, и не устремится к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе, напрасно встречает Господа с ваиями и ветвями: сии ваия, или ветви, скоро обратятся в руке его в ту трость, которой били по главе Спасителя, но которая некогда, во второе и славное пришествие Его, сокрушит всех нераскаянных врагов Его!

Наконец, спросим самих себя: с той ли простосердечной любовью, кротостью и незлобием встречаем мы Господа и Спасителя нашего, с которой встречали Его дети? Если так, то благо нам: *любяй Мя, – говорит Господь, – возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему сам (Ин. 14:21)*; если так, то особенно ныне прилично нам с веселием повторять песнь Господу: *„Бог Господь и явился нам: составите праздник!“ (Пс. 17:27)* и Господь сил из младенческих наших уст совершит Себе хвалу,

Но кто книжник и совопросник века сего, – даже воображая, что имеет истинную веру в Бога и надежду на Него, – не чувствует любви к Нему, так что и вера его и надежда состоят в одних холодных понятиях о законе и о путях к вечной жизни; тот, пока не покается, напрасно станет вопиять Господу: *„осанна в вышних»* Эти восклицания легко превратятся у него в неистовые вопли: *распни, распни Его!* Ибо и грехи *второе распинают Христа*. Не распинает ли Его, например, тот, кто в самые святые дни, когда Церковь преимущественно призывает всех чад своих к общественному богослужению, оставляет священные собрания и устремляется к шумным и безчинным увеселениям?

Христиане! Братья! Предоставляя совести каждого решить, так ли или иначе встречаем мы Господа нашего Иисуса Христа, не только в сей благознаменитый день праздника нашего, но и во всей нашей жизни, не забудем и о той чрезвычайно важной и неописанно торжественной встрече Единородного от Отца, Судии мира, когда, по гласу трубы Архангела, воскреснут все мертвые из гробов, и мы, оставшиеся в живых, *восхищени будем на облацех, в сретение Господне на воздухе (1Сол. 4:17)*. *Се Жених грядет в полунощи, исходите во сретение Ему*

(Мф. 25:6)! Блажен раб егоже обрящет бдяща. Благословен
грядый во имя Господа Спаса нашего! Аминь.

Иисус Христа на суде Каиафы и Пилата (рассуждение)

Во смирении Его суд Его взятся (Ис. 53:8)

Егда предстал еси Каиафе, Боже, и предался еси Пилату, Судие, небесныя силы от страха поколебашася (Вел. пят., антиф. 12).

Беспримерный в летописях мира суд был тот, который совершился при Понтии Пилате, по навету иудеев, и по предназначению Божию, над самим Судиею живых и мертвых, Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом.

Это одно из тех величайших событий, о которых, по настоятельному увещанию св. Златоуста, „мы должны читать Писание как можно чаще, и слушать со всем вниманием, и начертывать на нашем сердце”.³⁶ Православная Церковь Христова и в составе повседневного богослужения назначает нам даже особенные часы для благочестивого размышления об этом необычайном происшествии; так, например, заповедует: „в совершении первого часа благоговейно да размышляем, как Спаситель наш в первый час дня веден был от Каиафы к Пилату, и как тамо всего мира Судия от незаконных архиереев оболган, и от неправедного судии осужден был”.³⁷

Нет сомнения, что всякий здравомыслящий человек-христианин, при одном чтении простого евангельского повествования о суде над Иисусом Христом, не может не повторить, с глубоким чувством, того, что сказал святой Апостол: *аще быша разумели виновники осуждения Иисуса Христа, не быша Господа славы распяли (1Кор. 2:8)*; не может не признать, во глубине души, той истины, что именно одно только крайнее нечестие, или одно ослепление ожесточенной злобы со стороны незаконных судей, было причиною столь несправедливого суда и осуждения, какому подвержен был Господь Иисус. Несмотря на то, и незаконные судьи, побуждаемые неотразимой силой нравственного закона, начертанного Богом на скрижалях нашего сердца, усиливались всеми возможными мерами придать своим действиям вид

законности: *мы закон имамы*, вопияли они, *и по закону нашему должен есть умрети* (Ин. 19:7). Но имели ли, в самом деле, иудеи законное основание осудить Иисуса Христа на смерть, и выдерживало ли это чрезвычайное событие форму законности даже в судебном отношении? Вот вопрос, представляющийся нам весьма интересным и стоящий подробного исследования.

По иудейским законоположениям³⁸, прежде, чем поступало на рассмотрение известное уголовное дело, именно тотчас по внесении доноса на кого-нибудь, требовалось *предварительное исследование* и строгая разборчивость *касательно свидетелей*. В свидетели отнюдь не принимались ни люди не пользовавшиеся хорошим мнением, ни узники, ни вообще слабые, имевшие недостаток в физических ли то, или нравственных способностях.³⁹ Донос одного лица, какою бы оно ни пользовалось известностью, не мог иметь решительной силы: для подтверждения какого-нибудь дела, требовалось, по крайней мере, два или три свидетеля (Втор. 19:15–20, Числ. 35:30 и проч.). Каждый свидетель, доносивший на кого-нибудь, должен был на судилище подтвердить клятвой, что говорит правду. Затем, по совещании судей, немедленно учреждались изыскания касательно честности свидетеля. Судьи тщательно справлялись о нем, и если оказывалось, что этот человек есть свидетель *ложный*, то его подвергали тому самому наказанию, которое готовил он своему ближнему.

До окончания предварительных справок предоставлялась обвиняемому *свобода от всяких насильственных мер*; и хотя он мог быть задержан, взят под присмотр, но никто не смел ему делать никаких оскорблений. Особенно же, *обвиняемое лицо не могло быть подвергнуто*, прежде законного суда, *никакому частному, тайному*, тем более коварному допросу, из опасения, „чтобы невинный, в смятении ума, не поднял оружия против самого себя“⁴⁰ т.е., чтобы, по одному замешательству, не высказал чего-нибудь такого, что послужило бы к его вреду. Уже одно такое „предварение“ суда, конечно, много говорит в пользу уголовного иудейского законодательства. Тем более открывается его достоинство и человеколюбие в самом *судопроизводстве*.

В день суда, происходившего в собрании народа, приставники представляли обвиняемого в судилище. У ног старейшин сидели люди, которые, под именем слушателей, следили с точностью за заседаниями совета. Когда оканчивалось чтение статей судебного дела, призываемы были поочередно свидетели. Председатель тотчас приступал к *увещанию* этих свидетелей, и к каждому из них обращал такую речь: „не о догадках, не о слухах, дошедших до тебя от народной молвы, спрашиваем мы тебя... Подумай, какая великая ответственность падает на тебя; подумай, что это дело не такого рода, как денежные расчеты, в которых можно еще исправить вред! Если ты заставишь несправедливо осудить обвиняемого, то падет на тебя не только кровь его, но и кровь всего его потомства. Бог потребует у тебя отчета, как потребовал отчета у Каина за кровь Авеля. Говори!”⁴¹ Затем свидетели должны были изложить свои *показания со всей точностью*. Указав, то ли это лицо, обвиняемое, которое предстоит на суде, они должны были подробно выставить месяц, день, час и все вообще обстоятельства преступления.

По рассмотрении доводов их, открывались *публичные прения* о виновности или невинности подсудимого. В этих прениях имел право участвовать решительно всякий иудей. „Judicare et judicari” – судить и быть судимым – принадлежало всякому иудею; в этих двух словах, по уверению Сальвадора, выражается весь дух иудейского уголовного права; они указывают на то, что всякий иудейский гражданин мог быть судим не только верховным судилищем, но и всеми и каждым, а без суда общего и всенародного нельзя было осудить никого. Это право основывалось, главным образом, на том, что „закон” был в руках каждого, закон один – это слово Божие, которым пользоваться имел право всякий. Впрочем, на судилище, прежде всего высказывали свои мнения судьи, и притом сперва те из них, которые усматривали в подсудимом невинность. Имято, *защитникам обвиняемого*, предоставлено было *преимущество* – подавать первый голос, и со всей свободой излагать свои убеждения. А те, которые находили обвиняемого виновным, говорили после, и всегда должны были говорить с

величайшей, *всевозможной умеренностью*. Кто из слушателей изъявлял желание – от своего ли имени, или от имени обвиняемого, представить что-нибудь в защиту его невинности, того тотчас допускали на кафедру, с которой он и говорил речь судьям и народу. Но слово такого оратора обыкновенно не имело никакой силы и не находило сочувствия, если клонилось к осуждению обвиняемого.

Если сам *обвиняемый* хотел говорить, то ему давалась полная *свобода защищаться* в возносимом на него преступлении, и собственное его оправдание должноствовало быть выслушано с самым напряженным вниманием; *собственное же признание* подсудимого в вине, без постороннего свидетельства, признаваемо было совсем *недействительным*. „Основание такого положения, – говорили раввины, – мы находим в том, что никто, с надлежащим сознанием, не решится взнесть беду на самого себя. Если кто обвиняет себя судебным порядком, то ему не должно верить, по крайней мере до тех пор, пока собственное его признание не подтвердится двумя свидетелями”.⁴²

По окончании публичных прений о судебном деле один из судей кратко повторял все, и присутствующие все выходили. Два книжника записывали голоса; один – те, которые были в защиту, другой – те, которые клонились к обвинению, Из 23-х довольно было для оправдания 11-ти, а 13-ть нужно было для осуждения, т.е. *для осуждения требовалось больше голосов*.⁴³

Если достаточное количество голосов признавало подсудимого невинным, то его тотчас освобождали. Если же общий голос присуждал его к наказанию, то исполнение приговора, или лучше, *окончательный приговор* всегда надлежало откладывать, по крайней мере *до третьего дня*. Посему и судьи, до третьего же дня, оставались при своих мнениях. В течение всего этого времени, от начала судопроизводства до окончательного приговора, судьи обязывались заниматься одним только судебным делом; в то же время строго предписывалось им особенное воздержание от всякого пресыщения, от вина, сластей и от всего того, что могло бы их сделать неспособными к размышлению, или возбуждало

бы в них страсти. Утром, на третий день (*отнюдь не ночью, и не в праздник, под опасением недействительности приговора, даже произнесенного общим голосом⁴⁴*), судьи возвращались в судилище. „Я стою твердо в своем мнении и – осуждаю“, говорил тот, кто не переменял своего мнения насчет виновности подсудимого. Но тот, кто осудил его в первый раз, мог теперь оправдать; а кто оправдал однажды, уже не мог осуждать. Если и на этот раз большинство голосов осуждало, то приговор утверждался окончательно, и тут же приступали к выполнению его.

В самом выполнении судебного приговора все еще изыскивали, не откроется ли чего в пользу подсудимого. С этой именно целью, когда осужденного вели уже на место казни, его сопровождали двое судей, чтобы употребить в его пользу все, что бы ни открылось, на пути, к его оправданию. Старейшины же не сходили с своих седалищ. Они при входе в судилище ставили надзирателя, который держал в руке знамя; другой следовал на коне за осужденным и постоянно обращал взоры туда, откуда веден был он. Если случалось, что кто-нибудь в это время вдруг приходил в судилище представить новые доказательства невинности осужденного, то первый надзиратель потрясал своим знаменем, а второй, лишь только замечал это, тотчас приводил осужденного обратно. Таким образом, всякое новое, благоприятное свидетельство о невинности осужденного должно было остановить выполнение судебного приговора. Равным образом, когда и сам осужденный, которого вели уже на казнь, объявлял сопровождавшим его судьям, что припомнил нечто в свое оправдание, что ускользнуло было из его памяти, то он имел право, для оправдания себя, возвращаться в судилище до пяти раз.

Если же не встречалось тогда подобного затруднения, то поезд медленно подвигался вперед в присутствии глашатая (герольда), который, *при всенародном провозглашении вины осужденного, делал вызов к его защищению*, и обращался к народу с следующими словами: „этот человек (называл его по имени) ведется на казнь за такое-то преступление; свидетели, которые сделали донос на него, такие и такие. Кто может

представить в его пользу какие-нибудь сведения, пусть представит поскорее”. В силу этого-то постановления, замечает Сальвадор, юный Даниил заставил возвратиться свиту, сопровождавшую на казнь Сусанну, и вошел на „седалище правосудия”, чтобы предложить свидетелям новые вопросы (Дан. 13:45–62).

На некотором расстоянии от места казни осужденного *увещевали сознаться в преступлении*; и один из судей, получив это признание, обращался к осужденному с такой речью: „что же ты смущал нас? Да смутит тебя Бог в сей день, чтобы ты потерпел смятение в сей день, но не в будущий век”. Затем давали ему выпить опьяняющего напитка, чтобы близость смерти казалась ему не так ужасна. Свидетели, как первые виновники приговора, должны были нанести осужденному и первые удары, чтобы придать последнюю степень достоверности истине своего наказания. Сим объясняется значение слов Иисуса Христа: *„кто из вас без греха, тот пусть первый бросит камень”* (Ин. 8:7).

Нельзя не согласиться, что изложенные уголовные иудейские законы, действительно, весьма человеколюбивы. Но очевидно, что тем-то бесчеловечнее те люди, которые, имея законы столь человеколюбивые, даже в отношении к величайшим преступникам, осудили на самую жестокую смерть *Праведного*.

При рассмотрении „суда над Иисусом Христом”, величайшая беззаконность этого суда открывается уже *из самых предварительных его действий*. Что, в самом деле, непосредственно предшествовало суду над Спасителем?

Злоумышленный навет будущих судей. Синедрион судебные свои действия против Иисуса Христа предначинает тем, что сначала производит суд предварительный – совещается о взятии Его под стражу! И из сказания святых Евангелистов, Иоанна (Ин. 11:53–54) и Матфея (Мф. 26:4–5), можно видеть очень ясно, что это совещание синедриона отнюдь не было благонамеренной предосторожностью, чтоб не начинать судебного дела над лицом невинным; а было не что иное, как самый коварный умысел людей, пылавших завистью и

злостью против Господа Иисуса Христа. Только зависть собрала этот сонм лукавствующих, и только злоба произнесла в нем убийственный приговор, еще прежде суда. Господь совершил величайшее чудо – воскресил четверодневного Лазаря, – и многие из иудеев-очевидцев этого события уверовали в Божественного Чудотворца: вот по какому особенному случаю первосвященники и фарисеи, с их клеветами, завидуя Христовой славе, собрали тот совет, которого характер тотчас обнаружился сам собой. *Что сотворим, рассуждали они между собой, то человек сей многа знамения творит? Аще оставим Его тако, вси уверуют в Него (Ин. 11:47–48).* Эти слова ясно выражали их опасение, чтобы при столь необычайных знамениях Иисуса Христа, Его святейшая нравственность, Его дивное учение, не взяли перевес в народе над извращенными их нравами, над превратным их учением. Опасение очевидно, но где суд и правда? – *Един же некто от них, Каиафа, архиерей сый лету тому, рече им: вы не весте ничесоже; ни помышляете, яко уне (лучше) есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык (народ) погибнет (Ин. 11:49–50).* Умереть одному за всех хорошо только было бы сообразно с законом правды. Не разбирая однако же этого, они *от того дне совещаща, да убьют Его (Иисуса Христа) (Ин. 11:53).* Из такого хода дела открывается, что самое совещание для того только и происходило, чтобы вместе всем придумать средство, как бы взять Иисуса хитростью и убить Его: *и совещаща, говорит святой Евангелист Матфей, да Иисуса лестью имут, и убьют (Мф. 26:4).* Что же это, как не злоумышленный навет?

Такого незаконного совещания вполне достойны и те средства, какие придуманы на нем, чтобы предать Господа Иисуса осуждению на смерть. Это коварные *происки* и бесчестный *подкуп*. И *наблюдше* – первосвященники и книжники, заседавшие в верховном судилище иудейском, *послаша наветников, притворяющих себе праведники быти: да имут Его, Иисуса, в словеси, во еже предати Его* (если б из Его уст слышалось хоть одно слово против правительства) *начальству и власти игемонов (Лк. 20:20).* Это коварное действие врагов Спасителя, совершенно неудавшееся им,

потому что ответы Божественного Наставника истины на их лукавые вопросы только привели их в изумление и безмолвие (Лк. 20:21–45), очевидно, избличает само себя, – избличает столь же открыто, как и то низкое предательство, которое первосвященники – члены синедриона, купили тридцатью сребренниками, решась на *подкуп* Иуды, одного из учеников Христовых (Мф. 26:14–15). Вот предатель, около полуночи, становится в главе неистовой толпы рабов, предводимой несколькими первосвященниками, и *лобзанием предаёт Сына человеческого* (Лк. 22:48). К таким ли средствам надлежало прибегать виновникам осуждения Иисуса Христа, если бы действительно судебным порядком определено было взять Его под стражу?”

Самое это взятие, насильственное, самоуправное, было не что иное, как разбойническое *нападение*, сопровождавшееся *жестокостью и противлением закону*. На мирного Учителя Израилева, в глубокую полночь, в час пламенной Его молитвы, внезапно, будто на разбойника нападает буйная вооруженная толпа (Лк. 22:52)! Господь добровольно отдал Себя в их руки, хотя и одного слова Его: *Аз есмь*, достаточно было для повержения их на землю (Ин. 18:8). Он не только не сопротивлялся лично Сам, но останавливал и сопротивление своих учеников (Ин. 18:11). Несмотря на то, Господа Иисуса *связали*, будто злодея! В настоящем случае, это не только притеснение обвиняемого, но и жестокость тем более преступная, что в ней не настояло никакой необходимости, так как вовсе нечего было опасаться одного, беззащитного, среди многочисленной, вооруженной толпы! Неистовые влекут Господа Иисуса, будто преступника, по стогнам облагодетельствованного Им города, и приводят ли, по крайней мере, прямо в настоящее, верховное судилище? Нет, приводят сперва в частный дом, к *Анне*, потому лишь, что этот человек был тесть правящего первосвященника: *бе бо тесть Каиафе, иже бе архиерей лету тому* (Ин. 18:13). „Для чего же к Анне?” – вопрошает святитель Златоуст, и отвечает: „они радостно величались своим успехом, как бы воздвигнув знамя победы”⁴⁵ и поспешили показать его одному из участников навета. Если

бы иудеи для того только и приводили Иисуса к Анне, чтобы Анна видел Его, удовлетворил непозволительному любопытству, то и тогда уже это действие было бы непростительно и противозаконно, как явное притеснение обвиняемого. Но, принимая в соображение все обстоятельства, нельзя сомневаться, что это сделано было не без особенной цели – именно с тем, не удастся ли Анне, в ненамеренном будто бы расспросе, выпытать у Господа Иисуса что-нибудь такое, чем бы впоследствии можно было воспользоваться на самом суде. А мы видели, что подобные – частные, предварительные истязания обвиняемого строго *запрещались* законом. Да и всякое из этих „предварительных” действий виновников осуждения Иисуса Христа, очевидное дело, совершено не по закону, а прямо противозаконно. Так, закон предписывал строгую разборчивость на счет свидетелей-доносчиков и предварительные изыскания о их честности, с той, разумеется, целью, чтобы не было у них злонамеренности; а здесь, напротив, будущими судьями даже предуготовляются свидетели злонамеренные, подсылаются такие люди, которые своими происками уловили бы Иисуса Христа в слове, – и подкупается предатель!.. Закон предписывал свободу обвиняемому от всяких насильственных мер – до времени суда; а здесь сколько насилия, сколько притеснений, сколько жестокости в отношении к обвиняемому еще до начала судопроизводства!..

Из дома Анны повели Господа Иисуса, все связанным, к первосвященнику Каиафе; здесь, в глубокую ночь, были уже собраны члены синедриона, и тогда же началось „судопроизводство”. Возможно ли было тут ожидать какой-либо законности, когда дело открылось злобой, наветами, подкупом, разбойническим *нападением*, *жестокостью*, *противозаконностью*?

Действительно, *самое судопроизводство* над Иисусом Христом, *пред Каиафой*, было не что иное, как непрерывный *ряд действий* самых *противозаконных*, которые только прикрываемы были, сколько возможно, *личиной законности*. Так, на суд собрались все члены синедриона, все верховные блюстители иудейского правосудия: это, конечно, придавало их

суду вид законности. Но когда собрались? В такое время, которое в судебном отношении было совершенно *противозаконно*: собрались *ночью, в навечерие торжественнейшего* из всех праздника, в который надлежало вкусить пасхального агнца. Ночью могли производить суд только злоумышленники, и понятно, что лишь ночью, во тьме, этим злоумышленникам удобно было совершить дело тьмы – свой незаконный суд.... И притом, преступное свое судопроизводство совершают они с поспешностью и торопливостью, – чтобы не захватить праздника – не из уважения к самому празднику, но *да не молва будет в людех* (Мф. 26:5). Другой причины этого нельзя и представить: „терзаемые завистью и яростью против Иисуса Христа, и, часто покушаясь на смерть Его, они долго не могли достигнуть преступной своей цели; поэтому теперь, взяв Его неожиданно, всячески торопились исполнить кровавое свое намерение”⁴⁶ „Тогда, как начинался праздник, – говорит святитель Лев, – люди, долженствовавшие заняться украшением храма, очищением сосудов, приготовлением жертв, и прилагать священническое старание о законных омовениях, – воспламенившись ненавистью, все время тратят на одно дело, – с одинаковым ожесточением сговариваются на злой умысел”⁴⁷.

Начинается допрос. Кто же допрашивает Господа Иисуса, – кто главный Его судья? – Каиафа, тот самый, который за несколько дней пред тем, на предварительном совещании, явился обвинителем Его⁴⁸, и еще до суда, изрек Ему приговор: *бе же Каиафа давый совет иудеом, яко уне есть единому человеку умрети за люди* (Ин. 18:14). Но где видано, чтобы обвинитель, и притом столь сильно предубежденный против обвиняемого, мог быть судьей? Возможно ли было ожидать от него хотя малейшего беспристрастия на суде? Суд его показал это немедленно.

Какое *лукавство* в самом первом *вопросе*! *Архиерей же вопросы Иисуса о ученицех Его, и о учении Его* (Ин. 18:19). Как бы зная о преступлениях подсудимого по одним доносам, Каиафа предлагает Ему, всенародному Учителю, самый общий

вопрос об учении Его, будто бы, то есть, учение Христово до того времени было ему совершенно неизвестно, несмотря на то, что он, как верховный первосвященник, *должен был тщательно наблюдать* за всякими религиозными нововведениями! Затем скажем словами святителя Златоуста: „как бы не надеясь найти преступления в Нем самом, он тут же вопрошает *и об учениках Его*, т. е., где они, для чего и с каким намерением собраны? Все это говорил он, без сомнения, с той целью, чтобы обличить Его, как возмутителя и мятежника, будто бы, то есть, никто другой не веровал учению Его, кроме учеников!”⁴⁹ Господь не умедлил обнаружить лукавство судьи прямым указанием на то, что Его учение было всенародное, общественное; что о Нем лучше спросить (если уже спрашивать) слышавших, из которых иные находились даже в незаконном судилище: „*вот они знают!*” *Отвеща Иисус: Аз не обинуяся глаголах миру: Аз всегда учах на сонмищах и в церкви, идеже всегда иудее снемлются, и тай не глаголах ничесоже.*⁵⁰ *Что Мя вопрошаеши? вопросы слышавших, что глаголах им: се сии ведут, яже рех Аз (Ин. 18:20,21),* присовокупил Господь, как бы указывая на самих окружавших Его, врагов, – „что тебе спрашивать Меня об этом? Спрашивай наветников, пусть они говорят. Ибо это-то и есть самое несомненное свидетельство истины, когда кто призывает в свидетели даже и врагов.”⁵¹ Что же было ответом на такое вещание Правды? О, „убойся небо, ужаснись земля!” воскликнем с учителем вселенским.

Раб заграждает уста Господу Иисусу – ударением в ланиту! *Сия же рекшу Ему (Христу), един от предстоящих слуг удари в ланиту Иисуса, рек: тако ли отвечаеши архиереови? (Ин. 18:22)* Чем оправдать – не говорим, раба, но самое судилище – в этом крайнем оскорблении подсудимого в присутствии всего синедриона? Эта наглая жестокость была конечно личным беззаконием того, кто ударил Иисуса: но если она произошла в присутствии и пред глазами всего Совета, и если никто из присутствовавших, даже председатель его – первосвященник, не удерживал дерзкого раба, то очевидно и все присутствовавшие, и особенно сам председатель судилища,

сделались участниками в столь жестоком, противозаконном поступке, – тем более, что эта наглость низкого раба имела предлогом своим вступить за достоинство судьи-первосвященника, будто бы оскорбленное ответом Господа. „Видишь ли судилище, исполненное возмущения и смятения, ярости и бесчиния? Архиерей спросил проницательным и лукавым образом; Христос отвечал прямо, и как подобало. Что же следовало? Надлежало или обличить или похвалить сказанное; но делается напротив, и раб Его заушает”.⁵² Размышляя, кто и от кого претерпел ударение в ланиту, – „обыкновенный человек”, по словам блаженного Августина, „готов был бы истребить безбожного оскорбителя огнем небесным, или собрать на его главу все муки ада”.⁵³ Но кротчайший Господь Иисус, „хотя”, действительно, „мог все потрясти, погубить, уничтожить, ничего такого не сотворил”; и в ответ на зверский поступок, „вещает глаголы, могшие укротить всякое зверство”.⁵⁴ *Отвеща ему Иисус: аще зле глаголах, свидетельствуй о зле (докажи, что это худо): аще ли добре, что Мя биеши (Ин. 18:23)?*

Указание Господа Иисуса на необходимость *свидетельства о зле*, то есть улики обвиняемого, естественно должно было представиться судьям требованием неотразимым, тем более, что „этот сонм губителей” и сам по себе всячески старался придать своим действиям вид законный”⁵⁵. Теперь только вспомнили о потребности свидетельства, тогда как, по закону, следовало бы и открыть судопроизводство увещанием свидетелей. Но что? И теперь свидетелей не было! И вот весь великий синедрион, начиная от верховного первосвященника, до последнего из членов, все стали *искать свидетелей* против Иисуса, тогда как, по закону, им надлежало бы делать изыскания даже и касательно готовых уже свидетелей... *Архиерее же и старцы, и сонм весь искаху лжесвидетельства на Иисуса, яко да убьют Его (Мф. 26:59)*. Искали, и не находили, – не находили особенно таких, которых показания были бы сколько-нибудь достаточны для осуждения Господа на смерть: *искаху... и не обретаху: и многим лжесвидетелем приступльшим, не обретоша (Мф. 26:60)*. Мнози бо

лжесвидетельствоваху на Него, и равна свидетельства не бяху (Мк. 14:56), то есть, „свидетельства не были достаточны”. Нашлось, наконец, два и таких свидетеля, которых обвинения, по-видимому, имели некоторую важность: послежде же, приступивше два лжесвидетеля, рекши: сей рече: могу разорити церковь Божию, и трети денми создати ю (Мф. 26:60–61). Яко мы слышахом Его глаголюща, яко Аз разорю церковь сию рукотвореную, и трети денми ину, нерукотворену созижду (Мк. 14:58). Но на самом деле, и эти новые свидетели были лжесвидетелями, так как они злонамеренно извратили не только слова, но и самый смысл тех слов, которые некогда были сказаны Спасителем о храме тела Своего.⁵⁶ Притом, по ближайшем рассмотрении этих свидетельств, сами судьи увидели недостаточность их: и ни тако равно бе свидетельство их (Мк. 14:56). („Если бы Он, –замечает святитель Златоуст, – и говорил, что в три дня воздвигнет церковь, то что это за обвинение?”)⁵⁷ Итак надлежало искать новых свидетелей. Но где было взять их?

Что ж? Каиафа, судья криводушный, стал от подсудимого настоятельно *требовать ответа* и оправдания *на показания, явно ложные*, – на такие свидетельства, которые даже в очах самих незаконных судей были *недостаточны*... Встав с своего седалища и став посреди совета, он спросил Господа Иисуса: „что же Ты не отвечаешь ничего?” *И востав архиерей посреди, вопросы Иисуса, глаголя: не отвечаеши ли ничесоже? Что сии на Тя свидетельствуют? Он же, Иисус, молчаше, и ничтоже отвечаваше (Мк. 14:60,61).* „Ответ был бесполезен, когда никто не слушал” правды, „и тогда уже довольно ясно было, что суд их – по выражению Златоуста – имел только наружный вид суда; в самом же деле был не что иное, как нападение разбойников, которые бросаются на проходящих из своего вертепа. Поэтому Христос и молчал”.⁵⁸ Итак, очевидно, что молчание в настоящем случае было наилучшим ответом. Однако же, для Каиафы, который, без сомнения, „желал слышать защищение от самого обвиняемого, чтобы чрез это уловить Его⁵⁹”, молчание Иисуса Христа было нестерпимо до крайности. К какому же средству прибегает незаконный судья,

чтобы вынудить у Господа благоприятное свидетельство о Себе самом?

Он прибегает к коварному допросу под клятвой, закликает Господа Иисуса Богом живым, сказать, Христос ли Он, Сын Божий. *Архиерей рече Ему: заклиная Тя Богом живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос Сын Божий (Мф. 26:63)?* На слова первосвященника: „заклинаю Тебя“ – непременно должно было дать ответ, немедленно, как пред Богом, и ответ по „сущей правде“. Такое заклинание у Каиафы заключало в себе не только насилие, но и коварство; ибо оно употреблено было злонамеренно, судя по тому, как выслушан ответ Господа, вытребованный клятвой. При имени Бога живаго, хотя это высокое имя недостойным Его служителем явно употреблено было во зло, Господь Иисус открыл уста Свои, и дал ответ утвердительный, что Он точно Христос. *Глагола ему Иисус: ты рекл еси (то есть, ты сказал правду). Обаче (даже) глаголю вам: отселе узрите Сына человеческого сидяща одесную силы, и грядуща на облацех небесных (Мф. 26:64).* Так „учил Господь“ законопреступных иудеев, „до последнего часа, что Он есть Христос, сидящий одесную Отца, и имеющий прийти судить вселенную“; учил „для того, чтобы отнять у них всякое извинение“⁶⁰. И чем извинить беззаконных? Если признание подсудимого сделано было под клятвой, наложенной самим великим первосвященником-судьей, то, бесспорно, оно должно было иметь силу непререкаемую. По крайней мере, осуждать самое клятвенное признание, осуждать по одному этому признанию, без всяких новых исследований, было бы вероломно. А вероломство-то именно и было в духе Каиафы, и тотчас открылось. Едва услышал он признание Спасителя в сыновстве Богу и Отцу, вдруг воспламенился сильным гневом, и, раздрав свои одежды, воскликнул: „Он богохульствует! На что еще нам свидетелей?“ *Тогда архиерей растерза ризы, глаголя, яко хулу глагола: что еще требуем свидетелей? Се ныне слышасте хулу (богохульство) Его (Мф. 26:65).* Итак, по решению первосвященника, суд был уже кончен, и осуждение на смерть, какое следовало за богохульство, было готово! Таков был суд Каиафы!

Но весьма нетрудно доказать, что Каиафа вовсе несправедливо прилагал к Иисусу Христу закон о богохульстве. Ибо богохульство, за которое в книге Второзакония определяется смертная казнь, не имеет ничего общего с учением Иисуса Христа о Боге вообще. Это поймет всякий, кто внимательно прочитает относящиеся сюда места упомянутой книги.

Эти места суть следующие: 1) Втор. 4:15: *И снабдите души своя зело, яко не увидите всякого подобия в день, в оньже глагола Господь к вам в горе Хориве из среды огня.* И опять, 2) Втор. 18:1–3,5: *Аще же возстанет в тебе пророк, или видяй соние, и даст тебе знамение или чудо, и приидет знамение или чудо, еже рече к тебе, глаголя: идем, да послужим богом иным, ихже не весте: да не послушаеши гласа пророка того, или видящаго сон той; яко искушает Господь Бог твой вас. И пророк, или видяй соние, да умрет: глагола бо, еже прельстити тя от Господа Бога твоего.* Наконец 8) Втор. 18:20: *Пророк, иже вознечествует глаголати во имя Мое – слово, егоже не повелех ему глаголами, и иже аще возглаголет во имя богов инех, да умрет пророк той.*

Очевидно, что в первом из этих мест закона Моисеева о богохульстве запрещается *идолослужение*, а в двух последних запрещается *многобожие*, и угрожается смертью такому пророку или учителю, который бы дерзнул склонять народ к какому-либо роду нечестия, совращая его с пути единобожия, или почитания единого истинного Бога.

Но кто, по совести, осмелился бы утверждать, что Христос Иисус привлекал иудеев к подобному нечестию в религии, и что наказание, определенное в приведенных местах закона, должно было отяготеть над Ним, – тогда как все святое Евангелие показывает, что Господь Иисус началом и основанием всего Своего учения поставлял именно веру в Бога отцов их? Он постоянно проповедовал не о другом Боге, но о Боге Авраамовом, Боге Исааковом, Боге Иаковлевом. Он постоянно исповедовал, что и послан от Бога; и к искреннему почитанию Его и любви непрестанно возбуждал, изображая Его пред ними Отцом возлюбленнейшим и чадолюбивейшим. *Се есть живот*

вечный, – говорил Он, – да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа (Ин. 17:3). Никтоже благ, токмо един Бог (Мк. 10:18). Един есть Отец ваш, иже на небесех (Мф. 23:9). Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться (Ин. 4:24). Эти и другие подобные изречения Христовы, которыми исполнена евангельская история, ясно убеждают, что Иисус Христос не только был совершенно чужд того, чтобы внушать иудеям лжеучение об идолослужении и многобожии, но что, напротив, никто, кроме Его, не излагал более чистого и возвышенного учения о Высочайшем Существе.

Должно заметить, что хотя Иисус Христос, кроме общего учения о Боге, проповедовал и частнейшее учение о Себе самом, как об истинном Сыне Божиим, архиереи и книжники все однако же не могли иметь в своем законе повода к осуждению Его. Ибо *и это Его учение о Своем сыновстве Богу Отцу и троичности лиц в Боге отнюдь не противоречило ветхозаветному вероучению.* Называя Себя Сыном Божиим, Иисус Христос отнюдь не проповедовал чрез то самое какого-либо *плотского Бога*, подобного смертным людям⁶¹; тем менее вводил в религию много богов, или Бога отличного от Того, которого почитали иудеи. Церковь Христова, наученная самим Иисусом Христом и основанная на Его учении, всегда исповедует, что множественность лиц в Боге, на которую есть указание и в Ветхом Завете (напр. Быт. 1:26,3,2; 11:7; Пс. 2:7, и проч.), никаким образом не противоречит единству Божественной природы и высочайшей ее простоте. Слова Иисуса Христа: *Аз и Отец едино есма (Ин. 10:80); Отец во Мне, и Аз в Отце семь* (ст. 88), и многие другие подобные – ясно показывали, что хотя Его учение таинственно, однако же отнюдь не противоречит закону Моисееву, и вообще – ветхозаветному учению о едином Боге.

Если бы судившие Господа Иисуса были менее ослеплены предрассудками и ожесточены против Него ненавистью, то легко могли бы увидеть, что Его учение от Бога. Пред их очами, действительно, были несомненные доказательства, что обетованный им Мессия, Христос, имел быть не простым

человеком, не земным царем-завоевателем, о котором сами они мечтали, но лицом Божественным, хотя и вочеловеченным, и что это лицо есть именно Господь Иисус.

Божественность лица Мессии довольно явственно и раздельно раскрыта в священных книгах Ветхого Завета, где неоднократно говорится о Нем, как о Сыне Божиим, который есть вместе и Сын человеческий, – как о таком лице, которое имеет единство природы с Богом Отцом, отличается теми же свойствами и действиями. Так напр. Пс. 2:7: *Господь рече ко Мне: Сын Мой еси Ты: Аз днесь родих Тя!* Пс. 44:8 *Помаза Тя, Боже, Бог Твой;* Пс. 109:1 *Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене;* Ис. 7:14 *Имя ему Иммануил – с нами Бог!* Ис. 9:6 *Отроча родися нам, Сын, – Бог крепкий, Отец будущего века, и проч.;* Мих. 5:2 *И ты, Вифлееме, – из тебе Мне изыдет Старейшина, еже быти в князя во Израили: исходи же Его из начала от дней века.* Дан. 7:13,14 *Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын человек идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред Него приведся; и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людие, племена и языцы Тому поработают: власть Его, власть вечная, яже не преидет, и царство Его не разсыплется.* Малах. 3:1 *Се Аз посылаю Ангела Моего пред лицем Моим. Внезапу преидет в Церковь свою Господь, егоже вы хотите;* и т. п. В таких-то возвышенных чертах изображалось в ветхозаветных писаниях лицо Мессии, как лицо истинно-божественное. С этим учением о божественности Мессии согласно было некоторым образом и древнейшее предание, которое сохранялось у евреев и содержало в себе учение о *Метатроне и Шехине*, или о Боге, как виновнике Откровения, и о Божественном посреднике между Богом и миром (*Deo Manifestatore et – Mediatore*). По этому преданию, „Метатрон и Шехина, истекая из самой сущности Божества, в Нем отождествляются, так что между ними не остается и различия“. Такое учение раскрыто в самой древней книге *Согар*⁶² и в других древнейших еврейских книгах. Ученые исследователи до того раскрыли действительность существования у евреев такого предания, начиная с самой

глубокой древности, что не оставляют в этом никакого сомнения⁶³.

Теперь понятно, почему Евангелие в разных местах представляет иудеев говорящими и слушающими то об одном, то о другом лице Святой Троицы, как бы о деле известном, которое нисколько не изумляет их. (Так напр. Матф. 1:18, 20; Лк. 1:32, 35. и др. разн. мест.). Это показывает, что учение Иисуса Христа было только яснейшим раскрытием того, что заключалось в книгах закона и пророков, как в семени, и что содержалось, по крайней мере отчасти, даже в древнейшем, общепринятом, иудейском предании; следовательно, не могло бы показаться для иудеев совершенно противным их вере, если бы они не были ослеплены злобой и предрассудками, с которыми так не согласовалось внешнее состояние Иисуса Христа. Притом замечательно, что и Каиафа не спрашивает: „Христос ли Ты, Сын Божий?” Но «*Ты ли Христос, Сын Божий?*» *Ты ли* (как бы так сказал он) такое лицо, столь уничиженное, поруганное, столь ненавистное для нас, первосвященников?..

Обратимся теперь и к другому вопросу о Мессии. Если внешнее, уничиженное состояние Иисуса Христа (которое также было предвозвещено пророками, напр. Ис. 53) и могло казаться соблазнительным для некоторых иудеев, *не ведуще Писания, ни силы Божия* (Мк. 12:24), то, *испытав писания* пророческие, по указанию самого же Господа Иисуса (Ин. 5:29) и давая в своем сердце веру, по крайней мере *делам* Его (Ин. 10:38), эти ученые судьи должны были бы видеть несомненные доказательства того, что обетованный им Божественный посланник есть именно Господь Иисус!

Что на Иисусе Христе сбылись все ветхозаветные пророчества о Мессии, на это весьма часто указывал и Сам Господь (из бесчисленных указаний Его упомянем только о том, которое изречено Спасителем уже при самом нападении на Него, – пред тем, как отвели Его на суд синедриона (Мф. 26:54–56); указывают и святые Евангелисты, приводя изречения пророков при повествовании о всяком важнейшем событии в жизни Господа Иисуса, даже до изумительных подробностей (напр. Ин. 19:36,37 и др. мн.).

Учение о Себе, как о Христе, Сыне Божиим, Господь Иисус подтвердил величайшими, многообразными и разнообразными чудесами, которые до того поражали очевидцев, что они повторяли; *николиже явися тако во Израили (Мф. 9:33)*! Или: *никтоже бо может знамений сих творити, аще не будет Бог с ним (Ин. 3:2)*.

При столь дивных знамениях архиереи и книжники должны были, тем с большей осмотрительностью, обратиться к закону Моисееву и пророкам, и снести их учение с учением Христовым (Ин. 12:42. Деян. 5:17); но так ли поступили они при суждении о делах Иисуса Христа? Напротив, они и в этом отношении сделали все, чтоб быть неизвинительными пред судом Божиим: в них нисколько не видно заботы о том, чтоб совестно решить, нет ли, в самом деле, в Иисусе Христе признаков истинного Мессии? Тогда как божественное Его учение у самых простых слушателей исторгало признание: *николиже тако есть глаголач человек (Ин. 7:46)*, они твердили без всякого исследования: *ни, но льстит народы (Ин. 7:12)*! Тогда как от века неслыханные чудеса являли в Иисусе силу божественную, и весь народ, в удивлении, говорил: *еда сей есть Христос, Сын Давидов? (Мф. 12:23)*, фарисеи, с их клеветами, уверяли, что Иисус обладает силой бесовской, и что ею-то именно изгоняет бесов; уверяли, не только не имея на то твердых оснований, но и вопреки здравому смыслу (Мф. 12: 24–26, 29).

Вот почему, когда по собственному их вопросу, под клятвой, Господь Иисус исповедал Себя Христом, Сыном Божиим, они нисколько не исследовали истину сего исповедания, но все единогласно, как будто это дело не требовало никаких исследований, тотчас признали Его слова богохульством, и присудили Его к смерти, какую закон предписывал богохульникам, распространителям идолослужения и многобожия. Таким образом, из всех их отношений к Господу Иисусу Христу видно, что они водились иным каким-то духом, что правда и вера были для них делом сторонним! Между тем, Господь Иисус в Своем Лице, в учении и делах представлял столь много и притом столь разительных свидетельств своей

правды, что у них, как бы против воли их, не могла не запастись мысль в сердце и совесть: не Он ли? – кажется, Он – Христос.

Если после этого и нельзя утверждать, что иудеи сделались виновниками осуждения Иисуса Христа в твердой уверенности, что Он Сын Божий, то, предполагая в них хотя малейший остаток доброго чувства, с большой вероятностью можем полагать, что они осудили Господа Иисуса с *совестью сомнящеюся*, в которой, при самом совершении их беззакония, верно пробуждался тайный голос: „не Он ли, в самом деле, – Христос?“ Особенно же сильно должно было прозвучать в преступной их душе то исповедание, которым Господь Иисус торжественно объявил Себя Сыном Божиим и указал на грядущую Свою славу; то исповедание, которого правота и истина до того была известна, что не могла быть заподозрена даже нарочито выисканными лжесвидетелями! Но эти люди тогда зашли уже слишком далеко, – так далеко, что им почти не оставалось возможности к возврату назад, что для них стало почти невозможным признать за Мессию Господа Иисуса, которому они причинили столько зла, которого подвергли такому унижению, таким ужасным оскорблениям на своем суде! И вот они, в адском упорстве, объявляют Его богохульником...

Если сравнить этот незаконный суд, это ужасное событие с теми мирными началами, какими должны были руководствоваться блюстители иудейского правосудия, то окажется, что в суде над Иисусом Христом нет ни малейших следов того уважения, какое, по иудейским законам, надлежало соблюдать на суде в отношении к подсудимому. Что за уважение, когда председатель судилища позволяет в своем присутствии бить подсудимого по ланитам! Да и сам Каиафа – что такое он здесь? – И *обвинитель*, и вместе *судья*.⁶⁴ Судья, который раздражается и разгорячается до того, что раздирает свои одежды, тогда как закон предписывал судьям *воздержание* от всего, что возбуждало бы страсти; судья, который обязывает подсудимого страшной клятвой, и вслед за тем, осуждает клятвенное его признание; судья, который не хочет более никаких свидетелей, несмотря на то, что закон требовал их, и

что все *приисканные* лжесвидетельства для самих незаконных судей оказались недостаточными; судья, который при безуспешности законных исследований домогается, чтобы подсудимый, вопреки отечественным законам, *был осужден по одному собственному признанию!*

Хотя в словах Каиафы: *хулу глагола* (Мф. 26:65), заключался уже приговор Господу Иисусу, определенный законом за богохульство, однако же Каиафа, показывая вид, будто он заботится о законности судопроизводства, не объявляет своего мнения положительно, но лукаво дав своим советникам только основание для заключения, требует, чтобы они сами произнесли положительное мнение. *Се ныне слышасте хулу Его: что вам мнится?* (Мф. 26:66) Поэтому члены синедриона, действовавшие совершенно в духе Каиафы, зная, что если дело будет тщательно исследовано, Иисус окажется совершенно невинным, присуждают Ему смерть и говорят: *повинен есть смерти!* Где же, на этом суде, то правосудие евреев, которого столь блистательная картина представляется нам в их уголовных законах того времени? Где та *всевозможная умеренность* в суждениях, какая предписывалась всем вообще лицам, участвовавшим в суде? Где публичные прения, общее исследование о вине подсудимого? Где *преимущество для защитников* невинности? Ничего этого не было, – не было, без сомнения, потому, что здесь заседали одни *единомышленники*, которые наперед уже согласились приговорить к смерти Того, кто находился теперь пред судом их.

Поправ таким образом все законы, незаконные судьи, тем не менее, удерживают вид законности; и окончательное произнесение приговора, как предписывал закон, отлагают до вторичного заседания, однако же *не до третьего дня* (как бы следовало), а только *до рассвета следующего*.

И каков был этот вторичный допрос? Ничем не лучше первого. Чтобы видеть это, стоит только прочитать евангельское о нем повествование: *и яко бысть день, собравшася старцы людстии, архиереи и книжницы, и ведоша Его (Иисуса) на сонм свой, глаголюще: аще Ты еси Христос? Рцы нам. Рече же им:*

аще вам реку, не имете веры; аще же и вопрошу вы, не отвечаете Ми, ни отпустите. Слова Спасителя совершенно подтверждались действиями судей в предшествовавшем их заседании. Однакож, и тут еще Господь не оставляет их без вразумления, но еще раз указывает им на то, кого они судят: *отселе будет Сын человеческий седяй одесную силы Божия. Реша же вси: Ты ли убо еси Сын Божий? Он же к ним рече: вы глаголете, яко Аз есмь. Они же реша: что еще требуем свидетельства? Сами бо слышахом от уст Его (Лк. 22:66–71)!* Итак, опять осуждение обвиняемого по одному собственному Его признанию, – осуждение без всякого исследования истины слов Его, – вопреки всякой справедливости.

Но, если что показывает незаконность и крайнюю жестокость суда над Господом Иисусом, то это *жесточайшие оскорбления*, каким подвергался Он, подсудимый, как в продолжении всего судопроизводства, так особенно по произнесении Ему смертного приговора. Тогда, преимущественно, беззаконники изливали на Него всю свою ярость: плевали, заушали, укоряли Его, и всячески ругались над Ним. *Тогда заплеваша лице Его, и пакости Ему деяху (Мф. 26:67). И начаша нецыи плювати нань, и прикрывати лице Его, и мучити Его... И слуги по ланитома Его бияху (Мк. 14:65). И мужие держащии Иисуса, ругахуся Ему, биюще, и закрывше Его, бияху Его по лицу, и вопрошаху Его, глаголюще: прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя? И ина многа хуляще глаголаху нань (Лк. 22:63–65; Мф. 26:68)...* „Для чего же они делали это, – спрашивает Златоуст, – когда уже вознамерились умертвить Его? Какая была нужда в таком поругании? Разве та, чтобы ты видел злобный нрав их. В самом деле, они тем обнаруживали свое исступление; таким порывались бешенством, что будто нашли добычу, и, совершая это торжество, с злобной радостью бросились на нее, чтобы показать убийственный нрав свой.⁶⁵ Господь Иисус, укоряем *противу не укоряше, стражда не прещаше; предающе же судящему праведно (1Пет. 2:23), – Судии всех Богу!* „Это показывает, – скажем опять словами святителя Златоуста, – неизреченную попечительность Господа и непростительную

злобу тех, которые с столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны в кротости, ни с их – в злобе и жестокости, на словах и на деле!⁶⁶ Поистине поразительно, даже неестественно видеть собрание сановников, пользующихся общим уважением и как бы общественным полномочием, и между тем, либо явно употребляющих во зло свое полномочие, либо преступным согласием, поблажкой, попускающих другим совершать самые ужасные наглости; но как могло это случиться, подумает кто-либо? Могло – когда случилось, – когда единогласно подтверждается свидетельствами самых современников, которые если не присутствовали в судопроизводстве, то были на месте события, в соседстве, на дворе; были для того именно, чтобы видеть, чем это кончится (Мф. 26:58. Мк. 14:54), – и, может быть, с сердечной скорбью выводывали все то, что случилось с их Учителем!

Нисколько не удивительно, если те же иудеи, которые произнесли над Господом смертный приговор, первые показали и пример жестокого обращения с Ним; „Священницы за ланиту удариша Христа“, воспевают святая Церковь⁶⁷ справедливо заключая, что в числе *некоторых* (по сказанию Евангелиста: Мк. 14:65) оскорбителей, прежде всего, были главные виновники осуждения, которым даже стоило лишь только дать знак, чтобы и меры не было жестоким обидам со стороны их рабов. Но если эти ужасные оскорбления, эти бесчеловечные жестокости отнесем даже и к слугам первосвященника или к его свите, то все неизвинительны те, которые, приписывая себе право суда над Господом Иисусом, должны были оказать Ему всевозможное покровительство закона.

Те жестокости, неизвинительные и в том случае, когда бы они оказаны были человеку, осужденному на неминуемую смерть и уже преданному на казнь, были тем более несправедливы в отношении к Иисусу Христу, что настоящим, законно-судебным порядком, не было еще произнесено над Ним определенного приговора, по господствовавшему тогда в Иудее праву: известно, что в это время в Иудее смертный приговор

мог произнести только римский прокуратор, которому принадлежало и самое уголовное судопроизводство.⁶⁸ Посему-то, члены синедриона, осудив Христа Иисуса в качестве *судей*, принуждены были явиться с Ним к игемону – Пилату в качестве *обвинителей*. Посмотрим, как действовали они и здесь.

Если на суде Каиафы иудеи незаконно действовали, как *законопреступные судьи, прикрывавшиеся* только личиной правосудия, то здесь, пред Пилатом, в *непрерывном ряду* самых *несправедливых* и *бесчеловечных действий*, они являются *открытыми*, ожесточенными *врагами* Иисуса Христа, обнаружившими во всей силе свою злобу и свирепость своих страстей.

Воставше все множество их, ведоша Его к Пилату (Лк. 23:1). К чему *все множество*? Если бы дело было законное, если бы, по судебном исследовании вины подсудимого, она оказалась явной и несомненной, то, без сомнения, довольно было бы сообщить прокуратору об исследованиях синедриона чрез нескольких его членов. Но нет, к Пилату устремился *весь синедрион*, как бы для того, чтобы одной многочисленностью голосов сообщить лживым его показаниям надлежащую важность и силу. „Это было для того, – по объяснению Златоуста, – чтобы *множество судей, и нехотящим им*, – т. е. как бы против воли их самих, – показывало, что истина их обвинения дознана опытом”.⁶⁹ Таким-то образом иудеи, конечно, надеялись без труда достигнуть незаконной своей цели, и вместе соблюсти всю внешнюю законность. И в каком жалком виде является эта заботливость их о внешней законности! Дыша убийством, лицемеры, по-видимому, *опасаются оскверниться даже прикосновением к судилищу язычника: и тии не внидоша в претор, да не осквернятся (Ин. 18:28)!*.. „Смотри, как смешны иудеи! – восклицает Златоуст. – Какое осквернение, скажи мне, войти в судилище, где преступники приемлют казнь? Одесятствующие мятву и копр, убивая несправедливо невинного, не думали оскверниться; а между тем показывали, что судилище может осквернить их!”⁷⁰.

На вопрос Пилата: *кую вину приносите на человека сего?* иудеи отвечают: *аще не был сей злодей, не быхом предали Его*

тебе (Ин. 18:29,30)! Таким образом, с самых первых слов они обнаруживают слепую свою ненависть к Господу Иисусу: *уклоняясь от прямого показания вины*, эти незаконные обвинители унижают обвиняемого голословно одним *именем злодея*, и кого же унижают? – всенародного *Благодетеля!*.. „Что за безумие, – взывает святитель Златоуст, – почто не раскрываете злодеяния, но прикрываете? Почто не обличаете зла? Видишь ли, как везде отрицаются они от прямого обличения!”⁷¹ Он злодей!.. „Надлежало бы, – скажем с блаженным Августином, – спросить об этом тех, кого освободил Он от нечистых духов и болезней; надлежало бы спросить прокаженных, которых Он исцелил, глухих, немых и слепых, которым Он возвратил слух, язык и очи; мертвых, которых Он воскресил, и, что превышает все Его чудеса, буиих, которых Он исполнил божественной мудростью, – их-то надлежало бы спросить,”⁷² что это за злодеяния, в которых провинился пред своими преследователями Господь Иисус!.. О, эти люди, взысканные бесчисленными благодеяниями Иисуса Христа, без сомнения, восстанут некогда на суд с родом сим, жестоковым и богопротивным!.. На суде Пилата не слышно было их свидетельства. Но и без того, если бы обвинявшие Господа Иисуса иудеи менее были ослеплены ненавистью к Нему, конечно, легко могли бы сообразить, что Пилат не захочет осудить на казнь представленного ему человека без всякого суда – единственно потому, что обвинители решились назвать Его *злодеем*, и что этого тем менее можно было ожидать от гордого римлянина, который, в качестве правителя Иудеи, обладал исключительной властью произносить приговоры по делам уголовным, а потому всякое притязание ограничить эту власть почел бы личным себе оскорблением.

И Пилат очень ясно дал заметить, как показалось ему голословное их *обвинение!* Его ответ: *поймите Его вы, и по закону вашему судите Ему* (Ин. 18:31), очевидно, заключал в себе язвительный укор. Он как бы так говорил им: „уголовный суд принадлежит мне, и я должен судить по законам; а законы не позволяют мне предавать на казнь человека, которого вины я не исследовал и не открыл (Деян. 25:15,16); может быть это

позволяет вам ваш закон: так возьмите Его, и судите по вашему закону!” Как бы не поняв слов Пилата, или понимая их в прямом смысле, иудеи отвечают: *нам не достоит убить ни когоже* (Ин. 18:31)! Столь же *хитрые*, как и злобные, члены синедриона не только не противоречат тайной мысли игемона, на которую он сделал явный намек; но еще выражают, что за тем-то и явились в преторию... „Они, – как замечает святитель Лев, – по-видимому, преданы римским законам и предоставляют суд власти игемона, тогда как, на самом деле, хотят иметь в нем более исполнителя своей жестокости, чем судью; они представили ему Иисуса Христа уже связанного крепкими узами, избитого частыми заушениями, обезображенного заплевываниями”⁷³ тогда, как уже изрекли подсудимому смертный приговор! Ничто, конечно, не удержало бы их и от злодейского умерщвления Его. И если „они не умертвили Иисуса тайно,” то без сомнения „потому только, что хотели уничтожить самую славу Его, – хотели предать Его смерти публично, пред всеми”⁷⁴; да и потому, что „первосвященники и старейшины народа” иудейского, главные виновники осуждения Иисуса Христа, старались действовать так, чтобы казаться непричастными злодеянию; они скрывали дела рук, и изощряли стрелы языка, не желая, по-видимому, убийства”; а между тем таили в душе „восклицание: распни, распни Его”⁷⁵ и вот теперь торжественно предают Господа Иисуса суду другой, высшей власти! С таким-то духом возглашают беззаконные: „нам не позволено никого предавать смерти!” Закон не позволяет! Но „по какому закону вам, иудеи, можно желать того, чего нельзя делать”⁷⁶?

Признав торжественно, что, по существовавшим тогда законам, смертный приговор законно-судебным порядком мог произнести над обвиняемым ими Иисусом только римский игемон, обвинители уже никак не могли уклониться от того, чтобы не выставить, в чем находят они виновным подсудимого, чтобы не представить так называемых „обвинительных пунктов”. В чем же состоят они? Какое главное обвинение со стороны иудеев против Господа Иисуса? Следовало бы ожидать, что оно будет то самое, по которому Он осужден на суде синедриона, то

есть обвинение в богохульстве, – единственное, произнесенное Каиафой пред сонмищем иудеев. Но о нем и не упомянуто! Отчаяваясь вынудить у римского судьи смертный приговор за разногласие религиозное, которое римляне не считали делом важным⁷⁷ и зная, что Пилат не берет никакого участия в делах, относящихся к религии, они с намерением сильнее подействовать на него, как на гражданского судью, *прибегают к извороту в главном обвинении*, – обращают донос в другую сторону, и вместо вины религиозной (богохульства) вдруг *указывают на преступление гражданское, государственное! Начаша же нань вадити, глаголюще: сего обретохом развращающа язык (народ) наш, и возбраняюща кесареви дань даяти, глаголюща себе Христа Царя быти (Лк. 23:2)*. „Отсюда видно, – замечает Златоуст, – что и раздраение риз, и ужас оный первосвященника было одно притворство!” Отсюда видно, что и там и здесь, все вели они и направляли лишь только „к тому, чтобы подвергнуть Его смерти!”⁷⁸ Поистине, если что с особенной силой изобличает обвинителей Иисусовых, то именно изворот их в обвинении. Всецело занятые той мыслью, как бы погубить Его, они теперь являются уже не мстителями за *свою религию*, будто бы жестоко оскорбленную, за свое богопочитание, будто бы подверженное опасности: перестав быть иудеями для того, чтобы воспламенить страсть в иноплеменнике, эти лицемеры теперь принимают вид, что заботятся только о пользах Рима и обвиняют своего соотечественника в намерении восстановить царство иерусалимское, сделаться царем иудейским, – объявляют, будто Он возмущает народ (против завоевателей) и запрещает давать дань кесарю!

Какая *бесстыдная клевета* заключается в этом показании обвинителей! Иисус Христос запрещает давать дань кесарю! Но кому же не известно было, что „Он и сам платил дань (Мф. 17:24), и другим повелевал платить ее?”⁷⁹ Нет сомнения, что и у самих обвинителей было еще в свежей памяти премудрое изречение Господа, произнесенное в ответ на лукавый вопрос злоумышленников: „следует ли нам давать подать кесарю?” Указывая образ кесаря на римской монете, Он в то время

сказал: „отдавайте кесарево кесарю (Лк. 20:22–25)!“ Явно после этого, что обвинение Господа Иисуса в том, будто Он запрещал давать подати, было только средством к вооружению против Него Пилата, который, как „прокуратор кесаря“, был и поставлен главным образом для взыскания податей. Не менее лживо и другое обвинение – в мнимом посягательстве Господа Иисуса на царскую власть; ибо этим врагам, наблюдавшим за всеми Его действиями, очень хорошо известно было, что Он не только не обнаруживал никаких видов на земное царство, не только воспротивился намерению облагодетельствованного Им народа, который хотел силой взять Его и сделать царем” (Ин. 6:14,15), но даже до того уклонялся от всякого вмешательства в гражданские дела, что отказался участвовать в разделе имущества: *человече*, сказал Он просившему Его об этом, *кто Мя постави судию или делителя над вами* (Лк. 12:13,14)? Что же открывается теперь, при допросе Пилатовом?

Ты ли еси Царь Иудейск? – спросил Пилат Иисуса Христа, взяв Его для допроса в Преторию, то есть „справедливо ли то показание, что Ты выдаешь Себя за царя иудейского?“ Не отвечая на этот вопрос, Господь, в свою очередь, Сам спрашивает Пилата: *о себе ли* (от себя ли) *ты сие глаголеши, или инии тебе рекоша о Мне* (Ин. 18:33,34)? И своим вопросом, по замечанию одного из просвещеннейших наших пастырей, „неприметным образом уничтожает всю силу вопроса Пилатова“. Если Пилат говорил „не от себя“, не по собственным подозрениям, – как и действительно было, – а основываясь единственно на словах „других“, этих самых обвинителей, то и отсюда уже видно было, что обвинение первосвященников было – сущая клевета; ибо предполагаемая опасность от Иисуса Христа для римского правительства всего скорее должна была сделаться известной Пилату, как римскому прокуратору⁸⁰. Когда же игемон, как бы оскорбленный тем, что ему приписывается подозрение Иисуса Христа в таком домогательстве, возразил: *еда аз Жидовин есть? Род Твой и архиереи предаша Тя мне: что еси сотворил?* (Ин.18:35) – тогда Господь разрешает его недоумение открытием, что „царство Его не от мира сего“, не есть царство земное, которого ожидали иудеи в своих мечтах о

Мессии, и в „непререкаемое подтверждение”⁸¹ своих слов, указывает на то, что в противном случае Он не был бы предан иудеям! *Отвеща Иисус: царство Мое несть от мира сего: аще от мира сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизались быша, да не предан бых был Иудеом: ныне же царство Мое несть отсюду (Ин.18:36).* Показав, в каком смысле надобно понимать Его царем, Иисус Христос на вторичный вопрос Пилата: *убо царь ли еси Ты?* дает уже ответ утвердительный, и с тем вместе внушает, что царство Его есть царство истины, так как Он в мир пришел для свидетельствования об истине, и что Его подданные – слушающие истину... *Отвеща Иисус: ты глаголеши, яко Царь есмь Аз: Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетелствую истину: и всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего (Ин. 18:37).* Весь этот ответ Господа Иисуса весьма замечателен и в нравственном отношении, как *доброе исповедание истины (1Тим. 6:13)*, и в догматическом, как проповедь о непоколебимости Церкви, или духовного царства Христова на земле, и в судебном, – потому что двукратное подтверждение: „царство Мое не от мира сего”, „царство Мое не отсюда”, – совершенно освобождало Его от обвинения в посягательстве на царство временное, или на власть кесаря. Поэтому-то, в ответе на слово об истине, Пилат спросил: *что есть истина?* и потом, поспешным удалением из претории, по словам одного святого отца,⁸² показал, что он не от истины, и не слушает гласа ее; однако, вслед за тем иудеи слышали торжественный его отзыв, что их обвинение совершенно несправедливо: *изыде ко Иудеом, и глагола им: аз ни единыя вины обретаю в Нем (Ин. 18:38)!* И вот Иисус, всенародно обвиненный иудеями, всенародно оправдан голосом римского судьи! „Это, – говорит святитель Кирилл Александрийский, – было дело, достойное смеха, или лучше достойное слез, что Того, Кто по законам язычества признан невинным, иудеи, хвалившиеся хранением закона Божия, почитали повинным смерти”⁸³. А то стоило еще большего смеха или плача, что когда уже и *Пилат*, после судебного допроса, признал Иисуса Христа невинным, иудеи не только не

уступали, но еще *настоятельнее усиливали свое обвинение в том же мнимом преступлении*, и уверяли, что возмутительные действия Иисуса распространяются повсюду: *они же крепляхуся (настаивали) глаголюще, яко сей развращает люди (возмущает народ), уча по всей Иудеи, начен от Галилеи до zde (Лк. 23:5).*

Он возмущает народ, уча: вот в чем главное оскорбление иудейских первосвященников, книжников и фарисеев! Если не в устах этих явных клеветников, то, может быть, в их сознании, а еще более, в самом существе дела, приведенное обвинение имело такой смысл: „*Он учит*, то есть, вразумляет и просвещает народ; Он проповедует *учение новое*, от нашего отличное; Он раскрыл и показал на деле – никому до Него в такой степени неведомую и как бы Ему одному принадлежащую добродетель – *любовь*, и чудодейственные Его руки непрестанно источали дары этой любви! *Он возмущает народ*, – то есть: народ слушает Его с увлечением, радостно внемлет святым и в высшей мере поучительным Его урокам, следует за Ним с усердием, и любит Его несравненно более, чем нас, духовных своих вождей; любит потому, что Он проповедует учение для народа утешительное, от которого он в восхищении (Мк. 11:18); речи Его трогательны и поразительны. О, как сильно, как нестерпимо поражает Он своей проповедью нашу гордость и лицемерие, наше корыстолюбие и ненасытный дух господства (Лк. 16 и друг.)“ Так понимать обвинение, внесенное иудеями на Иисуса Христа в отношении к народу, заставляет нас вся евангельская история. Но нигде в ней невозможно найти и следа тех возмутительных действий Иисуса (против правительства), о которых вопияли иудеи пред Пилатом! К действиям подобного рода, очевидно, нельзя отнести того случая, о котором упоминает Евангелист Иоанн (Ин. 7:43), – именно той частной распри или тех толков, какие возбуждены были в народе божественным учением Господа, когда одни утверждали, что сей дивный Учитель есть Пророк, а другие недоумевали, от Галилеи ли должен придти Христос? и т.п. Ничего не может быть естественнее того, что великая слава Иисуса Христа, божественные Его чудотворения, возбуждали в народе молву и, как обыкновенно, различные суждения, тем

более, что ни от кого не было сокрыто, как первосвященники и фарисеи обнаруживали явную ненависть и презрение к сему необыкновенному Лицу. Но ничего не могло б быть страннее и даже безрассуднее той мысли, будто подобное разногласие в народе нарушало общественное спокойствие, и будто за это Господь Иисус должен был подлежать уголовному суду! Находим еще в евангельской истории, что, пришедши призвать не праведных, а грешных к покаянию (Мф. 9:13), Он действительно явился другом мытарей и грешников, и приходивших к Нему таковых не изгонял вон (Ин. 6:37). Весьма нередко люди, в очах беззаконных первосвященников и фарисеев презренные и униженные, люди, даже при всей своей правоте гонимые и преследуемые ими, с любовью принимаемы были Иисусом Христом, Который усматривал в них то недужных, требующих врача, и являлся им врачом душ и телес; то заблудших овец, которых надлежало привести во двор овчий, и был для них пастырем добрым; то блудных сынов, искавших утешения в объятьях чадолюбивого отца, и принимал их в недра Своей благодати. Все это показывают самые притчи Его, в которых так прекрасно, так возвышенно выразился любвеобильный и кроткий способ Его действия, прямо противный действиям фарисеев и их клеветников (Мф. 18:12... Лк. 15:18–20, 9), Если такое обращение Иисуса Христа с кающимися грешниками подвергалось порицанию со стороны мнимых блюстителей иудейского закона, то потому только, что сами они заботились единственно о наружном благочестии, а отнюдь не потому, будто обращавшиеся ко Христу грешники возбуждали какие-либо опасения в верховном иудейском совете. Притом, постоянно внушая своим последователям повиновение верховной власти, смирение, терпение и проч., – такие добродетели, которые образуют не только истинных чтителей Бога, но и наилучших граждан, – Господь Иисус и в Самом Себе явил самый высокий образец любви к отечеству (Мф. 11:29.5,6,7, и пр.)⁸⁴ Свидетельством тому служат слова самих же старейшин иудейских, которые, чтобы склонить Иисуса Христа к исцелению любимого раба сотникова, не придумали ничего сказать более убедительного, как следующее: *достойн*

есть, ему же даси сие: любит бо язык наш (нашу нацию) (Лк. 7:4,5). Да и сколько раз Господь Иисус оплакивал бедствия Своего отечества! Не проливал ли Он слез о родном Иерусалиме? Не внушал ли Своим соотечественникам единения, которое одно в состоянии укрепить и упрочить силы государства? Иерусалим! Иерусалим! сколько раз хотел Он собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья (Мф. 23:37)! Скорбя о бедственном состоянии Своего народа, Господь Иисус утешал его надеждой на другую, лучшую жизнь, и к ней устремлял взоры всех, стараясь возвысить человека до первоначального его достоинства; а развращенных вельмож, гордых богачей, беззаконных лицемеров устрашал и поражал представлением последнего суда, на котором каждый будет судим Богом всевидящим не по званию, а по делам. Но, вразумляя знатных и богатых, и возвещая горе тем из них, которые закоренели в зле (Мф. 23:13), Иисус Христос подвергал вечному осуждению отнюдь не богатство, не знатность, а крайне беззаконное употребление того и другого, к гибели не только своей, но и других.

Итак, не удивительно, что иудеи, обвиняя на суде Господа Иисуса в возмущении народа, не могли представить никаких доказательств; и для усиления своего обвинения указывали только на повсюдное распространение Христовой проповеди, начиная от Галилеи, до Иерусалима! Посему-то и Пилат, при всем усилии обвинителей, видя, что во Христе Иисусе не было никаких притязаний на верховную власть, казалось, уже не обращал и внимания на обвинение; его взоры устремлены были только на обвиняемого. Но Господь Иисус, что ни клеветали иудеи, молчал и не отвечал ни одного слова. *И егда нань глаголаху архиереи и старцы, ничесоже отвещаваше. Тогда глагола Ему Пилат: не слышиши ли, колико на Тя свидетельствуют (Мф. 27:12,13)? Не отвещаваеши ли ничтоже? Иисус же ктому ничтоже отвеща (Мк. 15:4,5), ни к единому глаголу (Мф. 27:14).* Молчал Господь, как замечает святитель Златоуст, „потому, что обвинители в делах Его могли видеть бесчисленные доказательства Его силы, кротости, умеренности; но произвольно слепотствовали, замышляли

злое, и суд их был превратный”.⁸⁵ „Неизреченным молчанием Своим беззлобивый Страдалец обнаруживал Свое величие и высокое достоинство!” Игемон, конечно, не ожидавший увидеть в подсудимом не только правоту, но и такое величие, весьма удивился: *яко дивится игемону зело* (Мф.27:14). „Да и надобно было удивляться, – говорит тот же святитель, – видя такую кротость и молчаливость в Том, Кто мог сказать весьма многое,” тогда как „сами они обвиняли Его не потому, что сознавали в Нем что-нибудь худое, а по одной зависти и ненависти делали это”⁸⁶. Однако же судье, убежденному в невинности подсудимого, нельзя было довольствоваться одним удивлением, – первым делом игемона, в настоящем случае, долженствовало быть освобождение Невинного. И в Пилате в самом деле было это желание; к тому именно и клонился вопрос его, предложенный Иисусу: „не слышишь ли, сколько против Тебя свидетельств?” „Пилат хотел освободить Его, если Он будет защищать Себя, и для того сказал это”⁸⁷

Но легко ли было Пилату, с его характером, противостоять столь сильным обвинителям? Подробности суда над Иисусом Христом ясно показали, что за человек был Пилат. По всему видно, что сердцем этого человека, при видимом стремлении его к справедливости, управляли не внушения вечного закона правды, а расчеты самолюбия. Все его действия обнаруживают двоедушие, жалкую борьбу своекорыстия с чувством долга, и победу первого над последним. То представляется он человеком добросовестным и справедливым, – там, где в соблюдении этих качеств не предвидится опасности для внешнего благосостояния; и в этом случае он действует с силой, смело и решительно – изыскивает и употребляет, кажется, все возможные, зависящие от него средства, чтобы сделать требуемое от него добро. То вдруг видим его человеком, несправедливым, легкомысленным, и даже злым до жестокости, – как скоро требуют того расчеты своекорыстия и эгоизма: в этом случае поступки его хотя и прикрываются также личиной правды, но в существе своем показывают совершенное к ней равнодушие и холодность; тогда деятельность его управляется расчетами благоразумия и изыскивает средства

уклониться от принесения требуемой жертвы истине. То является он существом слабым и нравственно бессильным, до того подверженным внешнему влиянию, что оно, по-видимому, заставляет его действовать даже против воли, вопреки собственному его сознанию! Таков характер Пилата. Таков был тот человек-судья, от которого иудеи-обвинители настоятельно требовали осуждения Иисуса Христа.

После этого понятно, отчего Пилат, видя, что осудить Иисуса Христа было бы величайшей несправедливостью, а не осудить – значило бы вооружить против себя весь синедрион, – решился, для своего спокойствия, отклонить от себя обязанность производить столь затруднительный суд, чтоб не быть в необходимости произнести смертный приговор, вопреки собственному убеждению. В наименовании *Галилеи*, откуда, по показанию обвинителей, проносилась „возмутительная” проповедь Господа, Пилат нашел предлог – передать суд над Иисусом Христом – галилейскому тетрарху Ироду Антипе,⁸⁸ находившемуся тогда в Иерусалиме, и немедленно послал к нему Господа. *Пилат же, слышав Галилею, спросил: аще человек галилеанин есть? И разумева, яко от области Иродовы есть, посла Его к Ироду, сущу и тому во Иерусалиме в тыя дни (Лк. 23:6,7).*

Сонмище иудейское устремилось и к Ироду. *И пред Иродом преследователи Господа Иисуса, иудеи, явились нещадными поносителями Его: стояху же архиереи и книжницы, прилежно вадяще на Нь (Лк. 23:10).* Как показались их обвинения самому Ироду, можно видеть уже из того, что он совсем не уважил их, и, несмотря на то, что давнее его желание – увидеть от Христа Спасителя какое-либо чудо (*бе бо желая от многа време видети Его, зане слышаше многа о Нем, и надеяшеся знамение некое видети от Него бываемо Лк.23:8*) не было удовлетворено, и что на все многочисленные и без сомнения пустые его вопросы, Господь не удостоил его в ответ ни одним словом, Ирод весь свой приговор ограничил тем, что наругался над Иисусом, уничижил Его, и в довершение всего надев на Него светлую одежду, отравил Его обратно к Пилату, чтобы чрез то дать ему знать, что возносимая на Него иудеями вина стоит

разве только посмеяния, а не опасений, и не осуждения на казнь: *укорив же Его Ирод с вой своими, и поругався, оболк Его в ризу светлу, возврати Его к Пилату (Лк.23:11).*⁸⁹

Таким образом, никто из гражданских судей не хотел осудить Господа Иисуса, – ни Пилат, который торжественно провозгласил, что не обретает в Нем никакой вины, ни Ирод, который видел в Нем только предмет посмеяния. Но все это нимало не обезоружило иудеев! *И после того, как сам Ирод не нашел в Иисусе Христе уголовной вины, иудеи тем не менее требуют осуждения Его на смертную казнь, как и в самом начале суда!* С той же неукротимой ненавистью, первосвященники и книжники из дворца Иродова возвратились с Господом Иисусом опять к Пилату, решившись заставить его, какими бы то ни было средствами, действовать по-своему. Тщетно Пилат повторяет перед ними ход всего судопроизводства, – указывает на то, что ни сам он „не нашел Человека сего виновным в том, в чем обвиняли Его, ни пред Иродом не оказалось, чтобы Он сделал что-нибудь достойное смерти”. *Пилат же, созвав архиереи и князи и люди, рече к ним: приведосте ми человека сего, яко развращающа люди: и се аз пред вами истязав, ни единыя же обретаю в человеце сем вины, яже нань вадите; но ни Ирод: послах бо Его к нему, и се ничтоже достойно смерти сотворено есть о Нем (Лк. 23:13–15).* Иудеи непреклонны были в своем требовании. *Наказав убо Его отпущу (Лк. 23:16):* таково было заключение речи Пилатовой к обвинителям! Отпущу, наказав! За что же? После того, как Он, подсудимый, провозглашен совершенно невинным, и самое малое наказание Его – не было ли уже явной несправедливостью и жестокостью?⁹⁰ Так. Но по суду Пилата, это, без сомнения, было необходимой уступкой неумолимой настойчивости сильных обвинителей, делом благоразумного снисхождения к их жестоковейности, – средством к утолению столь сильно волновавшей их ярости.⁹¹ Впрочем Пилату представлялась еще надежда, не раздражая обвинителей, усовестить их, и освободить Иисуса, даже, может быть, без всякого наказания.

Такая надежда должна была представляться Пилату тем отраднее, что к голосу его совести теперь присоединился еще и голос его жены, которая предостерегала его, чтобы он ничего не делал Праведнику, из-за которого она много пострадала во сне: *сидящу же ему на судищи, посла к нему жена его, глаголющи: ничтоже тебе и Праведнику тому: много бо пострадах днесь во сне, Его ради* (Мф. 27:19)! И ту надежду подавал именно обычай народный – отпускать на праздник Пасхи по одному узнику. *И глагола им (иудеям) Пилат: есть обычай вам, да единого вам отпущу на Пасху* (Ин. 18:39): *кого хотите (от обою) отпущу вам? Варавву ли, или Иисуса глаголемаго Христа? Ведяше бо, яко зависти ради предаша Его* (Мф. 27:17–18). По объяснению святителя Златоуста, Пилат как бы так сказал: „Если не хотите отпустить Его, как невинного, то отпустите по крайней мере как виновного, для праздника! Видишь ли извращение порядка? Обычай был такой, чтобы народ просил об осужденных, а игемон отпускал. Теперь же делается напротив: игемон требует этого от народа, а они не укрощаются, но еще более свирепствуют от зависти”, будучи уже не в состоянии „ничего сказать в Его обвинение”.⁹² Притом Пилат не прямо предложил им отпустить Иисуса, но поставил в уровень с Ним Варавву *связана нарочита* (известного узника, Мф. 27:16), *то есть разбойника* (Ин. 18:10), *уже бе за некую крамолу бывшую во граде и убийство ввержен в темницу* (Лк. 23:19), поставил, и дал на выбор одного из двух! Казалось бы, что тут и выбирать? Варавва был уже всем известен, как дознанный убийца, и дело его давно решено. Можно ли было не только отпустить его, но и сравнивать с Иисусом, о котором только еще рассуждалось, и в Котором, по крайней мере Пилат, не находил никакой вины. И однако же Варавву судьи предпочли Иисусу, и сделать это предпочтение расположили самый народ.⁹³ *Архиерее же и старцы наустиша народы, да испросят Варавву, Иисуса же погубят* (Мф. 27:20). „Пилат, – по словам святителя Златоуста, – не имел мужества, был слаб, а архиереи были злобны и лукавы. Видишь ли, с какой тщательностью стараются они не оставить для себя и тени к своему оправданию! ибо что надлежало сделать: отъявленного

ли преступника отпустить, или сомнительного? Если позволено было отпускать одного из уличенных преступников, то тем более, сомнительного. И конечно, Иисус не казался для них худшим явных человекоубийц! Не просто сказал: имели разбойника, но разбойника явного, по своим злодеяниям известного, учинившего безчисленные убийства. Однако и сего предпочли Спасителю вселенной, и не посовестились ни времени святого, ни законов человеколюбия, ни другого чего-либо подобного. Зависть совершенно ослепила их^{.94} А они, своими злобными наущениями, успели ослепить народ, и ослепили до того, что все стали требовать отпущения Вараввы: *возопиша же вси народи, глаголюще: возми (на казнь) Сего, отпусти же нам Варавву (Лк. 23:18)*! Столь неожиданный выбор привел Пилата в крайнее недоумение. *Что убо сотворю Иисусу, глаголемому Христу? (Мф. 27:22)* – спросил он обвинителей, когда они стали просить отпущения Вараввы. „Сим вопросом, – продолжает тот же святитель, – он опять хочет посрамить их: предоставляя им свободу в выборе, внушает, чтобы они хотя от стыда испросили Иисуса, и таким образом все бы отнеслось это к их великодушию. Если бы сказал он, что Иисус ни в чем не согрешил, то тем вызвал бы их только к большим прениям; когда же испрашивал безопасность Ему у их человеколюбия, то против сей просьбы и убеждения нечего было прекословить им“ (Мф. 27:23). Но что? Несмотря на все это, весь народ уже прямо стал требовать Господа Иисуса на распятие: *глаголаша ему (Пилату) вси: да распят будет! Никто, кажется, не хотел и слушать возражений Пилата. Игемон рече: кое убо зло сотвори Сей? Они же излиха вопияху, глаголюще: да пропят будет! (Лк. 23:22; Мф. 23:23)* Пилат третицею рече к ним: *что бо зло сотвори Сей? Ничесоже достойно смерти обретох в Нем; наказав убо Его отпущу (Лк. 23:21,22).* – *Распни, распни Его!* Только и слышно было со всех сторон! *Они же прилежаху гласи великими, просяще Его на распятие; и преодолегаху гласи их (крик народа) и архиерейстии (Лк. 23:23)*

Пилат ясно видел, что озлобление иудеев против Иисуса Христа достигло высшей степени: видел, что ожесточенные

враги Иисуса жаждут смертных Его страданий, Его крови! Вместо того, чтобы противостоять их злобе всей силой правды, слабый игемон, для утоления ярости обвинителей, велел бить Иисуса! И вот Господь Иисус, провозглашенный невинным, предается жесточайшему бичеванию, которому подвергались только рабы, за весьма важные преступления, по большей части пред осуждением на смерть!⁹⁵ К жестоким мукам присоединено не менее жестокое посмеяние. Тогда воины игемоновы приемше Иисуса, ведоша Его внутрь двора, еже есть претор: и созваша всю спину (известный отряд воинов), и совлекше (раздев) Его, одеяша Его в ризу багряну: и сплели венец от терния, возложиша на главу Его, и трость в десницу Его: и поклоншеся на колени пред Ним, ругахуся Ему, глаголюще: радуйся царю иудейский. И плюнувшие на Него, прияша трость, и бияху по голове Его (Мф. 27:27–30. Мк. 15:16. Ин. 19:2,3). И когда грубые и свирепые воины игемоновы уже истощили над Господом всю свою жестокость и язвительность, Пилат вышел к иудеям, и сказал: се извожду Его вам вон, да разумеете, яко в Нем ни единыя вины обретаю (Ин. 19:4). С намерением указывает он теперь на невинность Иисуса Христа, чтобы тем сильнее мог подействовать на обвинителей жалостный вид обвиняемого!⁹⁶ С облитым кровью телом, с терновым на голове венцем, явился Господь Иисус пред иудеями! Се человек! воскликнул Пилат. „Смотрите, как Он, в угодность вам, поруган, измучен!“⁹⁷ И человеческое ли сердце у того, кто не тронулся бы таким зрелищем? Но иудеи не тронулись! Жалостный вид Иисуса еще усилил неистовые вопли. Егда же видеша Его архиереи и слуги, возопиша, глаголюще: распни, распни Его (Ин. 19:5,6).

Буйство неукротимых врагов Иисусовых, по-видимому, заставило Пилата забыть, на время, о потворстве злобным их требованиям! Подобно тому, как в самом начале судопроизводства, когда иудеи домогались осуждения Господа Иисуса, без исследования вины, игемон насмешливой речью дал им заметить, что право суда принадлежит ему, – и теперь, когда те же обвинители, уже по исследовании и признании невинности, требуют смертной казни, он таким же

насмешливым оборотом напомнил им, что право жизни и смерти в его руках, и что они не могут принудить его – казнить вопреки собственному убеждению, и притом за преступление (мнимое) гражданское. *Поимите Его вы, и распните*, сказал Пилат иудеям, *аз бо не обретаю в Нем вины* (Ин. 19:6)! „Смотрите, – взывает святитель Златоуст, – как многообразно судья оправдывает Его, и как часто освобождает от обвинения! Но иудеев ничто не укротило!”⁹⁸ Ответ Пилата, похожий на тот, какой слышали от него в начале суда, по-видимому, только напомнил им о коварном способе действовани^я: и вот, какой в начале употребили они изворот обвинения, к такому прибегают теперь извороту осуждения на казнь, – от гражданского обвинения, так как оно оказалось совершенно недействительным, *обращаются уже к религиозному: мы закон имамы*, вопиют они, *и по закону нашему должен есть умереть, яко Себе Сына Божия сотвори* (Ин. 19:7).

Имя „Сына Божия“ испугало Пилата: *егда убо слыша сие слово, паче убояся*. Может быть, именно опасение – произнести приговор над Сыном Божиим⁹⁹ (а оно, точно, могло родиться в уме Пилата, потому что у язычников было верование, что боги весьма нередко сходят на землю, в виде человеческом и рождают полубогов¹⁰⁰), побудило его немедленно приступить к вторичному допросу. Вошедши снова в преторию, он спросил Господа Иисуса о Его происхождении: *откуда еси Ты?* Господь не дал ему ответа: *Иисус же ответа не даде ему* (Ин. 19:8,9), без сомнения потому, что глубокий язычник не приготовлен был к принятию тайны предвечного рождения, – если она не могла найти себе места даже в умах первосвященников и книжников, почивавших на законе Моисеевом¹⁰¹! Притом, как судья гражданский, он и не имел права простира^{ть} свой суд на предметы религиозные. Но Пилат рассуждал иначе, и, как видно, не хотел уразуметь значение молчания Иисусова, а только помнил о своей власти и о собственном гражданском значении, что ясно доказывают дальнейшие его слова: *мне ли не глаголеши?* сказал он: *не веси ли, яко власть имам распять Тя, и власть имам пустити Тя* (Ин. 19:10)? Видишь ли, – говорит святитель Златоуст, – как он предварительно

произносит суд на самого себя! Ведь, если все зависит от тебя, Пилат, то почему же ты, не найдя в Нем никакой вины, не отпускаешь Его?»¹⁰² Поэтому, сам Господь Иисус не умедлил обличить гордого судью, – и поднять взгляд его от земли к небу: *не имаша* (ты не имел бы) *власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше*¹⁰³; *сего ради*¹⁰⁴ *предавый Мя*¹⁰⁵ *тебе болий грех имать* (Ин. 19:11). При этих словах нельзя не повторить с блаженным Августином, что Иисус Христос, „когда не отвечал, то молчал, как агнец; а когда отвечал, то учил, как пастырь!”¹⁰⁶ И здесь мы, действительно, слышим истинный глас Пастыря, который, решившись положить душу свою за овец, не оставляет без вразумления и самых врагов, которые умышляли на жизнь Его. Не удовлетворив, может быть, одному любопытству Пилата, Господь подает помощь слабой Его совести, открывает ему важнейшую и полезнейшую для него тайну, что дело, которым он теперь занимается, подлежит суду высшему, небесному, и вместе – напоминает истину, которую надлежало бы помнить всякому судье, что суды земные, как и все деяния человеческие, находятся под невидимым управлением Судьи небесного, который потребует некогда строгого отчета от неправедных властителей; мало того: Он дает Пилату даже предварительно слышать будущий себе приговор небесного Судьи за то, что не спас от смерти Праведника, – слышать, что его ожидает непременно наказание, хотя и меньшее в сравнении с наказанием личных врагов и преследователей Иисусовых¹⁰⁷. И ответ Господа Иисуса столь сильно подействовал на Пилата, что он с того же времени решился отпустить Его: *от сего искаше Пилат пустити Его*.¹⁰⁸ Но со стороны иудеев нельзя было не ожидать сопротивления; и если Пилат, несмотря на нравственное свое бессилие, мог находить для себя подкрепление во власти кесаря, – то последние могли взять над ним верх неистовым своим бесстыдством. В самом деле, иудеи *еще раз прибегают к извороту, – опять указывают на преступление политическое, и, ничего не слушая, присоединяют угрозы Пилату, и наводят подозрение на его верность кесарю. Иудеи же вопияху, глаголюще: аще сегопустиши, неси друг кесарев*¹⁰⁹ *Всяк, иже царя себе*

творит (называющий себя царем), *противится кесарю* (Ин. 19:12). Какое ужасное бесстыдство! „Где явился этот противник? – вопрошает великий святитель – откуда можно показать сие? От багряницы ли? от диадимы ли? от вида ли? от воинов ли? Не один ли Он с двенадцатью учениками ходил и имел все нищенское, и пищу, и одежду, и дом”, да имел ли дом-то?¹¹⁰ „И ты, Пилат, – взывает другой великий святитель, – ты утрастился безрассудной угрозы? Ведь только в том случае могло бы быть страшно для тебя царское имя, и ты должен бы был ради власти кесаря подавлять новую власть, когда бы о властолюбивых видах свидетельствовали мятежные приготовления, запас оружия, сбор податей, или измена воинов. Зачем же ты позволяешь обвинять в домогательстве власти Того, кто особенно проповедует смирение?”¹¹¹

Подозрение в неверности кесарю, провозглашенное иудеями всенародно, будто громом потрясло честолюбивое сердце малодушного Пилата, и он, в настоящей, видимо угрожавшей ему опасности, нимало не усомнился отбросить свою двуличную ревность к правде. Вот восходит он уже на *лифостротон*¹¹² для произнесения приговора подсудимому, и в борьбе с совестью употребляет последнее усилие избавить от казни Невинного – покушается укротить неистовство иудеев новой язвительной укоризной: *и глагола иудеом: се Царь ваш! Они же вопяху: возми, возми, распни Его! Глагола им Пилат: Царя ли вашего распну* (Ин. 19:14,15)? Этот вопрос навел иудеев на мысль, что они этим именно доносом успели поколебать душу судьи, и потому преступную свою победу над его волей довершают торжественным *изъявлением мнимого своего усердия к кесарю*. Как бы желая показать себя более римлянами, нежели сам Пилат, лицемеры отвечают ему, что у них нет царя, кроме кесаря: *отвещаша архиереи: не имамы царя, токмо кесаря* (Ин. 19:15)! В довершение всего, *умножается волнение в народе*; смертоубийственные вопли час от часу становятся грознее и грознее. *Видев же Пилат, яко ничтоже успевает, но паче молва бывает* (Мф. 27:24), решился наконец угодить ожесточенному народу, – *хотя народу хотение сотворити* (Мк. 15:15), то есть, произнести смертный

приговор Господу! Но можно ли назвать судом то, что хочет он сделать теперь? Пользуется ли он необходимой для судьи свободой духа? Какие новые доказательства представлены ему, что он переменяет свое убеждение относительно невинности Иисуса, о которой сам же с такой силой и настойчивостью свидетельствовал? Или убеждение может быть и осталось в робкой душе его, и только злоба коварно исторгла у малодушного судьи незаконный приговор?!

Готовясь осудить Иисуса Христа на смерть, Пилат довершает свое свидетельство о Его невинности, и о собственном своем нравственном бессилии, – довершает гласным *наименованием осуждаемого Праведником, и умовением рук* – в знак того, что он не хочет участвовать в пролитии Его крови. Малодушно поправ справедливость, он силится сохранить на себе ее личину! *Видев же, яко ничтоже успеваает, но паче молва, бывает, прием воду, умы руце пред народом, глаголя: не повинен есть от крове Праведнаго Сего; вы узрите* (смотрите вы! – Мф. 27:24)! И он отдал им Иисуса на распятие. Но пусть умыты руки твои, Пилат, все-таки они остаются обгаженными невинной кровью! „Умытые руки не очищают оскверненной души, и на окропленных водой перстах не изглаживается то, что совершается из раболепства нечестивым умам”.¹¹³ Ты пролил кровь Праведника по малодушию, *по слабости*, но виновен в том, что принес Его в жертву *чужой злобе*! Роды и поколения, до скончания века, будут повторять: *Праведный* пострадал при Понтии Пилате! Твое имя осталось в истории, чтоб быть именем мучителей, играющих истиной и человечеством; чтоб быть уроком малодушным судьям, для вразумления их: как постыдно в делах правосудия уступать чужой вражде, вопреки собственному убеждению. Неистовая чернь свирепела у подножия твоего судилища¹¹⁴, и, может быть, ты сам не был безопасен на твоем лифостротоне! Что нужды? От тебя требовали не того, чего требовала совесть: в таком случае лучше было бы подвергнуться смерти, чем приговорить к смерти. Но если так тяжело „согрешил Пилат, сделав то, чего не хотел”, то какой тяжкий грех пал на вашу совесть, иудеи, когда

сделанное им – „вынуждено у него вашим неистовством?”¹¹⁵ Сами они довершили собственное свидетельство о своем крайнем ослеплении и ожесточении против Господа Иисуса, когда в ответ на слова Пилата: „я неповинен в крови Праведного сего!” единогласно возопили, и *отвещавшие вси люди реша: кровь Его на нас и на чадах наших* (Мф. 27:25)! И таким образом за осуждение Иисуса Христа изрекли проклятие на самих себя, и на все свое потомство. „Смотри же, – поучает святитель Златоуст, – сколь велико их безумие! Такова безрассудная ярость, такова злая страсть! Не позволяет видеть того, что должно видеть. Пусть так, что вы самих себя прокляли; для чего навлекаете проклятие и на детей?”¹¹⁶ И так те, которые „Пророков убивали своими руками, Христа убивают по определению судьи. Они все делают: и убивают своими руками, и судят сами по себе, и осуждают, крича пред Пилатом: *кровь Его на нас и на чадах наших*; нападают с неистовством, и сами по себе мучат, связывают, отводят, делаются виновниками обид, нанесенных воинами... Сами все делали: сами были и доносчиками, и судьями, и палачами, и всем!”¹¹⁷ Вот краткий, но верный очерк всего суда, или лучше ужасного злодеяния иудеев, совершённого под видом суда над Господом Иисусом!

Взглянем теперь вообще на весь ход суда *пред Пилатом*. Что делали тут иудеи? Они то *уклоняются от показания вины* лица, представленного на суд, без сомнения, потому что и сами не находят ее, и однако же уничижают это лицо именем злодея; то прибегают к самой бесстыдной *клевете*, – и трижды делают *изворот* в главном обвинении; то, при многократном оправдании обвиняемого ими, со стороны судьи, неотступно требуют осуждения Его на смерть, не убеждаются увещаниями игемона быть снисходительными, – предпочитают разбойника Тому, Кто всенародно признан невинным, – не трогаются жестоким бичеванием своей жертвы; хитростью, притворством, угрозой, устрашением, буйными, мятежными воплями, исторгают у судьи приговор; и после всего этого, наперекор игемону, который, против воли и совести, назначая смерть Праведнику, желал бы быть неповинным в крови Его, –

призывают кровь сего Праведника на себя, и на все свое потомство!

Где же – в этих ужасных действиях иудеев – хотя малейшие следы иудейского правосудия? Где сообразность с теми кроткими и человеколюбивыми законами, которыми должны были руководствоваться блюстители иудейских законоположений? Нет, закон, *предписывавший всевозможную точность в показаниях свидетелей-доносчиков*, не мог одобрять уклонения обвинителей от прямого показания вины; закон, *грозивший смертью за донос ложный*, не мог потворствовать лжи и клевете; закон, *требовавший полного внимания ко всякой защите невинности*, не мог оправдывать упорной, закоренелой ненависти к подсудимому, не хотевшей слушать никого и ничего оправдывающего! Закон *кроткий, человеколюбивый*, мог ли предписывать жестокость, бесчеловечие? И, конечно, не предписывал он, чтобы обвинители грозили судьям и насильно исторгали у них смертный приговор!

Если коснемся хотя несколькими чертами самого *выполнения мнимо-судебного приговора*, совершения крестной казни над Иисусом Христом, то и здесь увидим в иудеях тех же ослепленных и ожесточенных врагов Христовых. Когда Господа Иисуса вели на *место лобное*, для пропятия, плач взысканного Его *благотворениями народа*¹¹⁸ а особенно, рыдание жен иерусалимских, сопровождал Его шествие. Это было для Божественного Страдальца прощание с Иерусалимом, и при этом-то, угрожавшие сему отечественному городу бедствия, казалось больше поражали душу Господа Иисуса, чем тяготевший на раменах Его крест: о них-то, об этих бедствиях, а не о Себе, велит Господь плакать плачущим (*Лк. 23:26–29*). Не есть ли это самый высокий пример любви к отечеству? Вот не отстают от крестного пути и первосвященники и книжники: но с какими чувствами? Что ведет их на Голгофу? Не злобное ли желание быть свидетелями бесчестия и мучений умирающего Господа Иисуса?¹¹⁹ Предполагать в них это желание можно, по крайней мере, на том основании, что, когда Спаситель, в тягчайших муках, испускал дух, они ругались над Ним, и

поносили Его: *мимоходящие же хуляху Его, покиваяще главами своими; такожде же и архиереи ругающеся, друг ко другу с книжники и старцы и фарисеи, глаголаху: иныя спасе, Себе ли не может спасти? Да снидет ныне со креста, и веруем в Него* (Мф. 27:41,42. Мк. 15:31)!

При этом достойно удивления, что иудеи в свои, ругательства включили такие слова, которые пророчесвенно изрек Давид: *вси видящие Мя поругашамися, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на, Бога, да избавит Его, аще хочет Ему* (Мф. 27:39 – 43; Мк. 15:25,32; Лк. 23:35; Пс. 21:8,9). Конечно, эти главные виновники осуждения Господа, может быть, и не сознавали того, что своими устами повторяли пророчество о совершаемом ими злодеянии над Иисусом Христом. Но то несомненно, что свое беззаконие всячески старались они прикрыть каким бы то ни было видом законности. Слепая злоба их, по-видимому, хотела обмануть весь свет! Тогда как всем стало известно, что единственной причиной столь ужасной казни были они сами, и что Пилат долго не соглашался осудить Его, естественно было им осуждать Его, чтобы не допустить установиться такому общественному мнению; в противном случае чужеземные иудеи, стекшиеся со всего света на праздник, разнесли бы всюду известие, что синедрион, удовлетворяя своим страстям, предал поносной смерти Праведника, едва ли даже не Мессию.¹²⁰ Вот почему архиереи, книжники и фарисеи, принимая на себя вид усердных служителей Бога Израилева и строжайших ревнителей закона, – и тут, в самых насмешках и ругательствах (которые всего чаще роняют достойнейших людей в общем мнении), повторяют почти все главные обвинения, послужившие предлогом к осуждению Иисуса Христа: и лжесвидетельство о Его мнимом покушении разорить храм, и наименование себя Сыном Божиим, и даже притязание на титул царя иудейского! *Уа, вопияли беззаконные, уа, разоряяй церковь, и трети дени созидаяй, спасися сам* (Мк. 15:29,30). *Рече, яко Божий есмь Сын! Царь Израилев – да снидет ныне со креста* (Мф. 27:43)! и т.п. „Из какого источника

заблуждения, – скажем здесь с великим Львом, – из какого моря зависти испили они яд таких богохульств?”¹²¹

Это ругательство беззаконных над распятым Иисусом Христом, – кроме увеличения мук Того, кого они считали своим врагом, не было ли также и средством к утишению мук собственной, тревожной их совести? И не потому ли они, взывая к Распятому: *аще Сын еси Божий*} – *обращались друг к другу*, – как бы желая на лице каждого соучастника в злодеянии прочесть уверение, что и тот не отстал от своих мыслей и чувств? Как бы то ни было, только мысль, что иудеи, ослепленные закоренелой злобой, осудили Господа Иисуса на смерть, с совестью сомнящуюся, – не Он ли действительно Христос Сын Божий, – совершенно правдоподобна. А если это на самом деле было так, то виновность иудеев в убийстве Господа Иисуса Христа еще более увеличивается, становится еще ужаснее!

„О пребезумия и христубийства пророкоубийц! о иудее беззаконнии! о неразумнии людие! – воспевают православная Церковь Христова, – не помяните ли, что от чудес Христовых множество исцелений? Но и вся Его не разумеете ли божественные силы, якоже первее отцы ваши? Ныне же и вы не разумеете”.¹²² „Пагубное соборище богомерзких и лукавствующих богоубийц! Рцыте, беззаконнии, что слышасте от Спаса нашего? Не закон ли положи и пророческая учения? Како убо помыслисте предати на смерть иже от Бога, Бога Слова, естеством Животодавца, – закона не разумеюще, нечестивии; паче же уязвлени самозавистною злобою!”¹²³

Невольно поражает нас при сем и то, что по словам великого святителя и учителя вселенского, даже до столь ужасной степени зла может доходить и всякий человек – по нерадению, неприметно, начиная с самого малого зла! „Молю вас, – говорит святитель Златоуст, – не давайте места” в своей душе „какому бы то ни было злу; не обольщайте себя сим душепагубным помыслом: что за важность в том или этом? Отсюда-то раздаются бесчисленные роды зол. Коварный диавол начинает действия свои с малого. Ибо есть в душе нашей некоторый стыд греха, которого вдруг одолеть, чтобы

дойти до бесстыдства, нельзя; напротив, душа нисходит до крайней гибели неprimетно, мало по малу, когда вознерадит. Смотри, как поступил диавол с Каином. Не тотчас увлек его на убийство брата, да иначе и не успел бы убедить его: но, во-первых, склоняет его принести худшее на жертву, внушает ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; потом, в-третьих, убедил умертвить брата и запирается пред Богом в гнусном смертоубийстве, и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале. Если бы иудеям не представлялось мало важным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства! И всякое зло так обыкновенно совершается. Всякий не скоро и не вдруг впадает в нечестие!”¹²⁴

С другой стороны, нельзя нам не вспомнить, что тогда как виновники осуждения Иисуса Христа на смерть, лишь только прикрываясь личиной законности, на самом деле, в своем ослеплении, допускали беззаконие за беззаконием, – они же, сами не ведая, творили то, что должно было совершиться и совершалось „по точному предопределению и проразумению Божию (Деян. 2:23)“ – по неисповедимым судьбам всеблаготворного Промысла, от вечности предопределившего даровать оправдание грешному роду человеческому чрез осуждение единого Праведного и Безгрешного.

„Но исполнением такого распоряжения, – скажем словами святителя Льва Великого,¹²⁵ – мы нисколько не обязаны вам, иудеи... Без вашей воли, нечестие ваше послужило к нашему спасению, хотя и вами совершенно то, *елика рука Божия и совет преднарече быти* (Деян. 4:28). Посему-то и смерть Христова (к которой вы присудили Его) нас освобождает, а вас осуждает; и подлинно, только вы одни не имеете того, чего хотели вы лишить всех. Впрочем Искупитель наш столь благ, что даже и вы можете получить прощение, если, исповедав Христа Сыном Божиим, оставите отцеубийственную злобу; ибо Господь не напрасно так молился на кресте: *Отче, отпусти им; не введи бо, что творят* (Лк. 23:34)!“

Размышление о суде над Господом Иисусом Христом пред Каиафой и Пилатом

Размышляя о суде над Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом пред Каиафой и Пилатом, мы, христиане, приходим к тому трогательному и вместе утешительному и спасительному для нас убеждению, что тогда как незаконные судьи, для своей гибели, совершали ужасное злодеяние, вопреки Божеским и человеческим законам, – всеправедный Господь Бог, для спасения рода человеческого, совершал такое дело, которое от века было предопределено, и должно было совершиться по неисследимым законам Его премудрости, правосудия и благодати, как совершилась и вся тайна искупления.

Рассмотрим же это событие, в духе веры Христовой, при свете слова Божия и руководстве святой Церкви, с двух указанных сторон: I) как предопределенное свыше, и II) как искупительное.

I

Господь наш Иисус Христос был предан суду и осуждению по точному предопределению и проразумению Божию (Деян. 2:23), так что не только приговор, произнесенный Каиафой и Пилатом, еще от века был преднаписан *в главизне книжне судеб Божиих* (Пс. 39:8), но и все, что ни случилось на этом суде, *рука Божия и совет преднарече быти* (Деян. 4:28). Это видно из того, что здесь, действительно, исполнилось все то, что за несколько веков предъизображено было *в писаниях пророческих*, и на что указывал пророчественно сам *Иисус Христос* прежде самого события.

Так, предсказаны были 1) *самые внешние обстоятельства суда над Иисусом Христом, как-то: подкуп, предательство ученика, рассеяние учеников, отречение одного из них в продолжение самого суда, а также – время события и совокупное участие в суде и осуждении Иисуса Христа иудеев и язычников.*

Подкуп предсказал пророк Захария, когда с точностью определил и самую цену *Цененного от сынов израилевых – тридесят сребренник* (Зах. 11:12; Мф. 27:9).

О предательстве ученика предрек пророк Давид словами: *ядый со мною хлеб, воздвиге на мя пяту свою* (Пс. 40:10. сн. Ин. 13:18). Указывая на сии слова, сам Господь Иисус Христос за тайной вечерей, омочив хлеб в солило и подав его предателю, сказал ученикам своим: *един от вас предаст Мя* (Мф. 26:21).

Рассеяние учеников в ту ночь, когда Господь Иисус был предан в руки нечестивых на суд и мучения, предсказал пророк Захария, когда взывал к мечу: *порази пастыря, и расточатся овцы стада* (Зах. 13:7)! Это, без сомнения, пророчество имел в виду Господь, когда сказал ученикам Своим: *вси вы соблазнитесь о Мне в ночь сию* (Мф. 26:31).

Отречение одного из них в то самое время, когда Господь был судим и мучим, указано в пророческих словах святого псалмопевца: *удалил еси от Мене друга и искренняго* (Пс. 87:19).¹²⁶ „Страх ради иудейского, друг твой и ближний, Петр, якоже зряше содеваемая тогда, отвержеся Тебе, Господи“.¹²⁷ И сам Иисус Христос предрек Петру: *аминь глаголю тебе, яко в сию ночь ... трикраты отвержешися Мене* (Мф. 26:34).

Время события – суда и осуждения Иисуса Христа указано в пророчестве Иакова патриарха, предвозвестившего, что *отложенное Израилю чаяние языков – придет тогда, когда оскудеет князь от Иуды* (Быт. 49:10). Это пророчество оправдалось голгофским событием: иудеи тогда уже не могли произнести ни над кем смертного приговора, без суда римского правителя; оттого-то и был судим Иисус Христос Понтием Пилатом.

Совокупное участие в суде и осуждении Иисуса Христа иудеев и язычников предрек Давид. *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?* взывал царепророк. *Предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его* (Пс. 2:1–2). „И поистине, собрались во граде“ Иерусалиме „на святого Сына Твоего,“ Владыко Боже, „Иисуса,

помазанного Тобой, Ирод и Понтий Пилат, с язычниками и людьми израилевыми (Деян. 4:25–27)“. Сам Господь Иисус Христос тоже предсказал ученикам Своим: *се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереем и книжником: и осудят Его на смерть, и предадут Его языком* (Мф. 20:18,19).

2) Предсказаны, затем, свойства и действия на суде виновников осуждения Иисуса Христа.

Так, свойства врагов Иисуса Приста, бывших главными виновниками Его осуждения, особенно в разительных чертах изобразил царь-пророк. *Обыдоша мя телцы мнози, юнцы тучнии одержаша мя. Обыдоша мя пси мнози, сонм лукавых одержаша мя. Врази же мои живут, и укрепишася паче мене, и умножишася ненавидящие мя без правды и проч.* (Пс. 21:13,17; 37:20). Сам Иисус Христос прямо назвал своих врагов – обвинителей и судей – грешниками: *приспе конец, прииде час: се предается Сын Человеческий в руки грешником* (Мк. 14:41). .

Что касается до действий виновников осуждения Иисуса Христа, то вот какие из них указаны были пророками:

Лжесвидетельство на суде синедриона и оболгание пред Пилатом. – Так святой псалмопевец сказал: *востаха на мя свидетели неправеднии, яже не ведях, вопрошаху мя* (Пс. 34:11). И в другом месте: *ищуции злая мне, глаголаху суетная, и льстивым (коварствам) весь день поучахуся, – оболгаху мя* (Пс. 37:13,21).¹²⁸

Поругание Христа, именно: ударение в ланиту, заушение, заплевание, бичевание. Ударение в ланиту предвидел пророк Иеремия, и сказал: *подаст ланиту свою биющему, насытится укоризн* (Плч.3:30). Заушение и заплевание предсказал пророк Исаия, говоря от лица Мессии: *вдах ланите мои на заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплеваний. Положих лице свое аки твердый камень* (Ис. 50:6,7). И псалмопевец: *покры срамота лице мое* (Пс. 68:8,20). О бичевании предсказал Исаия: *плещи моя вдах на раны* (Ис. 50:6), и Давид: *Аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну* (Пс. 37:18). *На хребте моем делаша грешницы* (Пс. 128:3)¹²⁹ и *бых язвен весь день* (Пс. 72:14. сн. Иов. 16:11–14). А вот о том же и слова

самого Спасителя: *Сын Человеческий предан будет архиереом, и книжником, и предадут Его языком на поругание, и биение, и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его (Мк. 10:33,34; Мф. 20:18,19).*

Буйные вопли незаконных обвинителей Иисуса Христа. Вот как пророки о них заявляли от лица Мессии: *бысть Мне достояние Мое (народ избранный) яко лев в дубраве, даде противу Мене глас свой (Иер. 12:8), Отверзоша на Мя уста своя, яко лев восхищаяй и рыкаяй (Пс. 21:14). Дом израилев ... ждах, да сотворит суд, сотвори же беззаконие, и не правду, но вопль (Ис.5:7)!¹³⁰*

Предпочтение Христу разбойника Варава. Это предвозвестил пророк Иеремия в следующих словах: *два бо зла сотвориша людие Мои: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенныя, иже не возмогут воды содержати (Иер. 2:13).* Такой смысл в них находит святая Церковь, когда говорит, что „источник воды животныя,” которого отвергнулся Израиль, есть Господь Иисус, а „кладенец сокрушенный” – Варава, которого они избрали и отпустили.¹³¹

Недопущение на суде защиты Иисуса Христа. Таков смысл предречения пророка Исаии: *во смирении Его суд Его взятся (Ис. 53:8).* „Пророк сказал это, – по словам святителя Златоуста, – показывая несправедливость суда над Иисусом Христом, то есть, что на оном суде никто не явил себя защитником Праведника“¹³². *Поношение чаяше душа моя, и страсть, пророчески вопиял Давид: и ждах соскорбящаго, и не бе, и утешающих, и не обретох (Пс. 68:21)!*

Осуждение Иисуса Христа на смерть. Сказав о Христе: *во смирении Его суд Его взятся...*, пророк Исаия присовокупил: *яко вземлется от земли живот Его, – ведется на смерть (Ис. 53:8)!* – *Предан будет Сын человеческий, говорил Сам о Себе Иисус Христос, и осудят Его на смерть (Мк. 10:33)!*

3) Поразительно такое обстоятельное предначертание в пророчествах суда над Спасителем, и такое подробное предуказание свойств и действий виновников незаконного осуждения Его; но с не менее поразительной ясностью предъизображены были свойства и действия судимого

Господа Иисуса Христа. Те и другие очевидно показывают, что, будучи осужден совершенно несправедливо, Он все претерпел, как predetermined Богом Избавитель мира. Так например:

Христос изображается в пророчествах, как *благодетель, оклеветанный людьми неблагодарными, терпящий зло за добро... Воздающий Ми злая возблагая, зане гонях благостыню (Пс. 37:21), – терпящий Бога ради: Боже израилев! Тебе ради потерпех поношение (Пс. 68:7,8)!*

Предречено и Его дивное молчание на суде, и дерзновенное глаголение истины. Молчание: *и Той, зане озлоблен бысть, не отверзает уст своих: яко овча на заклание ведеса, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих (Ис. 53:7). И наказание Господне отверзает уши Мои: Аз же не противлюся, ни противоглаголю (Ис. 50:5). Аз же яко глух не слышах, и яко нем, не отверзаяй уст своих, и не имый во устех своих обличения (Пс. 37:14,15). И дерзновенное глаголение: Господь, Господь дает мне язык научения, егда подобает рещи слово. Кто праяся со Мною? да сопротивостанет Мне купно: и кто судяйся со Мною? да приблизится ко Мне (Ис. 50:4,8).*¹³³

Предъизображены – Его совершенная *невинность*, и вместе искупительное принятие на Себя тяжелой *виновности*. Невинность: *яко беззакония не сотвори, ниже обретеса лествица во устех Его (Ис. 53:9)*. И вместе искупительная *виновность*: у пророка Давида тоже самое лицо, которое говорит, что преследовавшие его враги оболгали его за то, что оно постоянно следовало добру, вопиет: *беззакония моя, превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне (Пс. 37:5).*¹³⁴ Подобным образом и Исаия говорит, что сие Лицо *ради беззаконий людей ведеса на смерть (Ис. 53:8)*, и что, следственно, осуждение Его, Христа, имело быть *искупительное*.

II.

Искупительную силу и значение суда и осуждения, которому благоволил подвергнуться Господь наш Иисус Христос, можно видеть 1) из прямого отношения этого суда к суду Божию над первыми преступниками – *прародителями* падшего рода

человеческого; 2) из учения святой Церкви, которая *в различных обстоятельствах суда над Иисусом Христом находит таинственный смысл, – указывая, как во всех внешних действиях выражалось здесь совершение дела искупления.*¹³⁵

В самом деле, если сравним суд Божий над падшими людьми с этим судом людей над Восстановителем падшего рода человеческого, Сыном Божиим, то найдем ближайшее, так сказать, *издвоздающее соотношение* между первым и последним.

И прежде всего, а) что были за *причины*, по которым прародители наши оказались *виновными*, а Иисус Христос – *обвиненным*?

И там и здесь главной причиной была *зависть*. *Завистью диаволю смерть вниде в мир*, говорит премудрый (Прем. 2:24). Не позавидуй диавол блаженству человека, – он не стал бы и искушать его в раю, – и наши прародители не оказались бы *виновными*. – По зависти предан был и Иисус Христос. *Ведяше Пилат, по свидетельству Евангелиста, яко зависти ради предаша Его* (Мф. 27:18), Иисуса Христа, иудеи, – те, которым сам Господь сказал некогда: *вы отца (вашего) диавола есте, и похоти отца вашего хотите творити: он человекоубийца бе искони* (Ин. 8:44).

А затем, – и там и здесь, влекли невинных в погибель *коварство, ложь и клевета*.

Сколько коварства было в лукавых словах древнего змия: *что яко рече Бог: да не ясте* (Быт. 3:1)! – Мало ли коварства было и в словах иудеев, предуготовлявших, так сказать, осуждение Иисуса Христа: *рцы нам: что Ты ся мнит? достойно ли есть дати кинсон?* и т. п. (Мф. 22:17); и на самом суде: *аще Ты еси Христос, Сын Божий* (Мф. 26:63)?

Гнусная ложь слышалась в словах змия: *не смертию умрете*, и проч. Но менее гнусная ложь высказывалась и в лжесвидетельстве иудеев на суде Каиафы (Быт. 3:4; Мф. 26:59)!

Черная клевета на Бога слышна в словах дьявола: *ведяше бо Бог*. А сколько самой черной клеветы высказано было иудеями на Господа Иисуса Христа, в обвинениях Его пред Пилатом (Быт. 3:5; Лк. 23:2) и проч.!

б) Далее, в чем *сделался виновен* падший человек, и в чем *обвинен* Иисус Христос?

Сущность *вины* наших прародителей, нарушивших заповедь Божию, состояла в том, что они возжелали быть *яко бози, ведяще доброе и лукавое*, – присвоить себе *царственную власть* над самими собою, и действовать по своей воле, а не по воле Божией (Быт. 3:5). И Спаситель обвинен был, хотя и не был виновен, в присвоении Себе звания *Сына Божия*, равного Богу (Ин. 19:7), – тогда как Он *не восхищением непщева быти равен Богу* (Фил. 2:6), – обвинен в возмущении против власти и *посягательстве на царское достоинство* (Лк. 23:2), тогда как то и другое обвинение была одна клевета!

в) Обратим теперь внимание на *свойства и действия на суде лиц подсудимых*.

Виновные прародители, позванные на суд Божий, обнаруживают на нем все признаки греховности, рабский страх, лукавство и т.п. (Быт. 3:10,12,13). *Обвиняемого* на суде человеческого Иисуса Христа даже виновники Его осуждения – сам игемон Пилат, даже предатель Иуда (Мф. 27:24.4), признают *невинным, праведником...*

Виновные прародители на суде *молчат* – когда бы, на слова Господа: *где еси*, нужно было говорить, и исповедать грех свой, – *и говорят*, где лучше было б им молчать, – когда лукаво оправдывают себя, и тем еще более увеличивают вину свою (Быт. 3:9 и след.). Обвиняемый на суде Иисус Христос *говорит*, *егда подобает рещи слово* (Ис. 50:4), когда нужно было исповедать истину или обнаружить заблуждение, ослепление врагов Его; *и молчит*, когда требовалось явить Свою невинность, и без всякого оправдания очевидную.

г) Посмотрим на *участь, какой подсудимые подверглись на суде*.

Господь Судия обрекает праматерь на *болезни чадорождения*, и праотца – на *пожатие терния и волццев* от той земли, которую должен возделывать в поте лица (Быт. 3:16–19). Иисус Христос на суде отдает *плечи свои на болезненные раны* и, после кровавого *пота* (Лк. 22:44), венчается тернием, выращенным землею, *проклятою в делах человека!*

Осужденных праотцев Господь Судия облек в кожаные ризы. Это с одной стороны видимый знак поругания за грех, – так как они заменили собой райскую одежду невинности, а с другой – остаток царственного их величия, так как кожаная риза – некоторая дань со зверей, созданных на службу человека – царя (Быт. 3:21). И, когда таким образом вместо райской одежды невинности наши прародители облеклись в одежды кожаные, – Бог сказал: *се Адам бысть яко един от Нас*, – яко Бог, – *еже разумети доброе и лукавое* (Быт. 3:22)! И Господь наш, Искупитель, облечен был на суде в ризу багряную – одежду поругания, а вместе и таинственное знамение царственного Его величия. И когда в таком виде, в такой багрянице, изъязвленный, венчанный тернием, Он представлен был народу, – Пилат воскликнул: *се человек* (яко един от нас)! *Се Царь ваш* (Ин. 19:5,14)!

Осужденные прародители осуждены были на смерть (Быт. 3:19). И на Иисуса Христа изречен был приговор: *повинен есть смерти*, – *должен есть умереть* (Мф. 26:66; Ин. 19:7).

Враг первозданных, вовлекший их в бездну виновности, поражен был от праведного Судии проклятием (Быт. 3:14). Проклятие на себя, и на свое семя или потомство изрекли и распинатели Иисуса Христа: *Кровь Его*, кричали они, *на нас и на чадех наших* (Мф. 27:25)!

Но милосерден Господь и в самом действии правосудия: *возвестив бедствия*, Он в то же время и *утешил их надеждой* на избавление: *Той, обетованный Сын Девы, сотрет главу змия* (Быт. 3:15). – Иисус Христос терпел суд, страдания и унижение, но в то же время и указывал на грядущую славу Свою, на Свою власть судить мир: *отселе узрите Сына человеческого сидя одесную силы, и грядуща на облацех небесных* (Мф. 26:64). Видно было, что здесь-то, при Его суде и осуждении, сбывается обетование, дарованное праотцам на самом суде их!

Нет сомнения, что такое разительное соотношение между судом Божиим над первыми людьми, и судом человеческим над Адамом вторым, совершенно согласно с той мыслью, что этот последний суд есть искупительный.

2. Искупительность суда, совершившегося над Иисусом Христом, ясно можем видеть, по указанию святой Церкви Христовой: а) в *различных принадлежностях этого суда* – в орудиях тех страданий, которым Господь Иисус благоволил подвергнуться на нем, и б) в *некоторых обстоятельствах*, сопровождавших суд.

а) Святая Церковь не только вообще учит, что Христос благоволил подвергнуть Себя суду и осуждению, чтобы нас избавить от осуждения за преслушание, но и дает особенное значение всем тем истязаниям, какие Господь претерпел от врагов, осудивших Его на смерть, так что и узы Христовы, и ударение Господа в ланиту, и оплевание Его, бесчестие, покрытие лица, заушение, разоблачение, венчание тернием, облачение в багряницу, вручение Ему трости и т.п. – в священных песнопениях Церкви выражает символическое значение страдания Спасителя.

Иисус Христос Сын Божий, *послушлив* был Отцу, (Фил. 2:8), *судится и осуждается* для того единственно, чтобы избавить Адама и его потомство от осуждения за преслушание. Эта мысль выражена в следующих песнях церковных: „Невидимый Судия во плоти како виден был еси? И идеши от мужей беззаконных, убиен быти, наше осуждение осуждая! страстию Твоею!”¹³⁶ „Судии неправедному, еврейскою злобою, предан был Всевидец, и всей праведне судяй земли, Адама древняго избавил еси осуждения!”¹³⁷ „Осуди древле во Едеме преслушание, но волею судим бысть, преступльшему разрешая прегрешения, пребожественный отцев Бог и препрославлен”.¹³⁸

Иисус Христос был *связан* – для того, чтобы нас *разрешить* от уз греховных, и от клятвы, а врага – диавола *связать* узами. Эта мысль высказана в следующих церковных песнях: „Да отпустиши мя от уз греховных, Человеколюбче, Твоею волею связан был еси”.¹³⁹ „Разрешаеши мя от уз летных, в лето безлетный быв”.¹⁴⁰ „Страшное и преславное таинство днесь действуемо зрится. Неосязаемый удерживается, вяжется Разрешаяй Адама от клятвы!”¹⁴¹ Разрешается от уз греховных *человечество*, Тебе, Слове, плотию связану бывшу”.¹⁴² „Связан был волею, гордаго узам нерешимым отслал еси, Владыко”,¹⁴³

„вечными узами связуя, Спасе, врага отступника;¹⁴⁴ и связуется мучитель яко птица, от всех верных наругаем”.¹⁴⁵

Иисус Христос претерпел ударение в ланиту от раба, чтобы нас *освободить от рабства диавола*: „Предстал еси судии, судим неправедно, Судяй праведно всей земли, и претерпел еси ударение в ланиту, свободити мя хотя, поработеннаго, Господи, лукавому миродержцу”.¹⁴⁶

Иисус Христос понес *оплевание и бесчестие*, чтобы нас *почтить обесчестившихся*: „Всякия чести пребольний сый, обесчеститися претерпил еси, яко да мя, зле обесчестившагося почтиши, Человеколюбче”.¹⁴⁷

Иисусу Христу *покрывается лице* – для *очищения греха Адама, преступившаго видением*, – „во отъятие падения, еже подъят Адам, украден быв, видения ради,¹⁴⁸ – а в отношении к врагам Его, – как бы во исполнение слов самого Бога: *скрью лице Мое от них* (Втор. 32:20; сн. 2Кор.3).

Иисус Христос *заушается*, – чтобы „*заушить*“ *злобу древняго змия, и избавить нас от его лести*: „Ядовитую заушил еси змия злобу, заушен быв”.¹⁴⁹ „Заушения претерпел еси, Долготерпеливе, и уничижения, хотя всех избавити лестца, едине Жизнодавче”.¹⁵⁰ Иисус Христос *разоблачается* (в претории), чтобы нас *обнаженных облечь в одежду нетления, и обнаружит вражию коварства*: „Да облечеши мя одеждою, Слове, нетления, обнажился еси волею”.¹⁵¹ „Одеждою нетления обнаженные ны облещи возжелев, совлеклся еси, – обнажил еси, вражию, Христе, коварства”.¹⁵²

Иисус Христос *венчается тернием* – для того, чтобы с одной стороны *искоренить терние Адамова преслушания и проклятия, и насадить в нас семена богоразумия*; а с другой, – чтобы *искоренить в самом естестве нашем терние страстей*, – и наконец, чтобы *потребить царство лукавого*.

Первая мысль выражена в следующих церковных песнях: „Из корене, Христе, прозябл еси Иессеова, воплощаем, и искореняеши израстшее *терние Адамова преступления*, венец носяй тернов! ”¹⁵³ „Венча тернием Тя, Царю безсмертне, собор законопреступный, из корене *изсецающа прелести терние*! ”¹⁵⁴ „Венцем от терния *исплетенным увязлся еси поруганно, Царю*

всех, *запрещение*, Спасе, терновнаго греха истерзая, ¹⁵⁵ и разрешая *древнее проклятие*.¹⁵⁶ „Стояше судим, Человеколюбче, иже судити хотяй всем: венцем же терновым увязлся еси хотительне, Спасе, своею волею, преслушания, Христе, терния, из корене истерзая, всем же *насаждая Твоего благоутробия познание*”.¹⁵⁷ „Тебе тернием, Царю, людие законопреступнии венчавают, славою венчавшаго человека, и преслушания Адамова терние искоренившаго, Христе, и насадившаго всем *богоразумия прозябение*”.¹⁵⁸

Вторая мысль высказана так: „Венчался еси, Долготерпеливе, тернием, посекая страстей терние”.¹⁵⁹ „Тернием венчався, иже венчавый цветы всю землю, страстей моих терние из корене сечеши, Слове, и насаждавши во мне Твой разум”. „Славы Ты Господь еси, иже славою венчавый человека, тернием венчался еси, яко да терноносное естество наше сотвориши плодоносно, Садителю божественных деяний”.¹⁶⁰

Вот выражение и третьей мысли: „Досаждение претерпел еси, Спасе, терниями, яко *Царь*, волею, Христе Боже, венчаваем”. „Венцем терновым увязлся еси, *якоже Царь царствующих*, Христе, *лукаваго потребляя царствия*, на спасение нас поющих, Избавителю Боже, благословен еси”.¹⁶¹

Иисус Христос *облекается в багряницу* – *яко победитель диавола и Искупитель*, прикрывающий грехи человеческие, и восприемлющий царство мира.

„Когда, – говорит святитель Афанасий Великий, – совлекали с Господа одежды, и облекали Его в багряницу, то чрез это самое невидимо *воздвигался трофей над диаволом*. Чудо новое и неимоверное, знамение величайшей победы! Кого в посмеяние и поругание били и облекали в триумфальные украшения, багряную ризу и венец терновый, Тот по сему самому, облеченный такого рода одеждою, шел на смерть, для того, чтобы явить, что Он одержал победу, и не тщетно, но ради нашего спасения”, *яко Искупитель*!¹⁶² „Своею багряницею, – замечает блаженный Иероним, – Он прикрывает кровавые дела язычников”.¹⁶³ „Чрез багряную ризу, – прибавляет святитель

Кирилл Александрийский, – как бы ознаменовалось, что Христос посредством веры восприимет царство мира”.¹⁶⁴

Иисус Христос *приял в руки трость*, чтобы *написать нас в книге живота, и укрепить* Своею божественною силою *нашу слабость*, которой символ – трость; а с другой стороны, – для того, чтобы *написать святотатство иудеев, и сокрушить врагов Своих*:

„Рукама Твоима трость прием, – воспевают Церковь, – *в горней книзе* написал еси всех нас, в Тя веровавших”.¹⁶⁵

„Трость приемлет Христос в руки, – говорит святитель Амвросий, – для того, чтобы *слабость человеческая уже не колебалась*, подобно трости, ветром колеблемой, но, подкрепленная делами Христовыми, была бы тверда, или, по сказанию евангелиста Марка, тростью били Его по голове (Мк.15:19), – для того, чтобы от сильнейшего соприкосновения нашего состава” (изображаемого тростью) „к Божеству, не мог он уже поколебаться”.¹⁶⁶

„Трость держал Христос в руке, – по словам блаженного Иеронима, – для того, чтобы *написать святотатство иудеев*”.¹⁶⁷

„В десную Мою руку, – говорит сам Господь устами Своей Церкви, – *вдаша трость, да сокрушу их*,” врагов, „яко сосуды скудельничи”.¹⁶⁸

б) Особенное значение святые отцы видели и в некоторых обстоятельствах, сопровождавших суд над Иисусом Христом. Так:

В *участии иудеев и язычников* в этом суде они видели указание на то, что оправдание, приобретенное Христом чрез Его осуждение, имело принадлежать как иудеям, так и язычникам. Это мысль святителя Златоуста.¹⁶⁹

В *примирении Пилата и Ирода*, по случаю предоставления ими друг другу права суда над Иисусом Христом, святые отцы видели знамение того, что в следствие осуждения и крестных страданий Иисуса Христа, *имеют примириться два враждовавшие народа*, которых представителями были здесь Пилат и Ирод. „Христос, – говорит святитель Амвросий, – как бы знаменуя, что имеет примирить крестом два народа, иудейский

и языческий, убив вражду в Себе самом, благоволил показать это даже чрез примирение, последовавшее по случаю суда над Господом.”¹⁷⁰

В незаконном раздрании Каиафой первосвященнической одежды видели конец ветхозаветному первосвященству, пред лицом великого Архиерея, по чину Мелхиседекову. „Каиафа, – рассуждал святитель Лев Великий, – для усиления ненависти к ответу Иисуса Христа, *растерза ризы своя* (Мф. 26:65), и, не разумея, что он выражал этим безумием, лишил себя, таким образом, первосвященнического сана. Где ум души твоей, Каиафа? Где пояс воздержания? Где нагрудник добродетелей? Ты сам себя разоблачил от таинственного и священного одеяния, и собственными руками незаконно разорвал архиерейские ризы. Когда уже отчуждался от тебя этот сан, ты сам сделался обличителем своего позора, и вместе обнаружил кончину древнего постановления”.¹⁷¹

Наконец, в предпочтении Иисусу Христу Вараввы иудеями, „единонравными”¹⁷² сему последнему, – святые отцы и учителя Церкви видели некоторое предзнаменование того, что *и пред кончиной мира* неверные иудеи вместо Христа изберут антихриста. Так рассуждали блаженный Иероним и святитель Амвросий. „Имя Вараввы, – говорит святитель Амвросий, – значит: *сын отца...* И его-то избирают те, которым сказано: *вы отца вашего диавола есте* (Ин. 8:44), – избирают сына своего отца, вместо истинного Сына Божия; и тем предобразуют, что и пред кончиной изберут вместо Христа антихриста”.¹⁷³

Изъяснив таинственный смысл некоторых принадлежностей суда над Господом Иисусом Христом, блаженный Иероним делает такое заключение: „подобно тому, как Каиафа сказал, что одному надлежало умереть за всех, не ведая, что говорил, – и они“, все вообще соучастники в осуждении Спасителя, „что ни делали, *хотя и с другим намерением делали*, однакож нам верующим представили нечто таинственное”.¹⁷⁴

Подобным образом, и мы, показав значение суда над Господом Иисусом Христом, можем сделать из сказанного справедливое заключение, что, действительно, тогда как виновники осуждения Иисуса Христа, прикрываясь личиной

законности, на самом деле допускали *беззаконие* за беззаконием, – они же, сами не ведая, творили то, что должно было совершиться и совершилось *по* премудрым законам благодати Божией, от вечности предопределившей даровать оправдание грешному человеку, чрез осуждение единого Всеправедного!

„Учись и размышляй, брат, – говорит святитель Ефрем Сирин, – что такое ты слышишь: безгрешный Бог, Сын Всевышнего, ныне предан“ на суд, „ныне поруган, ныне был поражаем заушениями, бичами биен был, терновый венец носил. Плач каждый день, благодаря Бога за столь великие и многие страдания, которые понес за тебя Он, кроткий и преблагий Господь, – дабы слезы твои, в день пришествия Его, послужили тебе к славе и возвышению пред оным страшным судищем!“¹⁷⁵

Размышление о честном кресте Господнем¹⁷⁶

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!

Поклоняемся животворящему древу, на котором распят был за нас грешных возлюбленный Спаситель наш! С сердечным умилением лобызаем вожделенное орудие нашего спасения. С благоговением преклоняем колена – не только тела, но и души и сердца – пред священнейшим знамением, – „хранителем всея вселенныя, красотою Церкви, Царей державой, верных утверждением, славой Ангелов и демонов язвой“.¹⁷⁷

Но, братья-христиане! Далеко ли в вас простирается это умиление, благоговение? Проникают ли все существо наше те благие чувствования, которые невольно возбуждаются в каждом из нас теми торжественными песнопениями, какие воспевают святая Церковь во славу честного и животворящего креста Господня?.. Не смотрим ли мы на него, в иное время, без глубокой христианской мысли, без теплого, святого чувства, а весьма нередко и без всякого размышления, будто на некую самую обыкновенную вещь, не имеющую к нам ближайшего отношения? Не забываем ли мы часто его безмерной важности, когда совершаем на себе самих крестное знамение, быть может, не раз – по одной только привычке, вовсе не заботясь о том, чтобы, по наставлению вселенского учителя, „изображать крест не просто, одними перстами, но прежде начертать его в мысли, с великой верой?“¹⁷⁸ – Ах! Не бывает ли даже, что мы, поклонники креста Господня, осеняя себя крестным знамением, по своему нерадению как бы сокращаем и извращаем крест, и таким образом, сами не помышляя о том, являем пренебрежение к орудию нашего спасения?..

Углубимся же в размышление о том, с какими мыслями и чувствами должны мы взирать на крест Христов, с каким расположением духа должно поклоняться ему, и напечатлеть на себе Его знамение; словом, размыслим: I, что такое есть, и II, чем должен быть для нас крест Господень?

I. ЧТО ТАКОЕ КРЕСТ ХРИСТОВ?

Обратимся ли 1, к Ветхому Завету, или 2, к Завету благодати, или 3, к собственной жизни каждого из нас, – везде крест имеет самое глубокое и обширное значение.

1. „В законе сени и писаний – образ“ креста Христова является в различных прообразовании, – как знамение спасения, как орудие силы, преобладающей самые законы природы, как знамя победы, как податель исцеления, как источник благословения и освящения.

1) Крест прообразуется, как знамение спасения.

Так, праведный Ной спасается и спасает мир от всеобщего потопа (Быт. 7:7), малым деревом (Прем. 10:4); во образ¹⁷⁹ того „благословенного дерева, из которого, – по выражению одного из отцов Церкви,¹⁸⁰ – устроен ковчег, таинственно спасший мир от потопления“, от вечной гибели! Аврааму, решившемуся принести во всесожжение своего единородного сына (Быт. 22:13), и за то удостоившемуся образно *видети день* Икупителя (Ин. 8:56), – во образе рогов овна, держимого в чаше, является образ креста,¹⁸¹ на котором единородный Сын Божий, в подобии человечестем быв (Фил. 2:7), яко овча на заклание ведомое (Ис. 53:7), имел быть принесен в жертву за спасение мира.

2) Образ Креста предначертывается в Ветхом Завете и как *орудие силы, преодолевающей самые законы природы*

Так, „крест начертал Моисей своим жезлом“ на волнах Чермного моря, – и от одного „написания непобедимого оружия“ пересекаются морские бездны, так что Израиль пешеходит по дну моря, как по суше (Исх. 14:21).¹⁸² А в пустыни „горькородные источники“ богодухновенный вождь народа израильского, по указанию Божию, услаждает деревом (Исх. 15:25), и тем прообразует то крестное дерево, на котором имел быть пригвожден Христос – „церковная сладость“,¹⁸³ проявляет крестом предложение язычников ко благочестию,¹⁸⁴ – предвозвещает „всесовершенное крестом истребление убийственной горести запрещенного дерева“. ¹⁸⁵ Затем, Моисей „ударяет“ своим жезлом „краесекомый“ камень, – и он „испустил воду“ (Исх. 17:6), предзнаменуя крест, краеугольный камень Церкви¹⁸⁶ утоляющей духовную жажду верующих, – тот крест,

на котором „прободенный копием, пречистые ребра“ распятого Богочеловека „источили воду с кровью, обновляющие завет и омывающие грех“ (Ин. 19:34).¹⁸⁷ Пророк Елисей погрузил „древо в Иордан“, – и он „возвращает сокрытую в глубине его секиру (4Цар. 6:6), знаменуя тем, что древо креста Христова пресечет демонское обольщение“¹⁸⁸. Нужно ли еще очевиднейшего прообразовательного свидетельства о силе крестной, торжествующей над видимой природой? Вот Иисус Навин простирает крестовидно руки свои, повелевает остановиться солнцу, – *и ста солнце посреде небесе* (Нав. 10:13), „проображая образ креста“¹⁸⁹ при виде которого померкло дневное светило, узрев на нем распятым „Владыку твари и Господа славы“!

3) Во времена ветхозаветные крест был прообразован и как *знамя победы*

Иисус Навин ведет жестокую брань с амаликитянами. А Моисей, в то же время восходит на гору, и, поддерживаемый священниками, воздевает горе руки свои, и таким образом ясно изображает вид креста. Тогда „всепогубляющий Амалик“ поражен и побежден (Исх. 17:13), в знамение того, что крестом „Иисус пребожественный“ победит всех видимых и невидимых врагов нашего спасения“.¹⁹⁰

4) Чрез Моисея же предъизображен был крест и как *податель исцеления от самых смертоносных недугов*

Гибли тысячи строптивых израильтян в пустыни от уязвления змиев. По повелению Божию, возносится змий на древо, и взирающим на сие знамение с верой предлагается „врачевство, избавляющее от тлетворного и ядовитого угрызания“ (Числ. 21:9), в предъизображение того, что *так* *подобает вознестися* (Ин. 3:14) на крест Спасителю мира, для того, чтобы в кресте преподать врачевство уязвленному древнезлобным змием роду человеческому.¹⁹¹

Наконец, 5) крест Христов был прообразован в Ветхом Завете и как *источник благословения и освящения*

Так, удрученный старостью, Иаков, благословляя внуков своих, Ефрема и Манассию, „крестообразно положил на их главах свои длани“ (Быт. 48:14), проявляя тем, что „живоносный

образ креста соделается источником благословения для новоутвержденных людей Христа Бога^{.192} И еще прежде, „божественный Израиль, среди созерцаний будущего, преклоняется на конец властительского жезла Иосифова“ (Быт. 47:31), прозревая очами веры (Евр. 11:21) величие креста Христова, имеющего быть „победной славой Царей, благословением народов, знаменем, которому должны поклоняться все племена земные!“¹⁹³ „Жезл“ Ааронов, в одну ночь произращает ветвь, цветы и плоды (Числ. 17:8), и сим чудным „прозябением предрассуждает священника“, утверждает законность священства, а с тем вместе „во образ тайны приемлется“ – во образ того таинственного креста, который „процветет в неплодящей прежде Церкви, “¹⁹⁴ того креста, на котором *Христос едином бо приношением совершил есть во веки, освящаемых* (Евр. 10:14), *сотворил еси нас Богови нашему цари и иереи* (Апок. 5:10)!

Вот как многознаменателен является крест еще в ветхозаветных прообразованных! – Мы не упомянули еще о многих других прообразовательных знамениях креста, которые, по указанию богомудрых отцов и учителей Церкви, находятся в божественных Писаниях, можно сказать, везде, где только представляется какое-нибудь явление чудесное, таинственное, относящееся к царству благодати, как например, древо жизни, находившееся среди рая,¹⁹⁵ дрова всежжения, которые нес на раменах своих Исаак,¹⁹⁶ жезл патриарха Иакова, с которым он переходил Иордан,¹⁹⁷ чудодейственный жезл Моисеев¹⁹⁸ столп облачный и огненный¹⁹⁹ милоть Илиина, разделившая Иордан,²⁰⁰ Исаия, претранный на двое пилой²⁰¹ „крестовидно распростертыя руки Ионы“, молящегося „во утробе водного зверя“,²⁰² во чреве китове, и тому подобное.²⁰³

Но, ах! при всем обилии в ветхом Завете событий и явлений, прообразовавших крест Христов, никто из подзаконных, – даже те, кои избираемы были Богом для указания будущего величия спасительного знамения, – ни пророки и праведники, не могли сказать, подобно чадам новозаветной Церкви: „блаженны очи наши, кои созерцают крест, орудие всеобщего мира! Блаженны уста наши,

лобызающие драгоценнейшее знамение спасения!“²⁰⁴ Блаженны чело, перси и рамена наши, осеняемые победоносным крестом Христа Спасителя!“ – Нет, одно имя креста приводило тогда всех и каждого в трепет! Один вид его возбуждал ужас и отвращение. На нем тяготело грозное проклятие Божие и всеобщее проклятие людей. Сам Господь, устами богодухновенного законодателя избранного народа, изрек: *проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21:23)! Крест был страшным орудием казни для величайших преступников пред Богом и человеками, казни самой поносной, самой мучительной, медленно-убийственной... Непостижимы суды и пути Твои, Господи Боже! Этому ли ужасному кресту уготовляешь Ты такую неизреченную славу? На нем ли имеют быть распростерты божественные руки возлюбленного Твоего и едиnorodного Сына?.. Так! *Наказание мира нашего на Нем!* Только *Его* язвою мы могли *исцелеть* (Ис. 53:5). Чтоб *искупить нас от клятвы законной*, чтобы снять проклятие со всех нас, злонравных и непотребных рабов, прогневавших своими неправдами великого Бога, надлежало самому Божественному Искупителю нашему *Христу быть по нас клятвою* (Гал. 3:13), *пригвоздить*, так сказать, *клятву* самим Собой *ко кресту!*

2. Приходит predetermined время: является в мир обетованный Спаситель, и от пелен до плащаницы идет путем креста, путем всякого рода лишений и страданий... Наконец, сонм законопреступных злоумышляет: *смертию поносною осудим Его* (Прем. 2:20)! Наконец, сбирище иудейское вопиет к Понтию Пилату: *распни, распни Его* (Ин. 19:6)! И крестное древо – на раменах Богочеловека! Божественный Страдалец несет это тягчайшее бремя, чтобы *грехи наши сам вознесе на теле Своем на древо* (1Пет. 2:24), и изнемогает под ним до крайнего истощения сил... Достигает Голгофы, – и пред лицом всего мира открылось, как воспевают Церковь, сказанное Пророком: *узрите Живот ваш висящ пред очима вашима*²⁰⁵ (Втор. 28:66): Христос пригвозждается ко кресту, – ко кресту, до того тяжкому, что вся земля тряслась под ним (Мф. 27:51), столь ужасному, что солнце, не могши смотреть на него, покрылось *тьмой* (Лк. 23:44–45). Среди неописанных страданий крестных Спаситель

горько взывает: *Боже мой! Боже мой! Вскую Мя еси оставил* (Мф, 27:46)? Но, вслед затем, *предавая на кресте дух Свой в руке Отца* (Лк. 23:46), Он восклицает: *совершишася* (Ин. 19:30)! – И совершилось на кресте дело нашего спасения! Совершилось на кресте чудо, величайшее из чудес Христовых! *Нас, мертвых сущих прегрешениями сооживил с Собой, истребив еже на нас рукописание грехов, пригвоздив е на кресте* (Кол. 2:13–14), и крест, древо проклятья, „окропленное кровью воплощагося Слова Бога,²⁰⁶ соделалось приснотекущим источником благословения для всего рода человеческого. „Чрезвычайно, божественно, дивно и всякое чудотворение Христово, – богословствует святитель Иоанн Дамаскин, – но всего дивнее честный Его крест“.²⁰⁷ „Хотя бы я, – говорит тот же святой отец, – весьма много сказал о Христе, и хотя бы повествованием о бесчисленных делах Его изумил слушателя, но не столько бы прославил Его сим последним, сколько крестом. Скажу ли, что Иисус произошел от Девы? Конечно, великое чудо быть выше брака и обновить естество. Но если бы не было креста, то первая дева рая не спаслась бы делами своими. Ныне же, в день креста, спасается первая жена, уврачевав древнее зло новыми дарами благодати. Мертвый воскрес в Галилее? Но и опять умер. Я же, воскресши крестом, не могу уже подвергнуться смерти. Однажды пять, а в другой раз семь тысяч насыщены только в знамение креста. Где останки пищи их? Но Христос распят на кресте, и мы всегда насыщаемся“.²⁰⁸ „Если бы не было креста, – рассуждает другой отец и учитель Церкви,²⁰⁹ – то Жизнь не была бы пригвождена к древу. А если бы Жизнь не была пригвождена, то не истекли бы из ребра потоки бессмертия, кровь и вода, очищающие мир“.

„Крест“ подлинно „венец совершившихся для нас чудес!“²¹⁰

Первые познали силу и славу креста святые ученики и апостолы Христовы. Исходя на всемирную проповедь, они, по заповеди своего Божественного Учителя и Господа, ничего не брали с собой *в путь, ни злата, ни сребра, ни меди при поясах, ни пиры* (Мф. 10:9,10), *ни хлеба, но токмо жезл един* (Мк. 6:8). И сим-то, можно сказать, „жезлом“ был для „самовидцев Слова святой крест!“²¹¹. С крестом представляли они, смиренные и

уничижены, на сонмы и соборища, пред владыки же и цари (Мф. 10:17,18), и оставались победителями. На соборищах, пред властями и владычествами (Лк. 12:11), с крестом, они не заботились о том, что возглаголют (Мф. 10:19): им внушаема была свыше премудрость, и это была премудрость креста! Крест есть главный предмет – сущность всей проповеди апостольской: они всему миру возвестили слово крестное, как спасительную силу Божию (1Кор. 1:24). Содержа непрестанно в мысли своей, как бы в живом изображении, крест Господень, ни о чем столько не заботились они, как о том, чтобы и пред очами верующих преднаписан был тот же крест – Иисус Христос распят (Гал. 3:1). Нося на теле своем крест, – язвы Господа Иисуса (Гал. 6:17; 2Кор. 4:10), они „обошли”, или лучше, „облетели, как орлы, все пределы земли”,²¹² повсюду проповедуя Христа распята (1Кор. 1:23)! Богопризванные „земледелатели”, они, подкрепляясь благодатной силой Господа жатвы (Мф. 9:38), „крестом”, как некоторым чудным ралом, „взорали природу” человеческую и „посеяли слово” Божие, „как пшеницу. Вместо сетей крестом”, как бы „крепкой мрежей, нерасторгаемым неводом”²¹³, божественные ловцы человеков (Мф. 4:19) уловили все народы²¹⁴, и привели к поклонению Христу Богу.

Посему-то каждый из Апостолов, тожде мудрствуя (Флп. 2:2), готов был, без сомнения, сказать со святым Павлом: мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распятся, и аз миру (Гал. 6:14)!... Вот один из них, святой апостол Андрей, приводится мучителями ко кресту на распятие, и с каким неизъяснимым восторгом, еще „издали увидев” крестное древо, „громко взывает” он, во всеуслышание „двадцати тысяч стекшагося народа”, – пред лицом всего города Патр: „радуйся, кресте, плотию Христа освященный, и членами Его, как Маргаритами украшенный! Прежде нежели возшел на тебя Господь мой, ты страшен был для земных; но теперь, когда ты вместил в себя любовь небесную; то, быть распростертым на тебе, есть дар. Знают верные, сколько сокрыто в тебе щедрот, сколько уготовано наград. Безбоязненно и весело я иду к тебе; но и ты с

веселием и радостью прими меня, ученика Распявшегося на тебе. Я всегда любил тебя, и горел желанием обнять тебя. О, блаженный кресте, приявший великолепия и красоту от членов Господа, многократно желанный, и неусыпно искомый, возьми меня от среды человеков, и вручи Учителю моему. Пусть от тебя получит меня Тот, Кто чрез тебя искупил меня! "...²¹⁵ Не той же ли дух веры имели (2Кор. 4:13), не тою же ли пламенной любовью ко кресту воодушевлялись и все святые Апостолы? Так! все они запечатлели проповеданное ими крестное слово своей святой кровью!

А сии облеченнии в ризы белыя, окружающие престол Агнца, кто суть, и откуда приидоша? – И это прошедшие путем креста. Сии суть, отвечает тайновидец Иоанн, иже приидоша от скорби великия (Откр. 7:13,14). Это запечатленное крестом, пресветлое, добропобедное воинство святых мучеников! Следуя по стопам „красных ног” апостольских, и они, покрываясь крестом, как щитом, отразили все замыслы жесточайших тиранов, попрали всю силу вражью! Осеняя чело свое святым крестом²¹⁶, каждый из них, в виду страшных мучительских орудий, небоязненно говорил: „я христианин!” Вооружась крестом Христовым, святые мученики шли на самые ужасные мучения, „как бы в чужих телах”,²¹⁷ „с восхищением, как ликующие...”²¹⁸ Крест, поистине, царский венец воинов Христовых! – Крестом освящались и все святые. Крестом спасались все праведные.²¹⁹ Крестом, как „божественной лестницей, восходили на небеса”²²⁰ все угодники Божии. Отрекшиеся для Христа от мира, восприяв крест, „с великой радостью”²²¹ скитались в пустынях и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных (Евр. 11:38). „Для очей” святых подвижников „ничего” не могло быть „приятнее и радостотворнее, как изображение святого креста, ”²²² – в котором они видели „печать, залог и образ самого Христа,”²²³ в котором созерцали „изволение Отца, славу Единородного, веселие Духа”.²²⁴ Дерево креста имело столь высокую цену для благочестивого сердца святых отцов, что они были „готовы облобызать с благоговением и всякое дерево, если бы только знали наперед, что из него будет сделано некогда изображение

креста Господня”.²²⁵ „Благодать и слава креста” была для них „даром, приятнейшим всех других даяний”.²²⁶ И „сей дивный и многоблагодатный дар,” по словам святителя Златоуста, был для них „столь возжеланным,” что они „все почитали его украшением для себя превосходнейшим корон и диадем и камней драгоценных”.²²⁷ „Крест Христов, на котором, чрез который и в котором утверждено и воздвигнуто здание, нашего спасения,”²²⁸ – был для них „богатством драгоценнейшим всякого другого богатства,”²²⁹ и „драгоценнейшим всего мира,”²³⁰ „сокровищем, лучшим золота, маргаритов и драгоценных камней Индии, чем прельщаются люди плотские, преданные суетности,” – „великим и истинно-драгоценным стяжанием, – как орудие величайших благодеяний Христовых, Его страданий и победы”.²³¹ Каждый из святых Божиих человек, несомненно, мог торжественно сказать с святителем Григорием Назианзиным: „я крест ношу в моих членах, на моем теле, и на всех путях; крест моя похвала и слава”.²³² Наконец беседа о кресте была столь усладительна для святых витий, что их золотые уста „не могли довольно наговориться – об этом знаменнии смерти, соделавшемся источником благословения”.²³³

Ясно понимали и глубоко чувствовали великое значение креста Христова и все вообще благословенные последователи Распятого, и во имя Его, не стыдясь названия „крестопоклонников”,²³⁴ – начиная с самых времен апостольских, при всяком своем действии, ограждали себя знамением креста, как знамением спасения. „При всяком шествии и движении, – свидетельствует один из древнейших писателей первенствующей христианской Церкви, – при каждом входе и выходе, одеваясь и обуваясь, при умывании, перед трапезой, зажигая огонь, ложась на постель, садясь на место, – словом при всяком занятии нашем, мы ограждаем чело свое знамением креста,”²³⁵ следуя преданию „Апостолов, которые внушали первым ученикам своим, а чрез них и всем верующим, чтобы они, в знак исповедания своего, полагали печать креста на лице и персях своих”.²³⁶

Но долго еще крест Христов, столь славный и многознаменательный для христиан, был в унижении,

оставался для иудеев соблазном, для еллинов безумием (1Кор. 1:23). Наконец, святому Константину, „благочестия держателю и царю богомысленному, изобразил Господь на небесах достопокланяемый образ креста, соответственно его всемирной славе, в сиянии безмерного света,” с божественным повелением: „сим побеждай!” И крестом, „как непобедимым всеоружием, низложено свирепство злосердых врагов, лесь идольская рассеяна, и божественная вера,” а с ней и слава креста Господня, – „распространилась до концов земли!”²³⁷

Вскоре и то самое крестное дерево, на котором распят был Господь наш Иисус Христос, сокрытое попущением Божиим и лукавым действием злобных врагов креста, обретено святой царицей Еленой, матерью великого Константина. „Обретена давно сокрытая святыня; утаенное сокровище, быв извлечено из земли, воссияло, как злато; августейшее знамя царства Христова, прежде закопанное, произникло на свет. Меч противу врагов, меч самокованный, возблистал из тьмы: Церковь восприяла свое украшение; обладающая сокровищами нашла потерянную драхму”.²³⁸ Церковь, действительно, „явилась раем, имеющим посреди себя древо жизни” – „древо креста!”²³⁹ – Тогда, при всенародном воздвижении победного знамения Христова, устроилось в Церкви Божией торжество великое, радостное для лика Апостолов, воинства мучеников, всего собора преподобных и праведных, всего сонма пророков и праотцов, и – всех Сил небесных; „даже, – по выражению святителя Федора Студийского, – самые существа неразумные, осияваясь небесной славой” креста, „ощущали внутри себя некоторую радость,— как то: земля, подобно матери произрастившая древо креста, как плод из своего недра, – все древа дубравные, почтенные родством с древом крестным,” и получившие „в нем освящение своего естества,”²⁴⁰ – „солнце, непрестанно сияющее, луна светящаяся, звезды блистающие и, наконец, все пространство тверди небесной, на коей совершаются многие круговращения;” словом, тогда возрадовался о кресте весь мир, видимый и невидимый, „потому что крестом Иисус-Христовым произведена перемена к лучшему во всем мире!”²⁴¹

И наши хвалебные песнопения, которыми оглашаются священные своды наших православных храмов, что такое, как не отголоски всемирного, радостнейшего торжества во славу честного и животворящего креста Господня?...

3) Для нас, по благодати Божией, сонаследников и соучастников спасения, совершенного Божественным домостроительством, непрерывно продолжавшимся и продолжающимся как в ветхом, так и в новом Завете, крест имеет все то значение, с каким является он в сени законной и при свете благодатного царства Божия. И взирая на крест, мы тотчас должны приводить себе на мысль, чем он являлся в прообразах ветхозаветных, и чем был некогда по употреблению и общему суду людей, потом чем соделался в новом Завете! Но крест имеет еще и частнейшее, особенное для нас значение, – значение в собственной жизни каждого из нас.

При самом возрождении нашем в жизнь духовную, во святой купели крещения, на нас возлагается святой крест, „для видимого представления и всегдашнего воспоминания заповеди Христовой:”²⁴² *уже хочет по Мне ити, да возмет крест свой, и последует Ми* (Лк. 9:23). С тех пор святой крест делается, можно сказать, неразлучным спутником нашим от колыбели до гроба, во всю нашу жизнь. Когда мы были еще немотствующими, несмысленными младенцами, рука наша, водимая рукой родителей или пестунов, уже изображала на челе нашем, на груди и мышцах святой крест. Едва начали мы различать десницу от шуйцы, как священное знамение креста соделалось необходимой принадлежностью наших молитв ко Господу Богу. Потом мы уразумели, что крест „печать нашей веры,”²⁴³ что „крест дан нам на чело, точно также, как Израилю – обрезание,” что „через него мы, верующие, различаемся и распознаемся от неверных”.²⁴⁴ И во все течение нашей жизни, мы осеняем себя крестом многократно каждый день и даже каждый час! Образ креста Христова встречаем на каждом шагу. Крестом ограждаются наши жилища. Крест на пути... Подобие креста примечаем и в окружающей нас видимой природе, как например, в цветах некоторых деревьев и растений, в

распростертых крыльях парящей птицы, да и в собственном теле нашем, когда мы, плавая в водах, „непрестанно возобновляем в членах своих образ креста, и таким образом преодолеваем враждебные волны;”²⁴⁵ или просто, нам, действительно, „стоит только простерть руки свои, чтобы увидеть в себе полный крест”...²⁴⁶ И „во всех предметах, подлежащих нашему зрению,” можно видеть „крест, как величайший символ силы и власти Христовой”: потому что, „представьте себе, – говорит святой мученик Иустин Философ, – какие-нибудь две вещи в мире, – может ли что устроиться без формы креста, и может ли существовать без этой формы взаимная между ними связь? По морю, например, нельзя плавать, если на корабле не цел тот трофей, который называется мачтой;²⁴⁷ земли нельзя орать без формы крестообразной; копающие землю, равно как и ремесленники не иначе производят свою работу, как посредством орудий, имеющих форму креста...”²⁴⁸ Крест святой красуется на главах наших храмов. А внутри храмов – крест на священном изображении каждого угодника Божия; крест – на священных одеждах, и вообще на каждой вещи, принадлежащей к богослужению.... Крест видим мы на персях служителей алтаря Господня, на груди доблестных сынов отечества. Крест на могилах отшедших отцов и братьев наших. Везде и всюду представляется очам нашим святой крест. Крестом благословляют нас священники Бога вышнего. Крестом совершаются все святые таинства, которые преподает нам святая Церковь для нашего освящения и укрепления в жизни духовной, для низведения на нас свыше временных и вечных благ. „Все, что до нас касается, – по словам святителя Иоанна Златоуста,²⁴⁹ – совершается чрез крест. Возродиться ли нужно будет, напиться ли известной таинственной пищей, принять ли рукоположение, или что-нибудь другое, везде встретим сие знамение победы”.

Придет пора, угаснет светильник нашей жизни, сомкнутся наши вежды, на веки застынет кров в жилах наших. И тогда святой крест не оставит нас: он ляжет на охладевших членах нашего бездыханного тела; и, когда все земное оставит нас,

животворящий крест последует за нами в матерные недра земли. Истлеет и прах наш в утробе земной; быть может, изгладится из памяти живых не только наша жизнь и деяния, но и самое имя наше. А над могилой нашей все еще будет виднеться святой крест; и этот священный памятник скажет всем проходящим: „здесь покоятся останки христианина, до второго и славного пришествия Христова...” Приидет, как *татъ* в полночи, и *день Господень, великий и просвещенный* (2Пет. 3:10; Иоил. 2:31). Прогремит гром трубы Архангела над гробами мертвых, и воскреснут *все сущии во гробех* (Ин. 5:28)! Востанем и мы из праха и тления... Что же первое всего представится тогда притрепетным взорам нашим? Крест Христов! Он „первый явится тогда, во второе пришествие Христово, как честный и животворящий, достопокланяемый и святой скипетр великого Царя Христа,” „явится на небеси со всем воинством Ангелов, озаряя всю вселенную от конец до конец, паче солнечного сияния”.²⁵⁰ О сем предвозвестил Сам грядущий Судия живых и мертвых. *Якоже бо молния, говорит Он, исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына человеческого. Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе, и силы небесные подвижутся... И тогда явится знамение Сына человеческого на небеси... И тогда восплачутся вся племена земная* (Мф. 24:27,29,30), враждовавшие против креста Христова, и возрадуются и возвеселятся все истинные поклонники креста, узрев знамение своего спасения!

Вот что значит святой крест! Вот чем является он нам и в Ветхом Завете, и в Новом Завете благодати, и в собственной жизни и судьбе каждого из нас!

II. ЧЕМ ЖЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДЛЯ НАС СВЯТОЙ КРЕСТ?

Размыслим, любезный собрат, как должно нам пользоваться тем сокровищем, которое вверил всем и каждому из нас Христос-Царь, небесный Дарораздаятель, чтоб не уподобиться нам *лукавому рабу, скрывшему талант Господень в земли* (Мф. 25:24,25), к вечному своему осуждению, чтобы и нам не *восплакаться*, некогда, *в последний день* (Ин. 6:39), при виде креста Христова.

В некоторых священных песнопениях церковных²⁵¹ воспевается, что на кресте Господнем исполнилось Исайино проречение: *и слава Ливанова к тебе приидет, кипарисом, и певгом, и кедром, вкупе прославити место святое Мое, и место ног Моих прослаблю (Ис. 60:13).*²⁵² Не находя буквального исполнения сего пророчества на кресте Господнем (обретенный равноапостольной Еленой, он только по своей животворящей силе мог быть распознан от крестов разбойничьих), богопросвещенные пастыри и учителя Церкви приведенные слова пророка Исаяи изъясняют о кресте иносказательно. В их-то иносказательном толковании откроется нам решение вопроса: чем должен быть для нас святой крест?

По церковному изъяснению, крест Христов может быть наименован: *кедром*, потому что, подобно кедровому запаху, нестерпимому для змиев, благоухание креста имеет *силу прогонять* „древних змиев”: демонов, злые помыслы и всех вообще *врагов* нашего спасения; *кипарисом*, в том смысле, что, подобно кипарисовому дереву, которое при самых сильных бурях стоит твердо и невредимо, святой крест может служить нам крепкой *оградой* при всех возможных *треволнениях житейских*; *певгом*, потому что, подобно певгу, исцеляющему внутренние болезни, животворящий крест Господень может *врачевать* и душевные и телесные недуги наши.²⁵³ Итак, на святой крест мы должны взирать 1) как на поборника нашего против всех видимых и невидимых врагов, 2) заступника во всех обстоятельствах нашей жизни, 3) врача недугов нашей души и тела. Но здесь же мы должны припомнить и то, что крест есть *место святое* Христово, *место ног* (Ис. 60:13)²⁵⁴ распятого на нем Божественного Учителя нашего; посему 4) в кресте мы должны искать для себя наставления и вразумления на пути благочестия.

1) Злейший враг наш – диавол. Святые угодники Божии, которые, как земные ангелы и небесные человеки, до того одухотворялись всем существом своим, что созерцали тайны мира невидимого, можно сказать, так же, как мы видим предметы, подлежащие телесным чувствам нашим, ясно видели все губительные наваждения злокозненного врага нашего; они

видели, как *сатана*: *то преобразуется во ангела светла* (2Кор. 11:14),²⁵⁵ чтобы обольстить, то является в адском своем виде, чтоб устрашить,²⁵⁶ то облекается призраком предметов, имеющих ближайший доступ к нашему сердцу.²⁵⁷ Но вместе с тем, Святые приметили и засвидетельствовали и то, как устрашает и поражает лукавого нашего супостата всесильное оружие креста Христова. „Одного крестного знамения, – по свидетельству святителя Афанасия Великого, – довольно, чтобы отогнать от себя ухищрение диавола”.²⁵⁸ „Беги же скорее, – грозит святитель Григорий Богослов, – лукавому татю, хитрому змию, – беги, чтобы я не поразил тебя крестом, которого все страшится!”²⁵⁹ „Вижь, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – как вооружил последующего Ему воина небесный Царь! Не щит дал Он, ни шлем, ни лук, ни броню, ни другое что-либо подобное, но, что всего этого крепче – силу креста, знамение сущей над демонами победы”.²⁶⁰ „Если ты, – научает тот же святой учитель, – вообразишь на себе крест с великой верой, то близ тебя не возможен стать ни один из нечистых духов, зря меч, которым получил жестокую рану.”²⁶¹

Невозможно исчислить всех случаев, в которых святые человеки Божии поражали и прогоняли святым крестом *диавола и ангелов его*: сказаниями о сем переполнены жития Святых. По крайней мере, нельзя не вспомнить здесь о том достопримечательном случае, о котором рассказывает святитель Григорий Назианзин. Юлиан Отступник решился некогда, „в одной из недоступных для народа страшных пещер, совещаться с подземными демонами о будущем”. Но вдруг „храбреца объемлет ужас; с каждым шагом ему становится страшнее... Пораженный нечаянностью, как неопытный в таком деле, он прибегает ко кресту, сему древнему пособию, и знаменуется им против ужасов. Знамение подействовало, демоны побеждены, страхи рассеялись. Но отступник порывается идти далее: и опять те же ужасы. Он еще раз *крестится* – и демоны утихают”.²⁶²

Наше духовное око так не дальновидно, что мы и не замечаем тех козней, которые строит против нас, и которыми ухищряется на веки погубить нас душегубец! Но потому-то

самому он гибельнее для нас. То несомненно, что когда мы, может быть, совершенно и не думаем о том, что находимся под влиянием нечистой силы, в это самое время *диавол, как лев рыкающий*, ходит между нами, *ища кого поглотить* (1Пет. 5:8)... И он давно, без сомнения, поглотил бы нас, *живых уловил бы в свою его волю* (2Тим. 2:26), если бы мы так часто не осеняли себя святым крестом! Но если обратим внимание на то, как часто впадаем мы в многообразные грехи (*а творяй грех от диавола есть*, 1Ин. 3:8), то должны будем сознаться, что мы не пользуемся, по-надлежащему, благодарованным нам оружием креста Христова на поражение невидимых врагов наших. И одному Богу и Ангелу Хранителю нашему ведомо, много ли еще остается диаволу (страшно!) до решительной победы над нами! О, какой Антоний Великий „днем и ночью помолится о нас Господу, да отверзет Он очи сердца нашего, чтобы мы могли видеть все коварства злых духов и всю их ненависть к нам, и укрепить сердце наше в духовном бдении?“²⁶³ Дерзайте, братья и соратники! Не один, а „все Святые на небе принимают великое участие в нас, – непрестанно, со слезами воссылают молитвы к Богу, чтобы Он укрепил нас,“²⁶⁴ в неравной брани с *миродержителями тмы века сего* (Ефес. 6:12)!... Потщимся же и мы, как можно более быть внимательными к нашей духовной жизни, и непременно заметим, как в мыслях, словах и делах опутывает нас сетью своими демон-соблазнитель. Тогда-то, по примеру святых Божиих, неукоснительно станем направлять против него спасительное оружие святого креста!

Не бывает ли, что тогда, как мы – в истинно счастливые минуты в жизни – чувствуем в себе особенную какую-то расположенность к богомыслию, когда с радостью ощущаем, как в нашем сердце тихо струится утешительный ток благих чувствований, – в те самые минуты внезапно, как демоны, одни за другими, целым полчищем, нападают на нас недобрые и нечистые помыслы, и разрушают наш внутренний мир, мнут нашу совесть, – подобно черной стае хищных птиц, терзающих свою добычу, язвят нашу душу?.. Не есть ли все это – враждебное действие духа злобы?.. Но оградим чело свое святым крестом, – и, как исчезает дым, рассеется вся эта

греховная мгла, облегающая нас, – душа наша ощутит в себе торжество победы, – в сердце водворится *мир Божий, превосходящий всяк ум* (Фил. 4:7)! – Не говоря уже о том, что именно как будто некая нечистая сила побуждает нас находить удовольствие, когда наш слух тешится недоброй молвой о других, или язык клеймит пятном клеветы честь нашего ближнего, – не случается ли, что даже дружеские собеседования наши нередко оканчиваются взаимными, тайными или явными, оскорблениями собеседников!.. Откуда же вдруг возникает это семя неприязни, если не от духа неприязненного? – В подобных случаях, с сокрушением сердечным впечатлением на себе победное знамение креста Христова, – и положится крепкое *хранение устам нашим*, и слух, как и *сердце наше, не уклонится во словеса лукавствия* (Пс. 140:3,4)! – Не замечали ль вы и того, что когда мы предпринимаем какое-нибудь дело во славу Божию, для пользы ближних, – Бог весть откуда противопоставляется нам то или другое препятствие, иногда и самое ничтожное, но оно приводит в уныние наш дух, и доброе дело готово расстроиться? У нас невольно срывается с уст признание, что сам „нечистый” представляет нам препону.²⁶⁵ Тогда, – с нами крестная сила! – с молитвенным вздохом, осеним чело свое святым крестом! Враг убежит с посрамлением, и Господь поспешит нам во благое – во всех добрых предначинаниях наших! – Но во время бодрственного состояния нашего нападения на нас *исконного человекоубийцы* (Ин. 8:44) еще не могут быть так сильны, как в те часы, в которые мы предаемся сну. Тогда-то, когда душа наша бывает свободна от всех внешних впечатлений, когда мы и по телу бываем беззащитнее всякого младенца, – во мраке ночи *приходит враг* темный *и посеивает* в нашем сердце *многообразные плевелы* (Мф. 13:25), – ищет беззащитных жертв, широко разверзает свою адскую пасть... О, с каким рвением должны мы прибегать под щит креста Христова, когда сон смежает очи наши! С каким благоговением должны запечатлевать себя спасительным „знамением, чтобы не коснулся нас губитель (Исх. 12:13)!“²⁶⁶ С каким глубоким чувством должны мы говорить к честному кресту молитву,

влагаемую в уста „на сон грядущим” святой Церковью: „Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица – знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, пречестный и животворящий кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшаго нам тебе, крест свой честный, на прогнание всякого супостата!” ²⁶⁷

После дьявола, другой лютый враг нашего спасения – это наша собственная плоть, – враг тем более опасный, что *никтоже из нас, по самой природе своей, возненавиде когда плоть свою, но питает и греет ю* (Ефес. 5:29); а между тем, *закон, сущий во утробе* нашего греховного тела, *непрестанно противу воюет закону ума* (Рим. 7:23), *внемлющего* спасительным заповедям Евангелия, и так жестоко воюет, что самый *бодрый* дух весьма нередко смертельно поражается разжженными стрелами *немогущей плоти* (Мф. 26:41)!.. И это та самая плоть, то самое *смирненное тело наше*, которое предназначено к столь высокому *преображению*, что, *облекшись некогда в бессмертие* (1Кор. 15:53), имеет *быть* *сообразным славному телу самого Господа* (Флп. 3:21)!.. Что ж это за странное сочетание в нашем теле – вражды и братства, противоборства и соучастия в вечной судьбе нашей? Что это за неразгаданный – в нашем существе – брат и друг, и „льстивый враг и противник, никогда не прекращающий нападений, – злобно ласкающийся зверь?”... ²⁶⁸ Увы! *Кто нас избавит от тела смерти сего* (Рим. 7:24), *умертвит* наши греховные, *плотские уды*, (Кол. 3:5)? Но кто, с тем вместе, и разольет в телесных членах наших, как *членах Христовых* (1Кор. 6:15), истинную жизнь, залог вечной жизни,– вселит в наше тело, лишенное и первобытной славы, *начаток хотящей явиться в нас славы Господней* (Рим. 8:18)?.. Святой крест! Святой крест! Он-то именно такое чудное орудие, которое и мертвит и живит, и *вносит мертвость Господа Иисуса в тело наше*, и *вдыхает в мертвенную плоть нашу живот Иисусов* (2Кор. 4:10,11). Или лучше, крест Христов, побеждая плоть нашу и посекая и потребляя в ней все греховное, враждебное Христу, соделывает

то, что все *мертвенное* в ней бывает *пожертво* *животом* Христовым (2Кор. 5:4)! Прибегнем же неукоснительно к сему дивному всеоружию. Им, и только им возможем победить нашего „домашнего врага!” Каковы бы ни были нападения на дух наш со стороны нашей предательницы плоти, помыслим только, помыслим со всевозможным усердием о Распятом на кресте, – потом оградим себя крестным знамением, и мы непременно одержим победу. Знайте, что нет такой страсти, нет такой похоти, которая могла бы противиться всепобеждающей силе креста. Это не наши слова. „Когда ты, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – делаешь крестное знамение, вспомни всю силу креста, все крестное дело, и потушишь ярость и все прочие страсти”²⁶⁹ – потушишь весь этот, по выражению святителя Григория Богослова,²⁷⁰ „охлаждающий огонь,” который снедает твою плоть, томит твое сердце: святой крест сотворит это, по словам того же отца Церкви, „великое чудо”.²⁷¹ „Когда ощутишь в себе, – научает святитель Григорий Назианзин, – побуждение к гневу” (тоже должно сказать и о других страстях), – „прежде всего обратись к Богу и моли Его, чтобы Он уничтожил в тебе свирепую бурю... Потом, не забудь тотчас ознаменовать себя святым крестом, которого все боится и трепещет”.²⁷² Вот и один из множества примеров, показывающих, как решительно побеждается наша плоть силой святого креста! Святитель Софроний, Патриарх Иерусалимский, повествует,²⁷³ что некоторый пресвитер, Конон, совершая святое крещение над еллинами, обращавшимся к христианской вере, и, погружая в святых водах не только мужей, но и жен и дев, – чувствовал в себе столь сильные порывы страсти, что наконец решился навсегда оставить место своего служения, и пустился бежать в горы... Но беглеца настигнул – явившийся ему святой Иоанн Креститель, остановил его, трижды знаменовал святым крестом, и сим оружием „отъял от него брань” плоти. Пресвитер немедленно возвратился к месту своему, и уже „нисколько не ощущал в себе похоти,” кого бы ни случилось ему погружать. „Я сам, – говорит святой архипастырь Назианза, – пользовался сим оружием,” т.е. оружием святого креста – „противу всех врагов. Вооружи им себя и ты, дабы,

вооружившись, мог победить сего врага”,²⁷⁴ которого носишь в собственных недрах твоих! А побеждая святым крестом страсть за страстью, похоть за похотью, мы мало по малу *распнем*, по слову апостола Христова, *плоть свою со страстями и похотями*, и таким образом соделаемся *Христовыми* (Гал. 5:24). Дело великое. А орудие к совершению его в руках наших, – в наших руках *всесильный крест*! Великий грех будет нам, братия христиане, если мы не постараемся им воспользоваться.

Если мы научимся побеждать святым крестом невидимого супостата нашего и собственную свою плоть, то не трудно уже будет нам победить тем же непобедимым оружием – и последнего врага, *мир сей, во зле лежащий* (1Ин. 5:19), – как ни страшным и сильным представляется этот враг с первого взгляда. Мир уже побежден крестом Христовым, связан узами и *блюдется на день суда и погибели нечестивых человеков* (2Пет. 3:7). Значит, все *гонения*, воздвигаемые миром на *хотящих благочестно жити о Христе Иисусе* (2Тим. 3:12) – не более, как грозящие потрясения цепей узника; все его обольстительные обещания не более, как мечтательные и несбыточные надежды заключенного в темницу... Да ведаем же, что против силы креста Господня вся сила враждебного нам мира – самое жалкое бессилие! Итак, пусть весь мир вооружится против нас, и с хитрыми прельщениями и льстивыми обещаниями, и с грозными прещениями и страшными угрозами! Воззрим только очами веры на святой крест Спасителя нашего, и вспомним Божественное повеление: „сим побеждай!” И победим непременно. – Чтобы отклонить нас от служения Богу и привлечь к *работанию мамоне* (Мф. 6:24), лукавый мир станет обещать нам, быть может, многие выгоды, лестные почести, различного рода заманчивые венцы... Но если пред очами нашими святой крест: нам представится *терновый венец* (Мк. 15:17), бодущий главу Спасителя, – *червленая багряница* (Ин. 19:5), в крови Иисус Христовой, и в льстивых обещаниях нашего врага ясно откроется пред нами тщета и пагуба, и мы одержим святым крестом победу! Чтобы совратить нас с *узкой стези, ведущей в царствие небесное*, и заставить нас *ходить по стихиям мира* (Кол. 2:8), *по широкому пути*,

стремиться в пропасть адскую (Мф. 7:13,14), коварный враг наш, подобно хитрому рыболову, будет стараться заманить нас в свои сети разными приманками, – посулить нам, может быть, различные житейские блага, довольство, богатство, роскошные жилища, пышные одежды, все свои сокровища... Но мы опять устремим очи наши на святой крест: на нем видим *Христа Иисуса Господа* (2Кор. 4:5), Который, *не имевши*, во все течение земной жизни Своей, *где главы подклонити* (Мф. 8:20), висит обнаженный, между небом и землей; а Его *риз* разделяют между собой распинатели, и об одежде Его *метают жребий* (Ин. 19:24)... Тогда-то постигнем злоумышления врага, и поразим его святым крестом! Чтоб омрачить наш разум, привести нас в состояние некоторого опьянения, мир, *род сей прелюбодейный и грешный* (Мк. 8:38) предложит нам полную чашу разнообразных удовольствий, безумных наслаждений, преступных утех... Но мы снова вперим взоры свои на святой крест: здесь Господь наш испивает исполненную до верха чашу гнева Божия, *даже до дрожidia*, – *напаяется оцтом*, с *желчью смешенным* (Мф. 27:34)! Тогда, быть не может, чтобы в чаше мира не заметили мы подслащенного яда, и мир опять будет побежден крестом Христовым! Действуя совершенно в духе, так же как и по воле своего лживого князя *веельзевула* (6:11. Лк. 11:15), мир сей лукавый, склоняя нас к тому, чтобы мы, *падши поклонились* его владыке, а не *Господу Богу нашему*, быть может, станет нам *показывать и давать*, в искусительных обещаниях своих, *даже все свои прелестные царства и суетную славу их* (Мф. 4:8–10)! Тогда мы не умедлим снова прибегнуть к святому кресту: на нем узрим *грядущего Судию мира, Царя Израилева, Иисуса Христа, и сего распята* (1Кор. 2:2)! И от одного, так сказать, дохновения креста Христова – все воздушные замки, которые супостат, сам *князь мира сего* настроит в нашем воображении, разлетятся, как прах от дыхания ветра. Все засады врага разрушатся до основания, а на их развалинах блистательно возвысится знамя победы – святой крест! Истощивши все ласкательства и прельщения, мир обратится к прещениям, к более или менее страшным угрозам. Чтобы заставить нас принять вредные обычаи, ложные правила

и мнения „света” – противные обычаям христианским, заповедям евангельским, преданиям апостольским и отеческим, развращенный и надменный мир станет грозить нам худой молвой о нас, унижением, посмеянием, поруганием, бесславием. А мы крепко прижмем к сердцу своему святой крест, вспомним об апостолах и святых, не знавших другой похвалы, кроме креста Христова, и ковы мира расторгнутся святым крестом, как паутина! Чтобы принудить нас отречься от Христа, не мыслью и словом, а жизнью и делами, злобный мир подвергнет нас жесточайшим гонениям...

Но пусть он измышляет все возможные мучения, все роды смертей!... Мы еще теснее соединимся со святым крестом; на нем кровь „святых мучеников, добре страдавших и венчавшихся!” И победный венец креста Христова украсит и нашу главу!

Таким образом, отражая все нападения на нас со стороны мира, мы поразим святым крестом во главу самого князя мира сего (Ин. 12:31). Мир распнется нам, и мы распнемся миру (Гал. 6:14). Умерши для греховного мира, оживем для всеяго Бога (Рим. 6:11).

Сия есть победа, победившая и долженствующая непрестанно побеждать мир (1Ин. 5:4) и всех врагов нашего спасения, – крест Христов!

2. Имея во святом кресте поборника против всех видимых и невидимых врагов наших, мы должны находить в нем и нашу ограду и защитника во всех бедствиях и тревожностях житейских. С тех пор, как падший человек всю тварь неволею повинул суеде (Рим. 8:20), земля, на которой нам суждено жить, сделалась самой горестной юдолью плача. Нигде нельзя найти в ней такого места, где бы можно было укрыться от многообразных бед: *беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии* (2Кор. 11:26)... О, мы были бы несчастнейшие твари, если б у нас не было защитника, помощника и покровителя!.. И хорошо еще, если мы находимся в числе так называемых „счастливых,” если, среди неизбежных в жизни скорбей, мы находим некоторое довольство, некоторые

удобства, утечи (хотя каждому и из таких людей можно сказать словами святителя Назианзина: „если верно уставишь весы и взвесишь все, что в жизни приятного, и что прискорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдет к земле, а другая, напротив, с благами жизни, побежит вверх)!”²⁷⁵ Но что, если против нас именно направляются все удары бедствий, если мы – как бы обреченные жертвы всех возможных лишений и страданий?.. Тогда-то куда укрыться нам? – Куда, как не под кров креста Христова! Здесь мы совершенно безопасны. „Если ты, брат мой, – говорит святитель Ефрем Сириянин, – всегда будешь употреблять святой крест в помощь себе, то не придет к тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему”.²⁷⁶ Ибо крест, как учит святитель Кирилл Иерусалимский, – „великое предохранение, данное бедным в дар и слабым без труда”.²⁷⁷ Так, пусть соберутся над главою нашей не только обыкновенные несчастья, но и неслыханные бедствия, – пусть восколеблется под ногами нашими земля, как никогда еще не колебалась, – пусть со всех сторон окружают нас разрушительные стихии! Но если мы крепко, всем существом своим, держимся креста Христова, – то будем целы и невредимы! – Возведем мысленный взор свой на Голгофу! Когда *трепетна бысть земля, и основания гор смятошася и подвигошася* (Пс. 17:8), когда и мертвые не удержались в гробах своих (Мф. 27:52), святой крест стоял неколебимо... Емлемся же, братия христиане, емлемся умом и сердцем за спасительное древо креста, и ничто не поколеблет нас; и тогда, хотя бы вокруг нас была лишь одна скорбь и теснота, мы действительно будем спокойны и блаженны!.. Конечно, и это блаженство, доколе мы на земле, не без скорбей; и со крестом Христовым приходят к нам особливые страдания... Но это такие *скорби*, которыми *сладко хвалиться* (Рим. 5:3) душе и сердцу; это такие *страдания*, в которых сокрыта *радость* (Кол. 1:24), коей и представить не могут люди, чуждые кресту Господню. *Зане, якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2Кор. 1:5), такое утешение, которого ничто другое не может дать нам. Будем же страшиться и ужасаться одного только, истинно великого

несчастья в нашей жизни, *да не испразднится в нас крест Христов* (1Кор. 1:17), чтобы не лишиться нам сего неоцененного, ничем невознаградимого сокровища, – не явиться нам самим *врагами* (с плачем говорил о том святой Апостол) *креста Христова* (Флп. 3: 18)!..

3. Защищаясь крестом святым от врагов и от житейских бедствий, мы должны стяжать в нем и врача наших недугов, как душевных, так и телесных.

Не трудно выразуметь всем и каждому, каким образом врачуются крестом наши душевные недуги. Крестом, как мы видели, *распяша наша плоть со страстьми и похотьми*, которые *воюют на душу* (Гал. 5:24; 1Пет. 2:11) и уязвляют ее смертельными ранами. Крест делает нас *Христовыми*, усвояет нас небесному врачу Христу, очищает нашу совесть от грехов, и через то проливает в душу целительный бальзам утешения духовного и *елей радости* (Ис. 61:3) о Господе Спасителе грешников...

„Но каким образом, – подумает кто-нибудь, – крест может врачевать болезни телесные, когда мы все имеем святой крест, и между тем принуждены пользоваться другими врачевствами для излечения наших немощей?” – Ах! это зависит совершенно не от святого креста. Вина в нас самих. Видно, мы или не пользуемся, или не так, как должно, не с живой верой и любовью, не с твердым упованием, употребляем сие спасительное врачевство. Но обратитесь к нашим священным летописям, к жизнеописаниям святых Божиих человеков: вы здесь, можно сказать, на каждой странице увидите, как многоцелебна сила креста Христова. Укажем хотя на некоторые из бесчисленных примеров. Так, по сказанию святого Прохора, ученика Иоанна Богослова, святой Апостол знамением креста исцелил некогда лежавшего при пути больного человека.²⁷⁸ Некто благочестивый Ир, по наставлению святого апостола Филиппа, начертал рукой своей образ креста Христова на поврежденных членах недужного Аристарха, и тотчас усохшая рука исцелела, око прозрело, слух открылся, и больной стал здоров.²⁷⁹ Когда святитель Епифаний, в детстве своем, будучи еще некрещенным, свержен был однажды рассвирепевшим

ослом, и сильно повредил себе бедро, то нашедший его некоторый христианин трижды знаменал крестом, и тем уварачевал отрока.²⁸⁰ Преподобная Макрина, сестра святителя Василия Великого, страдая „от вреда некоего лютаго на персях ея,” просила свою мать осенить больное место крестом, и как скоро употреблено было это врачевство, мгновенно получила исцеление.²⁸¹ Нонна, мать святителя Григория Богослова, подверглась однажды тяжелой болезни, испытывала „многия страдания,” и „самое тяжкое – отвращение от пищи, продолжавшееся многие дни, и ничем неизлечиваемое”. Чем же сам Бог исцелил ее? Силой знамения святого креста! „Ей представилось, в ночном видении, – говорит сам святитель Григорий,²⁸² – будто бы я явился к ней вдруг ночью, с корзиной и самыми белыми хлебами, потом, произнеся над ними молитву и запечатлев их *крестным знамением*, по введенному у нас обыкновению, подаю ей вкусить” – для подкрепления сил. И действительно, силы ее тогда же восстановились и укрепились так, что больная пробудилась от сна – уже исцелевшей.

Но чудодейственный крест Христов не только исцелял недуги; он даже соделывал тело человеческое невредимым ни от пламени, ни от челюстей свирепых зверей, ни от смертоносных ядов. Так, святая первомученица Фекла осенила крестом „множество дров и хвастия, собраннаго под нею на сожжение ея,” и огонь не дерзнул прикоснуться к ее телу.²⁸³ Святая мученица Василисса Никомидийская оградила себя знамением креста, и посреди пламени, в разжженной печи, „стояла на мног час, в огни горящем,” без всякого вреда.²⁸⁴ Обреченные на снесь зверей, святые мученики Авдон и Сеннис напечатлели на себе святой крест, и лютые звери, подобно кротким агнцам, лобызали ноги человеков Божиих.²⁸⁵ При целебной силе креста Христова оказывались безвредными и убийственные яды. Так святой епископ Юлиан, начертав на поднесенной ему злоумышленниками чаше святой крест, выпил смертоносный яд, и не почувствовал в своем теле никакого вреда.²⁸⁶ Подобным образом, преподобный Венедикт осенил крестом стекляницу, и ядоносный сосуд расселся, „как бы от каменного удара...”²⁸⁷ Но, что всего удивительнее, был даже

пример, что некоторый христианин, в отчаянии решившись сам отравить себя, но почувствовав невольный страх, знаменал крестом лютую отраву, и ничего не потерпел от нее; испил в другой раз лютейший яд, но сила сотворенного им крестного знамения опять сохранила его невредимым.²⁸⁸ „И что дивного, – скажем словами златословесного учителя, – в том, что крест побеждает вредительные отравы, когда он отверз адские врата, распростер небесные круги?“²⁸⁹

Братья! И нам нужен, может быть, даже более, нежели мы думаем, нужен врач и врач безотлучный. И в воздухе, которым мы дышим, и в пище, которую вкушаем, и в питии, которое пьем, всегда и везде может скрываться для нас зародыш болезни и самой смерти! Последуем же доброму совету святителя Златоуста. „Верная ли ты“ душа? – говорит он²⁹⁰ (а кому из нас не должно принадлежать имя верующего?) – Сотвори знамение креста и скажи: вот это одно у меня оружие и врачество, другого не знаю!” Крест Христов да будет любимейшим врачом душ и телес наших! *Рука Божия никогда не сокращается. Иисус Христос вчера и днесь, тойже и во веки* (Ис. 59:1; Евр. 13:8). Благодать креста Христова, немощное врачующая, во веки не оскудеет. О, если бы мы прибегали к сему врачеству с сердечным сокрушением и с живою верой, мы собственным опытом убедились бы, что святой крест, подлинно „недужным врач“²⁹¹ а святая Церковь не для одного воспоминания о прежде бывших явлениях Божией силы, но и для прославления настоящих событий, радостно воспевала бы свою священную песнь: „крест Господень – вернии приемлют желанием, и берут исцеления души же и тела и всякия болезни!“²⁹²

4. Но, находя в животворящем кресте Господнем нашу ограду и врачество, мы должны помнить и то, что святой крест, по словам блаженного Августина, „есть престол премудрости, кафедра небесного Учителя“. Что же преподается нам с этой священнейшей кафедры Распятого?

Много высоких и назидательных истин внушает нам самый наружный вид креста Христова, видим ли мы его пред очами нашими или изображаем на себе.

Взираем ли мы на святой крест, нам 1) предстоит, по указанию святой Церкви, „образ триипостасной Троицы:”²⁹³ *высотой* (верхним концом) крест знаменует Отца, в вышних живущего, *глубиной* (нижним концом) Сына, снисшедшего на землю и даже во ад, *широтой же и долготой* (пресечными, или средними концами) Духа Святого, везде сущего и вся исполняющего”.²⁹⁴

2) Вид креста „четверочастен,” по разумению святителя Симеона Солунского,²⁹⁵ „ради пригвожденного на нем,” Христа, Сына Божия, „горнее и долнее и все существующее сотворшего и содержащего, горнее соединившего с тем, что на земли, *свыше* низшедшего долу, из долу же возвысившего” нас „горе, из ада воздвигшего и из земных соделавшего нас небесными, в Себе самом все *соединившего*, и концы” мира „создавшего” к поклонению истинному и живому Богу, „*высотой* Божества и *смирением* воплощения все усвоившего” Себе, „*высокостью* славы и *глубиной* нищеты и смирения, и широтой милости и любви воссоздавшего нас!

3) Святой крест изображает и то, что, по словам святителя Григория Нисского,²⁹⁶ „Христос Своею крестной смертью покорил Себе три царства, да о имени Иисусове всяко колено поклонится, небесных и земных и преисподних (Флп. 2:10). *Возвысися*“ на кресте „на воздухе (что показывает *высота* святого креста), Христос явил победу над воздушными и небесными силами; *простер* на древе *руце Свои* (широта!) *весь день к людям непокаряющимся* (Ис. 65:2), – „для того, чтобы единой рукой древний народ, а другой язычников привлечь, и обоих собрать во едино,”²⁹⁷ да *вознесен* быв *от земли* на крест, – всех и *все привлечет к Себе* (Ин. 12:32), в объятии Своей любви; в то же время, Христос, „частью крестного древа, водруженной в земле“ (и это являет *глубина* креста), „покорил преисподнее царство”.

4) Вид креста Христова как бы говорит нам словами святого апостола Павла: *да возможете разумети со всеми святыми, что широта; и долгота, и глубина, и высота* (Еф. 3:18): ибо слова сии, по толкованию святого Феофилакта, означают, что „*высота* святого креста отверзла нам небо, *глубина* разорила

ад и победила дьявола, *долгота* – долгую и бесконечную жизнь в небе даровала нам; а *широта* – от широкого пути, ведущего в пропасть адскую, избавила нас”.²⁹⁸ Посему-то и святая Церковь, приближая ту же мысль к сердцу каждого из нас, научает обращаться к честному кресту с таким молитвенным воззванием: „твоя *высота*, четверосильный кресте, небеса ми да отверзет, *глубина* бездну адскую да заградит, *широта* от широкого пути сластей мирских да мя изведет, *долгота* же на вечную жизнь, молю, да мя исправит”.²⁹⁹ Или еще: „твоя *высота*, живоносне кресте, *воздушнаго князя* (Еф. 2:2) биет, и *глубина* всея бездны закаляет змия, *широту* паки воображает, низлагая мирскаго князя крепостию своею”.³⁰⁰

А блаженный Августин говорит: „*широта* на крестном древе добрых дел твоих касается,” христианин! „Крестом расprostираются тебе руки”: крест – благое и легкое иго, возложенное на тебя, вместо тяжкого, подавляющего бремени закона (Еф. 2:15). „*Долгота* в кресте долготерпению Христову приписывается. *Высота* крестного древа являет, что благоуповающим свыше есть ожидание” спасения крестом, о Христе. „*Глубина* означает туне и без заслуг”, единственно на крестные заслуги Спасителя, „ниспосылаемую нам благодать”.³⁰¹

Образ видимого нами креста, по изъяснению святого Иоанна Дамаскина, проповедует нам и о вседержительной силе Божией. „Как *средоточием* креста”, говорит святой отец, „*связываются и соединяются четыре его конца*, так и силою Божией держится и *высота и глубина и долгота и широта*, т.е. вся тварь видимая и невидимая”.³⁰²

Вид креста говорит и о всемирной славе распятого Богочеловека, – о том, что „Ему поклоняются все народы, от всей вселенной, от *востока* солнца даже до *запада*“, от *севера* до *юга*, и сей „великий народ, из всех языков и племен под криле Христа сообразный, приемлет на челах своих высокую и великую печать креста”.³⁰³

Наконец, представляющийся очам нашим святой крест своими измерениями показывает нам пределы любви: „крест, – говорит святитель Андрей Критский, – есть определитель границ

любви – *высотой* неба, *глубиной* земли, *длиной* и *широтой* вселенной!”³⁰⁴

Когда мы, возносясь духом горе, изображаем на себе святой крест, и 1) как бы концами его указываем на свое чело, на *грудь*, на *рамена*, то не ясно ли он научает нас, что Господу Богу должны быть посвящены наш ум с его мыслями и познаниями, наше *сердце* с его чувствованиями и желаниями, и наши душевные и телесные *силы* со всей их деятельностью? Не становится ли тогда для нас святой крест, или лучше, сам Христос, на нем распятый, – той печатью, о которой говорит Сам небесный Жених душ: *положиши Мя яко печать на сердца твоем, яко печать на мышце твоей*; и крепка *яко смерть* да будет *любовь* твоя ко Мне, *жестока* *яко ад ревность* твоя ко славе Моей (Песн.8:6)? – Это мысль одного из отцов Церкви. Когда мы знаменуем себя святым крестом, то он, по изъяснению святителя Амвросия Медиоланского, является нам „*печатью Христовой на челе, печатью на сердце, печатью на мышцах*: на челе, да всегда исповедуем Христа; на сердце, да всегда Его любим, на *мышцах* же, да *благая* делаем”. Раскрывая далее эту же мысль, святитель продолжает: изображаемый крест – „*знамение на челе, как на месте стыдения, да не стыдимся исповедывать Христа распятого, который не стыдится нарицать нас братией Своей* (Евр. 2:11); *знамение на сердце, как месте любления, да всем сердцем возлюбим Его*“, сладчайшего Иисуса, „*яко той первее возлюбил есть нас* (1Ин. 4:19); *знамение на мышцах, да поработаем Ему, Господу нашему, и понесем на раменах своих тяжесть креста*”.³⁰⁵

2) Есть и еще одна весьма утешительная истина, внушаемая нам самым видом креста Господня... Когда мы знаменуем себя крестом, и как бы видимым образом, полагаем на себя крест Христов, тогда между нами и Отцом Небесным, так сказать, висит на кресте распятый Спаситель наш!... Тогда Божественным взорам Всевышнего предстоит уже не наше позорное чело, покрытое греховным бесславием, но увенчанная тернием глава Богочеловека; не наше коварное сердце, исполненное всяких нечистот, но прободенные ребра

Икупителя нашего; не наши нечистые руки, непрестанно делающие беззаконие, но пригвожденные ко кресту пречистые длани всеправедного и всесвятого Господа Иисуса Христа! Таким образом, знаменуя себя крестом, мы должны предзреть духом пред собой Христа Спасителя, пригвожденного ко кресту и умоляющего о нас правосудие Божие!...

3) Но святой крест, как бы возлагаемый на нас осенением собственных рук наших, внушает нам вот еще какую мысль: „Господи! за Тебя, ради Твоего имени, святого, мы готовы на крест, на всевозможные поношения, на жесточайшие страдания, на смерть – самую позорную...”

Так многому поучает нас самый наружный образ креста Господня! Сколько же высоких, утешительных и назидательных истин могли бы мы почерпать, если бы как можно чаще углублялись, так сказать, во внутренность креста Христова! „Крест, – как витийствует святитель Андрей Критский, – наставник невеждам, учитель юношам, приставник отрокам, пестун младенцам, поправитель греха, вестник покаяния, глашатай правды”.³⁰⁶ Сей учитель, по свидетельству препообного Федора Студита, „гордого и высокомерного смиряет, беспечного и нерадивого в сердце своем возбуждает, рассеянного подчиняет игу своего учения, жестоковыйного и свирепого укрощает; и вообще всякого другого, кто только приходит к нему с твердым намерением исправить свою жизнь,”³⁰⁷ святой крест охотно принимает в свое научение и руководство, преподает всем и каждому душеспасительные наставления. Возможно ли исчислить здесь все, чему поучает нас крест Христов? Истолкователь всех спасительных уроков креста – необходимо, кажется, пришел бы к тому, что сказал бы наконец: „смотрите на крест, углубляйтесь сами и поучайтесь непрестанно, почерпайте духом, чего не может исчерпать слово!” О, поистине, на кресте Господа нашего начертаны именно весь Ветхий и Новый Завет, все святое Евангелие, все Божественные заповеди, все *глаголы живота вечнаго* (Ин. 6:68)!

Особенно же, святой крест яснейшим образом живописует пред нами всю сущность благодатного Завета Божия, всю бесконечную, непостижимую любовь к нам Божию, которая

должна бы согреть самые хладные души своим божественным пламенем.

„Любовь моя распялась!” – воскликнул святой Игнатий Богоносец, предстоя мыслью и сердцем кресту Христову. Воззрим и мы очами веры и с глубоким чувством на крест Спасителя нашего, и каждый из нас невольно воскликнет: „любовь, сама любовь моя распялась на кресте!” Ничто так разительно не изображает нам, что *Бог любви есть* (1Ин. 4:8), как святой крест. Если что, то особенно крест Господень говорит нам: „*так о возлюби Бог мир* (Ин. 3:16)! *Больше сего любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15:13); а *Христос, грешником сущим нам, за ны умре* (Рим. 5:8) на кресте! *Разумейте же преспеющую разум любовь Христову* (Еф. 3:19)!”

Был пример, что самого закоренелого невера до глубины души тронул и заставил горько оплакивать свои заблуждения один взгляд на крест, на котором изображен был распятый Спаситель, с надписью: „вот что Я для тебя сделал! Что же сделал *ты* для Меня?”³⁰⁸ Это обращение к нам Иисуса Христа начертано и на всяком кресте, представляющемся нашим взорам. Ужели оно не тронет нас? „Вот что Я для тебя сделал!” говорит каждому из нас Господь с креста: „что же сделал ты для Меня? Помысли, в чем обнаружил ты свою любовь ко Мне за Мою беспредельную любовь к тебе, вознесшую Меня на крест для спасения тебя, грешника?”... О, многомилостиве и всемилостиве Боже наш, Господи Иисусе Христе! Поработали ль мы Тебе хотя так, как работаем сатане лъстивому?³⁰⁹ Ужасно!.. Видим, Господи, как на кресте Твоем *милость и истина сретостся* (Пс. 84:11), как бесконечная любовь Отца Небесного, спасая грешников, не могла удержать бесконечной правды от поражения грехов наших в Тебе самом, присносущном Сыне Отчем. Куда же укрыться от правосудия божественного нам, преступным, ничтожным тварям, без Тебя, Христе Спасе? О, да не будет нам отныне прогневать Тебя своими неправдами! Наипаче же поработаем Тебе, любвеобильному Господу и Богу нашему, во вся дни живота нашего! Если вихрь суеты станет увлекать нас к забвению Тебя,

то святой крест Твой, так часто, по Твоему премудрому устройению, представляющийся очам нашим, пусть напоминает нам о данном обете нашем жить и действовать не для себя, но для Тебя одного, распятого за нас, Спасителя нашего, живота нашего, дыхания нашего, радования нашего! *Ни смерть, ни живот, ни настоящая, ни грядущая, ничто не разлучит нас от любви* (Рим. 8:38,39) Твоей! – Чем же мы можем выразить свою любовь к Тебе, как не „новозаповеданной Тобой“ (Ин. 13:34) любовью к ближним нашим? И кто лучше научит нас этой любви, как не тот же святой крест Твой?

Так! крест Христов убедительнее всяких других доказательств и наставлений громогласно проповедует каждому из нас: „Христианин! люби ближнего твоего; он не только брат твой, но и собрат Христу, который, *усыновив* вас крестом (Гал. 4:5) всеверховному Отцу, даровал вам право *быть чадами Божиими* (Ин. 1:12), удостоил высокого и достолюбезного имени *братии своей* (Евр. 2:11), соделал вас *наследниками Богу и сонаследниками* Ему самому – Христу (Рим. 8:17). *Ближний ли, дальний ли* (Еф. 2:17) брат твой, да будет он близок к твоему сердцу! Помни: *Христос, умиротворив все, и небесное и земное, кровью креста* Своего (Кол. 1:20) *примирил* и вас *обоих во едином теле Божии крестом, убив вражду на нем* (Еф. 2:16), и сказал вам: *вы друзи Мои есте* (Ин. 15:14)! Как бы ни был мал и презрителен в очах мира ближний твой, да будет он велик и достолюбезен в твоих очах! Вспомни: *его ради Христос умре* (1Кор. 8:11) на кресте. Блюда же, *да не погибнет* из-за тебя *брат* и друг твой по Христу. Цени его благо, временное и вечное, дороже всех сокровищ в мире. Ведай: он *куплен не истленным серебром или златом, но честною кровью яко агнца непорочна и пречиста Христа* (1Петр. 1:18,19), кровью, оросившею святой крест Господа твоего. *Смирят* себе, по заповеди: *смирениемудрием друг друга честью* больша себе *творяще, не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите* (Фил. 2:3,4), *гоняясь токмо за почетом вышнего звания Божия о Христе Иисусе* (Фил. 3:14). Размысли: за тебя, горделивого и непокорного, сам Сын Божий *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; темже*

и Бог Отец Его превознесе (Фил.2:8,9), – для тебя же, уничиженного, – чтобы в Его только превознесении ты находил утраченную тобою некогда, твою истинную славу – с чувством самоуничижения, смирения глубокого! – А отложив всякую гордость, с распростертыми любовью ко всем объятьями, терпением теки на подлежащий тебе подвиг, как бы ни казался он трудным, тяжким, скорбным, уничиженным. Взирай на начальника веры и совершителя Иисуса! Вместо подлежащая Ему радости, Он претерпел крест, о срамоте нерадив, радуя о твоём единственно спасении, и одесную престола Божия седе (Евр.12:1,2). Воссядешь с Ним и ты на том же превознесенном престоле; не выпускай только из рук твоих креста Христова; стань до крове, подвизаясь противу греха (Евр.12:4), решишь быть готовым положить живот свой за други своя (Ин.15:13). Переноси с истинным благодушием и совершенным незлобием самые жестокие оскорбления, причиняемые тебе другими. Помяни: Христос на кресте молился Отцу Небесному о Своих распинателях, – о тебе самом, который грехами своими так часто распинал, а может быть, и ныне второе распинаешь Христа, Сына Божия! Словом: стяжи любовь, яже вся любит, милосердствует, не завидит, не ищет своих си, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, николиже отпадает (1Кор.13:4–8).

Таков урок любви, внушаемый нам крестом Христовым!

Прочее же, братие моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала (Фил.4:8), всё, все начертано на кресте! Нам остается только непрестанно и телесные, и особенно духовные взоры возводить на святой крест, и почерпать новые и новые божественные силы, яже к животу и благочестию (2Пет.1:3).

„О треблаженное древо, на нем же распялся Христос, Царь и Господь, – Бог пригвоздился плотию!” О достопокланяемый образ креста Христова! Напечатлейся в нашем уме, пройди наше сердце, проникни наш дух и душу, отразись в наших мыслях,

желаниях и стремлениях, в наших предназначениях и действиях! Непобедимая и непостижимая сила честного и животворящего креста Господня, не оставляй нас грешных, ни на один шаг, ни на одну минуту! Поборай нам и помогай, защищай нас и утешай, врачуй и оживляй, научай, и вразумляй, неотступно, непрерывно! О кресте святой, сроднись со всем существом нашим, чтобы и во второе, страшное и славное пришествие *великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2:13), когда ты, с неизреченной славой, явишься на небеси, мы узрели тебя с радостью и любовью, а не со страхом и трепетом!

Вечерня во святой и Великий Пяток

Одна из самых трогательных и умилительных служб, посвященных кресту Господню, или крестным страданиям и смерти Господа и Спасителя нашего, во всем нашем церковном году, – есть вечерня, совершаемая во святой и Великий Пяток.

В «последовании страстям Господним»³¹⁰ и на «Царских часах»,³¹¹ Церковь уже созерцала, с трепетом и умилением, поразительную картину страданий Господа Иисуса Христа. Теперь, на вечерни, в самый час крестной смерти Господа (так как 3-й час, в который совершается это богослужение, по древнему счислению соответствует 9-му, в который на кресте плотию смерть вкусил Иисус Христос), – еще раз возводим душевные взоры свои на крест и распятого на нем Спасителя: это составляет предмет стихир «на Господи воззвах», которые, с другими общими молитвословиями, составляют первую часть вечерни; потом предлагаются чтения из Ветхого и Нового Завета, изображающие то славу, то крайнее уничижение Господа славы: это вторая часть рассматриваемой службы; наконец, в «стиховнах» живописуется пред нами, и затем как бы образно совершается погребение пречистого тела Христова: третья часть вечерни, совершаемой во святой и Великий Пяток.

Вечерня, как обыкновенно, начинается «предначинательным псалмом».³¹² Но какое глубокое значение получает здесь этот псалом, – как мудро, в настоящие минуты воссоздания крестом всей твари и человека, возводит он наши мысли к первоизданию мира и человека, силой и действием того же Слова Божия, которое ныне скончается в крестных муках!.. Слышится затем умоляющий вопль падшего человека: *«Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!»* (Пс. 140:1) И как бы в ответ на этот вопль, ответ, ожидаемый веками, раздаются, вслед за сим, плачевные песни, изображающие неизреченные страдания Божественного Примирителя и посредника между Богом и человеком. «Стихи» псалма, или припевы, и «стихиры» – в настоящем случае удивительно сходятся между собой. Так например, припев: *«аще беззакония назириши, Господи, Господи, кто постоит?»*

(Пс. 129:3) – И следует стихира, изображающая, как за грехи людей Сам едиnorodный Сын Божий страдал до того, что «вся тварь изменялась от страха». Припев: *«имене ради Твоего потерпех Тя, Господи!»* (Пс. 129:4) И в ответ – та же стихира, оканчивающаяся воззванием: «вся волею, нас ради, претерпевый, Господи, слава Тебе». – Припев: *«от стражи утрения – да упоает Израиль на Господа»* (Пс. 129:6) И в ответ – разительное изображение крайней неблагодарности ветхого Израиля к своему Избавителю. «Людие злочестивые и беззаконные поучаются тщетным... Почто Живота всех на смерть осудили?..» Да упоает же на Господа новый Израиль! Да упоают на Него и ветхозаветные чада Израиля, которые сошли «в преисподняя земли», с верой в грядущего Икупителя: вот «на древо возносится Человеколюбец, да свободит сущих во аде узников!» и прочее – Глас, или напев этих стихир неоднократно изменяется, как бы для большего соответствия порывам чувств, обращающихся – то к ужасу всей твари, состраждущей своему Зиждителю и Господу, то к виновникам распятия Его, воздавшим Ему за величайшие, небесные благодеяния адской злобой, то к раздирающим душу, «болезненным стенаниям из глубины» Пречистой Матери Сына Божия, стоящей при кресте Его, то к подробнейшему описанию неописанных страданий Богочеловека!.. Вот износится служителями алтаря и святое евангелие, как образ Спасителя, несущего Свой крест на Голгофу! И как многознаменательна здесь песнь, оканчивающая первую часть вечерни: «Свете тихий святых славы, – пришедше на запад солнца, – поем Тебя, живот давай!...»

В начале чтений, или «паремий» и т.д., поются, как обыкновенно, «прокимны», изображающие страдания Господа: *Разделиша ризы моя себе, и о одежде моей меташа жребий. Боже Боже мой, Вскую оставил мя еси? – Суди, Господи, обидящая мя* (Пс. 21:2,19; Пс. 34:1) и т.п. Но, не об унижении Бога во плоти говорит 1-я и 2-я паремия! В 1-й (Исх. 33:16–23) Господь Бог вещает Моисею, – который глагола Емy: *покажи ми славу Твою, – «не возможеша видети лица Моего: не бо узрит человек лице Мое, и жив будет... Узриши задняя Моя;*

лице же Мое не явится тебе“. – А во 2-й паремии (Иов. 42:12–16) представляется, как беспримерные страдания и терпение Иова вознаграждены от Бога и беспримерными милостями... Итак, вот причина и цель крестных страданий Иисуса Христа! Как Сын Божий, Он имел у Отца неприступную славу прежде сложения мира. Но Он благоволил воспрять на Себя непричастное греху естество человеческое, обесславленное у нас грехом, и путем крестным паки вошел в славу Свою, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних (Фил. 2:10)! – При такой мысли, первые две паремии проливают особый свет на последующие чтения. Из них первое: пророчество Исайи о крайнем унижении и страданиях Икупителя (Ис. 52:14; 53:1–12). Затем возвещается слово крестное божественного Апостола, не судившаго ведети что в нас, разве Иисуса Христа, и сего распята (1Кор. 2:2). Наконец святой апостол и евангелист Матфей благовествует о предании, осуждении, многоразличных муках – пред распятием и на кресте, и напоследок – о погребении Господа Иисуса. Здесь естественный переход к третьей части рассматриваемого богослужения, посвященной исключительно – воспоминанию погребения Спасителя.

После обычных вечерних ектений – перед чтением и после чтения: «Сподоби, Господи“, – начинаются самые умильные погребальные песни. «Когда Аримафей с древа мертвым снял Тебя, Живота всех, – сминою и плащаницею обвив Тебя, Христе, любовью движим был – сердцем и устами облобызать нетленное тело Твое; но одержимый страхом, радуясь, вопиял Тебе: слава снисхождению Твоему, Человеколюбче!“ Стих: «Господь воцарися, в лепоту облечеса” (Пс. 92:1). А следующая за тем стихира живописует, как Избавитель всех в то время, когда положен был во гробе, явился победителем во аде: «тогда Адам благодарственно, радуясь, вопиял: слава снисхождению Твоему, Человеколюбче!“ – И Силы Небесные, приикая ко гробу Жизнодавца, «радуясь о нашем спасении, вопияли: слава снисхождению Твоему, Человеколюбче!..“ Но, особенно трогателен «благосердый плач“ Иосифа аримафейского, который, с Никодимом, сняв с древа – Того, Кто одевается

светом яко ризою, и видево Его мертвым, нагим, непогребенным, так, рыдая, глаголаше: «увыв мене, сладчайший Иисусе, которого солнце, в мале узрев на кресте висящим, облагалось мраком, и земля страхом колебалась и раздиралась церковная завеса: но, се ныне вижу Тебя, волею подъявшаго смерть, ради меня!.. Как погребу Тебя, Боже мой, или какою плащаницею обовью? или какими руками прикоснусь к нетленному Твоему телу? или какие песни воспою о Твоем исходе, Щедрый? Величаю страдания Твои, песнословлю погребение Твое, с воскресением, взывая: Господи, слава Тебе!» Мы как бы пред очами видим, как благообразный Иосиф заключает в своих объятьях пречистое тело Господа, и как поразительно слышать тут же песнь Богоприимца, удостоившегося некогда принять в свои объятья Божественного младенца-Иисуса: *ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!*» (Лк. 2:29) При умильном пении тропаря: «благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое», – взорам верующих представляется глубоко-трогательное зрелище. Священнослужители износят из алтаря святую плащаницу – образ пречистого тела Спасителя, в том виде, как оно было по снятии Его с креста. Все и каждый повергаются ниц пред сим священным изображением, и с притрепетным благоговением, с умиленной душой лобызают язвы своего Господа, и Новый Завет, лежащий на персях Его, и запечатленный святейшей кровью Его!.. Между тем, начинается «повечерие», которым и оканчивается примечательнейшая «вечерня во святой и Великий Пяток».

Если бы кто пожелал иметь опытное понятие о том, какое впечатление производит на христиан православных это богослужение, то ему стоило бы только посмотреть тогда на лица присутствующих во святом храме. Все сии лица, более или менее, покрыты бывают в эти минуты некоторой болезненной бледностью, на челах – написана горькая дума, мысли глубокие, – очи, по большей части, увлажнены слезой... Можно с первого взгляда подумать, что это собрались погребать лицо самое близкое ко всем и каждому из членов церковного общества! И точно, может ли кто быть ближе к нам сего Божественного Мертвеца?

Могут ли наши очи не пролить хотя малые капли слез над гробом Того, кто из всего тела источил для нас на кресте избыточные потоки крови, а из ребр – с кровью воду?

Что видим, братья христиане? – Видение страшное и ужасное! Тот, «имже вся быша», которым даровано бытие всякому дыханию и твари, – бездыханен; Жизнодавец – мертв; Краснейший добротою паче сынов человеческих – не имеет *вида, ни доброты, но вид Его бесчестен, умален паче сынов человеческих* (Ис. 53:2,3)! Он обнажен, биен, тернием увенчан, оцтом с желчью напоен, гвоздями и копием весь изъязвлен, и тягчайшими муками умерщвлен на кресте! *Ужасеся небо о сем, и вострепета по премногу зело* (Иер. 2:12) вся земля! ·

О, что это мы видим? – Уязвлена пречистая глава, – та глава, которая премудростью своею все устроит, всем управляет, и столь дивные изобрела способы ко спасению погибающего человека, – эта глава острыми терновыми иглами уязвлена до мозгов!.. Не здесь ли особенно видим исполнение древних слов Бога к человеку: *проклята земля в делах твоих; терния и волчцы возрастут тебе* (Быт. 3:17–18)? Возрастила земля окающая терние и на главу Господа Иисуса!

Потемнели очи, – очи, которые милосердно и с любовью на всех призирали, очи, от светлого воззрения которых любящие Его радовались, печальные утешались, грешные обращались к покаянию!

Померкло лицо, – лицо пресветлое, боговидное, которое на Фаворе, осияваясь славой Божества, как солнце сияло, – то лицо ныне обещено, поплевано, поражено сильным ударом руки неистового раба. Сокрылась красота Твоя, Прекраснейший и Превозведеннейший!

Уста пресладкие, из которых текли потоки небесной сладости, слова сладчайшие паче меда и сота, – те уста, вкусив горечь оцта и желчи, замолкли! – Замолк язык богоглаголивый, замолкла гортань божественного гласа!

Уязвлены руки, – руки, от прикосновения которых недужные врачевались и самая смерть содрогалась; руки, в которых малые хлебы в насыщение тысячам народа умножились до приизобилия, – те самые руки поносным вервием связаны, и

острыми железными гвоздями уязвлены; руки, создавшие человека, от человека же бесчеловечно умучены!

Уязвлены ноги, – ноги, которые по водам ходили, яко по суху; ноги, которые омывши слезами явно-грешница, и отерши волосами головы своей, получила оставление многих грехов своих, – те самые ноги острыми железными гвоздями насквозь прободены и омочились кровью!

Прободены живоносные ребра Тому, Кто из ребра создал помощницу нашему праотцу Адаму! Прободены ребра острым железным копием, которое долготою своею прошедши всю внутренность, достигнуло самого сердца, и уязвило его: уязвило сердце, которое было началом и источником любви; уязвило сердце, которое, возлюбив своих, сущих в мире, до конца возлюбило их (Ин. 13:1); уязвило сердце сердобольное, милосердное, к бедствующим сострадательное!

Братья и сестры о Господе!

Сими язвами, которые мы созерцаем в пречистом теле Спасителя нашего, Он как бы устнами вопиет ко всем и каждому из нас: «Виждь, как Я тебя возлюбил; возлюби же и ты Меня! Я ничего от тебя не требую, как только любви твоей, любви твоей ищу! Я родился ради Тебя, был в трудах от юности, ради тебя; алкал, жаждал, постился ради тебя; пострадал, оцта и желчи вкусил ради тебя; распят, принял сии язвы и умер ради тебя! И за все сие, не иное что желаю получить от тебя, как только то, чтобы ты любил Меня!»

Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя; Господь прибежище и утверждение мое (Пс. 17:2,3)!

«И что иное возлюбить нам, – скажем и мы со святителем Ростовским, Димитрием³¹³, – что иное возлюбить нам, как не Тебя, прелюбезнейшего Господа нашего, которым желаем быть любимыми во все веки? Чем можем усладить нашу горесть, как не Тобою, сладчайший Иисусе, которым надеемся сладостно насыщаться во всей бесконечной жизни? – Только Ты Сам производи в нас любовь, которой хочешь. Дай нам, чтобы мы любили Тебя, и возлюбили Тебя; дай нам, чтобы мы желали Тебя, и возжадали Тебя; распали нас в любовь Твою, Сыне Божий единородный».

«Любовь Твоя да пленит нас в любовь Твою, Владыко! Влеки нас за Собой, и потечем *в воню мира Твоего* (Песн. 1:3). Итак, иду и я во след Тебя, вместе со всеми, о Любовь, всякое желание побеждающая, Иисусе!»

«Ты погребаешься телом, а мы сердцами да погребемся вместе с Тобою! Да будет пречистому Твоему телу гробом гроб; а сердцам нашим да будут гробом и погребением пречистые Твои язвы! Знаем, что Ты изыдешь в третий день из гроба; но сердца наши да будут неисходными из пречистых Твоих язв, пока мы не вселимся в наш гроб. Ибо, что может быть для сердец наших желаннее, что любезнее, что сладчае – паче пречистых язв Твоих, которые очами слезно созерцаем, устами любезно, хотя и недостойно, касаемся, а сердцами сладко лобызаем!»

Изображение Богоявления Господня и воскресения Христова

Из многих событий земной жизни Христа Спасителя, менее других правильно изображаются некоторыми художниками Богоявление Господне и Воскресение Христово. Считаем не лишним сказать несколько слов о каждом из этих событий относительно того момента, который, по нашему мнению, лучше всего избирать для художественного изображения.

I.

Богоявлением Господним именуется в православной Церкви крещение Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа от Иоанна в Иордане, и называется так потому, что при этом событии впервые, всенародно, явлено миру Божество Исккупителя и вместе – *Троическое поклонение*, или таинство Пресвятой, достопоклоняемой Троицы. *Родителей бо глас* Бога Отца свидетельствовал о Христе Господе, что Он Его *возлюбленный Сын* – Сын Божий, и *Дух Святой, в виде голубине*, (Мф. 3:16,17) подтверждал свидетельство дивным сошествием Своим на Крещаемого, которое тем более было поразительно, что происходило, по преданию, в ночное время.

Обстоятельства крещения Господня всем известны из Евангельской истории. Притом они поясняются священными песнопениями на Богоявление Господне.

После этого, казалось бы, православным художникам или иконописцам весьма нетрудно понять, каким образом такое важное евангельское событие изображать правильно. Однако же, подражание западным образцам очень нередко вовлекает их в значительную погрешность. Именно, многие представляют Иисуса Христа по колена, и еще ниже колен, в воде, а Иоанна Предтечу – обливающим Его из какого-нибудь сосуда, или из раковины, или еще из горсти.

Можно утвердительно сказать, что таким способом – чрез обливание – святой Иоанн Креститель не только Христа Спасителя, но и никого из людей не крестил. Иначе, для чего бы ему было совершать это знаменательное священнодействие

именно там, где было много воды (Ин. 3:23)? Да и самое слово «крещение» βαπτισμός означает такое омытие в воде, которое совершается чрез погружение. Погружения ради, поет святая Церковь о таинстве крещения, иже к Богу наш восход бывает.³¹⁴ Сам Христос восхотел, по разумению Церкви, обнажиться яве, и одеться яко ризою водами, обнажение одевая всех – обнажившись, змия советом сопротивным.³¹⁵

Но, как Иоанн Креститель в чувстве благоговения к Господу Иисусу, сперва отказывался совершить над Ним крещение, и только из повиновения Ему простер над Его пречистой главой свою десную руку; так и Иордан не мог не ощутить особенного приближения к нему своего Создателя: лишь только Господь вошел в эту священную реку, – она остановила течение свое, возвратилась назад, вверх, – образуя таинственно наше возведение к высоте спасения.³¹⁶ Возвратися Иордан река вспять, не дерзая служити Тебе; яже бо устыдися Иисуса Навина, како Творца своего устрашитися не имяше?³¹⁷ – Однако, не смея противиться непостижимой воле Господа, – когда Он низшел в глубь его, – Иордан покрыл струями своими Покрывающего водами превыспренняя.³¹⁸

Таким-то образом, вод освящается естество, и снова разделяется Иордан, и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаемая,³¹⁹ а Владыка Христос, крестившись, тотчас выходит из воды, и вот – среди Его молитвы – отверзаются Ему небеса, Дух Божий сходит, как голубь, и ниспускается на Него, – а с неба слышится глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение!» (Мф. 3:17)

О, дивный глас, – дивное для самих Ангелов Божьих созерцание! Окружаю, воспевает святая Церковь, ангельская воинства во Иордане крещаемого Избавителя, и трепетом великое таинство воспеваху.³²⁰

Для изображения Богоявления Господня, по нашему убеждению, представляется самым удобным именно тот момент, когда Господь, уже выходя из воды, молился, а Иордан, совершив свое служение Избавителю, – обложив Его своими струями, возвратил их назад, и снова открыл Ему свое дно, –

пришел в то же трепетное положение, в котором находился при вступлении Иисуса Христа в воду.

II.

Воскресение Христово чаще всего изображается в следующем виде: Воскресший Спаситель, с крестом, как знаменем победы над смертью и адом, возносится из гроба; Ангел Господень сидит на отваленном им камне, близ гроба, а бывшие на страже воины обращаются в бегство, или в трепете повергаются на землю.

Такое изображение, конечно, вполне соответствует, как величию живописуемого события, как и Евангельской истории; но оно совмещает в одно целое разновременные моменты события.

Если мы сличим повествования святых Евангелистов о воскресении Христовом с учением православной Церкви, заключающимся в богослужебных песнопениях на Пасху и дни воскресные, то придем к убеждению, что Иисус Христос воскрес из мертвых еще прежде, чем отвален был камень от гроба, т.е. от входа в пещеру, и когда оставался еще запечатанным самый гроб, т.е. каменная пещера, внутри которой Он был положен на высеченном в стене ложе. *Из гроба, печатей не рушив, воскресе.*³²¹ *Камени запечатану от иудей, и воином стрегущим пречистое тело Твое, воскресл еси, тридневный Спасе.*³²²

Воины, находившиеся на страже у живоносного гроба Христова, без сомнения, чувствовали, что в такой близости от них происходит нечто необыкновенное, и, когда Христос, силой Божества Своего, воскрес из мертвых, – объятые трепетом, поверглись ниц. Но видеть преславное событие они не могли, – не могли, без особенной на то благодати Божией, созерцать прославленный вид Христа воскресшего.

Первые, удостоившиеся увидеть и воспеть преславное воскресение Христово – были небожители. Если бы мироносицы, в глубокое утро, с приготовленными ароматами спешившие на гроб Спасителя, были менее заняты мыслью о том, кто отвалит им камень от дверей гроба, и могли видеть, что происходило в те священные минуты в горних обителях, то, без

сомнения, сами воспели бы ту же умирительную песнь, которой мы ныне начинаем наше пасхальное богослужение: *Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах; и нас на земли сподоби чистим сердцем Тебе славить.*

Торжество совершилось, победа над смертью прославлена на небесах; и вот один из Архангелов, видом подобный молнии, слетев с небесных кругов, мгновенно отваливает камень от дверей живоносного гроба Христова, и гроб оказывается пустым. Происходит сильное землетрясение. Стрегающие воины трепещут и падают как мертвые (Мф. 28:1–4); потом опомнившись, предаются бегству.

Вслед за этими событиями приходят ко гробу Господню святые жены мироносицы, и видят, что камень отвален от гроба, но тела Господа Иисуса в нем не находят. Зато слышат от Ангелов радостную весть, что напрасно ищут они Живого между мертвыми, – что Христос воскрес. После сего явился им сам Воскресший, и они с неописанной радостью поклонились Ему.

Итак, лучшее, по нашему мнению, изображение Воскресения Христова – то, в котором впереди гробовой пещеры, с приваленным к ее входу и запечатанным камнем, – представляется Христос воскресший, в обыкновенных Своих одеждах, благословляющий обеими распростертыми руками; а святые Ангелы, как первые свидетели воскресения Христова, благоговейно преклоняются пред Владыкой жизни и смерти; между тем, как вдали видны идущие ко гробу Живодавца жены мироносицы.

О заслугах святых Отцов, как вселенских учителей святой веры³²³

Препрославлен еси Христе Боже наш, светила на земли отцы наши основавый, и теми ко истинней вере вся ны наставивый: Многоблагуотробне, слава Тебе!(тропарь отцов).

Когда солнце, озарив сиянием своим весь видимый мир и совершив дневное течение свое, скрывается от наших взоров: тогда на тверди небесной появляется множество звезд, которые светом, заимствованным от того же светила, разгоняют мрак, окружающий нас. Подобно сему, когда Солнце правды, Христос, истинный Бог наш, исполнив всю вселенную пресветлым торжеством своего живоносного воскресения, – вознесся во славе на небеса, в виду учеников, и *облак подъят Его от очию их* (Деян. 1:9), то на тверди церковной духовному взору верующих является ныне, для прославления, целый сонм святых отцов, которые, яко богосветлые светила, от запада, и севера, и моря, и востока стеклись некогда во град Никею, чтобы светом истинного Христова учения и веры апостольской разогнать тьму нечестия, распространявшуюся повсюду от лжеучителя Ария.

Братья-христиане! Сии-то святые отцы, в числе 318-ти, составившие Никейский, 1-й Вселенский собор, в 825 году, по Рождеству Христову, по единодушному согласию, сложили из слов Божественного писания, тот символ веры, который мы повторяем ежедневно, – тот символ, dokonченный на Константинопольском, 2-м Вселенском соборе, – который искони служил и всегда будет служить для всех православных христиан, всякого возраста и пола, истинным зеркалом веры и неизменным правилом ее.

Но не в этом только отношении святые отцы суть наши наставники в истинной вере: от самых времен апостольских, с самага начала христианства, и во времена тягчайших гонений, и среди полного торжества и благоустроения Церкви Христовой, и во все времена, они, яко истинные светила на земле, действительно являются вселенскими учителями: 1) как верные

приемники и хранители апостольского учения, передававшие это Божественное учение из рода в род, и словом, и писанием, – всегда готовые запечатлеть истину его своей кровью; 2) как представители Церкви вселенской на святых вселенских соборах, своим единодушным согласием утверждавшие несомненную достоверность истин веры и святость правил церковных; и наконец, 3) как учредители и составители всего чина богослужения, которым истины веры, посредством песнопений и молитвословий общественных и домашних, делаются поистине достоянием народным всех и каждого.

О сих-то заслугах святых отцов, как учителей святой веры, в честь их и для нашего назидания, наипаче же в прославление Христа Бога, светила на земли отцы наши основавшего, и теми ко истинной вере всех нас наставившего и наставляющего, посвятим размышлению несколько минут.

1. Прияв от самого Христа Спасителя Божественное повеление учить все народы истинам святой веры и освящать верующих спасительными таинствами, и облеченные на то силой свыше, святые Апостолы, действительно, во всех концах вселенной, повсюду насаждали Церковь Христову. Но, где только основывалась Церковь, там сряду же поставлялись и пастыри ее, служители веры. Им-то особенно отцам духовных чад, святые Апостолы вверяли все истины веры, и в особенности все учреждения о богопочитании, – не только письменно, но и лично, словесно, самым делом.

В писании учение апостольское явилось не ранее, как спустя восемь лет по вознесении Господнем; являлось оно потом таким же образом, от времени до времени, и во все почти продолжение первого столетия. Но тем не менее, отнюдь не все, чему учили Апостолы Христовы, самовидцы и слуги воплощенного Слова Божия, – не все заключили они в письменах: наиболее хранилось их учение между верующими в устном священном предании. Самые писания требовали бдительного охранения и даже различения их от подложных, которые появлялись во множестве.

Таким образом, для самого писания предание, которое верующие первее всего всегда могли слышать от отцов Церкви,

было необходимо, – тем более, что весьма многое, что было в Церкви в непрерывном употреблении, как то: образ богослужения, правила жизни, выражение и особенно изъяснение догматов, – почти не имело и нужды в писании. Верно соблюдая заповедь апостольскую: *братие, стойте и держите предания, имже научистесь, или словом, или посланием нашим* (2Сол. 2:15), – каждая из первенствующих Церквей, или всякое святое общество православно-верующих, по выражению святого апостола Павла, само было как бы живое послание апостольское, *знаемое и прочитаемое от всех человек, или паче, – послание Христово, служенное Апостолами, написано не чернилом, но Духом Бога жива* (2Кор. 3:2,3). Но в особенности это выражение апостольское, по преимуществу, надлежит отнести к служителям веры, к святым отцам первенствующей Церкви, которых долг был и принимать учение апостолов Христовых, и преподавать его другим, и хранить. *Яже слышал еси от Мене, многими свидетели,* пишет святой апостол Павел епископу ефесскому Тимофею, *сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити* (2Тим. 2:2).

И поистине, верны были своему высокому призванию, и известным сотворили служение свое (2Тим. 4:5) сии, по выражению Писания (Откр. 1:20), *Ангелы Церквей* первенствующих, предстоятели христианства! Это всегда доказывали они своей неизменной любовью к вере, – любовью, больше которой, по слову самого Господа, *никтоже имать* (Ин. 15:13), – доказывали своей смертью за веру. Можно сказать, что в первые века христианства, до его всемирного торжества, избрание в пастыри было избранием в мученики; потому что гонители христиан, преследуя их, первые свои поиски и крайнюю вражду всегда обращали на священных руководителей веры. Они-то, святые отцы, и шли первые на позорища и мучения. Часто святительские престолы их заменялись для них или пылающими кострами, или раскаленными котлами. Между всеми известными отцами Церкви первых веков нет почти ни одного, кто не был бы вместе и священномученик. Таковы: Климент, епископ Римский, ученик апостола Петра, Дионисий

Ареопагит, ученик апостола Павла, Игнатий Антиохийский и Поликарп Смирнский, ученики апостола Иоанна Богослова; таковы: Ириней, Афиноген, Киприан, и другие.

Такие-то предстоятели первенствующих Церквей, и вместе предводители пресветлого мученического воинства, вдыхавшие во всех современных им христиан, и словом и примером, дух любви ко Христу, *яко смерть крепкия* (Песн. 8:6), – как истинные отцы верующих, заботясь и о будущем благе их во времена грядущие, вполне оправдали высокое преимущество учеников и преемников апостольских: мало по малу внесли они в свои писания то, что слышали устно от самих Апостолов, или от других, ближайших учеников их.

Таким образом, святые отцы, и своим благовествованием, которое было не что иное, как продолжение проповеди апостольской, и своей кровью, и своими писаниями, среди жесточайших гонений против веры Христовой, предуготовили всемирное торжество ее над язычеством и над всяким лжеучением.

Да будет же благословен Христос Бог наш, светила на земли отцы наши основавший, да свет веры и во тьме многобожия и нечестия светится, так что тьма всей адской злобы его не объят!

2. После трехвековой борьбы с язычеством, гонимая, преследуемая, уничтожаемая, святая вера восторжествовала, и в лице равноапостольного Константина, так сказать, воссела на самом престоле всемирной империи. Но, братья, верно слово Господне, что скорбным и тесным путем нужно достигать Царствия Небесного (Мф. 16:24, Деян. 14:22): на этот путь указывает Господь всякому верующему; этим же путем ведет и всю Церковь Свою, до полного и совершенного торжества ее в царстве славы на небесах!

С преодолением внешних врагов Церкви, когда, по видимому, пришло ей, наконец, время только пользоваться тишиной и благоденствием, открылись в ней враги внутренние: из среды самого причта являлись люди, *глаголющие развращеная*, которые, увлекаясь нечистыми страстями своего самолюбивого сердца, стали *нечисте Христа проповедают*

(Деян. 20:30, Фил. 1:15,16), и, проповедуя гласно, успели многих ослепить блеском своего лживого красноречия, и покрыть тьмой заблуждения. То была тьма, которой дух злобы, без сомнения, надеялся причинить несравненно более вреда Церкви Христовой, чем тьмой язычества; ибо здесь, можно сказать, сам сатана преобразовался в ангела света, стараясь отклонить христиан от правой веры как бы ее же истинами, но искаженными, и самим словом Божиим, но ложно и превратно истолкованным.

И однако же, благодарение Богу, и это ужасное покушение духа злобы было отражено светилами Церкви, святыми отцами. Лишь только стало распространяться лжеучение нечестивого Ария, противное самой сущности христианства, как по первому призыву равноапостольного Царя, стеклось в Никею 318 ангелов Церквей: со всех мест, где только были Церкви, предстоятели, или архипастыри их собрались в назначенное место и, со всей вселенной, снесли во едино церковные предания, поверили их всеобщим совещанием, и составили определения веры, послужившие не только низложением явившегося тогда лжеучения, но и основанием для будущих рассуждений о существенных предметах веры.

Вместе с тем, они изложили на письме и такие предания и вселенские правила видимого устройства Церкви, которые издревле соблюдались, со времен апостольских, но еще не были преданы письмени. *Не прелагая предел вечных, ихже положиша отцы* (Притч. 22:28) первых 3-х веков предшествующих, начиная с самих Апостолов, святые отцы 1-го Вселенского собора, если и присовокупили что вновь, то не иначе, как в изъяснение прежнего и с приспособлением к новым обстоятельствам Церкви, которая из стеснительного своего положения вышла теперь на чреду всемирного торжества.

Конечно, не без особенного намерения промысла Божия, 1-му Вселенскому собору предназначено было составиться еще в такое время, когда в числе предстоятелей Церквей было еще много исповедников, которые в предшествовавшие времена гонений запечатлели свою веру мученичеством. Таковы были святой Пафнутий, епископ Фивайдский, у которого изободено

было правое око и сокрушено колено левой ноги, и Павел, епископ Неокесарийский, которому во время гонения Ликиниева раскаленным железом отождены были жилы обеих рук; таковы были и другие святые отцы, исповедники Христовы, которым гонителями были отрублены уши и персты и другие причинены многоразличные раны!

Сии-то знаки страданий за Христа, почетнейшие всяких земных отличий, без всякого сомнения, давали отцам собора, пред всеми верующими, особенное право на то уважение и ту любовь, с которыми святой равноапостольный царь Константин Великий – нередко обнимал на соборе святого архипастыря фиваидского, и многократно целовал избоденное за веру око его. Как же важно было свидетельство их о вере, которую они единогласно исповедали в Никее, – о тех правилах, которые они тогда постановили или утвердили! «Пусть исторгнут у меня око, – говорил святой Пафнутий, епископ верхней Фиваиды, – последнее око, оставшееся у меня после гонения Диоклитианова; пусть отнимут руку и ногу: только пусть ни одной истины из моей веры не толкуют ложно!»

Такие-то, верные, поистине, даже до смерти, предстоятели Церкви, терпевшей дотоле тяжкие, открытые гонения от врагов христианства, но всегда сиявшей внутренней славой своих подвигов, наконец и отвне восторжествовавшей, сохранили и предали всем векам грядущим залог веры, как неприкосновенную святыню, во всей ее чистоте!

Подобные соборы святых и богоносных отцов были много раз и после Никейского, и так же, как и первый, охраняли Церковь Божию от всяких нововведений и лжеучений; а с тем вместе, по мере открывавшихся обстоятельств, изъясняли и предавали во всегдашние правила все, что необходимо нужно соблюдать, и чему нельзя быть в единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Отсюда видно, что если и каждый из святых отцов Церкви был как бы светильником на свещнице своей паствы, да светит всем; то отцы соборов вселенских поистине суть светила для всех веков, для всех времен и народов, – которых учение, несомненно, есть учение апостольское и Христово, – которых руководство непогрешимо!

Может погрешать в предметах веры частный человек; может совершиться с пути истины даже какой-нибудь предстоятель Церкви поместной, уклонясь от единства Церкви вселенской; но там, где едиными устами и единым сердцем исповедуют свою веру все православные христиане всех Церквей, по всей вселенной, в лице своих верховных пастырей: там невозможно ни малейшее отступление от истины, как не возможно то, чтобы силы адавы преодолели Церковь Христову: *врата адавы не одолеют ей* (Мф. 16:18)!

Вот почему, братья христиане, и доньше, как будет и до скончания века, в Церкви православной, всем ее пастырям вменяется в непрременную обязанность строго держаться учения и постановлений святых семи вселенских и с ними совершенно согласных поместных соборов, и «не инако толковати божественные писания, но якоже церковная светила, святые и богоносные отцы наши, пастырие и учителя великим согласием истолковали».

Таким образом и в наставлениях веры нынешних пастырей своих вы слышите, братья, тоже самое, чему учили святые отцы первых веков, как достойнейшие преемники апостольские и истинные наставники наши в вере, при жизни, поучавшие Церковь Божию словом, а ныне – поучающие писаниями, которыми опять руководствуется наше живое слово.

Да будет же паки благословен Христос, истинный Бог наш, светила на земли отцы наши основавый, и теми ко истинней вере вся ны наставивый, и наставляющий – в преемственном служении наших пастырей, призванных на дело благовествования Христова!

3. Но, братья-христиане! мало того, что святые отцы всех нас наставляют в истинной вере достовернейшим изъяснением слова Божия, чем руководствуются наши пастыри проповедники, – они составили для нас еще и особенного рода проповедь неумолкную, ежедневную, общественную и домашнюю, и притом истинно народную, вполне доступную для всех и каждого из верующих! Мы разумеем весь чин богослужения нашей святой православной Церкви, составленный святыми отцами, их священные песнопения и

молитвословия, в излиянии которых возносились к Богу их собственные души, и в которых и для нас заключена сила их отеческих благословений о имени Господнем.

Так, братья, внимательно слушая дивное богослужение церковное, или читая дома повседневные наши молитвы, не можем не заметить, что святые отцы, по возможности, заключили в них все важнейшие истины нашей святой веры и нашего христианского упования.

Вникая в смысл и значение богокрасных песней церковных, сложенных святыми отцами на святые праздники Господни, не научается ли всякий православный христианин истинным понятиям о том, что сделал для нас Господь наш, какую силу имеет каждое из событий Его земной жизни?

А их похвальные песни в честь Святых, воспеваемые нами и в нарочитых и в повседневных службах им, не представляют ли нам бесчисленного множества образцов того, как истины веры могут быть осуществляемы в жизни каждого христианина, во всяком звании и состоянии?

Наконец, молитвословия, освящающие каждое из событий нашей собственной жизни, от колыбели и до гроба и даже за гробом, – все эти молитвословия, по мудрому устройению святых отцов, не к той же ли спасительной цели направлены, чтобы непрестанно наставлять нас в истинной вере, и спасать нас чрез веру?

О, да будет же во веки благословен Христос, истинный Бог наш, светила на земли отцы наши основавый, и теми ко истинней вере всех нас наставивый и непрестанно наставляющий!

Да будет вечно благословенна и ваша святая память, святые и богоносные отцы наши! Поистине были бы мы недостойнее тех неблагодарных детей, которые не умеют ценить благодетелей своих родителей, заботливо устроивших благоденствие всей их жизни, если бы когда-нибудь забыли, что вам, богомудрые наставники наши, мы обязаны тем, что составляет основание не только временного благополучия, но и наипаче вечного блаженства, – сохранением во всей чистоте и неприкосновенной святости апостольских преданий, в которых

закключается истинное учение Христово, *яко от Бога и пред Богом, во Христе (2Кор. 2:17)*, – сохранением, которое стоило для вас необыкновенных трудов и подвигов, страданий, а для многих и самой смерти!

О, мы вполне чувствуем, что прияв от вас такой залог веры, были бы совершенно недостойны высокого звания чад ваших, если бы не были готовы и с своей стороны хранить этот священный залог до последнего нашего издыхания, не щадя для сего и последней капли крови!

Были бы также недостойны вашей отеческой любви к нам о Христе, богоносные, если бы, зная, с какой заботливостью вы оградили сохраненный вами залог веры от всяких наветов суемудрия и лжеучения – и своими богомудрыми писаниями, и определениями соборов вселенских, – вместо того, чтобы в сих чистых источниках, или в наставлениях ваших истинных преемников, пастырей словесного стада Христова, почерпать здоровое учение, – прибегали к кладенцам сокрушенным собственным или иноверных мудрований, прелагаясь в научения странна, *внемлюще духовом лестчым (1Тим. 4:1)*!

Наконец, были бы мы недостойны и названия духовных чад и учеников ваших, богомудрые наставники и отцы святые, если бы оказывались невнимательными к тем урокам святой веры и благочестивой жизни, которые заключены в преданных вами священных песнопениях и молитвословиях богослужения общественного и домашнего, если бы, по непростительной лености и нерадению о своем собственном спасении, не старались, как можно чаще, посещать церковь Божию, это истинное училище благочестия, – особенно во дни воскресные и праздничные, а дома творили бы молитвы без особенного участия ума и сердца, не озаряясь сокрытым в них светом веры, и не согреваясь животворной теплотой святой любви, которой они проникнуты!

Господи Иисусе Христе, Боже наш! Тебе молимся и Тебе просим: молитвами святых отец наших, даруй нам благодать явиться пред Тобой достойными их чадами по духу, по вере, по жизни, – чтобы, следуя их учению и подражая их вере и благочестию, мы удостоились быть там, где они, в Церкви

торжествующей на небесах, – да будем столько блаженны, чтобы и о нас верные рабы и друзья Твои, истинные благовестники святого Евангелия Твоего и единоревнители апостольские, святые и богоносные отцы наши, сказали некогда Тебе: «се мы и дети, которых Ты дал нам!» Аминь.

О том, как утешительно благовестие, о покаянии и близости Царства Небесного³²⁴

Оттоле начат Иисус проповедати, и глаголати: покайтесь, приблизися бо царство небесное (Мф. 4:17).

Таково начало проповеди Христа Спасителя! Такова, можно сказать, и сущность благовестия Христова! – О, какая бездна любви, премудрости и благодати Божией заключается в сем благовестии: *покайтесь, приблизися бо царство небесное!*

Это не тот же ли небесный мир на земли, не то же ли благоволение Божие к человекам, о котором благовествовали Ангелы при самом рождении от Пресвятой Девы Спасителя мира, свидетельствованного, при Иордане, от Отца предвечного, что Он есть Сын Его возлюбленный? (Лк. 2:13,14)

Так, братья, неисповедимый в судьбах своих Бог, которого беспредельное милосердие равно Его беспредельному правосудию, являет здесь исполнение обетования, данного нашим праотцам, – о избавлении их от греха, проклятья и смерти!

Если сам обетованный Спаситель, пришедший в мир, вещает людям: *покайтесь*, то это значит, что Отец Небесный уже готов примириться с людьми, – даровать душам их вечный и неотъемлемый мир, только бы они обратились к Нему всем сердцем. Если сам Царь благодатного царства благовестует, что Его небесное *царство* уже приблизилось, то, значит, оно действительно весьма близко от всякого, обращающегося с верой и любовью к сему небесному Царю.

Что же может быть вожделеннее сего благоволения Божия к человекам, христиане-братья?! Не рай земной, а царство небесное дарует нам Христос Спаситель! По Его божественному уверению, это царство вечного блаженства к нам близко, и до того близко, что всякий из верных последователей Христовых, кто бы он ни был, может войти в него; и для этого ничего больше не требуется, кроме истинного покаяния: *покайтесь, приблизися бо царство небесное!*

О, благовестие сладчайшее и превозделенное, душеспасительное и радостотворное для всякого человека, каково бы ни было его звание, а особенно, каково бы ни было его состояние душевное! Размыслим о сем, братья.

Много бед породил и порождает грех на земле: трудно исчислить их! Но из безчисленного ряда бедствий, угнетающих род человеческий, укажем хотя на два, встречаемые в сем мире повсюду: нищету, во всех ее видах, и смертоносные болезни.

Есть нищета телесная, или внешняя, и есть нищета, крайняя бедность душевная, тем более жалкая, что, будучи более телесной, так сказать, разорительной, она менее ее бывает приметна.

Есть болезни телесные, и есть столь же многообразные недуги душевные, не менее телесных смертоносные, и тем более ужасные, что причиняют смерть духовную и для души бессмертной!

И в том, и в другом из упомянутых случаев бедственного состояния человека, по душе и телу, без сомнения, ничего не может быть вожделеннее, как благовестие Христово о покаянии и приближении небесного царства. Ибо покаяние, возвещаемое и, можно сказать, даруемое Христом, есть избавление от всех зол; а царствие небесное, Им же благовествуемое и всем верующим приближенное и усвояемое, есть совокупность всех благ, и таких благ, которые бесконечно вознаграждают покаявшегося грешника за всякое претерпенное им бедствие!

1. Кто никогда в жизни не имел нужды в куске хлеба, не испытывал недостатка в дневном пропитании; кто ни разу не был поставлен в необходимость дрожать от холода и носить изодранное рубище: тот может ли представить себе все ужасы нищеты и бедности? – Но всякий может понять, что это бедствие весьма велико.

А из всякого рода нищих может ли быть кто несчастнее того, который прежде нежели впал в крайнюю нищету, имел огромное богатство, и с ним возможность наслаждаться всеми удобствами и удовольствиями жизни? Если же еще этот обнищавший богач дошел до такого жалкого состояния за какие-либо преступления, по которым он лишен обладания своим

имуществом, и наконец, лишен свободы, – подвергнут состоянию хуже рабского, – заключен в темницу: то можно ли еще что-нибудь придумать для увеличения его бедственного состояния?

Представьте же себе, возлюбленные братья, что этому нищему, этому обнищавшему богачу, по законам правосудия лишенному имущества, а с ним и власти и свободы, сам Царь объявил бы, что Он ожидает только его совершенного исправления, требует лишь покаяния, чтобы возвратить ему с избытком и прежнюю власть и все утраченные им сокровища! Мог ли бы сей нищий услышать весть более утешительную и приятную?

Но такова именно весть, провозглашаемая Спасителем грешникам: *покайтесь, приблизися бо царство небесное.*

Так, братья! Первый грешник в роде человеческого сделался и первым нищим. Лишь только прародитель наш нарушил заповедь Божию, как лишен всего богатства даров Божиих, которыми наслаждался в раю, и, едва прикрывая наготу свою ризами кожаными, должен был в поте лица своего снискивать для себя хлеб!

Но гораздо более обнищал этот первый грешник по душе, утратив первобытное богатство разума, неоцененное сокровище чистоты, невинности и спокойствия совести, и внутреннее господство правой воли: омраченный смыслом, думал скрыться от Бога; обнищав сердцем, стал лукавить в самом исповедании греха, и, решась на противление воле Божией, оказался пленником и рабом виновника всякого зла – дьявола! – И эта нищета телесная, а наипаче душевная, сделалась бедственным наследием всех нас, как потомков Адамовых!

Но вот, братья, великодаровитый и всебогатый Господь, обнищав нашего ради спасения, яко человек, да нас обогатит, яко Бог, простирает к нам, обремененным и наследственной и самопроизвольной, греховной, телесной и душевной, нищетой, – этот душеспасительный и утешительный глас: *покайтесь, приблизися бо царство небесное!*

Он как бы так вещает к нам: «Бедные нищие! поймите, что причина вашей жалкой нищеты есть грех, и возненавидьте его;

решитесь твердо исправить вашу греховную жизнь, – и ваше внутреннее и внешнее состояние примет совершенно другой вид: Божественная благодать освободит вас из-под власти губителя рода человеческого, и вы вместо нищеты получите сокровища царские: *покайтесь, приближися бо царство небесное!* – Обратитесь только, – глаголет Христос Господь, – ко Мне всем сердцем вашим, сочетайтесь Мне искренно, отрекшись сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всей гордыни его; и Я прикрою вашу наготу душевную, как царской багряницей, Своими заслугами, этой светлой ризой оправдания пред Богом; Я утолю ваш глад духовный – нетленной пищей слова Божия, напитаю вас Своим телом и кровью, обогащу вас Своими благодатными дарами, и вы еще на земле вкусите и увидите, яко благ Господь, и вы – точно наследники обетованных нескончаемых благ! *Покайтесь, приближися бо царство небесное!*“

Братья христиане! Вонмем сему утешительному гласу Божественного Спасителя нашего: Он, поистине, должен быть паче всего вожделенен для нас: ибо что может быть вожделеннее для жалкого нищего, как избавиться от угнетающей его нищеты?

2. Но обратим еще наше внимание и на другого рода бедствия! – Бывает нередко, что человек, при всем видимом счастье, обладая несметными сокровищами и пользуясь самой обширной властью, признает себя несчастнейшим в мире существом, от того именно, что прикован к одру болезни, терпит жестокие страдания, изнывает, можно сказать, в тяжелой борьбе со смертью.

Если же страждущий нестерпимым недугом сознает еще, что он сам, своими собственными, произвольными грехами подверг себя такому ужасному состоянию: то можно ли представить что-либо бедственнее положения такого человека?

Но, братья, сознает ли это кто из страждущих в мире сем, или не сознает; но всякому известно, что, действительно, все болезни посеяны в роде человеческом грехом, который и сам по себе есть уже тяжкая, смертоносная болезнь душевная; ибо *оброцы бо греха смерть* (Рим. 6:23). Все мы – грешники, и по

наследственной порче и по своим произвольным падениям; посему все подвержены смертельным недугам, которые рано или поздно, но непременно должны пресечь нашу жизнь.

А находясь в столь бедственном и опасном состоянии, не признаем ли, братья христиане, истинно утешительным и радостным для себя благовестием то, что сам небесный Врач душ и телес предлагает нам спасительное средство улучшить избавление от бед и достигнуть лучшей участи, взывая к нам: *покайтесь, приблизися бо царство небесное?*

Он как бы так говорит нам: *«что еще уязвляетесь, прилагаяще беззаконие? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль: от ног даже до главы несть в вас целости. И несть пластыря приложити, ниже елея, ни обязания (Ис. 1:5,6).* Но дерзайте, чада! Не для того ли Я пришел в мир, чтобы у врачевать ваши недуги душевные и телесные? Ибо не здравии требуют врача, но болящии (Мф. 9:12; Мк. 2:17). Не для вашего ли исцеления, – не восхищением непщевав быти равен Богу, смирих Себе, послушлив быв небесному Отцу даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. 2:6–8), – отдав плещи Мои на раны, и ланите Мои на заушения? (Ис. 50:6) – Аще воистину хотите целы быти, если действительно дорого вам спасение ваше, – обратитесь ко Мне всем сердцем, и исцелю вас; покайтесь: *научитесь добро творити, взыщете суда праведного, избавите обидимаго, судите человеколюбно сиру, и оправдате вдовицу, и приидите, и истяжимся: и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю (Ис. 1:17,18).* А с изглаждением неправд ваших, с искоренением грехов, истребится в вас семя тли, самый зародыш болезней и смерти вечной. Тогда, аще и умрете, – оживете; печаль ваша в радость будет; отъимется всякая слеза от очию вашею. Истинно, истинно говорю вам, злостраждущие, проповедуется вам цельба: *покайтесь, приблизися бо царство небесное*, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание! Покайтесь, и спасетесь!“

Братья христиане! Если не естественно больному не желать своего исцеления; то естественно ли и нам, грешникам, не желать своего исцеления душевного и телесного? – Если

трудноболящему сладостно уверение искусного врача в совершенной возможности получить· ему исцеление: то может ли не быть для нас благоприятным и утешительным благовестие небесного Врача душ и телес о возможности и даже о близости к нам нашего спасения?

Но, братья! если действительно для нас, и нищих, и смертно-болящих, душой и телом, приятно и утешительно это благовестие Христово; то постараемся непременно воспользоваться им; покаемся, да избавимся от вечных зол и сподобимся нескончаемых благ; покаемся, *приблизися бо царство небесное!* – Аминь.

О милосердии Божиим, призывающем человека от пути гибели на путь спасения³²⁵

Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, по имать живот вечный (Ин. 3:16)

Великая и утешительная истина, возвещаемая нам, братья, сими евангельскими словами, как бы начертана на кресте Спасителя нашего. Посему-то, согласно с намерением святой Церкви, предуготовляющей нас к достойному поклонению животворящему древу, яко орудию нашего спасения, весьма благовременно размыслить нам об этой истине.

Какая же это истина? – Та, что тогда, как грех вовлекает человека в бездну гибели, – беспредельное милосердие Божие призывает нас на путь спасения, и всегда готово даровать нам вечную жизнь.

Так, братья, есть два пути, на которые должны мы обратить полное внимание и смотреть с величайшей осторожностью: один путь греха, ведущий нас к гибели, от которого всемерно надлежит нам удаляться; а другой – покаяния, приносящий спасение, которым и должно следовать нам неуклонно. По первому пути, греховному, мы удаляемся от Бога; по другому – покаяния, возвращаемся к Богу: и на обоих сих путях никогда не оставляет нас беспредельное милосердие Божие.

Когда мы от Бога удаляемся грехом, то Его милосердие, так сказать, за нами ходит, ищет нас, и кротким, отеческим гласом призывает нас обратиться от пути гибели на путь спасения; а когда обращаемся к Богу покаянием, то Его милосердие встречает нас, можно сказать, с распростертыми объятьями, – с благодатью милующей и всепрощающей, и приемлет с любовью, дарующей истинное блаженство.

1. Ничего, кажется, не может быть для человека легче, как уклониться с прямого пути истины и добра; ничего так легко не делает человек, как грехи. Оттого всякий, удалившись от Отца Небесного, мало по малу, почти не приметно, так далеко заходит

по этому гибельному пути греховному, что приходит даже во *глубину зол*, – и *нерадит* (Притч. 18:3)! Не радит, потому что нет ничего труднее, как придти в полное сознание всей тяжести соделанных грехов, которые творить казалось так легко и приятно, и даже, по-видимому, безвредно! Увы, ничто не в состоянии причинить нам большего вреда и большей потери, чем тот вред и та потеря, которые происходят от греха! И однако же, как часто, ввергая сами себя в погибель, мы бываем к тому нечувствительны и слепы!

О, мы бываем очень чувствительны, мы хорошо видим, и даже в преувеличенном виде, постигающее нас бедствие; но когда? – Тогда, как дело касается наших временных потерь, или ущерба нашего земного благополучия.

Да, мы горько сетуем, много проливаем слез, когда у кого-нибудь из нас умрет или сын, или брат, или жена, или сродник, или друг! Плачем о том, чего, знаем, необходимо должно ожидать всякому, плачем, хотя святая вера убеждает нас, что, по милосердию Божию, смерть истинного христианина есть только переселение в жизнь лучшую, вечно блаженную!

Но как бываем мы нечувствительны к тому, что чрез грех теряем благодать Божию, небесное царство, нескончаемую жизнь будущего века, душу, и все: мы этого не видим, и, когда это действительно бывает с нами, не печалимся и не тужим!–

В обыкновенном нашем быту, в делах житейских, даже и незначительный в чем-либо убыток сколько причиняет нам печали и скорби, хотя здравый разум и удостоверяет нас, что это есть временное и ничтожное бедствие! Когда случится припадок какой-либо и легкой болезни, какое-либо маленькое злключение, или даже просто какая-либо неудача в наших предприятиях, несбывшееся желание, сколько возникает у нас жалоб и роптаний! И это, конечно, потому, что и самое обыкновенное иго поврежденного грехом естества нашего, и даже неизбежная для всякого доля временных бедствий, по отношению к нам самим представляется нам нередко в преувеличенном виде, как будто мы терпим больше, чем другие. И в этом случае точно нельзя назвать нас нечувствительными! – Но, ах! той, несравнимой ни с чем, потери, когда душа

отлучается от Бога, того тягчайшего урона, которого ни умом понять, ни языком истолковать невозможно, – как часто мы вовсе не чувствуем, и, находясь на краю гибели, не только не печалимся, не только не плачем, но еще радуемся и смеемся! Тогда-то, подлинно, нельзя не удивляться нашей нечувствительности и ослеплению насчет нашей собственной, вечной судьбы!

Но, братья христиане, еще не столь удивительно то, что человек во время удаления своего от Бога не печалится, и нимало не тужит о том, когда не знает, что за величайшее благо сокрыто в Боге, и какую величайшую потерю он терпит: он этого не видит, потому что страсть ослепила его душевные очи!

Несравненно более удивительно то, что Бог, который совершеннейшим образом ведает всю ничтожность человека, который и без человека есть тот же Бог, вечно блаженный и славный, тем не менее, когда впадает человек в погибель, ищет его, жаждет его спасения: что же иное хочет Бог показать чрез это человеку, как не бесконечное Свое милосердие?

И вот единственная причина воплощения, страданий и крестной, смерти едиnorodного Сына Божия: *так о возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodнаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет! – Христос Иисус прииде в мир грешники спасти (1Тим. 1:15)! – «Слухом, Господи, услышах, – вопиет человек, в неопisanном удивлении бездне милосердия Божия, – услышах, и ужасохся: до мене бо идеши, мене ища заблуждшаго»³²⁶*

И посмотрите, братья христиане, с какой ревностью, с какой любовью Христос, как добрый и кроткий Пастырь, ищет человека, яко овцы заблуждшей! В примерах всей евангельской истории не встречаем такого грешника, которого не разыскал бы Иисус Христос Своею кротостью и милосердием, без всякого суда и гнева.

Для приобретения мытаря Матфея, начальника мытарей Закхея, и многих фарисеев, посещал Он их дома, вкушал их трапезу: и когда иные осуждали Его за то, говоря ученикам Его: *яко со грешники Учитель ваш яст и пьет (Мф. 9:11)*, Он обыкновенно отвечал, что не здоровые, но болящие имеют

нужду во враче, то есть, что не праведникам, но грешникам-то и нужно посещение Спасителя!

Для обращения на путь покаяния явных грешниц, не укорял Он их, не угрожал им, но принимал, прощал их и защищал.

Для воззвания к истинной жизни жены, избличенной в тяжком преступлении, когда все осуждали ее, Он только один ее не осудил, но отпустил с прощением, словом истины и спасения.

Для обращения самарянки, не обличал прямо ее прежних грехов, но кротко довел ее до собственного исповедания и покаяния, так что и сама она сделалась проповедницей о Спасителе во граде самарийском.

Петр отрекся от Него! Однако и его не иным чем привлек Господь к покаянию, как только единым Своим взором, исполненным любви, кротости и милосердия.

С таким-то милосердием ищет добрый Пастырь, Иисус Христос, и нас с тобой, слушатель, и всякого грешника, яко заблуждшую овцу. Голос милосердия Его, ищущего и призывающего нас, слышится в нашей совести, которая иногда угрызает наше сердце. Еще сильнее раздается в душе нашей этот голос, когда страх смерти и трепет муки внезапно приходит нам на ум и поражает нас. Тот же голос Бога Спасителя, призывающего нас к покаянию, поминутно, можно сказать, повторяется нам, когда какая-либо болезнь томит и изнуряет нас. В бедах и напастях, которые нам приключаются, если только будем внимательны, живо почувствуем, как Господь милосердый, жаждущий нашего спасения, стучится в двери сердца нашего (Откр. 3:20). Да и особенно та божественная служба, на которой предстоим, то слово Божие, которое слушаем, – что иное, как не тайный голос милосердия Иисуса Христа, нас ищущего и призывающего?

И еще что? Тогда как, при столь многообразном призывании нас Господом милосердым, мы Его не слушаем, и нередко еще больше от Него удаляемся, – добрый Пастырь Иисус Христос все еще терпит нам и ожидает нашего обращения!

2. О, с какой радостью примет Он нас, если мы обратимся к Нему от всего сердца! С какой любовью добрый Пастырь примет нас, заблуждших овец Своих! Он возложит нас на рамена Свои, то есть, поможет нам всей силой Своей Божественной благодати, примет нас в объятия любви Своей. И «заблуждшее, горохищное», – пропадавшее в горах, – «обрет овча, на рамо восприим, ко Отцу принесет и с небесными совоюпит силами»: Сам безмерно радуясь о сем, как бы о каком неоцененном приобретении, скажет и ангелам святым: *радуитесь со Мною, яко обретох овцу Мою погибшую (Лк. 15:6)!*

Но от чего такая радость на небеси о кающемся грешнике? Что из того для Бога? Есть ли от этого какое-либо приумножение Его блаженству и славе, что грешник покается?

Нисколько! Но Бог радуется о спасении человека, по Своему бесконечному милосердию! Оно-то делает наше спасение столько драгоценным в очах Божьих, что для приобретения его не пощадил Бог и единородного Сына Своего, да всяк верующий в Него не погибнет! И что есть человек, яко помниши его, Сыне Божий единородный, даже и тогда, как Он, по-видимому, забывает все, что Ты соделал и непрестанно делаешь для спасения его? – Поистине, велика и непостижима бездна милосердия Твоего, Господи!

Но горе нам, грешники, когда наконец, исполнится мера долготерпения Божия, а мы не очувствуемся и не отзовемся на кроткий глас доброго Пастыря и Посетителя душ наших, Иисуса Христа, – не обратимся к истинному покаянию!

Бог бесконечно милосерд; но и бесконечно праведен. Бог, потому что Он милосерд, терпит, когда мы впадаем в грех. Но по Своему правосудию, не может потерпеть, чтобы грешник пренебрегал Его милостью. А самое большее оскорбление мы наносим милосердому Господу, когда пред Ним согрешаем, и не каемся, и – еще более, когда и не каемся, что Он милосерд!

Но, если мы люди, и имеем ум; если мы христиане, и имеем веру: то не будем пренебрегать богатством *благости Божией и кротости и долготерпения*, страшась, чтобы, по своей жестокости и непокаянному сердцу, не собрать себе *гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия (Рим.*

2:4,5)! *Днесь*, вzywають к нам, братья, о милосердии Божиим, и царственный пророк и апостол Христов, *днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Пс. 94:8; Евр. 3:7–8,15).

«Итак, – скажем в заключение словами святителя Златоуста,³²⁷ – доколе говорится это *днесь*, не будем отчаиваться, но, имея благие надежды на Господа, и помышляя о бездне Его человеколюбия, изгнав из совести все злое, с великим усердием и надеждой возьмемся за добродетель, и покажем самое глубокое покаяние, дабы, здесь сложив все грехи, с дерзновением могли мы стать пред судилищем Христовым и получить царство небесное, которого да сподобимся все мы”, – благодатью и человеколюбием распятого за нас, Христа Иисуса Господа нашего, которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, в бесконечные веки. Аминь.

Спасительный совет жертвовать благами для жизни вечной³²⁸

И се един некий приступль рече Ему: Учителю благий, что благо сотворю, да имам живот вечный? (Мф. 19:16)

Слыша такой вопрос из уст юноши, нельзя не похвалить добрых его чувств и расположений души. Видно, это был человек не легкомысленный, и занимавшийся не суетой только!

Тогда как иные и из христиан проводят дни в заботе и ночи в бессоннице над пустыми вопросами: как бы сделаться богаче? или: как бы выше и важнее других занять место в обществе? – приступивший ко Господу израильтянин был занят истинно важным вопросом: что доброго должен я сделать, чтоб получить жизнь вечную?

Далее: когда Иисус Христос отвечал ему, что для сего надлежит соблюдать заповеди, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, почитать отца и мать, любить ближнего, как самого себя: тогда юноша, конечно не против убеждения своей совести, сказал: *вся сия сохраних от юности моя!* (Мф. 19:20)

Но, что всего замечательнее, он не почитал себя dokonчившим дело своего спасения; он, видно, не думал, чтобы, за одно удаление от грубых грехов и преступлений и явление в себе добродетелей обыкновенных, уже заслужил царство небесное; а предполагал, что для совершенного угождения Богу, для получения жизни вечной, нужно ему предпринять еще какой-нибудь подвиг особенный, более возвышенный и совершенный. Потому и спросил: *что есмь еще не dokonчал*, – «чего еще не достает мне?»

Но вот горе! Этот самый юноша, обнаруживший в себе такие высокие помыслы, такие добрые чувства и стремления, такое великое усердие к исполнению заповедей Божиих, более возвышенному и совершенному, едва услышал ответ Спасителя: *аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене*(Мф. 19:21), – отошел с печалью,

потому что имел большое имение, – потому что жаль ему было расстаться добровольно с своими сокровищами земными, даже для приобретения небесных!

Братья христиане! воспользуемся тем наставлением Божественного Учителя и Спасителя нашего Иисуса Христа, которым не хотел воспользоваться упоминаемый в Евангелии юноша; и для сего размыслим о том: какие побуждения предлагает Господь к исполнению спасительного совета жертвовать всеми земными благами для получения живота вечного, и каким образом можно и должно исполнить этот совет каждому по мере сил его?

1. Премудрый и всеблагий Господь в побуждение жертвовать имением своим на дела благотворения поставляет то, чего, по-видимому, всего менее, по суду мира, можно бы было ожидать, и что, однако же, должно иметь особенную силу для обладателей сокровищ. Именно: за пожертвование ничтожных земных благ Он обещает несравненно большие, небесные. Значит, собственно говоря, Господь не отнимает имения у ищущих совершенства духовного, а только внушает им, так сказать, переносить свое сокровище в самое безопасное место, – не разоряет их, но предохраняет от разорения.

Мало того: Господь «присовокупляет к их богатству новое, превышающее то, которое повелевает раздать, – столько превышающее, – по выражению святителя Златоуста, ³²⁹ – сколько небо превышает землю, и еще более!» – «Дай малое, – говорит о сем тот же святой отец, ³³⁰ – и возьми великое; дай смертное, и возьми бессмертное; дай тленное, и возьми нетленное!»

Казалось бы, что при таком условии, – чтобы, расставаясь с своим имуществом, по внушению Господа, отнюдь не терять его, но еще приумножать до бесконечности, переменять сокровище тленное на нетленное, крадмое и отъемлемое делать некрадмым и неотъемлемым, проживаемое – неистощаемым в бесконечные веки, – казалось бы, что тут и колебаться в выборе невозможно. Однако же, по крайнему неразумию ослепленных страстями людей, бывает напротив!

Но Господь присоединяет к Своему обетованию и другое, не менее сильное побуждение воспользоваться Его спасительным советом, – последование Его собственному примеру: *и гряди в след Мене!* Это значит, что Господь предлагает желающим достигнуть вечного блаженства на небесах, избрать для себя на земле тот самый жребий, который Он избрал для самого Себя, *во днех плоти Своея*. А кто не знает, каков был этот жребий, – кто не знает, что Господь, будучи богат и всебогат, обнищал ради нашего спасения, и во все течение земной Своей жизни, не имел, где главу приклонить? И в сем-то тесном пути Он открыл последователям Своим вернейший доступ к сокровищам неоскудевающим, небесным.

Таким образом путь не только указан, но и проложен самим Божественным Наставником и Спасителем. Следуя за Христом неуклонно, самым делом, – даже и тот, кто привык считать себя счастливым с именем, удобно может научиться не только из слова Господня, но и из примера, и опыта, что можно быть довольным и без имени, и еще здесь, на земле, быть блаженным – уже от самой уверенности, что избранный путь наиболее сообразен с званием последователя Христова. Может ли для нас, христиан, быть недействительным и это побуждение – жертвовать земными благами для своего спасения?

К несчастью, опыт показывает, что когда в деле спасения требуется пожертвование земным достоянием, то многие, подобно евангельскому юноше, отходят от Христа, хотя и не без скорби, не без угрызений совести! От чего же происходят такие печальные явления? От того, братья, что «хотя бы мы, – по словам вселенского учителя, – в известных отношениях и были добродетельны, – богатство истребляет сии добродетели»³³¹ – от того, что пристрастие к земным вещам, отягчая душу, чрезвычайно ослабляет ее стремления к небу, и со всей силой влечет к земле; оно омрачает ум человека, до того, что он теряет из виду цель своего назначения; связует волю его так, что если и пробуждается в нем желание благ небесных, – это желание подавляется суетой и нравственно ослабевает; наконец, пристрастие к богатству удаляет от благодати Божией и разрушает надежду вечной жизни.

2. «Что же делать, – скажет кто-либо, – неужели все обязаны отречься от своего имения и обречь себя на нищету?»

Иисус Христос безусловно требовал добровольной нищеты, подобно тому, как не от всех требуется совершенное отречение от мира. *Могий вместити, да вместит!* (Мф. 19:12) – Кто чувствует внутреннее призвание к добровольной нищете, а особенно, кто по испытании и по убеждению в сем призвании, посвятил себя ему обетом, тот и должен блюсти избранную, спасительную нищету, – как можно строже, полнее и совершеннее. Такой уже погрешает против своего обета, если старается иметь и удерживает у себя более того, чем сколько заставляet иметь самая строгая необходимость.

Кто же не связан правилом совершенного нестяжания, тот не должен забывать правила, которое Дух Божий еще устами псалмопевца провозгласил всем богатым: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61:11).

Всем нам, братья христиане, более или менее обладающим имуществом и некоторыми избытками в жизненных потребностях, должно напоминать себе как можно чаще, что скорее или медленнее, но во всяком случае чрез недолгое время, или наше имение, наше богатство оставит нас, или мы оставим богатство; и потому, «будем обходиться с ним, – по выражению одного из знаменитых наших отечественных архипастырей, ³³² – как с гостем, которого надобно честно принять и честно проводить». *И купующии, яко не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе* (1Кор. 7:30,31), – учит апостол Христов.

«Но как, скажут, все это привести в исполнение? – Как может, – вопрошает святитель Златоуст,³³³ – как может встать тот, кем уже овладела ненасытимая страсть к богатству?» и отвечает: «если он начнет раздавать имение, и разделять свои избытки! Чрез это он мало по малу будет удаляться от своей страсти, а впоследствии сие поприще для него облегчится. Итак, – продолжает вселенский учитель, – если вдруг всего достигнуть для тебя трудно; то не домогайся все получить в один раз, но постепенно и мало по малу восходи по сей лестнице, ведущей на небо.... Ибо ничто сей страсти

(любостяжания) не прекращает так легко, как постепенное ослабление желания корысти, подобно тому, как малое употребление пищи и питья уничтожает действие желчи”.

«А это, спросишь ты, как может быть? Не иначе, если ты будешь представлять, что непрестанно обогащающийся никогда не перестанет жаждать нового богатства и истаевать от желания большего, и что неприлепляющийся к богатству легко может остановить и самую страсть... Никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага: напротив тот, кто поработен и совершенно предан сим последним, необходимо лишится оных”. .

«Итак, – заключает Святитель, – размыслив о всем этом, истреби в себе злую страсть к богатству; ибо ты не можешь сказать и того, что она доставляет блага настоящие, а лишает только будущих: да хотя бы это было и так, впрочем и это есть уже крайнее наказание и мучение; да притом и не так еще бывает! Ибо страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию, не только в геенне, но и еще прежде оной – в настоящей жизни. Страсть сия разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде сих бедствий, она помрачает добрые качества души, и часто соделывает человека рабом, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем, и вообще имеющим в себе все низкие качества!“

Нет нужды доказывать вам, братья, что указываемые златословесным учителем, столь жалкие явления губительного пристрастия к богатству подтверждаются бесчисленными примерами. Но если мы и не замечаем за собой, чтобы страсть сия вкоренилась в нас до такой степени; то все же стоит подумать: не заражена ли ею наша душа? Иногда опасность тем хуже, чем менее приметна!

Вникнем же, братья, в состояние нашей души, и постараемся решить добросовестно: достигаем ли мы того беспристрастия к земным благам, той свободы и возвышенности духа, которой, по-видимому, так желаем? Не опутывают ли земные желания, даже против нашей воли, как сети, нашу душу, и легко ли ей стремиться к небесному? Не отвлекают ли нас

житейские заботы и суеты от дел богоугодных? Не развлекают ли они наших мыслей и не охлаждают ли чувствований нашего сердца в самых упражнениях благочестия, даже во время молитвы, в самом храме Божиим? Не стесняет ли скупость наше сердце и не сжимает ли руку, когда надлежало бы простерть ее для благотворения? Словом: умеем ли мы, с сохранением имения, сохранить свою душу?

Если не умеем, то, поистине, лучше, стократ лучше погубить нам богатство, нежели дожить до того, чтобы оно нас погубило! Если не можем вдруг, то по крайней мере понемногу станем выпутывать душу свою из сети пристрастий; а для сего станем действовать вопреки связующим нас пристрастиям.

Заставим себя благотворить бедному, даже и тогда, когда наше сердце не преклоняется к нему состраданием, – или когда даже самый вид нуждающегося в нашей помощи, по тайному внушению духа злобы, покажется нам неприятным, а просьба его – докучливой и неуместной! Поставим себя на дело благочестия, когда требуют того долг и нужды жизни, и для сего отторгнем себя от дел житейских, хотя с некоторым принуждением.

Правда, в подобных случаях, наши жертвы делу спасения будут еще весьма несовершенны; однако Господь Бог, по Своему милосердию, и в них усмотрит наши усилия приобрести беспристрастие к земным благам, и уже за самую благонамеренность тех действий возраждающейся в нас, истинной любви к Богу, ниспослет нам мудрость и силу, чтобы приносить нам такие жертвы, для спасения душ наших, в большем совершенстве. Его Божественное учение вразумит нас; Его собственный пример, – пример, явленный в земной жизни Господа и Спасителя нашего, более и более будет возбуждать наше усердие к совершению подвигов благотворения; наша неослабная молитва привлечет в нас вседействующую силу Божию.

При ее-то небесной помощи и руководстве, мы, братья, постепенно отрешаясь сердцем и волей от земных сокровищ, и употребляя их согласно с наставлением святого Евангелия, приумножим себе сокровище на небеси, которого и да сподобит

всех нас обнищавший ради нашего спасения, великодаровитый и всебогатый Господь, Иисус Христос, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и с Пресвятым и благим и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О тяжести адских мучений³³⁴

И во аде, вонвед очи свои, сый в муках, узре Авраама издалежа, и Лазаря на лоне его. И той возглашь, рече: отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем (Лк. 16: 23,24)

Страшно, возлюбленные христиане-братья, страшно слышать эти евангельские слова, внимать этому жалкому воплю, возникающему из пропастей ада! Страшно и представить себе весь ужас мучений того несчастного богача, который за гробом оказался столь бедным, что просит, как величайшей милостыни, одной малой капли воды для прохлаждения жгущего его пламени!

Еще страшнее подумать, что даже и в этой малости сам странноприимный отец верующих, Авраам, дает ему решительный отказ, и, вместо того напоминает ему о былых удовольствиях в земной жизни, в виду бедствовавшего при вратах его, а ныне блаженствующего Лазаря; и таким напоминанием, столь по-видимому естественным, еще умножает невыразимые адские мучения страждущего. *Рече же Авраам: чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страдаеши* (Лк. 16:25).

Но всего ужаснее тот приговор, которым поражен страждущий в пламени геенском, – тем, что не остается более никакой возможности к перемене его злополучной участи: *И над всеми сими, присовокупляет Авраам, между нами и вами пропасть велика утвердися, да хотящи преити отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят* (Лк. 16:26).

Тяжки и поразительны эти слова; но чем сильнее поражают они ныне совесть грешника, тем больше могут принести пользы душе его. «Если бы, – говорит святитель Златоуст,³³⁵ – там это сказано было нам, как и богачу, тогда поистине надлежало бы плакать, скорбеть и сетовать о том, что нам уже не осталось времени на покаяние. Но как мы слышим это еще здесь, где

возможно и покаяться, и омыть грехи, и приобрести великое дерзновение, и перемениться, убоявшись несчастья, случившегося с другими: то возблагодарим Человеколюбца Бога, наказанием других возбуждающего нашу леность и пробуждающего нас от сна. Для того и сказано это наперед, чтобы нам не потерпеть того же“.

Посему, чтобы лучше воспользоваться нам такой милостью к нам Божией, – чтобы спасительный страх ожидающего грешников наказания глубже проник в наше сердце, размыслим *о тяжести адских мучений*, зависящей 1) от самого свойства этих мук, 2) от непрерывного воспоминания о прошедшей греховной жизни, и, наконец, 3) от неизменности определения Божия о казни, имеющей постигнуть грешников, или – от вечности их мучений.

1. Нет на языке человеческом слов, чтобы хотя приблизительно изобразить свойство адских мук. Как для любящих Бога, по бесконечной благодати Его, уготованы такие блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1Кор. 2:9); так и для противников Божиих, по бесконечной правде Его, уготованы такие мучения, которых в настоящее время и представить себе не можем; ибо нет на земле ничего такого, с чем бы можно сравнить их.

Можно, однакоже, понять крайнюю тяжесть и нестерпимость их, когда подумаем, что по словам святого Писания, *в тья дни взыщут человецы смерти, и не обрящут ея; вожделеют умрети, и убежит от них смерть* (Откр. 9:6), и что там будет непрерывный плач и скрежет зубов (Мф. 8: 12).

Пораженные проклятием Божиим, и низвергнутые в преисподнюю (Пс. 9:18), место, безмерно удаленное от горних обителей Бога и Святых Его; находясь во аде, или, по выражению Иова (Иов.10:22), *в земли тмы вечныя, идеже несть света, – в геенне огненной*, где нет прохлады и отдохновения (Мф. 5:22,29,30); окруженные множеством подобных себе несчастных нечестивцев, и, что еще хуже, страшным сонмищем злых духов, среди непрерывных воплей отчаяния и хулы, – грешники больше всего будут терпеть от

ощущения всем существом страшной и невообразимо мучительной болезни от действия огня адского.

Кому неизвестно, какую боль, какое жестокое мучение причиняет огонь, не говорим адский, а наш огонь естественный? Но нет никакого сравнения между обыкновенным, вещественным огнем и огнем геенским. Справедливо сказал некто, что наш огонь столько же сходен с геенским, сколько огонь, написанный на картине, сходен с огнем естественным!

Самое горшее свойство адского огня то, что это ужасное орудие гнева Божия, не имея сияния и света, невыразимо болезненно жжет, и не сожигает, не уничтожает горящего предмета, – что он от времени не умалется, не ослабевает и не прекращается; ибо не может иметь других свойств огонь – по непреложному слову Божию – *вечный, неугасающий* (Мф. 3:12; Мк. 9:43,45).

Впрочем, нельзя не заметить, что по законам полного правосудия Божия, соразмеряющего муки грешников со степенью и мерой их грехов, огонь геенский действует как бы с некоторой разборчивостью, соразмеряя жгучесть свою со множеством и тяжестью преступлений.

После всего этого, весьма неудивительно, что святой Великий Макарий Египетский, помышляя об огне адском непрестанно, и без пощения весь изсох. «Горе дню тому, – говорил он, – горе дню тому, в который человек преступил заповеди Божии!» А один святой инок, помышляя о геенском огне, непрестанно плакал!

Одно представление невыразимых мучений адовых, если судить о них даже по обыкновенному понятию о действии огня, жгущего, но не сожигающего человека, – достаточно бы, кажется, потрясти самую нечувствительную душу, укротить самые необузданные стремления порочного сердца, и обратить его к Господу.

Некоторый подвижник, победив уже плоть и мир, был волнуем искушениями духа злобы чрез обольстительные предметы чувственности. Среди этих искушений, он положил свой перст на огонь свечи горящей; а как не мог вытерпеть боли, то скоро снял перст свой с огня, и тогда сам в себе подумал так:

«если я не могу вытерпеть горения перста моего на свече, даже и одной минуты, то каково же было бы терпеть мне, когда, за совершением греха, пришлось бы гореть мне всему, и телом и душой, в пламени муки вечной!» – Подумав это, подвижник победил плоть, посрамил диавола, избежал греха, и спас душу.

Ах, братья христиане! Если бы тогда, как и нас возбуждают ко греху плоть, мир и дьявол, и мы намерены сделать что-либо худое, каждый из нас говорил сам с собой: «за то, что я хочу сделать, меня ожидает вечная мука в геенне огненной», то подумайте, могла ли бы оставаться в нас склонность ко греху господствующей?

Но, увы! как часто в многообразных искушениях житейских, увлекаемые и собственными страстями, покушаясь на действия, противные святому закону Божию, мы имеем в виду лишь настоящие, минутные удовольствия; но не представляем себе, что наши поступки широкими вратами приведут нас прямо в геенну огненную! А совершив грех, не стараемся ли, весьма нередко, изгладить его из памяти, как будто бы все, что нами сделано, не было нашим делом?

О, если бы и в самом деле сия кратчайшая греховная жизнь наша, увядающая как цвет, исчезающая как молния, столь же быстро выходила из ума нашего, сколь быстро проходит мимо очей наших! О, если бы, лишаясь наслаждения столь ничтожными мирскими утехами, мы лишались в то же время и памятования о них навсегда! Но, что было, то силой воспоминания пребудет в душе нашей навеки. И всякий нераскаянный грешник услышит некогда то, что было сказано несчастному богачу: *помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем, – ныне же zde страждеши!*

2. Итак, вот вторая и жесточайшая мука адская, или, можно сказать, второй ад, – не тот внешний, в котором нечестивые будут пожираемы неугасающим пламенем; но ад внутренний, который образуется в их собственной душе, и будет жечь ее горьким воспоминанием о прошедшей греховной жизни, ясным и безотрадным представлением всех соделанных грехов, являя их сознанию во всей отвратительной наготе их и безобразии, возбуждая ужаснейшие упреки совести и мучительнейшее,

впрочем бесполезное, сожаление об упущенном времени и средствах к приобретению блаженной вечности, и подавляя душу тяжким чувством гнева Божия.

Вот что может составлять того *неусыпающего червя*, который, по слову Писания, будет точить тогда сердца грешников (Мк. 9:44–46), – ту *скорбь и тесноту*, которые, по слову Апостола, ожидают *творящих злое* (Рим. 2:9), и будут причиной того горького плача и скрежета зубов, о котором так часто говорится во святом Евангелии (Мф. 22:13).

Если воспоминание и об одном каком-либо, сделанном нами, проступке приводит нас в стыд и терзает нас укорами совести, то каких мучений не произведет совокупное воспоминание о всех тех богопротивных и противозаконных действиях, в коих виновна душа наша, с первой минуты земного бытия и до последнего часа временной жизни!

Но это воспоминание о собственном нечестии дойдет до высшей степени мучительности именно от того, что узрят тогда нечестивые бывших собратий своих, которые совершенно иначе воспользовались своей жизнью, и за то наслаждаются совершенно противоположной участью. Тяжко будет отверженному богачу узреть, из пропастей ада, в горних обителях – того самого Лазаря, которого он, быть может, презирал некогда, как бедняка, не заслуживающего никакого внимания!

Но не легче будет и нам, если в недоступной дали, в месте вечного блаженства, увидим людей близких к нам в земной жизни, одного с нами состояния, звания, одинаковых общественных отношений, встречавших на пути ко спасению одинаковые с нами препятствия, соблазны, – людей столько же немощных, как и мы; но крепко противопоставивших обольщениям чувств, укротивших вожделения плоти, победивших греховные склонности, *распявших плоть свою со страстями и похотью* (Гал. 5:24), и за то удостоившихся Царствия Небесного!

Не легче будет и нам, кагда узрим издавеча тех, которые были некогда, быть может, грешнее нас, но наконец подвиглись к искреннему раскаянию, презрели мир с его утехами, оставили

порочную жизнь, обратились к Богу, утвердились в истинно добродетельной жизни, и получили блаженство!..

Ах, при таком воспоминании и сравнении своей жизни и участи с жизнью и участью других, чем представится нам в будущем веке вся наша протекшая жизнь? – Она покажется нам и чрезвычайно малой, в сравнении с вечностью, и чрезвычайно великой, сравнительно с нашей потерей.

Прекрасное подобие представляет на это один из красноречивых учителей православной Церкви (Илия Минятий). «Как зрительная труба, – говорит он, – с одного конца кажется великими, а с другого малыми противолежащие места; так и мучимая воспоминанием память грешников осужденных, с одной стороны, когда сравнивает жизнь с бесконечным веком адским, то ее видит кратчайшей, на одну только минуту, на ничто, *яко день вчерашний, уже мимо иде* (Пс. 89:5). И здесь, сколько мучения в размышлении о том, что за столь маловременное греховное услаждение получу я столь долговременную муку! С другой стороны, когда грешник станет сравнивать свою жизнь со временем, то видит ее должайшим путем многих лет. И здесь опять, сколько мучения в размышлении, что чрез толикие лета мог бы тысячу раз покаяться, а чрез толикие ж лета как бы восхотел всегда мучиться?»

Тут-то особенно возбудится в душе грешника раскаяние горькое, но бесполезное. – Тогда только станет он каяться в соделанном им; но время покаяния и прощения тогда минет! – Тогда он только станет плакать о своей гибели; но его слезы уже не будут в состоянии омыть его грехов, а только еще более станут разжигать адский пламень. После смерти нет покаяния: *во аде же кто исповестся Тебе* (Пс. 6:6), Господи? А когда нет покаяния, и нет возможности получить прощение грехов, то не может быть и конца адским мучениям; и вот вершина зол безотрадной участи грешников – ее вечность и неизменность!

3. *И над всеми сими, между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюда к вам не возмогут, ни уже оттуду к нам преходят* (Лк. 16:26): такой

ответ дал Авраам несчастному богачу, – «ответ, – по выражению Златоуста, ³³⁶ – более страшный, чем самая геенна!»

И действительно, как ни ужасны мучения ада, они были бы не столь безотрадны, если бы предвиделся когда-либо конец им: надежда на их прекращение облегчала бы тяжесть их, так же, как она облегчает все возможные страдания временные. Но грешнику дастся, против его воли и желания, уверенность, что его мучения пребудут одинаковы в своей силе, и никогда не окончатся!

Как бы ни желали грешники отдалить от себя мысль сию, но Божие правосудие будет непрестанно представлять их душе ужасный образ, уготованного им на бесконечные веки, мучения, – даст силу взирать на него, рассматривать его, заниматься им, и чувствовать от того жесточайшее страдание!

Душа отверженная станет протекать мыслью все ряды веков, и не будет видеть конца своих мучений; но чем далее станет смотреть вперед, тем более будет представляться ей путей для шествия, и – одна вечность мерой ее мучений; посему-то каждая минута будет для нее мучением вечным, и только началом ее страданий.

Итак, терпеть ужасные муки, терпеть в каждую минуту целую вечность, терпеть без всякой надежды – вот судьбина грешных! По прошествии тысячи тысяч и тьмы лет, мука их будет все лишь только в начале. «Когда бы мучимый, – говорит блаженный святитель Кефалонитский, Илия (Минятий), – изливая по единой слезе в год, излил столько слез, что потекли бы из них реки; то ни единой пяди мучительного онаго века он не убавил бы!»

И мучени будут нечестивые, свидетельствует тайновидец, святой Иоанн Богослов, день и ночь, во веки веков, и дым мучения их во веки веков восходит, и не имеют покоя день и ночь (Откр. 20:10; 14:11). Ибо с того страшного часа, в который, по суду вечной правды Божией, поразит грешников грозное определение: *отыдите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его (Мф. 25:41),* и их участь будет решена однажды навсегда, вечно и неизменно, – это

неизъяснимо-ужасное определение станет как бы повторяться над ними в беспредельные ряды веков!

О, вечные суды Божии! Протекут века подобно часам, где и один час покажется целым веком; а над адской темницей слышен будет тот же голос правосудного Бога: *отыидите от Мене, проклятии!* Протекут миллионы миллионов веков; а слух несчастных адских узников будет поражаться теми же страшными словами: *отыидите от Мене, проклятии, во огонь вечный!* Потеряются в счете веков быстрейшие ангельские умы; осужденные забудут, было ли когда начало их мук; но от правосудия Божия, не услышат ничего иного, кроме того же грозного приговора: *отыидите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его!*

О Боже праведный! Суда Твоего боимся и муки бесконечной; злое же творить не престаем, и Тебе, Господа Бога нашего прогневаем. Непреложно слово Твое, что еще не покаемся, погибнем! Но, Ты еси Бог *не хотяй смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему*; и вот Ты все еще долготерпеливо ожидаешь нашего искреннего обращения к Тебе, щадя и милуя нас! – Благодарим же Твое безмерное человеколюбие мы, недостойные рабы Твои, что еще не постигла нас доныне смерть, – что еще не во аде наши души, – что еще не прошло для нас время покаяться, и, омывшись от грехов кровью единородного Сына Твоего, избавиться от ужасных адских мук! Точию Ты помози нам, Боже Спасителю наш, в нашем благом намерении всецелого обращения к Тебе, ради славы имени Твоего святого! Аминь.

О действии злых духов в роде человеческом, и победоносном противодействии им благодати Божией³³⁷

Повеле (Иисус Христос) духови нечистому изыти от человека (Лк. 8:29)

Страшную и утешительную истину напоминает нам читанное ныне Евангелие. Страшно то, что у всех нас есть жесточайший враг, который непрестанно силится погубить человека, уязвляя паче всего душу его, а нередко, попусшением Божиим, подвергая и самое тело ужасным мукам, – как это представляет и сегодняшнее евангельское чтение. Утешительно то, что как ни сильны действия врага рода человеческого, они всегда были ограничены; и тем более всякий христианин может одержать над ним совершенную победу, ограждаясь силой благодати самого Иисуса Христа, без повеления Которого злые духи не могли войти даже в стадо нечистых животных.

Размыслим ныне, в свою душевную пользу, об этой важной истине.

Нельзя и предполагать, чтобы кто-нибудь из христиан православных, несомненно верующих божественному Откровению, мог сомневаться в бытии и действии злых духов. Ибо кто ж из нас не знает, братья христиане, что в мире, созданном от Бога совершеннейшим в своем роде, не другой кто-либо посеял зло и все бедствия, как дьявол, – бывший в начале мироздания одним из самых светлых духов, но за самолюбие и гордость, за дерзкое восстание против Бога и Творца своего, с некоторыми подчиненными ему духами, низвергнутый с неба в преисподнюю?

Вы знаете, братья, что, лишись дарованного ему в начале от Бога света и блаженства, лукавый, в ожесточенном озлоблении против Создателя, решился погубить любимейшее из Его творений, украшенное образом Его неизреченной славы, умаленного малым чем от Ангелов – человека! И он успел в коварном злоумышлении своем: ложью и обманом дух злобы, поселившись в змея, склонил невинных наших прародителей

употребить во зло дарованную им свободу, – преступить заповедь Божию, за что преступники, со всем своим потомством, обречены на изнурительные труды, тяжкие болезни и, наконец, на неминуемую смерть.

Однако же, среди самого этого злобного торжества своего, дьявол с ужасом слышит, что бесконечно милосердый в самом гневе Своем, Господь не до конца губит виновных, но все еще любезных Ему чад Своих, – слышит, что человекам дается надежда избавления, и вместе с тем предвозвещается конечная гибель соблазителя их, – в обетовании, что Спаситель рода человеческого, благословенное Семя жены, сотрет вражескую главу змия-искусителя (Быт.3)!

И вот, с новым ожесточением и сильнейшей злобой преследует противник Божий уже изгнанных из рая наших праотцов, и в самом первенце их успевает воспламенить жесточайшую зависть к его кроткому брату. Каин проливает кровь Авеля, не внемлет божественному призыву к покаянию, и, совершенно предавшись духу злобы, делается родоначальником нечестивого, богопротивного племени, которое, наконец, заразило своим нечестием и преданное Богу племя другого сына Адамова, благочестиваго Сифа.

Таким образом, зло, грех, удаление от Бога, а вместе с сим и власть дьявола – еще более вкоренились и распространились во всем роде человеческом.

Дивны судьбы Божии! Господь всемогущий мог бы единым мановением Своим уничтожить врага-дьявола; но правда Божия требовала, чтобы виновник всякого зла и все *согрешившие* с ним злые *ангелы* *соблюдены* были *под мраком* в узах вечных, на суд великого дня (Иуд.1:6), когда исполнится мера их нечестия и нераскаянной злобы, и возгорится для них на веки неугасаемый огонь, во тьме.

Между тем, попустил Господь врагу искушать людей и привлекать ко злу, для того, чтобы чрез это самое вполне обнаружилось, кто истинно, нелицемерно и непоколебимо предан Богу и Спасителю своему, и кто в лице только благословляет Бога, тая в сердце своем богопротивное нечестие и развращение, – попустил для того, чтобы таким

образом тем большую и блистательнейшую награду получили истинные чада Божии, и тем очевиднее обнаружилось бы пред всеми внутреннее отпадение от Бога и праведное наказание чад дьявола.

Всяку мерзость возненавиде Господь, и несть любезна боящимся Его, Сам из начала сотвори человека, и остави его в руке произволения его: аще хочеши, соблюдеши заповеди, и веру сотвориши благоволения. Предложил ти огонь и воду, и на неже хочеши, простреши руку твою; пред человеком живот и смерть, и еже аще изволит, дастся ему (Сир. 15:13–17). Господь не желает ничьей гибели: не хочу, глаголет, смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему (Иез. 33:11); и потому, всеми возможными мерами, и гласом совести и внушениями верных служителей Своих, и временными бедствиями, отклоняет всякого от зла.

Когда же человек упорно стремится к злу и мало по малу совершенно предается льстивым внушениям дьявола, тогда гибель нераскаянных неизбежна: *смерть грешников люта (Пс. 33:22)*! Потребит Господь нечестивых, как бы ни было велико число их, – потребит всех, как одного человека! – Так было и с первым миром, преступившим против Бога и, в ослеплении от дьявола, забывшим Создателя своего.

Когда глас Божий, в течение более 120 лет устами праведного Ноя побуждавший грешников оставить путь беззакония, не возбудил в них чувства раскаяния, тогда воды всемирного потопа смыли с лица земли нечестие, неомытое слезами покаяния, – и потребились всякая плоть, от человека до скота, кроме верного Богу Ноя и бывших с ним в ковчеге (*Быт. 7:23*).

И это *малое древо (Прем. 10:4)*, среди всеобщей гибели, спасавшее Церковь Божию в лице одного праведника и его благословенного семени, как сильно должно было поражать врага нашего, дьявола, среди нового торжества его о гибели человеков, – особенно же, когда после потопа и принесения Богу благодарственной и умиловительной жертвы, явилась на небе радуга, знамение примирения!

Но неистощим в коварной злобе своей враг наш! В самом семействе Ноевом открылся человек, к сердцу которого он нашел себе прямой доступ: нечестивый Хам, уничиживший, вопреки внушению Божию, своего отца, и чрез то навлекший на себя его проклятие, сделался новым родоначальником нечестивых.

Но дух злобы теперь ясно видел, что и самые нечестивцы, усматривая повсюду еще свежие следы всемирной казни за безбожное забвение святой веры, не могут более сомневаться в бытии праведного Мздовоздателя, и потому, постепенно увлек их в другую бездну нечестия; он внушил им *изменить славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад* (Рим. 1:23): распространилась тьма идолопоклонства! Таким-то образом, под видом идолов, дьявол стал удостоиваться от нечестивых не подобающей ему Божеской чести: ему воздвигаются жертвенники, ему приносятся жертвы!

Чтобы успешнее держать людей в заблуждении, враг дьявол – то поселяется в боготворимых истуканов, и прорицаниями своими, хотя часто лживыми, утверждает в суеверном народе власть свою, то *действует в сынех противления* (Еф. 2:2), к их собственной и общей гибели!

Но, по благодати Божией, в то же время, на борьбу с нечестием, с делами тьмы и духом злобы, возбуждаются Богом истинные чада Его. И вот, начиная с отца верующих, Авраама, который, по повелению Божию, оставил зараженные идолослужением дом, род и отечество, – открывается новая сильнейшая брань благодатного царства Божия, ограждаемого верой в грядущего Искупителя, с язычествующим царством миродержителя тьмы века сего!

На скрижалях священной истории *явлены чада Божия и чада диавола* (1Ин. 3:10) – так очевидно, что и разительнейших примеров невозможно перечислить здесь.

Изнемогали в борьбе с духом злобы и самые избранники Божии, всегда малые числом, и нередко падали; хотя *праведник, аще и падет, не разбьется* (Пс. 36:21,24), но возопиет к Богу о помощи, и встанет! А что было бы с великим

множеством людей малодушных, которые, по-видимому, и рады были остаться верными Богу истинному, но не могли устоять против искушений лъстивого врага и злых козней его! Всем им угрожала конечная гибель!

Но укрепитесь, говорит Пророк, *руце ослабленыя, и колена разслабленная. Утешитесь малодушнии умом, укрепитесь, не бойтесь: се Бог наш суд воздает, и воздаст, Той приидет, и спасет нас* (Ис. 35:3–4).

И действительно, во исполнение времен, пришел в мир обетованный Спаситель человеков, долженствовавший стереть главу древне-злобного змия и *разрушить дела дьявола* (1Ин. 3:8). Он сам, Господь наш, претерпел искушение от дьявола, после сорокодневного поста в Иорданской пустыне, и победил его словом Божиим (Мф.4); и хотя во все продолжение общественного служения Своего роду человеческому, непрерывно подвергался гонению, клеветам и ожесточенной злобе нечестивых иудеев, – явно, действовавших по наущению духа тьмы, но Своей святейшей жизнью, стяжав по человечеству благоволение Отца Небесного и чрезвычайное обилие даров Духа Святого, Он одержал над врагом совершенную победу, – *видел сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10:18), и, *связав крепкаго* (Мф. 12:29), торжественно возвестил: *ныне суд миру сему, ныне князь мира сего (дьявол) изгнан будет вон* (Ин. 12:31).

И точно, Христос Спаситель не только сам изгонял бесов, иногда целыми легионами, но и ученикам Своим *даде власть, на дусех нечистых, да изгонят их* (Мф. 10:1); и эту власть особенно утвердил за ними после того, как Своей, крестной смертью упразднил, победил окончательно *имущаго державу смерти, сиреч дьявола* (Евр. 2:14), и по воскресении Своим послал их по всему миру, *отверсти очи людей, да обратятся от тмы в свет, и от области сатанины к Богу, еже прияти им оставление грехов, и достояние во святых, верою* (Деян. 26:18).

Однако же, это обращение *от области сатанины к Богу*, из язычества в христианство, из служения духу тьмы в звание чад Божиих, очевидно, могло совершаться и совершается не

иначе, как по добровольному отречению от сатаны и от всех дел его, и от всея гордыни его, тех, кои и по греху прирожденному, и по собственному нечестию, были живи уловлены от него, в свою его волю (2Тим. 2:26). И рабам Господним, благовествующим спасение, заповедано не иначе похищать у дьявола плененных им, как посредством кроткого вразумления самих же этих пленников: с кротостию наказуя противных, еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети (2Тим. 2:25).

Но легко ли выпутаться из сетей дьявола? Правда, пораженный крестом Христовым, он сделался совершенно бессильным в поражении истинных чад Божиих, и уже не могут быть обидимы от сатаны те, которые не не разумевают умыслений его (2Кор. 2:11). Но, чем живее чувствует враг наш свое бессилие, тем более старается действовать хитростью, и потому брань его тем опаснее и пагубнее для неосторожных.

Видя разрушающимся свое царство, в смертельном поражении своем, – находясь, так сказать, при последнем издыхании, супостат наш с жесточайшей яростью употребляет все свои, изведенные веками, умыслы, все свои адские козни и всевозможные усилия, чтобы и удержать в своей власти свои исчадия, и совратить с истинного пути чад Божиих, или по крайней мере озлобить их самыми тяжкими испытаниями.

У одних ослепляет он разумы, во еже не возсияти им свету благовествования Христова (2Кор. 4:4); у других, для которых уже воссиял этот свет, – взымает слово Божие от сердец их, да не веровавшие спасутся (Лк. 8:12), или же посеваает плевелы, ложное учение, ереси и расколы, там, где Христос Спаситель, Его божественные Апостолы и святые отцы, посеяли доброе семя (Мф. 13:37), учение здоровое, незазорное; то, наконец, с неумолимой злобой, действуя в сынех противления, – преследует гонениями и тяжкими бедствиями людей благочестивых, и всаждает верных воинов Христовых в темницы, да искусятся (Откр. 2:10).

Но не воздремлет, ниже уснет храняй новаго Израиля, Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос! – Он хочет, чтобы и хранимые Им, верные последователи Его бодрствовали на

страже своего спасения: *"бдите убо, заповедует, и молитесь, да не внидете в напасть (Мф. 26:41). Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом"* (Мк. 9:29). Победитель дьявола, облекши верующих в Него божественной властью наступать на *всю силу вражью*, хочет, чтобы они не только наступали на врага, как на побежденного уже, но и сами преодолевали его, – чтобы не только воспользовались плодами Христовой победы, но и сами соделались победителями и воцарились со Христом: *побеждающему*, сказал Господь, *дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победив, и сдох со Отцем Моим на престоле Его* (Откр. 3:21).

Вот почему брань с дьяволом, с духами злобы, и в благодатном царстве Христовом не только не прекратилась, но сделалась, можно сказать, еще упорнейшей и тягчайшей, при обильнейшем даровании подвижникам Христовым *божественных сил, яже к животу и благочестию* (2Петр. 1:3). И хотя, по божественному обетованию Спасителя, врата адовы не преодолеют Церкви Христовой (Мф. 16:18); но всем чадам Церкви, как сам Господь, так и божественные Апостолы Его непрестанно внушают быть неослабными в борьбе со врагами спасения, которая окончится только с окончанием мира, – *еще не приидет отступление прежде, и откроется человек беззакония, сын погибели, противник Христов, или антихрист, егоже Господь Иисус убьет духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего: егоже есть пришествие по действию сатанину во всякой силе и знамениях и чудесах ложных, и во всякой лети неправды в погибающих* (2Сол. 2:8–10).

Видите, братья, как упорно и непрерывно всегда действовал и действует враг рода человеческого на нашу погибель! Это ясно показывает, что его вражда против нас не есть случайная и временная, но началась еще в раю и окончится только пред вратами нового рая, уготованного в царствии небесном.

Напечатлеем же твердо в уме и сердце своем предостерегательное наставление святого апостола Петра: *трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко*

лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (1Петр. 5:8). А чтобы сколько-нибудь понять умысления и действия сатаны против каждого из нас в особенности, заметим несколько слов из духовных опытов о действии злых духов победоносного подвижника Христова, святителя Антония Великого!

«Злые духи, – говорит он, – различным образом стараются привлечь нас ко греху. Они скрывают как ненависть свою к нам, так и враждебные действия против нас; внушают нам богохульные мысли; побуждают сомневаться в истинах веры, чтобы привести нас к неверию; потемняют разум наш; рождают в сердце нашем порочные желания; повергают нас в уныние и отчаяние; возбуждают в нас гнев, рождают и укрепляют в нас склонность осуждать других, но всегда оправдывать самих себя; научают нас злословить ближних наших, ласково, и дружелюбно говорить с теми, к коим мы, по их же внушению, питаем сильную ненависть; показывают нам внешние недостатки ближнего, но скрывают от нас наше собственное внутреннее развращение; производят между нами распри и несогласия, когда мы, по их внушению, почитаем себя лучше других. Сверх сего, они побуждают нас предпринимать такие дела, которые превышают наши силы, и отклоняют нас от исполнения того, что для нас нужно и спасительно. Когда мы должны плакать, они побуждают нас смеяться, когда мы должны радоваться, они производят в сердце нашем печаль”.³³⁸

Прочее же, братие моя, вещает к нам божественный Павел, возмагайте во Господе, и в державе крепости Его. Облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским. Яко несть наша брань к крови и плоти, но к началам, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным. Сего ради приимите вся, оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшися в броня правды, и обувше нозе во уготовление благовествования мира; над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити, и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий: всякою молитвою и

молением молящегося на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве о всех святых (Еф. 6:10–18).

Отче наш, иже еси на небесех! Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго! Аминь.

Черты деятельной любви к ближним³³⁹

И (возлюбиши) ближняго своего, яко сам себе (Лк. 10:27)

Притча о милосердном самарянине, которую вы слышали, братья, в ныне чтенном Евангелии, с удивительной ясностью и силой решает вопрос: кто ближний наш, которого мы должны любить, как самого себя?

С этим вопросом, как видно из направления евангельского слова, в теснейшей связи находится другой: что надобно делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Законник, вопрошавший об этом Божественного Учителя, с намерением искусить Его, должен был сознаться, что по предписанию закона Божия, желающие удостоиться вечной жизни должны возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим, и всей душой своей, и всей крепостью своей, и всем разумением своим, и ближнего своего – как самого себя. Но когда Христос Спаситель сказал законнику: «правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить», – то он, желая оправдать себя, предложил вопрос: «а кто мой ближний?» – На это-то Иисус Христос сказал притчу о милосердном самарянине.

На странника, шедшего из Иерусалима в Иерихон, напали разбойники, ограбили его, изранили и, среди большой дороги, оставили едва живым. По случаю шел той дорогой один иерусалимский священник; но, увидев несчастного, даже и не остановился, а прошел мимо. Затем приблизился к тому месту другой, низший служитель церкви – левит: этот подошел к больному, посмотрел на него, и – прошел мимо. Наконец, проезжает тем же путем самарянин – человек другой веры, другого племени, и притом племени враждебного иудеям, следовательно такой человек, от которого всего менее можно было ожидать деятельного участия в бедственном положении несчастного, оставленного в пренебрежении своими единоплеменниками и единоверцами, и притом лицами священными, которые самим Богом поставлены на то, чтобы руководить людей к добру не только словом, но и примером своей собственной жизни. Однако же этот проезжающий

самарянин, увидев ограбленного разбойниками, сжалился над ним. И подошедши, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостинницу, и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостинницы, и сказал ему: «позаботься о нем: и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе».

«Кто из сих троих, – спросил Господь законника, – был ближний попавшемуся разбойникам?» Он отвечал: «тот, кто оказал ему милость». Тогда Иисус Христос сказал: «иди, и ты поступай так же».

Этим законнику, а в лице его и каждому из нас, Спаситель говорит как бы так: «ты, по-видимому, готов любить ближнего, как самого себя; но остаешься в недоумении: кого из людей надобно считать ближним? Твое недоумение тотчас исчезнет, как скоро ты поставишь себя на месте всякого встречного человека, а его – на своем».

«Вот видишь ты перед собой, или слышишь от очевидцев, что такой-то находится в самом бедственном положении: самые близкие к нему люди отреклись от него; изнывая в тяжких страданиях, всеми покинутый, он должен преждевременно умереть. Ты можешь помочь ему, но не чувствуешь к тому сильного побуждения, единственно от того, что вовсе не знаком с ним, что он тебе чужой, или даже – враг твой. Поставь же себя на его месте, а его – на своем. Тогда поймешь, нужно ли тебе, и что именно нужно сделать, – чтобы уразуметь, кто ближний твой, и исполнить обязанность по отношению к нему».

Братья христиане, если мы искренно желаем исполнить заповедь о любви к ближним, – без чего не можем наследовать жизни вечной, – то постараемся напечатлеть в своем уме и сердце те черты, в которых изобразил Господь любовь к ближнему в лице самарянина.

Упоминаемый в притче самарянин – при виде несчастного иудея, избитого разбойниками, забыл о той вражде, в которой находились эти два народа, чуждавшиеся друг друга, презиравшие, ненавидевшие один другого, – отвергнул предрассудки своих соотечественников, самарян, и посмотрел

на иудея, который имел нужду в его помощи, не как на врага, а как на своего ближнего. Такова истинная любовь: она простирает благодетельное влияние свое на всех людей, без различия каких-либо отношений личных, политических и даже религиозных. Поэтому, если нам представляется возможность оказать пособие кому-нибудь, – не станем разбирать, кто это – друг или враг, – а будем довольствоваться тем, что это человек, такой же, как и мы.

При виде несчастного иудея, самарянин почувствовал к нему самое нежное сострадание: *и видев его, милосердова* (Лк.10:33), сжалился над ним. Это другая черта истинной любви. Посудите, братья, если такая жалость могла высказываться в самарянине к иноплеменнику, то христианину ли не иметь этого чувства, при виде бедствий человека, особенно присного в вере? Христианин имеет много и особенных побуждений питать в себе благородное чувство нежного сострадания к несчастьям своего ближнего. Для нас, братья христиане, всякий бедствующий должен казаться не только человеком, но и другом, братом: коль скоро мы соединены с ним одной верой, то у нас и одни таинства, и одно счастье земное, и одни надежды небесные: *едино тело, един дух, тоже и звані бысте во едином уповании званія вашего; един Господь, едина вера; едино крещение, един Бог и Отец всех* (Еф.4:4–6). Если мы истинные христиане, то всякий стон скорбящего должен отзываться в нашем сердце страданиями самого Господа, который для спасения нас от вечных мучений претерпевал всякого рода бедствия, и среди их – не престаивал с отеческой нежностью умолять о любви и благотворительности, – и наконец торжественно объявил всем, что в лице меньшей братии, угнетаемой скорбями и бедствиями, Он сам терпит, и к Себе самому относит всякое изъявление истинного участия в положении страждущих.

Сострадание самарянина не было чувством бесплодным. Он не ограничился какой-либо пустой жалостью, какими-нибудь бесполезными вздохами, но самым делом доказал свое соболезнование: он приостановил свое путешествие; может быть время было для него очень дорого, но он забыл свои

нужды для нужд другого – и не пожалел трудов, может быть не совсем для него привычных, – превозмог свое отвращение к ранам несчастного, внимательно осмотрел их, промыл, перевязал.

Но при этом понадобилось вино, чтоб очистить раны от накопившегося гноя, и чтоб удержать течение крови; понадобилось и деревянное масло, чтоб умягчить израненные места, и облегчить боль, причиняемую язвами. Самарянин имел при себе несколько масла и вина, – конечно для собственного употребления; но когда увидел он крайнее положение другого, – охотно пожертвовал собственностью.

Так истинная любовь, для блага ближнего, отказывает себе не только в излишнем, но и в необходимом, – в полной уверенности, что всякое жертвование в этом случае не есть потеря, а приобретение, – что человек благотворительный, так сказать, богатеет по мере своих лишений, находит в них для себя самое высокое наслаждение. Будем же, братья христиане, и мы помнить, что, по свидетельству слова Божия: *уже дает убогим – не оскудеет* (Притч. 28:27).

Не довольствуясь издержками и уже понесенными трудами, милосердый самарянин принимает на себя новый труд для ближнего, так как этот ближний, несмотря на оказанное ему пособие, еще не в состоянии был подняться на ноги. Он сажает несчастного на своего осла, а сам идет пешком до гостинницы, и там продолжает свое попечение о нем.

Так истинная любовь не ограничивается жертвованием и первой услугой, но присоединяет к тому новые услуги, и сама подвергает себя неудобствам, чтобы избавить от них ближнего. Так всегда и во все времена поступали все истинные христиане; так будем поступать, братья, и мы, если не желаем остаться христианами только по одному имени.

Наконец, милосердый самарянин не окончил своей благотворительности и тем, что доставил иудею спокойное пристанище, где он мог иметь все пособия необходимые в его положении. Благодетель позаботился о будущем несчастного, и, оставляя гостинницу, дал денег хозяину, просил не жалеть издержек для помощи больному, и обещал уплатить

за нее по возвращении своем. Вот до чего, братья, простирается истинная любовь к ближнему: она не останавливается на потребностях настоящей минуты, но желает исчерпать до дна всю глубину скорби ближнего, и успокоивается только тогда, когда осушит и последнюю его слезу. Если такова любовь к ближнему была в самарянине, то не иной может она и должна быть и в каждом из нас, возлюбленные о Христе братья! Если точно действует в нас истинная любовь к ближнему, то мы не можем не оказывать во всем усердную помощь всякому нуждающемуся, – столько, сколько нам Господь дал на это сил и средств.

Случаев показать на деле такую святую любовь – бесчисленное множество: на каждом шагу нашего жизненного пути, – даже и сейчас, у порога сего святилища, мы можем встретить наших ближних, чрез которых весьма удобно отдать *взаим Богови* (Притч.19:17) то, что от Него же получено, – для воздаяния в жизни вечной.

Но вот, братья христиане, всем вам представляется и особенный случай показать деятельное участие в судьбе наших ближних. Кто из вас не слышал о тех страшных пожарах, которые истребили один из цветущих и многолюднейших городов нашего любезного отечества? Кто не слышал о многих тысячах несчастных граждан симбирских, которые при этом остались без пристанища, без одежды, без дневного пропитания, а иные – в ужаснейших страданиях от язв и болезней, причиненных им страшным бедствием? Они-то, и между ними преимущественно бедствующие служители алтаря, наши присные молитвенники, взывают к нам о помощи. Не будем же, братья, глухи и бесчувственны к этому жалостному воплю страдальцев: поможем им, по силе возможности, и Господь не оставит нас Своей беспредельной милостью. Так называемое хозяйственное управление при святейшем Синоде с любовью принимает от доброхотных дателей в пользу несчастных, для немедленного доставления им, всякую жертву, за которую воздаст нам Господь сторицей, и в сем, и в будущем веке. Аминь.

О безумии любостяжателей³⁴⁰

И рече богатый: се сотворю: разорю житницы моя, и большия созижду, и соберу ту вся жита моя и благая моя; и реку души моей: душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пей, веселися. Рече же ему Бог: безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе; а яже уготовал еси, кому будут? (Лк. 12:18–20)

Безумным назвал сам Бог того, упоминаемого в нынешнем чтении Евангелия, человека богатого, который, по случаю обильного урожая на его нивах, не обнаружил в себе не только доброго сердца, но и здорового, а тем более просвещенного верой, рассудка, ни *во взгляде* на ниспосылаемые ему свыше земные блага, считая их своими и для себя лишь одного, – ни в своем предположении о способе *употребления* их, полагая истратить их на одни чувственные удовольствия, – ни, наконец, в назначении себе *предела* своей неводержной жизни, мечтая еще о летах многих, накануне своей смерти!

Возлюбленные братья христиане! Никто из нас, конечно, не станет оправдывать человека, которого сам Бог осудил; но не в том сила притчи Христовой: Господь требует чтобы мы, выразумев все безрассудство представленного нам и свойственного всем любостяжательным образа мыслей, чувствований и предприятий, вникнули потом в свою собственную душу, не оказалась бы и она виновной в том же и достойной вечного осуждения. Ибо, по словам вселенского учителя, которого во всю землю изыде вещание, святителя Василия Великого,³⁴¹ – «для сего и написано, чтобы мы избегали подобного!»

1. Итак, предположив себе такую цель, обратим в настоящем слове все наше внимание, во-первых, на то, как в самом деле безрассуден взгляд на земные блага, обыкновенно отличающий людей любостяжательных, и как он пагубен для них самих, хотя бы они отнюдь не употребляли к приобретению этих благ никаких средств противозаконных и очевиднобесчестных.

Принимая обилие даров земных из рук всещедрого Бога Промыслителя, человек любостяжательный как будто вовсе не замечает ни того, что *всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов (Иак. 1:17)*, ни того, что дары сии даются только в его распоряжение, и притом временное, не для него одного, но с присоединением и законных соучастников – всех терпящих нужду ближних.

Не зная, или лучше, вовсе не желая знать этих самых простых и общеизвестных между христианами истин, любостяжательный является существом неблагодарнейшим пред Богом: ибо не только не употребляет полученных от Него благ на дела благочестия, во славу Его, своего небесного Благодетеля, но даже совсем забывает о Нем, и не приносит Ему в жертву благодарности духа сокрушенного и сердца смиренного.

Столько же бесчувственным и безумно самолюбивым оказывается он и в отношении к своим братьям, соучастникам даров Божьих. Ему бы надлежало делиться с ними всем достоянием своим, по мере их нужд; но он, среди самого изобилия, наполняющего его сокровищницу, весьма часто терзается при одной мысли о том, как бы что-нибудь не перешло из них в чужие руки, и не было случаев к облагодетельствованию неимущих.

«Мне кажется, – говорит святитель Василий Великий, – страсть души его похожа на страсть обжор, которые хотят лучше разорваться от ненасытности, нежели от остатков уделить что-нибудь бедным!» О, «человек! – восклицает к нему Святитель, – размысли, от кого ты получил сие, вспомни о себе самом: кто ты? для чего собираешь? от кого принял? для чего предпочтен другим? Ты слуга благого Бога, ты эконо́м собратий твоих. Не думай, чтобы все было приготовлено для твоего чрева; о том, что у тебя в руках, думай как о чужом; оно недолго будет веселить тебя; скоро последует отлив, и от тебя потребуются строгий отчет».

Но любостяжательный не так понимает вещи, и не приемлет сих внушений правды и любви. «Кого я обижаю, – говорит он, – если не даю моего собственного?»

«Скажи мне, – вопрошает тот же вселенский учитель, – что у тебя есть собственное? Где взял, и откуда принес ты оное в сию жизнь? Не наг ли ты вышел из чрева матерняго? Не наг ли и опять возвратишься в землю? Имущество твое откуда к тебе пришло? Если ты скажешь от случая, то ты безбожник, не знающий Творца и не благодарящий давшего тебе оное. Если же ты признаешься, что оно от Бога, то скажи, для какой цели ты получил оное? Для чего ты богат, а тот беден? Конечно для того, чтобы и ты получил воздаяние за щедрость, за верное распоряжение вверенными тебе благами; чтобы и он почтен был великими наградами за терпение. А ты, все захватывая в ненаполняемые недра любостяжания, неужели думаешь, что никого не обижаешь, лишая нужного столь многих людей, – присвоя себе одному то, что принял только для распоряжения? Алчущему принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; нагому одежда, которую ты бережешь в кладовых своих; босому обувь, которая у тебя гниет; бедному серебро, которое у тебя закопано. Таким образом, ты столь многих обижаешь, сколь многим можешь помочь!»

Вот истина, которой никак не может понять любостяжательный, всегда озабоченный только своими собственными выгодами, единственной вещью, для него совершенно понятной. Нужды ближнего как будто вовсе не касаются до него; их слезы не производят в нем сожаления; стенания собратий не смягчают его сердца; он непреклонен и неумолим.

Он смотрит, по словам Василия Великого, только на золото, а на брата и не посмотрит; знает надпись на деньгах, умеет различать хорошую монету от поддельной, брата же в бедности совершенно не знает; любит блеском золота, а на то и внимания не обращает, как стонет несчастный, идущий за ним! И все это происходит от его безрассудного взгляда на блага земные, как на собственность, ему одному принадлежащую.

2. Но от сего безумия рождается другое, еще большее безумие, обнаруживаемое в мечтах любостяжательного о том, *на что ему употребить* собранные им сокровища.

Может быть, в душе его еще могло бы пробудиться чувство сострадания и милосердия; но ему не время и не охота рассуждать о чужих бедствиях, потому именно, что все мысли и чувства его заняты представлением того, сколько будет доставлено ему самому удовольствий, посредством доставшихся в его руки сокровищ. И что же говорит несмысленный богач? – *Душа! много лежит у тебя добра, на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись на всяк день* (Лк. 12:19).

«О безумие, – восклицает Великий святитель Василий, коего вся жизнь была молнией, а учение громом, – о безумие! если бы ты имел свиную душу, какую бы радость, если не ту же возвестил ей? Уже ли столько уподобился скотам, столько безумен по отношению к благам души, что питаешь ее пищей плотской, и душе предлагаешь то, что приемлет желудок? Если она добродетельна, или исполнена добрых дел, или уподобилась Богу, то, конечно, имеет много благ и должна веселиться благим весельем души. поскольку же заботишься о земном, имеешь чрево твое богом, и весь сделался плотян от порабощения твоим страстям; то выслушай отзыв, достойный тебя, который не человек какой-нибудь, но сам Господь о тебе произносит: *безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что заготовил* (Лк. 12:20)?

3. «Тягостнее, – по словам Великого иерарха Кесарии Каппадокийской, – тягостнее вечного наказания такое осмеяние безумия! Ибо тот, который немного спустя должен быть похищен из сей жизни, какие предпримлет намерения? Пришли за его душой, а он разговаривает с душой о яствах. В сию же ночь он должен быть взят отселе, однако же мечтает о долголетнем наслаждении!»

Ах, если б этот человек еще не совсем потерял здравый рассудок, мог ли бы он забыть, как скоротечна и кратковременна жизнь наша на земле, – *пара бо есть, яже вмале является, потом же исчезает* (Иак. 4:14); мог ли бы забыть, что никакие сокровища не спасут от смерти, *яко не от избытка кому живот его есть от имени его* (Лк. 12:15); – что тысячи причин,

совершенно непредвиденных, могут внезапно прервать нить жизни, хотя бы все обещало еще многие десятки лет впереди?

А если бы он этого не забывал, то не только не рассчитывал бы на многолетнее наслаждение чувственными удовольствиями, которые и сами по себе всего более сокращают жизнь; но может быть не откладывал бы до завтра и дел благотворения, которые в состоянии исполнить сегодня, – может быть послушался бы совета Соломонова: *не говори просящему у тебя подаяния или пособия, поди, и возвратись опять, завтра дам; ибо ты не знаешь, что породит наступающий день* (Притч. 3:28); того и смотри, что завтра или тебя оставит богатство, или ты оставишь все свое богатство!..

Впрочем, завтра ли, или после завтра, в нынешний ли год, или в следующий, но непременно придет, не закоснит, не умедлит та страшная ночь, или тот несчастный день, в который *душу твою истяжут от тебе*; и когда ты бросишь последний взгляд на все минувшее, не покажется ли тебе вся жизнь твоя сновидением жалкого бедняка, который, во время сна мечтал о золоте и серебре, по пробуждении находит себя с пустыми руками? *Ничтоже бо внесохом в мир сей, яве, то ниже изнести что можем* (1Тим. 6:7)!

Когда же душа твоя, и сердцем, и мыслями, и желаниями как бы сросшись с благами мира сего, должна будет в час смерти разлучиться с ними, то думаешь ли, что менее будет она тогда испытывать терзаний, чем тот, с кого сдирают кожу?

Прииди же ныне, взывает к тебе Апостол, и плачися, и рыдай о лютых скорбех твоих, грядущих на тя (Иак. 5:1), в горестные минуты бедственной кончины твоей и потом! Уже готово для тебя и надгробие, начертанное Духом Божиим: «се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею (Пс. 51:9) и безумием своим! И погине память его с шумом (Пс. 9:7), и не обретется место его (Пс. 36:36)!»

Таким-то образом богатство, которое, как дар Божий, может и должно быть употреблено во славу Божию, к пользе ближних и к собственному спасению обладающего им, делается виной временной и вечной гибели человека, от безумного

пристрастия к нему сердца человеческого, как бы к единственной цели своего бытия, от столько же безумного предназначения его на дела суетные и душевредные, и наконец, всего более, от безрассудного забвения о неизвестном, но неизбежном конце нашей земной жизни!

Поймите же, возлюбленные братья христиане, вы, которых Господь благословил обилием земных благ, и примите к своему сердцу и в правила своей жизни следующее заветное заветное святого апостола Павла к возлюбленному ученику его Тимофею: *богатым в нынешнем веце запрещай не высокоумствовати, не высоко думать о себе, ниже уповати на богатство погибающее, ненадежное, но на Бога жива, дающего нам вся обильно в наслаждение; благое делати, богатиться в делах добрых, обогащаться добрыми делами, благоподатливым быти, общительным, сокровищуя себе основание добро в будущее, да примут вечную жизнь (1Тим. 6:17–19).*

И потому, *богатство аще течет, не прилагайте к нему сердца своего (Пс. 61:11)*, чтобы и при нем сохранять блаженную нищету духа, которая, быв основанием любви истинно-христианской, научит вас довольствоваться малым, имея даже многое, а все излишнее – считать наследием и достоянием бедных.

Тогда и самое богатство не только не попрепятствует вам улучшить спасение, но и будет способствовать к приобретению неоскудеваемых *сокровищ на небеси (Мф. 6:20)*; тогда не только бестрепетно и непостыдно встретите час своей кончины, и все земные блага оставите с таким же равнодушием, как оставляют старую, уже негодную к употреблению одежду; но и на самом страшном суде Божиим, с дерзновением предстанете нелицеприятному Судии, который вам скажет: *приидите, благословении Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира; ибо алкал Я, и вы дали Мне ясти; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня, в лице меньшей Моей братии (Мф. 25:34,35,36)!*

Вы же, возлюбленные братья, нищие и худородные мира сего, которых Господь искушает лишениями и нуждами, как золото в горниле, *долготерпите, братие моя, до пришествия*

Господня, когда верно не пожалеете, что не были богаты в земной жизни благами тленными; долготерпите! Се земледелец ждет честнаго плода от земли, долготерпя о нем, дожде же примет дождь ран и поздн. Долготерпите убо и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествие Господне приближися. Не воздыхайте друг на друга, братие, да не осуждени будете: се Судия пред дверми стоит (Иак. 5:7,8,9)! Аминь.

О несвоевременном удалении из храма³⁴²

«Попросите взаимно друг друга стоять так же, как стояли; а если кто двинется с своего места, постарайтесь удержать его». Так говорил в свое время святитель Иоанн Златоуст против тех, которые уходят из церкви прежде окончания Божественной литургии.

Благочестивые слушатели! Вы, конечно, не удивитесь началу нашего слова, если обратите внимание на то, что обыкновенно происходит в этом святом храме в минуты, подобные настоящим. Лишь только проповедник восходит на кафедру, иные стараются подойти к ней поближе, но другие спешат в то же время уйти из дома Божия, вовсе не думая ни о том, что бывают причиной немалого смущения церковного, и особенно – смущения провозвестников слова Божия, которые именно ради их предприняли труд и пришли сюда, быть может, издалека, ни о том, какую потерю и какой вред причиняют они себе самим столь несвоевременным удалением из святилища.

Приглашаем всех поразмыслить об этом, чтобы тем усерднее употребить свое содействие к вразумлению согрешающих братий.

«Царствие небесное подобно царю, который сделал брачный пир для сына своего. И послал рабов своих, звать званных на брачный пир; и не захотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званным: вот, я приготовил обед мой; тельцы мои, и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они пренебрегли то; пошли – кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочие же, схватив рабов его, оскорбили, и убили их (Мф. 22:2–6)“.

Что постигло или постигнет тех презрителей и злодеев, и какой участи подверглись или подвергнутся те, которые были в числе многих званных, но не оказались в малом числе избранных, – вам должно быть, братья, очень известно; потому что всю эту притчу вы слышали в ныне прочитанном Евангелии.

Нужно ли объяснять вам, братья, что царь, посылающий рабов своих звать званных на брачный пир сына своего, есть не

другой кто, как сам Царь Небесный, всемогущий Господь неба и земли, премудрый наш Создатель и всеблагодатный Промыслитель; что Он-то древле посылал Пророков, потом Апостолов, и преемников служения апостольского, пастырей и проповедников слова Божия, и сих последних будет посылать до скончания века – звать званых в благодатное и славное царство единокровного Сына Своего, который, как Жених с невестой, сочетавшись с Церковью, всем верующим предлагает – как на брачном пиру – обилие благодатных даров на земле, и вечную славу на небесах? – Это истины весьма понятные для всякого православного христианина. Но вот о чем позвольте спросить вас: к какого рода званым причислить нам себя? Вопрос чрезвычайно важный; ибо он касается вечной судьбы нашей.

Мы вовсе не желаем, братья, ни о ком предварять суда Божия своим судом, но предоставляем каждого суду собственной его совести. Скажем только, что благо тому, кто, тщательно испытывая сам себя, дела свои, слова и самые помышления, – осуждает сам себя, и ищет оправдания у единого Господа: таковой наверное избежит осуждения на страшном судище Христовом. Но горе нам, братия, если мы сами себя оправдываем пред Богом, тогда как дела наши осуждают нас.

Посудите же сами, чем делают себя те из нас, которые, лишь только увидят посланного Царем Небесным раба, и служителя Христова, готового возвестить всем волю Божию, – *призвати званья на браки Сыну Цареву*, – поспешно оставляют церковное собрание! Не показывают ли они чрез это, что не хотят отозваться на призыв небесного Домовладыки, – что они даже не хотят и слышать о том, к чему Он призывает их? При всем разнообразии проповеди, один возделенный глас слышится для всех: *приидите на браки* в небесный чертог. – Они же, *небрегше, отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя*. Кому же оказывается столь явное пренебрежение и досаждение? О, если бы это относилось только к рабам Христовым; но нет, – в лице их они досаждают самому Господу, который, посылая на проповедь учеников Своих, Сам сказал:

слушаяй вас, Мене слушает; отменяйся же вас, Мене отменяется (Лк. 10:16)!

«Да мы, – скажут, может быть при сем некоторые, – и рады были бы послушать; но потому-то и уходим, что или ничего нового, или совершенно ничего не надеемся услышать».

Правда, новостей с этого священного места и не провозглашают, а только напоминают вам и раскрывают пред вами истины древние, или лучше сказать вечные; но потому-то и заслуживают всего нашего внимания сии истины, что они непреложны и неизменны, – что скорее прейдет небо и земля, нежели одна иота, или одна черта прейдет из возвещаемого вам закона Божия. Если же вы хотите настоящей, спасительной для себя новости, то примите слово спасения, которое, может быть, вы доселе столько раз слышали с таким равнодушием, примите его к сердцу, с искренней любовью и благоговением, как исходящее от самого Бога, – и это будет такой новостью, о которой возрадуется душа ваша, и возвеселятся самые Ангелы небесные.

Быть может, правда и то, что слабый голос наш не может достаточно наполнить собою такого обширного пространства, какое занимается сим святилищем. Но не увеличиваете ли вы сами естественного затруднения, в этом случае, когда начинаете шумную передвижку с места на место именно в то время, как надлежало бы царствовать глубокому молчанию? При соблюдении этого условия, и слабый голос могли бы услышать на далеком расстоянии. Если бы не услышали вы всего, что вам было бы сказано, то и немного услышанное наверное не осталось бы без плода.

Если же при всем том вы думаете, что мало получили бы пользы от проповеди, то знайте, что во всяком случае труд вашей любви и терпения, ваша решимость удержаться еще на весьма непродолжительное время в храме Божиим, – не остались бы без величайшего вознаграждения. Вспомните, кто вслед за проповедью, с открытием царских врат, является народу, при возглашении: «со страхом Божиим и верою приступите?» – Сам Христос воскресший – в пречистых тайнах Своих. Вспомните, какую сладость ощущает душа верующая,

когда непосредственно за сим осеняется благословением небесным, при возгласении: «спаси, Боже, люди Твоя, и благослови достояние Твое» когда снова знаменуется благодатным осенением тайн Христовых, в память спасительного вознесения Господня; когда потом слышит: «с миром изыде», и после напутственной на выход из храма иерейской молитвы, читаемой за амвоном, еще раз осеняется благословением Господним, и отпускается с благожеланием от лица Церкви, да спасет и помилует Христос, истинный Бог наш, молитвами пречистой Своей Матери и всех святых! Не лучше ли же, братья, остаться в священном собрании с молитвой и благословением, как и свойственно чадам веры и упования, присным Богу и сожителям святых, нежели *ятися* бегу, подобно соглядатаям и праздношатающимся пришельцам?

Итак, братья христиане, поразмыслив о том, как нехорошо делают те, которые выходят из церкви пред началом проповеди, прежде окончания Божественной литургии, и как много теряют они, последуйте наставлению вселенского учителя, святителя Иоанна Златоустого, которое мы привели вам с самого начала нашего слова, и которым позвольте и окончить слово:

«Попросите взаимно друг друга стоять» до конца божественной службы, «так же, как стояли» сначала, внимательно и благоговейно; «а если кто двинется с своего места, постарайтесь удержать его, – дабы и за свое собственное усердие, и за попечение о братьях получить сугубую награду, и с большим дерзновением возсылать свои молитвы, и умилоствовать Бога, и заслужить – как настоящие, так и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу, со Святым Духом, слава и держава, во веки веков». ³⁴³ Аминь.

О праздновании воскресных и праздничных дней³⁴⁴

Шесть дней есть, в няже достоит делати..., а не в день субботний (Лк. 13:14)

Не подлежит никакому сомнению, что старейшина сонмища, в котором Спаситель исцелил больную женщину в субботу, отнюдь не по ревности к закону Божию провозглашал о необходимости празднования седьмого дня. Омраченный неверием, он завидовал славе Божественного Чудотворца, и хотел представить Его в глазах народа нарушителем закона. Господь обличил лицемера, изъяснив и словом, и собственным примером, что как верно то, что человек обязан в седьмой день, да и вообще во всякий праздник прекращать все свои житейские дела, кроме дел необходимости, так несомненно и то, что делами благотворения не только не нарушается, а еще более святится покой праздничного дня. Итак, слышанное вами, братья, при сегодняшнем богослужении, святое благовествование внушает нам размыслить о нашей обязанности праздновать дни, нарочито посвященные Богу, и о том, каким образом мы должны их праздновать.

1. Можно быть уверенным, что нет, братья, между вами человека, которому бы не было известно, что наша обязанность праздновать дни, посвященные Богу, основывается на четвертой заповеди Божией. *Помни*, сказал Бог всему израилю, и всему роду человеческому, *помни день субботный* (в новой благодати – день воскресный), *еже святити его. Шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя; в день же седмый* (а к сему, как в Ветхом, так и в Новом Завете, относится и всякий праздник) – *суббота* (то есть, *покой*) *Господу Богу твоему* (Исх. 20:8–10). Это знают все.

Но опыт показывает, что многие как будто не знают, или не хотят знать и понимать, что четвертая заповедь Божия требует столь же строгого исполнения, как и всякая другая из святых десяти заповедей Божиих. От сего происходит, что иные, гнушаясь и самой мыслью о том, чтобы, например, что-нибудь

украсть, или вообще сделать что-нибудь постыдное, – по-видимому, не считают тяжким грехом похитить для себя время, посвященное Богу, и работать, или заниматься житейскими делами в праздник. Таковым нужно напомнить слова святого апостола Иакова: *уже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен*; то есть: «кто сохранит весь закон, и в одном чем-нибудь согрешит, тот становится виновен во всем». *Рекий бо, продолжает апостол Христов, не прелюбы сотвориши, рекл есть, и не убиеши: аще же не прелюбы сотвориши, убиеши же, был еси преступник закона (Иак. 2:10,11).* Это потому, что самое благоговение наше к Божественному Законодателю и сердечное убеждение в премудрости и благодати непреложных предписаний Его закона – не позволяют нам думать, что которое-нибудь из сих предписаний не имеет особенной важности. Такая нечестивая мысль совершенно не свойственна доброму и богобоязненному христианину. Благодетельный христианин боится навлечь на себя гнев Отца Небесного, каким бы то ни было образом, и самый малый грех считает для себя величайшим несчастьем, особенно же грех намеренный и произвольный.

Если вы, братья, боитесь Бога и любите исполнять Его святую волю, то не станете мыслить и говорить, например, так: «что за важность в том, что я позволяю себе работать в праздник? Только бы я не делал чего-нибудь дурного! Не хуже ли было бы, если бы я от безделья стал бесчинствовать?» Вы не станете так рассуждать, потому что, положив руку на сердце, и возведши очи к Живущему на Небесах, тотчас поймете, что действительная важность заключается в заповеди Божией, – что нарушение ее и есть уже дурное, как и всякий грех; а если вы не делаете еще чего-нибудь хуже, то это что за извинение? Какой честный и благонамеренный человек станет извиняться в сделанном им худом деле тем, что он мог бы сделать еще хуже?

Довольно нам знать, христиане, что прогневливая нарушением заповеди Божией Господа Бога, мы теряем Его небесное благословение! А без благословения Божия, посудите сами, благочестивые слушатели, какого ожидать нам успеха в наших делах? – С благословением Божиим и один час труда

принесет нам больше пользы, чем без него целые годы неустанных трудов и усилий. И главное: то, что получим мы с благословением Божиим, – прочно и верно; приобретенное же без него, только кажется приобретением, а на самом деле должно быть считаемо потерей, как и действительно сопровождается, весьма нередко, явной потерей. Иногда, по своей близорукости, мы считаем бывающие у нас потери случайными; а они вовсе не случайны: есть им причина, и она – в недостатке благословения Божия. –

Помощь моя, говорит царственный пророк Давид, *помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю (Пс. 120:1,2)!* Кто свято чтит дни, посвященные Богу, тот чрез это самое приобретает благословение и помощь от Господа на дни работные, или будничные, и наверное с успехом *сотворит в них вся дела своя (Исх. 20:9)*, во славу Божию, ко благу ближних, и для своей истинной пользы. А кто, не имея довольно страха Божия в своем сердце, и надеясь больше на свои силы, нежели на Господа Бога, работает и в праздники, тот, хотя бы, по видимому, и приобретал что-нибудь в эти дни, и даже более обыкновенного, на самом деле теряет, – теряет именно благословение Божие на свои труды и занятия!

Зная и помня это, люди бедные не станут соблазняться вознаграждением, предлагаемым им богатыми, за работу в праздник; а богатые не станут соблазнять бедных, и как бы подкупать их на грех, к их и своему собственному вреду; ибо на том, что сделано с нарушением заповеди Божией, как и на самом делании – нет благословения Божия!

Да и то нужно сказать, что нет благословения Божия на делах того дома, в котором слуги или наемники, по нерадению, или по небогобоязненной расчетливости своих господ, работают в праздники, как говорят, *на себя*, как бы признавая будничное время принадлежащим не себе, а одним лишь домовладыкам, – собственно потому что их плата далеко не удовлетворяет нужд бедных тружеников. Или же эти труженики, не посылаемые и даже не пускаемые господами, по праздникам, в церковь, и не руководствуемые к упражнениям благочестивым, свойственным святому дню, – увлекаются, вместо сего, жадной корысти. Во

всяком случае, можно, наверное, сказать, что из-за них и самые домовладыки их теряют благословение Божие; тогда как, напротив, многократные опыты, о которых удостоверяет слово Божие, показывают, что благочестивые, верные Богу и святому Его закону, слуги привлекают благословение Божие не только на себя самих, но и на дома своих господ. Так ради Иакова благословил Бог дом Лавана; ради Иосифа, Бог благословил дом Пентефрия!

Есть, братья, между нами и такие, которые хотя и празднуют в святые дни, но только до половины дня! Братья! к чему такое лукавство? Мы как будто хотим поделиться с Богом даже и тем временем, которое должно принадлежать Ему всецело! Праздник должен принадлежать Богу, с утра и до вечера. И никакие житейские дела, кроме дел крайней необходимости, неуместны в праздники. Без такой необходимости, работа в праздник не извиняется ни обыкновенными нашими нуждами, ни самой бедностью. Само собой понятно, что тем более неизвинительны такие занятия, которым трудящиеся посвящают свое время вовсе не по нужде, а более для препровождения времени.

Если грешно работать по праздникам для приумножения способов пропитания, то тем более от нечего делать, и как будто из опасения – от праздности сделать что-нибудь худое. Праздник не есть праздность, которая точно бывает матерью многих пороков. Но только человек грубый и непроникнутый чувством благочестия, не умеет по-видимому ничем иным почтить праздничного дня, как шумным веселием, пьянством и всякого рода бесчинием. Добрый христианин этого не сделает, даже и потому, что и в праздник – не празден; но совершает дела, свойственные дню, который вполне должен быть посвящен Богу. А какие это дела, – показывает нам пример самого Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

2. По свидетельству святого Евангелия, Христос Спаситель в праздничные дни обыкновенно являлся в молитвенные собрания верующих израильтян, поучал их в слове Божьем и благодетельствовал нуждавшимся в Его святой помощи, подавая исцеления недужным, и плененным от врага – свободу.

Поэтому, подражая сему святому примеру, и мы, возлюбленные, приходим по праздникам в храм Божий для молитвы, слушаем поучения, и не отказываемся от благотворений. Но если вникнуть в дело, и посмотреть, каково большей частью бывает исполнение этих обязанностей, то окажется, что многое нужно исправить нам в своей жизни. Так, например, если позволите спросить: многие ли даже из присутствующих ныне, при Божественной литургии, находились и при вечернем и утреннем богослужении, относящемся к сему воскресному дню? А если не находились, то, значит, и не исполнили вполне одной из важнейших обязанностей относительно святого дня, – не приняли полного участия в общественном богослужении! Быть может, иные поступили еще хуже, когда то самое время, которое добрые и благочестивые христиане употребляют на всенощное богослужение празднику с вечера, – употребили на участие в суетных беседах, в нескромных играх и шумных удовольствиях: и наверное – собственным опытом доказали, что невозможно служить Богу и мамоне, – явившись и в сие святилище с душой, вовсе не молитвенным образом настроенной? – А найдутся, конечно, и такие, которые в прошедшее воскресенье, или прежде того, и у обедни не были, не по болезни телесной, а по недугу душевному, осуетившись помышлениями своими, и не чувствуя в сердце своем живого стремления к возлюбленным селениям Господа сил, к святому храму Бога живого! Ах! братья, когда же и где же оживите вы в себе чувство благочестия, как не в дни святые, как не среди молитвенного собрания верующих? – Частое и усердное посещение храмов Божиих есть один из верных признаков души благочестивой, преданной Богу; а леность к богослужению есть один из смертных грехов.

Но позвольте, братья, сказать и то, что даже между посещающими храм Господень в воскресные и праздничные дни, и следовательно – между людьми, по-видимому благочестивыми, нельзя не заметить и таких, которые весьма равнодушны к слову Божию. Увы! вам самим, верно, случалось видеть таких (если еще не быть в числе их), которые, лишь только провозвестник слова Божия восходит на кафедру, –

устремляются к двери, как будто услышав собственно к ним направленное повеление: «оглашенные, изыдите!» Но ведь и оглашенные (готовящиеся к принятию христианства), в древности, оставались слушать поучения, а только не могли оставаться в храме при совершении таинств. Стало быть, уходящие от проповеди как будто считают сами себя хуже оглашенных, – не по смирению, а напротив по высокому мечтанию о себе, по совершенному равнодушию и холодности к святой вере! Так, братья, что бы ни говорили таковые о нашем недостойнстве и неумении увлечь их силой красноречия, они забывают, что (страшно и сказать) пренебрегают небесным хлебом, словом Божиим, которого и одна крупница, дошедшая до слуха и сердца их, могла бы утолить их голод душевный! После этого, можно ли ожидать от таких явных и открытых презрителей, чтобы они дома, с благочестивым усердием, принялись за душеспасительную книгу, в праздничные дни, – прочитали ее домашним, и побеседовали с ними о Боге и Его святом законе? Трудно этого и ожидать от них! Да и благословит ли Бог самые даже священные их занятия дома, когда они не оказали должного уважения к святой Церкви, и быть может своим преждевременным удалением из храма соблазнили других?

Наконец, что касается до дел благотворения, которыми освящаются праздничные дни, как то: подаяний бедным, посещения больных и заключенных в темницах; то и в этом отношении, может быть, излишне напомнить нам, что чем больше станем проникаться любовью к Богу и к ближним, тем усерднее будем исполнять эту священную обязанность, истинно и существенно. То есть, не отказывая ни в какое время ближним в благотворении, постараемся нарочито откладывать часть (в собственном смысле этого слова) нашего имущества, для воскресных и праздничных дней; и тогда употребить эту часть во славу Божию. А для вернейшего успеха в этом, не станем, в праздничные дни, предпочитать посещений по приличию, или для своего собственного удовольствия, – таким посещениям, от которых прямо зависит утешение и польза ближних и наше собственное спасение.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты совершил некогда в день седьмой, во славу Отца Небесного, чудо милосердия над бедной женой, которая, быв одержима духом нечистым, около 18 лет не в состоянии была поднять своих взоров от земли на небо! Молимся Тебе, преблагий Господи, сотвори и над нашим недостойнством подобное чудо благодати Твоей! Даруй и нам силу и крепость преодолеть дух века сего, гнетущего нас непрестанно к земле, и от множества житейских попечений недопускающего нас служить Тебе, Богу и Спасителю нашему, с полным усердием даже во дни, посвященные святому имени Твоему! Рцы нам, Господи: «се отпущени есте от недуга вашего», да, услышав всемогущее слово Твое, последуем Тебе всем сердцем, и спасемся. Аминь.

О постыдных качествах завистника – слепоте и жестокости³⁴⁵

Стыдяхуся вси противляющися Ему (Иисусу Христу), и вси людие радовахуся о всех славных, бывающих от Него. (Лк. 13:17).

Где доброе дело, там и противники ему. Это свет и тень. Чем ярче свет, тем больше тень. Чем больше добро, тем сильнее зависть! – Добрые радуются добру, благословляют благотворителей, и славят Бога. Злые, с постыдным недоброжелательством, если не могут воспрепятствовать доброму делу; по крайней мере, стараются унижить его, обесславить, толкуя все в худую сторону. Снедаемые завистью, они не терпят благодетелей человечества, и неблагодарны пред Богом.

Но никто не хочет, чтоб его считали злым. И злой завистник силится скрыть ослепление ума своего, давая неосновательным и кривым своим толкам вид речей законных и разумных. Снедаемый завистью особенно старается скрыть злость своего сердца, укрывая его под личиной притворной любви к общему благу, а иногда – лицемерной набожности. Однако же, рано или поздно, Господь снимает эту личину с злобных завистников, – обнаруживает пред всеми, что они – действительно противники добра, слепые по уму, жестокие по сердцу. Тогда неминуемо покрываются они стыдом и поношением, между тем как добрые сугубо радуются, благодарят и славят Бога!

Вот, возлюбленные братья христиане, те истины, которые внушает нам читанное ныне святое Евангелие! – Господь наш Иисус Христос, поучая народ в сонмище иудейском, в день субботный, увидел там одну женщину, которая восемнадцать лет была одержима тяжким недугом от духа нечистого: сатана связал ее так, что она, быв скорчена, не могла свободно приподняться, – не могла стоять прямо. Спаситель подозвал ее, и сказал: *«женщина! ты освобождаешься от недуга своего»*; и возложил на нее руки. Она тотчас выпрямилась, и стала славить Бога (Лк. 13:11,12). Что же? В лице начальника этого

сонмища, или синагоги, нашелся завистник божественной славы небесного Благотворителя, и – кто бы мог подумать? – под самым благовидным предлогом, открыто изъяснил он негодование на освобождение бедной женщины от уз сатаны! Рассудим же, братья, для нашего назидания, о тех постыдных качествах завистника, которые видны и в собственных его речах, и в обличении, сделанном ему от Господа.

1. Завистник начинает говорить, и с первых же слов обнаруживает крайнее ослепление своего ума, несмотря на все усилия казаться человеком рассудительным, благонамеренным, и ревностным блюстителем закона Божия. Тая в душе своей злую зависть к Божественному Чудотворцу, и однако же сохраняя личину человека набожного, этот ревнитель ветхозаветной правды изъясняет негодование на исцеление бедной женщины за то единственно, что оно совершено в субботу. «Есть шесть дней, – сказал он строго, обращаясь к народу с напоминанием 4-й заповеди Божией, – «есть шесть дней, в которые должно делать; в те дни и приходите лечиться, а не в день субботный!» (Лк. 13:14)

Как это благовидно! Очевидное дело Божие, чудесное исцеление назвать как бы простым лечением, и, относя это лечение к обыкновенным житейским делам, признать совершение его в субботу неуместным или несвоевременным, явным нарушением заповеди Божией о праздновании седьмого дня! Люди простые могут увидеть в этих словах начальника сонмища не что иное, как рассудительность, знание закона и горячую ревность его об исполнении заповеди Божией; и его, завистника, могут похвалить, а Божественного Исцелителя признать нарушителем закона, данного от Бога чрез Моисея! – Так, без сомнения, рассуждал завистник, и, очевидно, рассуждал в слепоте своего ума, которой нельзя не заметить человеку сколько-нибудь здравомыслящему.

Если бы завистник не был ослеплен злобой и водился здравым смыслом, то и сам не мог бы не увидеть и не сознаться, что одно слово какого-либо земного врача, и возложение рук на больную, страдавшую таким упорным и застаревшим недугом, не могли бы даровать больной

исцеления; а потому и не решился бы признать очевидное дело Божие обыкновенным лечением. Если бы, с другой стороны, этот обличитель Господа Иисуса и тех, кто приходил к Нему, мог сколько-нибудь здраво рассуждать, то постыдился бы действия Его называть нарушением субботнего покоя. Если слова Иисуса Христа и возложение рук Его можно было назвать нарушением субботы, то самому обличителю надлежало бы в день субботный ни говорить, ни двигаться с места, ни простирать руки, чтобы отворить или затворить дверь. Итак обличитель вполне обнаружил свое безрассудство как плод его зависти.

Но таким же, или подобным, образом действуют и все вообще завистники! Не смея прямо восставать против какого-либо доброго и святого дела, которого благотворность для всех очевидна, они обыкновенно усиливаются найти в нем такую сторону, которая подала бы им повод представить его в превратном виде. Подобно кротам, роющим в земле, и неспособным видеть ясно свет Божий, завистливые и недоброжелательные подкапываются под самые основания добродетели, – напрягают все усилия ума к тому, чтобы представить ее действия не как досточтимое дело Божие, а как суетное дело человеческое. Так в делах благочестия они силятся открыть лицемерие, в трудолюбии – тщеславие, в благотворении – своекорыстие и т.д.

В особенности их усилия тогда, по-видимому, достигают своей цели, когда нетерпимое ими доброе дело, удастся им представить неуместным и несвоевременным. Тогда-то широковещательными суждениями своего слепотствующего разума они полагают затаить доброе дело, представляя его не только не заслуживающим полного одобрения, но даже будто бы достойным порицания, – не только бесполезным, но даже вредным! Слыша такие суждения их, иной, действительно, мог бы подумать, что это люди самые благонамеренные и рассудительные. А между тем они не более, как жалкие безумцы, произвольно слепотетвующие оттого именно, что не могут быть спокойными при виде благополучия кого-либо из ближних, «Какая низость души, – восклицает святитель Христов Василий Великий,³⁴⁶ – какое безумие, какое помрачение ума,

какое растление сердца – завидовать другому или в его добродетелях, или в счастье, т.е. ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божии, превращать в бедствия для себя чужие блага, и мучиться по причине благополучия высших, вменять себе в наказание славу других, водворять в свое сердце жестоких мучителей, предоставить им во власть все мысли и чувствования, дабы они терзали нас тайными муками, дабы втайне раздирали сердце ненавистью!”

2. Такому безрассудству, или ослеплению завистника, вполне соответствует жестокость его сердца, и, как бы ни старался он скрывать ее под личиной благонамеренности, – приходит время, что эта личина спадает, и к величайшему стыду его, пред всеми является безобразие злобной души его! – Господь Иисус Христос не умедлил снять пред всеми личину с притворного ревнителя закона Божия, и все увидели в нем злого ненавистника. *"Лицемер! – сказал Господь начальнику синагоги, – не отвязывает ли каждый из вас в субботу вола своего или осла от яслей, и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую сатана связал уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботный?"* (Лк. 13:15,16) Всем известно было, что хотя отвязывать вола или осла от яслей – дело, собственно говоря, работное; однако по нужде, чтобы животные не потерпели вреда, не считалось нарушением, закона и в субботу отвязывать их и водить на водопой. Если же можно было поить вола или осла в субботу, то не позволительное ли дело освободить несчастную женщину от порабощения дьяволу и от уз в день субботный? Это обличение, произнесенное Иисусом Христом, было так ясно, общепонятно и поразительно, что ничего нельзя было сказать против слов Его. Итак, обнаружилось пред всеми, что этот мнимый ревнитель закона Божия и общественного порядка менее имел сострадания к ближним, чем к своему домашнему скоту! – Таковы-то вообще люди завистливые и недоброжелательные: представляются радеющими об общем благе, а в самом деле таят в сердце своем жестокость невероятную! Если же они так жестоки вообще ко всем людям, то тем более и несравненно сильнее жестокость их против тех, которым они завидуют. Из

всех известных примеров, довольно указать на один – самый ужасный и поразительный: *зависти ради* предали иудеи Пилату самого Спасителя нашего Иисуса Христа, и, оклеветав и оболгав Его, причинили Ему тягчайшее поругание, неописанные страдания и крестную смерть. Но, столь жестокая к другим, зависть не менее жестоко терзает сердце и самого завистника.

«Не бывает, – говорит святитель Василий Великий,³⁴⁷ – не бывает в душах человеческих ни одной страсти, столь пагубной, как зависть. Она главным образом и собственно губит того, кто ей подвержен. Зависть снедает зараженную ею душу. Горесть и досада ни на одну минуту не оставляют завистливого. А всего мучительнее для завистливого то, что он не может даже и открыть своей болезни; но с поникшим взором, с унылым видом мятется, досадует, и гибнет от зла сего. Когда спрашивают его о причине скорби, ему стыдно обнаружить свое горе. Не могши открыть ее, носит он во глубине сердца болезнь, которая снедает его внутренность. Есть ли что губельнее сей болезни? Это язва для жизни, отравы для природы, ненависть к дарованным нам от Бога благам, противление Богу!» – Вот до чего доводит человека жестокость зависти! И какому же стыду и бесчестию подвергается завистник, когда это жестокое зло, столь тщательно, а иногда и весьма продолжительно, скрываемое им, обнаруживается пред всеми!

Такому-то стыду подвергся и начальник синагоги со всеми своими соучастниками, которые враждовали против Иисуса Христа: *стыдяхуся вси противляющиися Ему; и вси людие радовахуся о всех славных бывающих от Него!* (Лк. 13:17)

Большая часть окружавших Иисуса Христа были чужды зависти и вражды против Него; они собирались к Нему, чтобы слушать Его учение и видеть Его дела. Они-то, увидев чудо исцеления женщины так долго страдавшей от нечистого духа, – с благоговением удивлялись Ему, и, без сомнения, с негодованием слушали низкую и дерзкую клевету на Христа Спасителя, будто Он оскорбил святость дня субботнего. Какова же была их радость, когда Они услышали посрамление завистливого клеветника! Радовались они тому, что восстал среди них дивный Учитель истины, Божественный Чудотворец и

Благодетель. *Стыдяхуся вси противляющиися Ему; и вси людие радовахуся о всех славных бывающих от Него.*

Видите, братья, какая это безрассудная, слепая и жестокая страсть – зависть! Итак, остережемся от этого гнусного зла! Воспитаем в душе своей чистосердечное сочувствие ко всему доброму и святому. Не позволим себе судить о том, чего не понимаем, и что не наше дело; а слыша дерзкие суждения людей завистливых, научимся проникать их притворство и лицемерие. Чтобы не увлечься их обаянием, и не только не снестись дьявольской скорбью о благе ближнего, но и радоваться ему, примем себе за правило – при виде чьего-нибудь благополучия, возносить ко Господу теплые моления, да продолжит Он его и приумножит. Зато и нам Господь дарует Свою великую и богатую милость.

А тем, кои заражены злой страстью зависти и желают истребить в себе это зло, блаженный Августин советует прежде всего, с помощью Божией, низлагать в себе гордость. Ибо «зависть, – по словам сего блаженного учителя Церкви, – есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ее погибнет». Советует им для сего и святитель Василий Великий: «не считать никакого человеческого блага великим и чрезвычайным: ни богатства человеческого, ни увядающей славы, ни здоровья телесного; ибо мы должны поставлять благо не в преходящих вещах, но призваны участвовать в вечных и истинных благах». Советует им, наконец, Апостол Христов приобрести и утвердить в сердце своем святую любовь: тогда зависть сама собой падет. Ибо *любви, по слову Апостола, не завидит (1Кор. 13:4).* Аминь.

С чего начинаются и чем оканчиваются два противоположные пути – удаления от Отца небесного и возвращения к нему³⁴⁸

Сей мертв бе, и оживе; и изгibl бе, и обретеся (Лк. 15:32)!

Понятно всякому, сколько печали и скорби заключается в этом слове «он мертв! умер! он погиб, пропал без вести!» и напротив, сколько радости и веселия выражает собой это слово: «он ожил! воскрес! нашелся! пропадал и нашелся!»

Еще ближе станут к сердцу нашему эти выражения, когда вникнем, что история блудного сына, изображаемая в ныне читанном Евангелии, есть история жизни, можно сказать, каждого из нас. Да, братья! эта трогательная притча так удобопонятна, что и без особенных истолкований всякий легко узнает в ней самого себя, и невольно приходит к мысли: «этот расточительный сын, этот заблудший грешник – я! а этот добрый, нежный, попечительный и, несмотря на то, оставленный сыном отец – Бог!»

Но увы! как часто, умея подражать блудному сыну в бедственном удалении на путь смерти и гибели, мы не умеем подражать ему в радостном и благотворном возвращении на путь жизни и спасения! А Господь собственно для того и изобразил пред нами, как бы на картине, оба эти пути, чтобы мы, вникнув, с чего начинается, и чем оканчивается первый путь, погibельный, – видели, с чего начинается и чем оканчивается другой, спасительный путь, и не только видели, но и вступили на оный, и при помощи Божией достигли цели: своего спасения!

Посвятим же несколько минут на размышление об этом предмете, чтобы предуготовить себя к предстоящему нам подвигу поста и покаяния.

1. С чего начался путь погibели заблудшего сына? – Получив следующую ему часть имения от своего родителя, он, не по долгом времени, собрав все, самопроизвольно удалился из отцовского дома в дальнюю страну, чтобы там жить на воле!

Не безрассудно ли, братья, думать, что возможно где-нибудь найти более обилия и приятности, чем в доме богатого и доброго отца? Кто лучше его разделит с тобой, юноша, твои удовольствия и труды? Кто с большей откровенностью, с большим участием даст тебе благие и спасительные советы? Но что ж? неразумный сын бежит, как от врага, от этого доброго отца, который его любит более, нежели он сам себя, – за все попечения и заботы родителя оставляет его, против его воли, против желания! Не жестокая ли это неблагодарность?

Верно, и тому юному сыну приходило это на мысль; но неопытный, легкомысленный, увлекаясь пылкостью своего воображения, он мечтает только о том, чтобы сделаться независимым господином, – управлять собой по своей воле, без свидетеля, без хранителя, без отца: *и собрав все, отъиде на страну далече. (Лк. 15:13)* Не безрассудно ли, не жестоко ли, не неблагодарно ли это, братья?

Но как назвать наше собственное поведение, когда мы, получив от Отца Небесного обильные дары, и естественные и благодатные, увлекаемся безрассудными надеждами своеволия, и начинаем мечтать, что обладание всеми, полученными нами, благами доставило бы нам гораздо более счастья, если бы мы распоряжались ими сами, как нам вздумается, не стесняя себя тем, чтобы во всем соображаться с волей Божией? Как назовем себя самих, когда более и более теряя детскую простоту веры и упования, мы не ощущаем уже в себе вожденной отрады пребывать в доме Бога нашего, в святой Его Церкви! Как назовем себя самих, когда, отвергнув спасительную, святую покорность заповедям Божиим и порабощаясь безумным страстям своим, мы, если не устами, то в глубине своего испорченного сердца, вопием: *кто есть Всемогущий, да поработаем Ему (Иов. 21:15)*? Поистине, это крайнее безумие и жестокая неблагодарность!

Но это только еще начало пути погибельного. Как скоро поднято знамя возмущения против Бога, грешник, *не по мнозех днях, собрав все*, бежит от Него, бежит на страну далече! Решась расточить достояние, дарованное ему Отцом Небесным,

он желал бы еще, если б то можно было, и забыть Его навсегда, и доставить себе страшное спокойствие в беззаконии!

И вот он мало по малу прерывает все связи, соединяющие его с Богом; удаляет все проявляющиеся у него мысли о Небесном Отце; заглушает все нравственные правила своего поведения; бежит далеко от добрых примеров, его обличающих, от спасительных советов искреннего друга, звучащих ему упреком, от святого Писания, его вразумляющего, от святых храмов, которых и самый вид его смущает, бежит от служителей веры, с которыми и встреча его тревожит, бежит от священных изображений в своем собственном жилище, бежит от Божественных обетований и угроз, которым уже не смеет и боится верить; он страшится, избегает даже самого себя, чтобы никогда не остаться наедине с своим разумом и верой и, чтобы не пробудить их в себе, предается всевозможным забавам и удовольствиям!

И чего искал человек, то, наконец, получил: вера уже не действует на него более, – не мешает ему предаваться страстям; внушения совести замолкли; душа мало по малу теряет чувство своих грехов; день ото дня грешник заходит далее в область нечестия, следует путями неизвестными – туда, откуда уже слишком труден исход: *отъиде на страну далече!*

Что же произошло с безрассудным юношей в стране отдаленной от дома отеческого? *Расточи имение свое, живой блудно.* Роскошь и удовольствия скоро поглотили его богатое наследие; несколько лет разврата расточили имение, дарованное ему щедростью отца!

Не так ли, братья, грешник вообще расточает богатое наследие даров Божиих? Не показывает ли ежедневный опыт, что грех разрушает все, – что он есть бич семейств и злополучие каждого? Но опустошение, которое грех, или лучше сказать, виновник всякого греха, дух злобы, производит извне, есть только слабый образ совершенной гибели, причиняемой им душе!

То обещая открыть человеку заветные тайны природы, он похищает в душе его богатство тайн Божией премудрости, и дарит несколькими суетными познаниями! То обещая

провозгласить имя его во всей вселенной, низвергает с высоты смирения, и награждает несколькими звуками лестной молвы народной! То обещая все сокровища мира, лишает истинного сокровища правды и честности, и наделяет горстью блистательной пыли! То предлагая полную чашу наслаждений, похищает из души и радость о Господе, и мир Божий, превосходящий всякий ум, и ангелоподобную чистоту сердца, а подносит несколько капель подслащенного яда! Таков грех!

Но вот в чем особенно несчастье: давая человеку вместо зерна плеву, вместо золота – глину, грех до того ослепляет его, что он, сделавшись на самом деле *окаянен и беден, и нищ и слеп и наг*, часто говорит сам о себе: *богат есмь, и обогатихся, и ничтоже требую* (Откр. 3:17)! Увы! это нищий, который, потеряв рассудок, воображает себя богачем!

Что же далее сделалось с блудным сыном? *Бысть глад крепок на стране той, и той начат лишатися!* (Лк. 15:14) Несчастный хотя и впал в нищету, но мог бы еще удалить от себя мысль о ней и быть равнодушным к своему положению, если бы те, на кого он расточил свое богатое наследие, стали, по крайней мере, кормить его. Но в стране той приключился жестокий голод; тамошние жители сами испытывали недостаток в пище: до пришельца ли им тогда было? И вот он начал нуждаться в самом необходимом, в дневном пропитании!

Вот новая черта бедственной участи грешника, новый шаг на пути к гибели! Расточив свои сокровища на дела непотребные, он рано или поздно, но неизбежно должен был томиться душевным голодом. Лучшие блага жизни, наконец, теряют в его глазах свою цену: богатство уже не привлекает, слава не трогает, ученость не занимает, забавы не веселят! Все это делается уже слишком бедно для его желаний: желания человека неограниченны, а мирские средства к удовлетворению их крайне недостаточны!

Страна, где грешник, истратив все свое достояние, испытывает, наконец, вместе с жителями ее, жестокий голод, это есть мир, во зле лежащий, где постоянно сменяются суета и бедность; где все желают, но никто недоволен; где нет ничего существенного, но все проходит в одних мечтах, все только

зрелище для глаз, а для сердца все пусто; где обещания лживы, дружба вероломна, радости – один обманчивый шум, где пышность прикрывает скуку, удовольствия оканчиваются отвращением, сокровища не делают никого счастливым; где перемена состояния переменяет, только бедствия. *И бысть глад крепок на стране той, и той начат лишатися!*

До чего же, наконец, дошел блудный сын? Из крайней бедности он подвергся рабству: *и шед прилепися единому от житель тоя страны!* (Лк. 15:15) Оставил отца, так должен иметь господина! Не довольствовался сыновней свободой в подчинении родителю, думал ее возвысить, распространить, и что ж? – унизил и вовсе потерял ее!

Не то ли бывает со всяким грешником, в удалении от Бога, в преслушании воли Отца Небесного? Кто, желая быть свободным, не уважает Божеских и человеческих законов правды, и хочет выйти из-под влияния богоучрежденной зависимости, отдавая свое сердце на произвол страстей, тот наверное достигнет не свободы, а постыдного рабства!

«Некогда, – говорит блаженный Августин, – я хотел достигнуть такой свободы; но, делая все, чего хотел, достигал того, чего не желал!» Так, самый опыт показывает, что сколько кто удовлетворяет страстям, столько же готовит себе тяжких уз! Живя всегда одними жертвами наслаждений, будучи рабом чужих страстей, рабом своих же рабов, грешник всю жизнь свою делает плачевным доказательством того, что истинная свобода не свергает с себя ига, но носит его покорно, добросовестно, что единственное средство сохранить свою свободу состоит в том, чтобы ограничить ее законом, – что свободен только верно служащий Небесному Отцу, Богу, в сыновнем послушании матери Церкви, и что, словом сказать, в существе дела, быть свободным значит делать то, что должно, а не быть в возможности делать все, что угодно!

Теперь посмотрим, что делает *един от житель тоя страны*, новый господин блудного сына, мечтавшего о свободе и, для дневного пропитания, сделавшагося рабом! *И посла его на села своя пасти свиния!* Увы, – сын благородного отца

дошел до того, что сделался пастухом нечистых животных! Но и не здесь еще конец его несчастью!

Скоро не стало для него и скотского корма: *и желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядяху свиния; и никтоже даяше ему!* (Лк. 15:16) Пришлось умирать с голоду! Тогда-то, поистине, можно уже было сказать о нем: «*мертв бе, изгibl бе!* живой мертвец! пропал ни за что!»

Не тем ли оканчивает свой погибельный путь удаления от Бога и всякий грешник? Так, в крайнем унижении заблудшего сына, сделавшегося рабом, пасущим свиней, представляется нам ужасный образ грешника, униженного до рабства скотским страстям, пресмыкающимся долу! Подобно тому, как блудный сын искал утолить свой голод самой грубой пищей, грешник нисходит до того, что желает участи животных, не имеющих другого правила, кроме влечения природы, – другого руководства, кроме слепой склонности, и, подавляя в себе искру разума и всего человеческого, он нередко даже гордится постыдными страстями своего сердца.

Но мало по малу, служение им, *пасение*, или удовлетворение их истощает весь запас его душевных и телесных сил; он делается бесчувственным ко всему, и – живой труп, добыча тления, хотя и алчет еще скотской пищи, но уже не находит в себе никакой возможности утолить этот ужасный голод! Пришел его конец! Сей мертв бысть, изгibl!

Не дай Бог никому, братья, дойти до этого ужасного состояния, которого одно представление внушает уже невольный трепет и крайнее соболезнование! – Но если кто имел несчастье подвергнуться этой душевной смерти, то, пока смерть телесная не прекратила еще дней его, для него, при содействии благодати Божией, еще остается возможность оставить путь погибели, и вступить на путь спасения – чрез искреннее обращение к Богу. Посмотрим же теперь:

2. С чего начался путь спасительного возвращения блудного сына в дом отчий? – Он пришел в себя, опомнился и, сравнив тяжкие бедствия, до которых сам себя довел удалением в страну чуждую, с прошедшим блаженством своим в доме отца,

у которого и для наемников всего было довольно, решился возвратиться в отеческое жилище!

Так точно бывает, братья, и с грешником, когда он, вразумленный лютыми муками душевного голода, приходит в себя, озирается с ужасом вспять, рассматривает в мыслях все свои безумные дела, все бесчисленные жертвы, принесенные им своей страсти, и спрашивает наконец сам себя, со вздохом: «как мог я так дорого купить свое бедствие, свой стыд, свое поношение?»

В этом состоянии, когда луч благодати Божией проникает в его мрачную душу, ему приходят на память и прежние утешения веры, прежнее спокойствие совести, прежняя радость дел добрых и восхитительная надежда бессмертия, – все то, чем он наслаждался, пребывая в доме Божиим с сыновней покорностью.

При воспоминании о столь многих, бесценных благах, самопроизвольно утраченных, и при живом ощущении постигнутого зла, кающийся грешник проливает горькие слезы и говорит сам себе: «о, я безумный виновник собственного злополучия! Не хотел я жить в доме Господнем, куда некогда вступил чрез дверь святого крещения, и где, после ежедневных посильных трудов служения Богу, вкушал *брашно негиблющее* тела и крови Христовой (Ин. 6:27), пил *воду живую* спасительного учения (Ин. 4:10), одевался *одеждою веселия* (Пс. 29:12), ризой заслуг Христовых, и в радости сердца воспевал духовные песни (Кол. 3:16), с любовью участвуя в общественном богослужении, и в своей уединенной клети молясь Отцу духов, видящему втайне и воздающему явно! Не умел я дорожить этим мирным счастьем истинных чад Божиих и сонаследников царствия! Я мечтал обрести другие, более увлекательные утехы в удалении от Отца Небесного. Но с тех пор, как я оставил дом Отчий и безумно расточил все отеческое достояние, – я, добровольный изгнанник, блуждал от бедствия к бедствию. А теперь! последний наемник в доме Отца счастливее меня: он живет в изобилии, пользуется великодушием Домовладыки, а я, сын, – злополучный беглец, скитаюсь в отвержении, покрытый бесславием и поношением,

умирая с голоду! Что же мне делать, куда я обращусь? Окруженный со всех сторон бедностью и беззаконием, несносный для других и для самого себя, в какую сторону направлю стопы мои? – Но могу ли колебаться еще дольше? Разве я не имею Отца? *Встав, иду ко Отцу моему*, и припаду к ногам Его! Я знаю глубину Его любвеобильного сердца, – Его милосердие неистощимое! Это Отец, превосходящий всех отцов своей любовью! Если и земные отцы способны так сильно любить, что их чувства готовы сделать чудеса для детей, то какого чуда не сотворит Отец Небесный для спасения своей погибающей твари?”

Так, братья, напечатлеем глубоко в своем сердце ту утешительную истину, что упование на Бога никогда не посрамит, – что Он есть милосердый Отец, который никогда не оставит грешника, обращающегося к Нему с пути нечестия.

Но упование не ослепляет блудного сына: оно оживляет его раскаянием, но не внушает ему самонадеянности! Он готов с совершенной покорностью и глубоким чувством самоуничтожения выслушать все возможные обличения; но какие обличения сильнее обличений его собственного сердца? И вот он идет к отцу, чтобы пасть к ногам его, исповедать перед ним свой грех, и, признав себя недостойным даже имени сына, – просить принять его хотя в число наемников своих.

Таково расположение души, обращающейся к Богу; таковы ощущения сердца, возраждаемого благодатью Божией, – сердца воздыхающего и обличающего себя постоянно, – сердца сокрушенного и смиренного, которое всегда имеет грех свой пред собой и, предаваясь сетованию и слезам, полагает всю свою надежду в беспредельном милосердии Небесного Отца!

Ах, это искренно кающееся сердце глубоко чувствует, что грех делает человека недостойным всего, что одно смирение наше составляет нашу силу, что если Бог дарует прощение, то единственно тем, которые не прощают сами себе и, подобно блудному сыну, вопиют: *Отче, согреших! и уже несть достоин нарецися сын твой; сотвори мя яко единого от наемник Твоих!* (Лк. 15:18–19)

Наконец блудный сын возвратился в дом отца! *Еще же далече ему сушу, узре его!* Подлинно, только пронизательный взор любви отчей мог узнать сына, так давно отшедшего и возвратившегося далеко не в прежнем состоянии. Черты его обезображены, юность увяла, изодранное рубище едва прикрывает его; но несмотря на такую перемену, под этой печальной внешностью, отец тотчас узнал своего сына, который долго забывал его, но ни на минуту не был забыт им.

И вот, лишь только увидел он возвращение пропадавшего, утроба в нем тронулась, сердце всколебалось в самой глубине своей: *и мил ему бысть, и тек, нападе на выю его, и облобыза его (Лк. 15:20)*, – он бежит к нему навстречу, заключает в свои объятия, прижимает к своему сердцу, и прежде всего выражает свою всепрощающую любовь, не столько словами, сколько слезами!

Возможно ли описать, что почувствовал сын, когда очутился в объятиях отца, дарующего ему прощение, – когда увидел, что достиг конца зол и уже далек от смятений и бурь, столько возмущающих его жизнь!

Но добрый отец не ограничивается одним примирением: его радость изливается со всей полнотой вне; все слуги участвуют в его веселии; приносят сыну дорогие уборы, украшавшие его в прекрасные дни невинности, налагают на его руку перстень – знак его важности и сыновней свободы: изготавливается великое торжество, обильная трапеза, и веселые звуки пения и ликований, потрясая воздух, возвещают всей окрестности, что *сын сей мертв бе, и оживе, – изгibl бе, и обрешеся, пропадал, и нашелся!*

В сих-то трогательных чертах, братья, изображается Отец наш Небесный! – Он предваряет нас действием Своей благодати, когда мы приближаемся к Нему с искренним раскаянием в грехах; Его беспредельная любовь всегда готова простить нам все, о чем мы плачем, и даже удостоит нас особенного благоволения, несмотря на греховные пятна, покрывающие нас и, как бы поражаясь более нашим несчастьем, нежели преступностью, приемлет на себя всю тяжесть примирения!

Но кто в силах изобразить это состояние души, когда она, вполне почувствовав, что один день в доме Божиим лучше, нежели тысячи в селениях грешничих, переходит от обуреваний порока к тихому пристанищу добродетели и, воспламенясь святой любовью, услаждающей все труды и оживляющей все пожертвования, видит, наконец, себя в мире с Богом и с собой? Кто опишет ту неизъяснимую духовную радость для покаявшегося грешника, когда он, как бы скинув с себя греховное рубище, облачается в боголепную ризу оправдания пред Богом, по силе заслуг Христовых, и видит не только забвение своих преступлений, но и восстановление своего достоинства; когда во всяком священнодействии, во всяком таинстве он усматривает священный залог своего примирения, когда, упокоенный за священной трапезой чад Божиих, участвует в пире небесном, где все жизнь, все бессмертие, правда, мир и радость о Духе Святом!

Поистине, и Отец Небесный, и Церковь Божия на земле, и сонмы блаженных духов на небеси – радуются тогда о грешнике покаявшемся: *возвеселитижеся и возрадовати подобаше, яко сей мертв бе, и оживе; и изгibl бе, и обретеся!*

Братья христиане! если наши душевные очи еще не ослеплены самолюбием и гордостью, и мы не исключаем себя из числа блуждающих чад Божиих; то, зная, чем оканчивается гибельный путь удаления от Бога, отзовемся на кроткий зов Отца Небесного, глаголющего чрез Пророка: *обратитесь ко Мне, сынове отступившие (Иер. 3:14)!* Отзовемся гласом искреннего раскаяния: *Отче, согрешихом на небо и пред Тобою, и уже несмы достойны нарещися сынове Твои! сотвори ни яко единых от наемник Твоих!*

Зрите, чада веры и упования! се Отец Небесный исходит во сретение обращающихся к Нему всем сердцем, и устрояет торжество велие в Церкви первородных, на небесех написанных, да и Ангелы возрадуются о тех, которые были мертвы грехом, но отныне будут живы для добродетели и спасения, – которые погибали, но отныне обретаются благодатью, щедротами и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и

поклонение со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и в
бесконечные веки веков. Аминь.

О гибельном состоянии человека, удалившегося от Отца небесного³⁴⁹

Востав иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согреших на небо и пред тобою; и уже несм достоин нарещися сын твой; сотвори мя яко единого от наемник твоих (Лк. 15:18,19)

Кто этот несчастный, решившийся возвратиться к оставленному им и столь жестоко оскорбленному отцу?

Это блудный сын, который получил от отца, быть может, под разными благовидными предложениями, предназначенную ему часть имения, чтобы распоряжаться ею по своему произволу. Вскоре, убегая надзора добродетельного родителя, оставил он отцовский дом, отошел на страну далече, и там, предавшись влечению своего развращенного сердца, расточил все свое имение на дела богопротивные и нечестивые. С распространением в той стране сильного голода, бежавший из родительского дома дошел до того, что сделался рабом, принужден был пасти нечистых животных и, наконец, питаться кормом их; но и того никто не давал ему!

В этих-то горестных обстоятельствах, он опомнился, пришел в себя, увидел свое унижение, почувствовал, что гибнет с голоду, между тем как у его отца самые наемники довольствуются всем с избытком. Тогда, уже считая за особенное для себя благо быть хотя в числе сих наемников родительского дома, решился возвратиться к отцу, чтоб испросить у него, по крайней мере, эту милость, тронув его искренним сознанием всей тяжести своих проступков.

Любовь кроткого и незлобивого отца к заблудшему, но возвратившемуся с раскаянием, сыну, превзошла все его ожидания. Чадолюбивый отец, еще издалика увидев его, сжалился над ним, побежал к нему навстречу, кинулся ему на шею, целовал его; и, едва тот успел сознаться в своей греховности и в своем недостойнстве, как он, не желая более и вспоминать о его проступках, немедленно возвратил ему все знаки его сыновнего звания, – лучшую одежду, перстень на руку и сапоги на ноги, и наконец, учредил торжественный пир, с

пением и ликами, радуясь, что сын его: *мертв бе, и оживе; и изгibl бе, и обретеся!*

Возлюбленные братья! нельзя и сомневаться, что эту трогательную евангельскую притчу предложил Господь с тем, чтобы показать нам, до какого губительного состояния доводит самовольное удаление от Отца Небесного в страну греховную и расточение всех благодатных даров Его: какой стыд и срам покрывает тогда человека, какой глад томит его душу; а чрез это самое – возбудить в нас искреннее желание обратиться всецело к нашему Небесному Отцу, всегда готовому и заблудших нас принять в Свою первую любовь, с распростертыми объятьями.

Посвятим же настоящие минуты на то, чтобы, с помощью Божией, произвести в себе живое сознание того, как 1) постыдно, и 2) как томительно состояние грешников в удалении их от Бога.

1. Растрата всего духовного имущества своего, жалкая нищета и бедность, потеря сыновней свободы и подчинение себя греховному рабству, унижение себя до уподобления несмысленным и нечистым животным: вот то крайнее уничтожение и посрамление, которое неминуемо постигает всякую грешную душу.

Ничто не может сравниться с теми ужасными и безотрадными потерями, которые причиняет грех. Подумайте: грешник теряет не какое-либо тленное и скоропреходящее богатство, а то, что для нас дороже самой жизни, – живую веру в Бога триипостасного, это единственное утешение и отраду душ спасаемых, чистую любовь к Отцу Небесному, а с ней и святое упование; этот несомненный залог вечного блаженства, *обручение Духа (2Кор. 1:22)!*

С потерей столь неоцененных сокровищ, утратив благолепную одежду чистоты и невинности, дарованную ему в святом крещении, грешник является в позорной наготе душевной. Одна за другой, искажаются в нем все черты образа Божия, и он является в отвратительном безобразии пред лицом Ангелов и святых человеков. Не только силы души, мудрость ума, правоту воли, чистоту совести, непорочность сердца, целомудрие духа, честность жизни бедный грешник приносит в

жертву своим страстям, но и здоровье тела, и время, и лета, словом сказать, и внешнее и внутреннее достояние свое, и, наконец, делается совершенно нищим.

Но, еще к большему стыду и посрамлению своему, этот несчастный нищий, весьма нередко, или по ослеплению гордости, или по невежеству ума, или по обольщению сердца, или по рассеянности мирской, не сознает своей жалкой внутренней бедности, и, слишком много приписывая важности некоторым наружным признакам довольства, даже мечтает иногда гордиться своим богатством!

Такого-то грешника обличает Дух Божий: *глаголеши, говорит ему, яко богат есмь, и обогатился, и ничтоже требую, и не веши, яко ты еси окаянен и беден, и нищ и слеп и наг! Совещаю тебе, присовокупляет Господь, купити от Мене злато разжжено огнем, да обогатишия, и да не явится срамота наготы твоя; и коллурием помажи очи твои, да видиши (Откр. 3:17,18) крайнюю нищету твою.*

Однако же, блуждающий по стропотным путям нечестия, грешник и внемлет, и не внемлет сему спасительному совету: *нозе его на зло текут (Притч.1:16; Ис.59:7; Рим. 3:15)* неудержимо.

Он не может, наконец, не примечать своей крайней бедности; но, думая исправить ее ценой постыдного рабства, – дает только полную власть над собой своим страстям, и, поработавшись им, чрез это самое поработается самому князю тьмы; а таким образом, покрывает себя новым стыдом и поношением.

Подвергнувшись ужасному рабству дьявола (1Ин. 3:8) и как бы сроднившись с ним, *прильпившись ему (Лк. 15:15)*, грешник, по действию духа злобы, достигает до последней степени своего нравственного унижения и бесчестия. Тогда-то обаяние страстей уже совсем заглушает в нем чувство стыда; непроницаемый мрак ослепляет и ум, и совесть. Какая-то непреодолимая сила влечет грешника к бездне конечной гибели, все ближе и ближе. Тогда-то человек прежде *в чести сый*, как бы совершенно потеряв разум, *не разуме, остави Бога, и – приложися скотом иесмысленным, и уподобися им (Пс.48:21)!*

О, самый слух ваш, братья христиане, оскорбился бы повествованием о том презренном, но вместе жалком и ужасном состоянии, до которого доходят люди грешные, пришедшие во глубину зол! Довольно сказать, что грешники, совсем погрязши в чувственность, по выражению Апостола, поставляют для себя богом собственное чрево (Флп. 3:19), и доходят до того, что, действительно, предаются желаниям совершенно скотоподобным. Как скоты водятся одними естественными побуждениями, одной слепой склонностью к удовлетворению грубым потребностям; так и грешники, забывшие свое бессмертное назначение, свои высокие обязанности и страшный суд Бога, нередко с безумием и бесстыдством, восклицают: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1Кор. 15:32)!

Без сомнения, до такой ужасной бездны нечестия доходят, благодарение Богу, не все; но доходят же хотя некоторые, – доходят все люди беспечные, равнодушные к своему спасению, всегда готовые всем на свете пожертвовать требованиям своего развращенного сердца. И если бы мы с вами позволяли себе потворствовать и послаблять своим греховным пожеланиям и стремлениям, то кто поручится нам, что и мы не дошли бы до такого крайнего зла?

Никто не рождается порочным, но делается таким не приметно, уклоняясь от закона Божия шаг за шагом, пока, наконец, не покроется совершенным бесславием греха!

2. Потеря истинной чести и унижение человеческого достоинства не есть еще единственное, исключительное бедствие и злополучие грешника, забывшего Бога и ископавшего себе кладенцы сокрушенные мнимого довольства: неутолимый голод смертельно томит его душу.

Он именно испытывает непрестанно ту мучительную алчбу, которую всегда оставляют по себе все мирские утехы и удовольствия, противные закону Божию.

Напрасно искусство человеческое облекает блага земные в тысячу различных видов. Хотя бы наше насыщение ими простиралось до пресыщения, оно оказывается только новым, ненасытимым голодом. Чем более вкушаем их, тем более

алчем, оттого, что в стране заблуждений и пороков, действительно, царствует вечный, ничем ненасыщаемый, голод.

Нет, по-видимому, существа более ненасытного и алчного, как человек, обладаемый необузданными страстями. Лукавый мир, действуя по тайным внушениям духа злобы, это видит, и сам алчный, *ища своих си*, всячески усиливается утолить алчности человека, напоить его чувства, только бы удержать его на своей стороне, далече от Бога. Одни за другими следуют у него разные забавы, которыми на время услаждаются и на мгновение успокоиваются ничем ненасыщаемые чувства! – и тем не менее, при всех ухищрениях порока, новый, жесточайший голод нещадно томит порочную душу.

Так, никакие порывы исступления не заглушат естественного голода души законопреступной: одна страсть рождается из пепла другой страсти; желание удовлетворенное производит новое желание!

Чего не придумал, чего не испытал Соломон, когда, уклонившись сердцем от Бога отцов своих, старался наполнить пустоту сердца мирскими утехами? И однако же, все обаяния роскоши и удовольствий не утолили томления и жестокого голода души могущественнейшего из царей. *И призрех*, сказал сам он, *на вся творения моя, и се вся суета и крушение духа* (Еккл. 2)! – Был и всегда есть *глад крепок* на стране той, на стране удаления от Бога, и нет там возможности не терпеть нужды, нет возможности насытить свою душу!

Но вот, чего не производит чувство нравственного унижения, заглушаемое воплями страстей, то, весьма нередко, при содействии благодати Божией, производит чувство духовного голода, ничем неутолимого. *Колико наемником отца моего избывают хлебы*, говорит блудный сын, пришедший в себя от действия сильного голода, – *аз же голодом гиблю; востав иду ко отцу моему*; и, уже не дерзая надеяться на восстановление униженного им сыновнего достоинства, желает по крайней мере быть в числе этих наемников, только бы, подобно им, довольствоваться хлебом, и не погибнуть от голода!

Да будет благословенна во веки любовь Твоя, премилосердый Отче наш Небесный! Не только хлеб насущный готов у Тебя для обращающихся к Тебе заблуждавшихся чад Твоих; но и все почести горняго звания, какие приличны возлюбленным сынам Твоим и наследникам вечного Твоего царствия, Ты возвращаешь им!

Ты возвращаешь, Господи, грешникам, примиряющимся с Тобой в таинстве святого покаяния, все потерянные ими права, – снова одежаешь их в одежду, свойственную сыновнему достоинству, чистый и светлый виссон *оправдания святых* (Откр. 19:8), украшаешь их и знамением благодатного союза с Тобой, обновляешь *обручение Духа в сердцах их* (2Кор. 1:22).

Возвратив грешникам потерянные ими честь и славу, Ты, Отец Небесный, являешь им совершенное забвение и всепрощение грехов прошедших, и подаешь еще другое, величайшее и совершеннейшее утешение: в сонме верных рабов Твоих, среди их молитв, песнопений и ликований, утоляешь духовный голод оживших чад Твоих спасительным глаголом, исходящим из уст Твоих, и, предуготовив Божественную трапезу, питаешь их телом и кровью, яко Агнца непорочна и пречиста, Христа, заколенного прежде сложения мира, во спасение наше!

Братья христиане! Познав гибельное состояние душ, удалившихся от Бога, от исполнения заповедей Отца Небесного, и ободряясь живыми примерами Его неисчетной любви, вознесем к Нему с сугубой силой и наш смиренный молитвенный голос: покаяния отверзи нам двери, Жизнодавче; потщися отверсти и нам отеческие объятия Своей безмерной любви, прощающей, милующей, восстанавливающей, утешающей, спасающей! Аминь.

Призыв святой Церкви к покаянию³⁵⁰

Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим.

Благопотребно и во всякое время просить Господа, чтобы Он даровал нам мирно и душеспасительно совершить земное наше поприще. Сознают это верные чада Церкви Христовой, и при каждом общественном богослужении – всенепременно умоляют о том благодать Божию. Но вот наступает время, и настало уже, когда пекущаяся о нашем спасении, чадолюбивая мать наша святая Церковь с особенным усилием располагает нас к покаянию, и влагает в уста наши самые трогательные покаянные молитвы. Нельзя нам, возлюбленные о Христе братья, не обратить на это полного нашего внимания.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!...” «Множество содеянных мною лютых помышляя окаянный, трепещу страшного дне суднаго!...” «На спасения стези настави мя, Богородице!...”

Кто из нас, братья, без сердечного умиления мог слышать эти молитвенные воздыхания скорбящей о своих грехах души, когда они впервые коснулись слуха и сердца нашего в четвертое перед сим воскресение, на утреннем богослужении, и затем, в такое же время, повторялись в последующие недели? – В ком не возбуждали они действительного желания – взойти в храм покаяния, только бы сам Христос Жизнодавец, благодатью Своей, отверз нам двери в него? – Кто, сознавая свою греховность, не трепетал при воспоминании о страшном дне суда Божия, и не признавал вожденным для себя, при содействии Богоматери, вступить на стези спасения? Так, братья, все мы более или менее перечувствовали это, когда внимали умирительным церковным песнопениям в настоящий и предшествовавшие воскресные дни.

Но благие чувствования – только семя, или сила добрых дел. Чтобы это семя могло возрасти и принести обильный плод, святая Церковь питает его словом Божиим, – представляя нам

в евангельских воскресных чтениях и примеры покаяния, и побуждения к нему.

С месяц тому назад, в воскресный день, мы слышали, братья, о покаянии Закхея мытаря, который, удостоившись посещения Христа Спасителя, сказал Ему: *Господи! се пол имения моего дам нищим; и аще кого чим обидех, возвращу четверицею*, и которому Господь вещал: *днесь спасение дому сему бысть. Прииде бо Сын человек взыскати и спасти погибшаго* (Лк. 19:8–10).

В следующее затем воскресение предложена нашему вниманию притча о смиренной молитве мытаря грешника, за которую он оправдан Богом, и о самохвальном молении фарисея, мнимого праведника, который пред судом Господним оказался несравненно хуже этого, уничиженного им, грешника. Через неделю потом притчей о блудном сыне утверждена в нас надежда – всегда найти для себя отверстыми объятья Отца Небесного, милующего и прощающего нас, как скоро мы чистосердечно обращаемся к Нему с раскаянием.

А в прошедший, мясопустный воскресный день – изображение страшного суда Христова, и в святом Евангелии, и в богослужебных песнях, должно было послужить для нас сильным врачевством против нашей беспечности в деле спасения.

Наконец, в самую сию – сыропустную неделю, священные песнопения изобразили нам падение праотца нашего Адама, который с праматерью, быв вовлечен лукавством древнего змия в грех гордыни и невоздержания, изгнан из рая в сей, нами обитаемый и во зле лежащий, мир; а ныне чтенное Евангелие показало нам свойства истинного поста, – да не явимся пред людьми постящимися, но пред Отцом нашим Небесным, Который видит втайне – и самые сокровенные расположения и помыслы нашей души, и воздает нам явной Своей милостью. Ныне чтенное Евангелие, равным образом, показало и необходимое условие прощения грехов наших, – чтобы, то есть, мы сами простили ближним своим согрешения их, и примирились со всяким о Христе братом, имеющим нечто на нас.

Тем из нас, братья, у которых вошло в благочестивый обычай – посещать храм Господень для участия в церковной молитве не только в воскресенье, но и в седмичные дни, – тем добрым христианам известно, что святая Церковь взирает на сырную, или так называемую в житейском быту масляную седмицу, как на постепенный переход к великому посту, и уже сопровождала богослужение минувших среды и пятка, в которые не бывает и Божественной литургии, великими поклонами, с произнесением всем вам известной покаянной молитвы святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми», и проч. А вот сегодня, чрез несколько часов, будет совершаться торжественно трогательная и умилительная вечерня, среди которой пение прокимна: *не отвори лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя*, – невольно исторгает из сердца скорбные вздыхания о грехах...

На сию-то вечерню, в царствующем нашем граде, многие тысячи народа, всякого возраста, звания и состояния, – презрев расставленные вблизи отсюда разные приманки столь несвоевременных и нередко бесчинных, увеселений, – устремляются во святую Александроневскую обитель, чтобы после богослужения принять благословение архипастыря на подлежащие подвиги поста и покаяния; а другие наполняют собой приходские церкви, чтобы с не меньшим усердием помолиться Всевышнему о благодатном Его содействии к начатию тех же святых подвигов. Затем, братья, у всех истинных чад православной Церкви падает средостение вражды, и все друг другу прощают и большие и малые вины от чистого сердца и любви нелицемерной. С такими-то истинно христианскими чувствами и расположениями духа, мирно и благочестиво, встречают люди Божии святую и великую четырехдесятницу.

Нужно ли еще припоминать вам, братья, о том, как сильно, мудро и любвеобильно святая Церковь руководствует нас на пути к спасению – при самом начале и во все продолжение дней поста и покаяния? – Но это известно вам по опыту, и сей опыт без сомнения отзовется в вашей душе не дальше, как в

завтрашний день, когда унылый звон церковный, как проникающие душу звуки матерних стенаний у одра болящих детей, заставит вас вострепнуться, задуматься, вздохнуть и – может быть – уронить слезу пред своим Создателем и Господом... Благо нам, братья, если это по-видимому бездушное звучание кимвала внятно и внушительно проговорит нашей душе: «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати, у Господа просим!» – Благо нам, возлюбленные, если этот призывающий нас к покаянию звон мы примем за глас самого Господа, который ищет нашего спасения, и о котором во святом Писании сказано: *днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Евр.3:15).

Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2Кор. 6:2)! Спасение душевное дороже для нас, братья, всего на свете, – дороже самой жизни нашей. Подорожим же временем – особенно благоприятным для спасения. Не допустим, чтобы столько забот о нашем душевном благе со стороны матери нашей святой православной Церкви остались тщетными, – чтобы после стольких попечений ее приготовить и настроить нашу душу к истинному покаянию, оказались мы к тому совершенно неготовыми, и даже холодными, равнодушными и невнимательными. Поспешим во дни поста и покаяния в храмы Божии и во лечебницу духовную, для исцеления наших душевных и телесных немощей. Утвердим себя в той мысли, что если и теперь не воспользуемся мы богодарованными нам средствами очищения своей совести и теснейшего соединения со Христом Жизнодавцем, в залог вечно блаженной жизни в Боге, – то трудно, чрезвычайно трудно и может быть даже невозможно будет нам впоследствии ничем вознаградить эту величайшую и всякие земные интересы неизмеримо превышающую потерю. *Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщедит душу свою? или что даст человек измену на души своей* (Мк. 8:36,37)? Иже не весте, что утре случится: *кая бо жизнь ваша? пара бо есть, яже в мале является, потом же исчезает. Вместо еже бы глаголати вам: аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно: ныне же хвалитеся в гордынях ваших:*

всяка хвала такова зла есть. Ведущему убо добро творити, и не творящему, грех ему есть (Иак. 4:14–17),

Итак, братья, без всякого дальнейшего отлагательства, испросив у Господа милосердного благодатной помощи на то, чтобы прочее время живота нашего, т.е. остальное время нашей жизни, скончать в покаянии, в мире с Богом, с совестью и с ближними, – при этой благодатной Божией помощи, вступим бодренным сердцем и трезвенной мыслью на предлежащее нам поприще добрых и душеспасительных подвигов, да и вечное спасение улучим, и еще здесь во времени удостоимся великой и богатой милости Божией. Наипаче же да сподобимся вскоре поклониться с сердечным умилением спасительным страданиям Господа нашего Иисуса Христа, и с неописанной радостью – живоносному Его воскресению. Аминь.

Святые апостолы Иаков Алфеев и Иаков брат Господень (Исследование)

В течение месяца октября, святая Православная Церковь празднует двум соименным святым Апостолам: 9 (22) октября – Иакову Алфееву, и 23 октября (5 ноября) – Иакову брату Господню.

Кто присутствовал в эти дни при богослужении, – кто читал или слушал священные песнопения и вообще всю службу церковную в честь того и другого Апостола, у того не может быть ни малейшего сомнения, что православная Церковь резкими чертами отличает Иакова Алфеева от Иакова брата Господня.

Столь же резкое различие между ними представляет изображение их жития и трудов апостольских, какое находим в Четых-Минях и в Прологе, под означенными числами.

Поэтому едва ли кто из благочестивых чад Церкви захотел бы того и другого Апостола сливать в одно лицо, не имея на то самых уважительных и неопровержимых доказательств. Таких доказательств думаем, особенно вправе были бы мы требовать от православных учителей, держащихся противного мнения. Тем, например, которые святого Иакова Алфеева признают своим ангелом и молитвенником у Бога, легко ли согласиться, что избранный ими для себя особенный покровитель – святой апостол Иаков Алфеев, как лицо отличное от Иакова брата Господня, не существует?³⁵¹ – Конечно, если бы представлены были очень убедительные доводы в подтверждение того, что святой Иаков Алфеев и святой Иаков брат Господень – одно и то же лицо, – можно было бы утешаться мыслью, что честь, воздаваемая тому или другому, относится к одному.

Но приводятся ли такие доводы и доказательства? Вот вопрос, который мы не считаем мало важным, и решением которого приглашаем наших читателей заняться теперь вместе с нами.

Предварительно надобно, однако же, изложить несколько подробнее образ воззрения на обоих соименных Апостолов, усвоенный святой православной Церковью и выраженный в

принятых ею жизнеописаниях и службах церковных; а затем уже с полным беспристрастием и уважением к лицам, держащимся другого мнения, рассмотреть: достаточны ли те причины, по которым иные из наших ученых богословов не сходятся с этим воззрением.

1. По свидетельству священного Писания, и на основании священного предания, святой апостол Иаков Алфеев был сын Алфея, брат Левия Алфеева, или Матфея мытаря, бывшего впоследствии евангелистом. Подобно своему брату, Иаков самим Господом избран в число 12-ти Апостолов (Мк. 3:18; Лк. 6:15; Мф. 10:3), и вместе с прочими был послан на проповедь (Мф. 10:). По вознесении Господнем и по сошествии Святого Духа на Апостолов, святой Иаков Алфеев сперва совершал апостольские труды с прочими Апостолами в Иерусалиме (Деян. 1:13; 6:2) и вообще в Иудее; потом, быв призван к проповеданию Евангелия язычникам, сопутствовал святому Андрею в Эдес, странствовал для благовестия Христова в Газу, Елевферополь и сопредельные места. Отсюда святой апостол Иаков Алфеев удалился в Египет и в городе Острацине, после немалого в нем пребывания, запечатлел апостольские свои подвиги мученической смертью на кресте.³⁵²

Канон святому апостолу Иакову Алфееву, поемый ныне православной Церковью, составлен в IX веке славным по своей учености и благочестию, святителем Феофаном, митрополитом Никейским. В этом каноне, и во всей службе, содержатся довольно ясные указания и на личность святого Апостола и на круг его апостольской деятельности.

Так, он прямо называется сыном Алфея. «Верно торжествуем пречестный день твоя памяти, Иакове славне, не яко *Алфеова* ты сына, но яко апостола Христова почитающе, и проповедника Того неизреченнаго воплощения». ³⁵³ "Не яко сына *Алфеова*, но яко ученика Слова разумеем ты Иакове, Апостолов славо".³⁵⁴ Он восхваляется, как самим Господом избранный в число учеников, и именно в число двенадцати. «Сам ты Господь един святой честному лику учеников, блаженне, сочета». ³⁵⁵ — «Священному лику учеников Христовых считался еси Иакове,

исполняя число двенадцатых, с нимиже Владыце предстоя, нас поминай”.³⁵⁶

Как один из 12-ти святой Иаков Алфеев именуется верховным Христовым Апостолом, другом, собеседником, сообитателем и самовидцем Христовым. «Неизреченного света сияя светлостями достойно, *верховный Христов Апостоле* прилежно молися о творящих память твою, славне, пречестную”.³⁵⁷ «избави от грехов рабы твоя, верховный Христов Апостоле”.³⁵⁸ – «яко ученик Христов и друг”,³⁵⁹ – «яко собеседник и сообитатель быв Владыце”,³⁶⁰ – «влекий ко свету незаходимому воплощагося Единородного Сына. егоже самовидец и действенный слуга был оси, блаженне”.³⁶¹ – «апостолов украшение. Христов самовидче. блаженне”.³⁶² Упоминается, что св. апостол Иаков Алфеев, как один из 12-ти, получил «непобедимую власть и силу, о имени Христове, над демонами (Мф. 10:1; Мк. 6:7; Лк. 9:1)”,³⁶³ а приняв Божественного Духа благодать, в виде огненного языка, «языческое отерновленное попалил безбожие”.³⁶⁴

Об апостольской деятельности святого Иакова Алфеева в священных песнопениях провозглашается, что он «*прошел землю*, просвещая якоже солнце, и вся страны научи”,³⁶⁵ – что он, как «орган добре составлен, – Божественным окормлением, – *языков званию вверился*, к познанию Христову наставляя словесы и деянии”.³⁶⁶ – что он, премудрый, «яко гром, всем странам возвестил свое вещание, воплощенное Слово достойно проповедуя”.³⁶⁷ – что он, богодухновенный, «мудрость истинно Учителя имев, научающую сущим паче ума, *мудрость обьюродил еллинскую*, и был светильник языкам божественный, благочестия словесы направляя безумныя”,³⁶⁸ – «священноученик, небесным научен истинно таинством, *прошел всю вселенную*, проповедавая велегласно слово веры Христовы”.³⁶⁹

Наконец, в похвалу святого апостола Иакова Алфеева воспевается то, что он, «просветив молниями проповедания во тме седящая неведения, и показав их сынами Владыки и Бога, веры ради”, «*поревновал Его страстем и смерти* (крестной), и славы был наследник, яко мудр и богоглагольник, яко ученик

истиннейший”,³⁷⁰ – «скончавший божественные подвиги страданиями и муками различными, и предавший душу свою Христу”.³⁷¹

Паремии на всенощном бдении, Апостол и Евангелие в день памяти святого апостола Иакова Алфеева, 9 (22) октября, положены общие Апостолам.

Кроме 9 (22) октября сему святому Апостолу вторично празднуется 30 июня (13 июля), в соборе святых 12 Апостолов.

Нельзя также не заметить здесь, что 26 мая (8 июня) православной Церковью совершается память «святого апостола *Алфея*, отца святым двоим Апостолом, иже от 12, *Иакову Алфеову* и Матфею Евангелисту”.³⁷²

Празднуемый Церковью 23 октября (5 ноября), святой апостол Иаков брат Господень, по преданию, был сын святого Иосифа Обручника, от первой его жены, и есть родной брат упоминаемых в Евангелии Иосии, Иуды и Симона (Мф. 13:55; Марк. 6:3). Во время младенчества Господа Иисуса Христа он, по преданию, был спутником святого Иосифа Обручника и Пресвятой Девы Марии, когда они с Богомладенцем удалялись в Египет. Впоследствии он причтен к лику 70-ти Апостолов Христовых, которые в отличие от 12-ти иногда называются меньшими. Имя *малого* или *меньшаго* усвоено Иакову брату Господню (Мк. 15:40), в особенности для отличия от Иакова Зеведеева, брата Иоанна Богослова, празднуемого 30 апреля, и от другого Иакова – Алфеева, из 12-ти.

По воскресении Своем из мертвых, Христос Спаситель удостоил нареченного брата Своего Иакова особенного Своего явления (1Кор. 15:7). По вознесении Господнем на небо, и по сошествии Святого Духа в день Пятидесятницы, Иаков брат Господень поставлен от верховных Апостолов первым иерархом, или епископом Иерусалимским, быв предназначен к тому Самим Пастыреначальником Христом. К нему питали особенное уважение и первоверховные Апостолы (Деян. 12:17); оттого на соборе апостольском в Иерусалиме он председательствовал (Деян. 15:13), а Иуда, или Фаддей, один из 12-ти, отличен именем брата его (Лк. 6:16; Деян. 1:13; Иуд. 1:1).

За свою особенную святость, как строгий и ревностный исполнитель закона, Иаков брат Господень с самых времен апостольских получил имя *праведного*, не только от верующих, но и от неверных. За исповедание имени Христова был сброшен иудеями с кровли храма, и, побиваемый камнями, молился за своих убийц: скончался от удара скалкой сукновала по голове. Как первый иерарх, святой Иаков составил Божественную литургию, которая и доныне совершается в Иерусалиме в день его памяти. Как богомудрый Апостол, он написал первое из соборных посланий.³⁷³

Все вышеизложенные черты жизни и деятельности святого апостола Иакова брата Господня изображены и в церковной службе в день его памяти. Тот же святитель Феофан Исповедник и митрополит Никейский 9-го века, который почтил священными песнопениями память святого Иакова Алфеева, составил канон и соименному ему брату Господню.³⁷⁴

По выражению церковных песней, Иаков брат Господень происходит из колена Иудова, и есть именно сын Иосифа обручника, с которым и с Богородицею сопутствовал Господу в Египет. «Веселится о тебе *колени Иудово* днесь, Христовыми светлостми видя тя светло облистаяща».³⁷⁵ «Рождение ты *Иосифово*, Иерусалимов перваго иерарха, Иакове Боговидче, и Господня брата, песньми похвальными воспоем верно, и к тебе возопием: даруй нам дар совершен от Отца светов (Иак. 1:17), и отжени скорбь настоящую от множества прегрешений».³⁷⁶ «Еже по плоти Господя желания, мудре, брат показался еси, ученик и самовидец божественных таин, бегаяй с Ним, и во Египте быв со *Иосифом*, Материю же Иисусовою».³⁷⁷

Апостольская деятельность Иакова брата Господня усматривается со дня сошествия Святого Духа. «Свыше дыхание зельное, Апостола языком огнеобразным вещати Божия величия устрой».³⁷⁸

Но особенно живыми чертами изображается в священных песнопениях предназначение Иакова брата Господня, его избрание ликом Апостолов и помазание самодейством самого Слова воплощенного во иерарха Церкви Иерусалимской. «Издавеча прозя твоё жительство, Иакове, брата ты прия

Христос человеколюбец, премудрый провидец, Иерусалимов священноявленника верна, и пастыреначальника поставляет и таинника неизреченная священнодействующа таинства”.³⁷⁹ «Апостольский лик тебе избра, священствовати, первее в Сионе святем Христу благодетелю, яко суща того по плоти сродством и брата, спутешественника и наследника следов того, Иакове”.³⁸⁰ «Отчее единокровное Бог Слово, пришедшее к нам в последния дни, Иакове божественне, первого тя показа Иерусалимлян пастыря и учителя, и верного строителя таин духовных”.³⁸¹ «Лик апостольский, всеумудре, яве украсил оси, яко первый иерарх быв, самодейством Слова помазан, яко ученик и брат Божий, священнопроповедник священнойший”.³⁸²

Прославляется Иаков брат Господень и как писатель известного, в высшей степени назидательного, соборного послания. «Даянию благу и дару совершенному от Отца светов человеком подаются учиши яве”.³⁸³ «Видения деятельнаго излагая дщицу, от скрижали же яко духовныя человеки научил еси”.³⁸⁴

Не называемый нигде верховным Апостолом, подобно Иакову Алфееву, как не принадлежащий к лику 12-ти, Иаков, рожденный от Иосифа, величается знаменитым между Апостолами, как брат Началопастыря Христа и преемник Его первосвященства, – достойно украшенный именем священномученика, как благоволивший умереть за Христа. «Началопастыря Христа брат был еси и преемник, и во Апостолах знаменит, еже за Того умерети благоволил еси”.³⁸⁵ «Кровию мучения священство украсил еси, священномучениче Апостоле: на криле бо святилища представ, Бога Слова проповедал еси, Творца суща всего, тем от иудей свержен, небесных чертогов сподобился еси, Богобрате Иакове”.³⁸⁶

Наконец, при самом изображении мученической кончины Богобрата Иакова, Церковь именует его *праведным*, – чем обыкновенно отличается он от соименных ему Апостолов. «Тя, Господи, гласом свободным проповеда праведный брат Твой, подражатель же страстей бысть, убиваем;”³⁸⁷ ибо молился за убийц, подобно Христу, молившемуся за распинателей. «Приидите первопрестольника вси, Церкви светильника,

священными Иакова песнями, яко иерарха и христопроповедника *тезоименне праведнаго именованна величаем*".³⁸⁸ «Господи, аще и на криле предста святилища Иаков, но дерзновением возопив, Бога Слова Тя проповеда, Содетеля всех в мир пришедшаго». ³⁸⁹ «Господи, аще и древом глава Апостола сокрушена бысть, но в рай древо жизненное ему дадеся». ³⁹⁰ «Господи, аще и свергоша иудеи с высоты *праведнаго*, но небесных чертогов с веселием сподобися». ³⁹¹

Апостол и Евангелие на Литургии в день святого апостола Иакова брата Господня положены не общие Апостолам, как святому апостолу Иакову Алфееву, но особенные: Апостол – Гал. 1:11–19, где упоминается об Иакове брате Господнем; Евангелие. – Мф. 13:54–58, где именуются братья Господни: Иаков, Иосий, Иуда и Симон.

Кроме 23 октября (5 ноября), память святого Иакова брата Господня совершается православной Церковью 4 (17) января – в лике 70 Апостолов, в числе которых он занимает первое место,³⁹² и еще 26 декабря (8 января) – вместе с святым и праведным Иосифом, Обручником Пресвятой Девы Богородицы и Давидом царем.³⁹³

После обстоятельного изложения тех отличительных черт, которыми, по воззрению Церкви, различаются Иаков Алфеев и Иаков брат Господень, обратимся к тому мнению, которое не сходится с этим воззрением.

Мнение, сливающее того и другого Апостола в одно лицо, утверждает, что Иаков Алфеев, один из двенадцати Апостолов, есть брат Господень, как сын сестры Матери Господа; он же был епископом Иерусалимским, прозван праведным и написал соборное послание.

Такое мнение стараются подтвердить и свидетельствами Святого Писания, и «памятниками времен, следовавших за временем Апостолов».

Самое тщательное раскрытие доводов в пользу сказанного мнения, из числа книг современных нам деятелей на поприще духовной нашей литературы, находим в «Опыте объяснения на послание апостола Павла к галатам», принадлежащем перу одного из знаменитейших наших богословов.³⁹⁴ Его-то мы,

главным образом, и подвергнем подробному рассмотрению, так, чтобы при этом видно было, насколько убедительны соображения и других.

Автор «объяснения» представляет следующий ряд доводов, что Иаков Алфеев и Иаков брат Господень – одно и то же лицо:

Иаков – брат Господень, но не родной: имя брата не всегда означает родного брата. (Главное – имеется в виду дальше показать, что он не сын Иосифа Обручника, мнимого отца Господа Иисуса Христа).

Иаков брат Господень, Апостол – наверное, есть одно и то же лицо с Иаковом Алфеевым; потому что в списках 12-ти Апостолов, кроме Иакова Зеведеева, есть другой Иаков, который постоянно называется Алфеевым.

3) Имя Иакова Алфеева ставится вместе либо с именем Фаддея, или Леввея, или что то же, Иуды Иаковлева, либо с именем Симона: по мнению автора, надобно думать, что это братья Иакова Алфеева, потому что Иуда сам называет себя братом Иакова; известно притом, что и Симон был брат Иакова и Иуды.

Мать Иакова малого и Иосии, она же мать Иуды и Симона, Мария, по мнению автора, – тоже, что Мария Клеопова, сестра Матери Господа; потому-то ее дети и вместе дети ее мужа Клеопы – называются братьями Господними, конечно, двоюродными – посредством сестер матерей.

Клеопа – муж Марии Клеоповой – тоже, что Алфей, и он-то, Клеопа – Алфей, значит, был отцом Иакова и братьев его, из коих Иуда и Симон тоже были в числе 12-ти. Тождество Клеопы и Алфея, по мнению автора, доказывается разным произношением одного и того же имени, по еврейскому, по галилейскому и по греческому выговору.

Что Иаков брат Господень был Апостол, об этом свидетельствует святой апостол Павел; стало быть, утверждает автор, он принадлежит к лику 12-ти Апостолов, и есть именно Иаков Алфеев.

Что Иаков сын Алфея – Клеопы и Марии, сестры Матери Господа, был двоюродным братом Господним, – тому, по

замечанию автора, не противоречит ни звание Апостола, ни близкое родственное отношение к нему Богоматери.

Что Иаков, по мнению автора, двоюродный брат Господа, есть именно сын Клеопы, это подтверждается, будто бы, свидетельством древнейшего историка Церкви Егезиппа, который именует Симеона и, якобы, самого Иакова – сыном Клеопы.

Наконец, 9) что братья Господни не были родными Его братьями, в том согласны все учителя Церкви, хотя одни считают их детьми Иосифа, другие – Клеопы.

Рассмотрим все эти доказательства, одно за другим.

Иного же от Апостол не видех, токмо Иакова, брата Господня (Гал. 1:19). Изъясняя это место, автор «объяснения на послание святого апостола Павла к галатам» говорит: «имя брата – ἀδελφός, – не означает здесь, как и в других некоторых местах, родного брата, а вообще сродника, так же как и евр. аш Быт. 14:16, 13:18, 24:28, 29:12,15. Лев. 25:48; 4Цар. 10:13, и латинское frater (Curtius 17:10. 24). Чтобы увериться памятниками истории в верности сего объяснения, рассмотрим свидетельства об Иакове брате Господнем и апостоле тем более, что то же лицо не раз встречается в послании к галатам”.

395

Совершенно справедливо, что имя брата ἀδελφός – в указанном месте не означает родного брата, в обыкновенном смысле, как уверяют некоторые протестантские писатели. Но воззрения каких-нибудь вольнодумных протестантов не имеют ничего общего с взглядом Церкви Православной. Православная Церковь, признавая святого Иосифа Обручника Пресвятой Девы мнимым отцом Иисуса Христа, на том же основании допускает, что сыновья Иосифа от первого его брака, Иаков, Иосий, Иуда и Симон, могли считаться, и действительно считались братьями Господа Иисуса, тогда как, собственно говоря, они не были ни родными, ни даже двоюродными Его братьями. Поэтому в существе дела нет никакой надобности – вопрос о том, был ли Иаков родной брат Господень, соединять с вопросом, был ли он сын Иосифа. Столько же произвольным представляется нам и то, что вместе с этим вопрос, был ли Иаков Апостолом,

соединяется с другим, был ли он Иаковом Алфеевым; потому что он мог быть Апостолом, и не бывши Иаковом Алфеевым. Посмотрим, однако же, в чем полагает автор силу следующего довода.

2) «Иаков апостол, – говорит он, – в евангельских счислениях Апостолов (Мф. 10:3; Мк. 3:18; Лк. 6:15; Деян. 1:13) постоянно называется Иаковом Алфеевым (ὁ τῷ Ἀλφαίῳ)».

Действительно, в евангельских списках 12-ти Апостолов один из них постоянно называется Иаковом Алфеевым, и очевидно отличается от другого Иакова – Зеведеева, брата Иоаннова. Но из этого вовсе не следует еще, чтобы именно Иаков Алфеев был брат Господень, и чтобы не мог быть братом Господним другой Иаков, принадлежавший не к лику 12-ти, а к лику 70-ти Апостолов.

По-видимому, автор сам признавал это, и потому поспешил подкрепить свое предположение следующим соображением:

3) «Тогда как Матфей и Марк поименовывают Иакова вместе с Фаддеем или Леввеем, Лука близ имени Иакова ставит имя Симона. Из сличения апостольских списков оказывается, что у двух первых евангелистов Леввей или Фаддей составляет одно лицо вместе с Иудой *Иаковлевым* (Ἰακώβ), о котором говорит святой Лука, и что сей евангелист для того, чтобы яснее отличить двух Иуд, поставляет Иуду Иаковлева вместе с Иудой Искаротским, тогда как другие евангелисты по той же причине называли первого именем общеизвестным. Итак Иуда состоит в некотором родстве с Иаковом Алфеевым. Но в послании Иуды *сам Иуда называет себя братом Иаковлевым* (Иуд.1:1). Между тем третий Иуда между Апостолами не известен. Следовательно, Иаков Алфеев и Иуда Иаковлев, или Фаддей, между собой братья; отсюда становится вместе ясным и то, что два первые евангелиста поставили имя Иакова Алфеева вместе с Фаддеем, именно по их родству между собой, подобно как поставлены вместе братья Иаков и Иоанн, – Петр и Андрей».

Нельзя не согласиться, что, по сличению списков апостольских, Леввей или Фаддей и Иуда Иаковлев – одно и то же лицо. Еще менее может быть сомнения в том, что Иуда Иаковлев – брат Иакова, как он сам себя называет. Но, что Иуда

Иаковлев состоит в некотором родстве именно с Иаковом Алфеевым, и прямо, что он ему брат, – это еще вопрос, требующий решения. Точно третий Иуда (кроме Иаковлева и Искаротского) не известен между Апостолами, ни в лике 12-ти, ни в числе 70-ти. Но нельзя того же сказать об Иакове: всем известно древнее священное предание, что кроме Иакова Зеведеева и Иакова Алфеева – Апостолов из 12-ти, был еще Иаков, причисляемый к лику 70-ти Апостолов и особенно знаменитый в первенствующей Церкви. После этого весьма важно то, что ни в списке Апостолов, какой находим у святого Луки в Евангелии и Деяниях апостольских, ни в послании Иудином, где апостол Иуда называется Иаковлевым и братом Иакова, не выражается, чтобы он был сродником именно Иакова Алфеева. Напротив, принимая за достоверное, что во времена Апостолов, когда писаны были вышеупомянутые священные книги, особенным уважением и известностью у первенствующих христиан пользовался другой Иаков, брат Господень, предстоятель Иерусалимской Церкви, хотя и не принадлежавший к лику 12-ти Апостолов, – мы естественно можем прийти к убеждению, что эта самая известность его и была причиной, почему один из самих 12-ти отличен его именем. Чтобы заставить нас принять другое убеждение, нужно представить на то ясные и положительные доказательства. А одно произвольное прибавление к имени Иаковлеву Алфеева, конечно, никого не убедит. Тем менее убедительным представляется нам умозаключение, что – так как Иаков Алфеев и Иуда Иаковлев, или Фаддей, между собой братья (что не доказано), то ясно, почему два первые евангелиста поставили имя Иакова Алфеева вместе с Фаддеем, – именно по их родству между собой, подобно как поставлены вместе братья Иаков и Иоанн, Петр и Андрей. Заметим, что один из двух первых евангелистов вовсе не держится предполагаемых автором «объявления» родственных соображений: после апостола Петра, в списке Апостолов евангелист Марк ставит Иакова и Иоанна, брата Иаковлева, а потом уже Андрея, который, как известно, был брат Петра (Мк. 3:17,18). Выходит, что сопоставлением имен Апостолов трудно доказать сродство

их. Посмотрим далее: ннт ли других, более убедительных доказательств.

4) «Далее, – говорит автор «объяснения», – Мария, которую три евангелиста – Марк 15:40,47; 16:1. Лук. 24, 10. Матф. 27:56, – называют матерью Иакова малого и Иосии, у Иоанна в том же случае, (Ин. 19:25), называется сестрой матери Спасителя, Марией Клеоповой. Посему Мария Клеопова и Мария мать Иакова малого и Иосии – одно и тоже лицо; – Иаков младший и Иосия были те самые лица, которые вместе с другими – Симоном и Иудой называются братьями Господними, Мф. 13:55,56; Мк. 6:3. Посему Мария мать Иакова и Иосии, – Мария Клеопова есть одно и тоже лицо, только с разными именованиями”. Здесь тожество лица Марии матери Иаковлевой, и Марии Клеоповой, выводится из сопоставления известных мест первых трех евангелистов с соответствующим местом четвертого. Но при самом тщательном соображении указанных мест Евангелия Матфея (Мф. 27:56), Марка (Мк. 15:40,47; 16:1) и Луки (Лк. 24:10) с Евангелием Иоанна (Ин. 19:25), хотя и можно предполагать, но еще нельзя с совершенной достоверностью убедиться, что Мария мать Иакова малого и Иосии, и Мария Клеопова, именуемая сестрой Матери Спасителя, – одно и то же лицо. Первые три евангелиста в числе святых жен, бывших свидетельницами крестных страданий, погребения и воскресения Христова, именуют две Марии: Марию Магдалину и Марию Иаковлеву, или Иосиеву: а из евангелиста Иоанна видно, что при кресте Господа Иисуса было три Марии: Мария Магдалина, Мария Клеопова – сестра или родственница Богоматери (потому что родной сестры у Нее или другой дочери у святых и праведных Богоотцов Иоакима и Анны, наверное, не было), и сама Богоматерь – Пресвятая Дева Мария (Лк. 1:27), которую Иоанн не называет по имени. Тут еще возникает вопрос: из двух Марий, кроме Марии Магдалины, упоминаемых евангелистом Иоанном, действительно ли Марии Клеоповой соответствует название Марии Иаковлевой или Иосиевой, которое находим у прочих евангелистов, или же это надобно отнести к самой Богоматери, Пресвятой Деве Марии? – Уместность этого

вопроса открывается из того, что под именем Марии Иаковлевой некоторые из древних отцов действительно разумели Пресвятую Богородицу, и это мнение допущено православной Церковью в богослужебные книги.

Так святитель Иоанн Златоуст в изъяснении Мф. гл. 27 (Мф. 27), стр. 55. о женах, смотревших на крестные страдания Христовы, говорит: «кто же они были? – Мать Его, которую называет (Евангелист) Иаковлевой, и прочие».³⁹⁶

Подробнее излагает ту же мысль блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский (XI века) в толковании на 27 главу Евангелия от Матфея: «Марию матерью Иакова и Иосии, – говорит он, – Евангелист называет Богородицу, поскольку Иаков и Иосия были дети Иосифа от первой его жены. А как Богородица называлась женой Иосифа, то по праву называлась и матерью, то есть, мачихой детей его».³⁹⁷ И в другом месте – в объяснении на 15 главу Евангелия от Марка: » *Бяху же, – говорит Евангелист, – и жены, в нихже бе Мария Магдалина и Мария Иакова малаго и Иосии мати (Мф.27:55–56)*, то есть Богородица, которая была для них матерью. поскольку Она обручена была Иосифу, а Иаков и Иосия были дети Иосифа: то Она называется матерью их, как мачиха, подобно как называлась и женой Иосифа в образе невесты».³⁹⁸

Тоже читаем и в богослужебной книге Пентикостарие, в синаксарях, и притом с пояснением, почему Божия Мать в этом случае именуется прикровенно. Так в синаксаре во святую и великую неделю Пасхи сказано: «И первее убо воскресение Божии Матери познаваемо бывает, прямо сидящей гроба с Магдалиною, якоже глаголет Матфей (Мф. 27:61). Но да не сомнилось бы” – т.е., чтобы не казалось сомнительным – «воскресение, за еже к Матери присвоения” – из-за того, что свидетельство о таком событии присвоено Матери, – «Евангелисти глаголют: первее явися Магдалини Марии, она же и на камени Ангела виде...” «И просто рещи, различно еже на гроб жен прихождение бысть в нихже бе и Богородица; та бо есть, юже Иосиеву глаголет Марию Евангелие. Иосифа же бе сын сей Иосий”.– «Якоже егда слышиши во Евангелии, – гласит синаксарь в Неделю святых жен мироносиц, – Марию, Иакова

мало и Иосиеву мать, Богородицу непщуй быти, яко мать Иосифовых чад Богородица вменяшеся”.

Замечательно, в самом деле, что евангелист Матфей, говоря о присутствии святых жен при крестных страданиях Спасителя, среди множества народа, в числе их вместе с Марией Магдалиной именуется и Марию, мать Иакова и Иосии (Мф. 27:56), – подобно тому, как и евангелист Иоанн говорит именно о стоянии у креста Матери Иисусовой с двумя соименными Ей женами (Ин. 19:25); а когда речь идет об уединенном сидении святых жен против гроба Христова – о том, как они этот живоносный гроб на рассвете первого дня по субботе пришли посмотреть, как удостоились благовестия Ангела и явления самого Христа воскресшего, – спутницу Марии Магдалины называет уже не Марией, матерью Иакова и Иосии, а неопределенно – *другою* Марией (Мф. 27:61; 28:1). Нельзя предположить, чтобы у Евангелиста не было при этом особенного намерения; и мы, с своей стороны, признаем более, чем вероятным, что евангелист Матфей в столь важных обстоятельствах хотел прикровенно «указать именно на Ту, Которую христиане” верующие «могли узнать и без прямого названия, и Которой не должны были знать враги христианства”.³⁹⁹

Кто же была Мария Клеопова, которую, держащиеся другого мнения, признают за одно лицо с Марией, матерью Иакова и Иосии? – Посмотрим, как этот вопрос решается у автора «объяснения”.

5) «Кто же Клеопа, – продолжает он, – по коему Мария, мать братьев Господних называется Марией Клеоповой? Хлофай или Клопас – Κλωπας и Αλφαιος – есть одно и тоже имя, только первое по еврейскому выговору, второе по галилейскому, третье по греческому; в этом нет никакого сомнения, так же, как в том, что Хаггей по-гречески называется Αγγαιος. Посему Мария Клеопова, Мария мать братьев Господних, или мать Иакова Алфеева – одна и та же супруга Клеопы – Алфея. Таким образом открывается, что Мария и Клеопа–Алфей были родители тех лиц, которые именуются братьями Господними, и

из которых Иаков, Иуда Фаддей и Симон были в числе 12 Апостолов”.

В этом доводе остаются недоказанными две вещи. Во-первых не доказано, что Мария Клеопова есть действительно жена, а не дочь Клеопы. Древнейший Арабский перевод Евангелия прямо называет ее (Ин. 19:25) дочерью Клеопы.⁴⁰⁰ Так называет ее и церковный историк Евсевий, повествуя о мученической кончине 120-ти летнего епископа Иерусалимского Симеона, сына Клеопова. «Можно заключить, – пишет он, – что этот Симеон был самовидец Господа, и лично слушал Его, – чему служит доказательством долголетие его жизни и упоминание в евангельском писании о Марии, дочери Клеопы, который, как выше сказано, был отцом Симеона”.⁴⁰¹

И блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, в толковании на 13 главу Евангелия от Матфея (Мф. 13:55), Марию Клеопову признает дочерью Клеопы, брата Иосифа, хотя и трудно согласиться с представленным им объяснением этого родства.⁴⁰²

Положим, однако же, что Мария Клеопова действительно была не дочь, а жена Клеопы, брата Иосифа Обручника Пресвятой Девы, как и полагают, больше частью, истолкователи: в том и другом случае, ей будет принадлежать имя сестры, или родственницы Матери Господа (ибо ἁδελφῆ, подобно слову ἁδελφός, не всегда означает родную сестру). Тем не менее, останется еще, во-вторых, недоказанным то, что ее муж Клеопа – тоже, что Алфей. Автор «объяснения» уверяет, что «в этом нет никакого сомнения, так же, как в том, что Хаггей (еврейское) по-гречески называется Αὔραιος. Но для всякого очевидно, что разница между словами Хаггей и Аггей не столь велика, как между словами Клеопа или Клопа и Алфей. Признаемся, для нас нисколько не представляется убедительным предположение разного произношения, хотя и еврейского имени, но взятого вовсе не из еврейского текста (ибо в ветхозаветных книгах оно и не встречается),⁴⁰³ а из греческого. И почему надобно думать, что евангелист Иоанн еврейское имя Хлофай написал именно по галилейскому выговору – Клопа, а Марк и Лука, и особенно Матфей⁴⁰⁴ по греческому – Алфей? На

это не представлено никаких доказательств, Да едва ли и можно представить: иначе, известнейшие ученые, постоянно сопровождавшие свои толкования разными филологическими соображениями, не преминули бы изложить их, и, стремясь к той же цели – к удостоверению, что Иаков брат Господень есть сын Алфея, не были бы принуждены придумывать другой способ соединения в лице Марии, матери его, имен Клеопы и Алфея. Способ же этот состоит в том предположении, что Мария, мать Иакова и Иосии, есть дочь Клеопы, и жена Алфея.⁴⁰⁵ Но и это предположение основывается на одних догадках, которые мы уже видели в предыдущих доводах. Поэтому бездоказателен и вывод из него, равно как и из вышеприведенных филологических соображений,⁴⁰⁶ – бездоказательно, что «Мария и Алфей», а не кто другой, «были родители тех лиц, которые именуются братьями Господними, и из которых Иаков, Иуда, Фаддей и Симон был в числе 12 апостолов».

Упомянув о принадлежности братьев Господних к числу 12-ти, автор «объяснения» переходит к следующему доводу.

6) «Наконец, – говорит он, – что Иаков брат Божий был Апостол и следовательно тот же, что иначе называется Иаковом Алфеевым или младшим, – это показывает апостол Павел в словах к галатам (Гал. 1:19). *Иного от Апостол не видех, токмо Иакова брата Господня*. Он прямо поставляет Иакова брата Господня в числе Апостолов: главная мысль его была показать, что он не учился у Апостолов, и он говорит, что за исключением Иакова, он не видался с Апостолами, великими наставниками в вере; о других лицах еще не нужно было и упоминать. Тоже показывают о Иакове свидетельства: Деян. 12:17; 1Кор. 15:17. Притом в числе знаменитых Апостолов поставляется Иаков и ниже: Гал. 2:8,9. Он же решил спор о законе Моисеевом. Деян. 15:13–21. Он же пользовался особенным уважением у обратившихся иудеев. Гал. 1:19; Деян. 21:18».

Насчет этого довода мы должны сказать, что из того, что апостол Павел называет Иакова брата Господня Апостолом, никаким образом не вытекает, будто Иаков брат Божий был

именно сын Алфеев, один из 12-ти. Апостолами назывались, кроме 12-ти, и другие ученики Христовы, составлявшие лик 70-ти.⁴⁰⁷ Так например в книге Деяний апостольских, где именем Апостолов обыкновенно называются 12-ть – тоже имя усвоится и Варнаве – одному из 70-ти, и Павлу: *слышавши же*, сказано, *Апостоли Варнава и Павел* (Деян. 14:14)... Почему же не мог называться Апостолом *Иаков* брат Божий, принадлежа не к лику 12-ти, а к лику 70-ти, меньших Апостолов? Будучи меньшим именно по этой причине, также, как и в отличие от соименных Апостолов из числа 12-ти, Иаков Праведный мог почитаться, и действительно почитался наравне с самыми знаменитыми Апостолами, как предстоятель матери Церквей, Церкви Иерусалимской, и как брат Господень. Этим и объясняется его авторитет в решении спора о законе Моисеевом, и особенное уважение к нему не только со стороны обратившихся иудеев, но и со стороны самих Апостолов; принадлежность же его к лику 12-ти все-таки остается недоказанной, а вместе и то, что он и Иаков Алфеев – одно и тоже.

Несмотря на это, автор «объяснения» настаивает на своем заключении, и вопрос о том, был ли Иаков брат Господень сыном Алфея, ставит в связи с вопросом, – был ли он Апостолом; затем и направляет решение сего последнего против сомневающихся в том.

7) «Итак, – говорит он, – Иаков брат Господень был родным сыном Клеопы – Алфея и Марии сестры Матери Господней, и следовательно двоюродным, но не родным, братом Господа, и он же был один из 12-ти Апостолов. Против сего выставляют два сомнения: а) братья Господни являются в евангельской истории постоянными сожителями Богоматери, Мф. 12:46. Мк. 3:31. Лк. 8:19. Ин. 2:12. б) и они же не разумели иногда назначения Спасителя, чего не надлежало бы ожидать от Апостолов. Но первое обстоятельство не только не ослабляет, а подтверждает нашу уверенность, и особенно в связи с судьбой Богоматери по смерти Ее Сына и Господа. После того, как умер Обручник Богоматери, а его уже не видно в живых со времени вступления Спасителя в свое служение, – естественно было Богоматери являться в семействе Своей сестры. И, напротив,

если Спаситель (Ин. 19:26,27) поручает со креста Матерь Свою Иоанну; то это показывает, что братья Господа не были детьми родными Матери Его. Второе сомнение, если бы было уместно, могло бы быть обращено и против апостольского звания других Апостолов, так как и они не всегда понимали учение Господа до сошествия на них Духа Святого”.

Что святой Иаков малый не был родным, не был даже и двоюродным братом Господа, в собственном смысле, не теряя права называться братом Божиим, по разумению Церкви, как сын святого Иосифа Обручника, а не брата его Клеопы, – об этом уже было нами сказано при обсуждении первого из рассматриваемых нами доводов. Что же касается до того, что Иаков брат Господень, не признаваемый Церковью за одно лицо с Иаковом Алфеевым, одним из 12-ти, был однако же Апостолом, то это, действительно, не подлежит никакому сомнению, и опровергаемые автором возражения сомневающихся, очевидно, слабы и не основательны. ⁴⁰⁸ Заметим только, что оставалась ли Богоматерь по смерти Иосифа в доме сестры или родственницы Своей, или же в доме умершего Своего Обручника, с оставшимися в нем детьми его, – и в последнем случае, как и в первом, причиной поручения возлюбленному ученику Христову иметь о Ней попечение, как о матери, кроме духовно-нравственных отношений, которые были здесь гораздо важнее родственных, могло быть и то, что у апостола Иоанна Богослова был дом в Иерусалиме, где и предназначено было оставаться Пресвятой Деве Марии – в первенствующей Церкви христианской.

Нам следует теперь обратиться к церковно-историческим доводам, которыми хотят подтвердить свое мнение об Иакове брате Господнем, допускающие тожество его с Иаковом Алфеевым, одним из 12-ти.

8) «Памятники времен, следовавших за временем Апостолов, говорят тоже самое о Иакове брате Господнем. Егезипп, писавший свою историю в 150 году, и следующем спустя после смерти Иоанна и сродников Господних не более 50 лет, когда еще и живо было предание о родстве Богоматери и даже можно было видеть близких родственников Клеопы, в

одном месте пишет: «после того, как мученически скончался по той же причине, как и Господь, Иаков Праведный, опять поставляется епископом двоюродный брат Его (Господа) по отце, Симеон, сын Клеопы» (Ар. Euseb. Н. Е. 4,22). Далее вместе с тем, как называет он сего Иакова братом Господним (Ар. Euseb. Н. Е. 2,23), он же говорит, что родственники Господа, внуки Иуды, называемого Его братом по плоти, живы остались в гонение Домицианово, и что при Траяне Симеон двоюродный по отце брат Господень, сын Клеопы, претерпел жестокое мучение (Ар. Euseb. Н. Е. 3, 20. 32). Итак Иаков, Иуда, Симеон – братья Господни были сыновьями Клеопы, и хотя были родственниками Господа, но не были Его родными братьями “.

Свидетельство Егезиппа, действительно, очень важно в историческом отношении, по своей глубокой древности. Но вот другой перевод выписанного автором «объяснения» свидетельства Егезиппова: «Когда Иаков Праведный, по той же причине, как и Господь, претерпел мученическую кончину, тогда епископом поставлен был двоюродный его брат Симеон, сын Клопа. Все предпочли его (и избрали), потому что он был двоюродный брат Господа”.⁴⁰⁹ Таким образом в приведенном месте говорится, что преемником Иакова Праведного на кафедре Иерусалимского епископа, после его мученической кончины, был его двоюродный брат, Симеон сын Клеопы, и прибавляется, что все предпочли его, Симеона, «потому что он был двоюродный брат Господа». Если бы и в первой половине приведенного свидетельства Симеон назывался двоюродным братом не Иакова, а Господа, – как понимает автор, прибавляя это имя для пояснения, – то упоминание об этом во второй половине было бы излишним повторением. Если же Симеон, сродник Господень, был двоюродный брат и Господа и самого Иакова брата Господня, и был сын Клеопы: то очевидно, что сам Иаков уже не мог быть сыном Клеопы; иначе был бы родным, а не двоюродным братом Симеона.

В этом случае для нас весьма важно то, как понимал Егезиппа Евсевий Кесарийский (живший между 260 и 840 годами), который имел у себя пред глазами подлинные

сочинения Егезипповы, и которому, единственно, мы обязаны сохранением – в его церковной истории – отрывков из этих древних сочинений. Что же говорит Евсевий? – «Иаков, именуемый братом Господним (ибо он назывался сыном Иосифа, а Иосиф – отцом Иисуса: *обрученной бо бывши Деве Марии Иосифови*, говорит Священное евангельское Писание (Мф. 1:18), *прежде даже не снитися има, обретесе имущи во чреве от Духа Свята*), – сей-то самый Иаков, за превосходство добродетелей древними названный *праведным*, первый, как повествуют, получил престол епископства над Иерусалимской Церковью. Об этом, – продолжает Евсевий, – Климент в шестой книге *Постановлений* говорит так: «Петр, Иаков и Иоанн хотя от самого Господа предпочтены были (другим ученикам), однако по вознесении Спасителя не стали состязаться о славе, но Иерусалимским епископом избрали *Иакова Праведного*». А в седьмой книге тех же *Постановлений* он повествует об Иакове еще следующее: «по воскресении Своем Господь сообщил дар ведения Иакову *Праведному*, Иоанну и Петру; а они предали его прочим Апостолам, прочие же – семидесяти ученикам, из которых один был Варнава». «Иаковов, – замечает Евсевий, – было два: один по прозванию *праведный*, сброшенный с кровли и до смерти убитый; а другой обезглавленный. Об Иакове *Праведном* упоминает и Павел, говоря: *иного же от Апостол не видех, токмо Иакова брата Господня* (Гал. 1:19).» ⁴¹⁰

С намерением продолжили мы выписку из Евсевия, потому что в ней можно видеть и свидетельство Климента Александрийского (III века), которым тоже думают подтвердить, что апостол Иаков Праведный, брат Господень, епископ Иерусалимский, и апостол Иаков Алфеев (будто бы сын Алфея или Клеопы) – одно и то же лицо, – ссылаясь и на то, что сам Евсевий тут же говорит о двух Иаковах.⁴¹¹ Это-то и замечательно, что в той же самой главе своей церковной истории (кн. 2. гл. 1), в которой назвал Иакова, брата Господня, сыном Иосифа Обручника, Евсевий напоминает, что Иаковов было два. Такое напоминание, по нашему убеждению, имело в виду единственно то, чтобы Иакова Праведного не смешивали с другим апостолом Иаковом, о котором перед тем лишь было

сказано. Рядом с верховными апостолами Петром и Иоанном сперва поставлен Иаков Зеведеев, брат Иоанна, как участвовавший вместе с ними в избрании Иакова Праведного епископом Иерусалимским. Потом, рядом с теми же апостолами Петром и Иоанном, как получивший вместе с ними от Господа особенный дар ведения, поставляется уже Иаков Праведный, которого Евсевий выше назвал сыном Иосифа. Это и послужило для Евсевия поводом присовокупить, что было два Иакова, – особенно известные в первенствующей Церкви по самой своей мученической кончине, которая последовала в одном и том же городе Иерусалиме, но весьма различным образом. Во всяком случае, никак нельзя предполагать, чтобы церковный историк Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, мог утверждать, что кроме Иакова Зеведеева и Иакова Праведного, названного им сыном Иосифа, не было еще Иакова Алфеева, который значится во всех евангельских списках 12-ти Апостолов. Такое странное предположение, если бы оно действительно могло быть у кого-нибудь, совершенно устраняется тем, что в другом месте Евсевий приводит свидетельство Егезиппа, где говорится, что Иаков брат Господень всеми называется Праведным, «так как имя Иакова носили *многие*». Вот это место: «смерть его (Иакова) с особенной подробностью описывает Егезипп, один из ближайших преемников Апостольских. В шестой книге своих записок он повествует так: «управление Церковью вместе с Апостолами принял брат Господень, Иаков, от времен Господа и доселе всеми называемый *Праведным*, так как имя Иакова носили *многие*». ⁴¹²

Особенного внимания заслуживает следующее свидетельство Евсевия: «После мученической кончины Иакова и вскоре затем последовавшего падения Иерусалима, оставшиеся в живых Апостолы, и ученики Господни, по свидетельству предания, стеклись отовсюду: вместе с ними пришли и родственники Его по плоти; ибо из них многие тогда были еще живы. Все они держали совет о том, кого надобно признать достойным преемником Иакова, – и занять престол Иерусалимской Церкви единодушно удостоили Симеона, сына Клопова, о котором упоминает и Евангельское Писание (Мф.

13:55; Мк. 6:3), и который, говорят, был дядя Спасителя; ибо этот Клопа,⁴¹³ как повествует Егезипп, почитался братом Иосифа“. ⁴¹⁴

Другие свидетельства, на которые ссылается автор «объяснения», как на доказательство, что Иуда брат Господень, был родной брат Симеона, сына Клопова, второго епископа Иерусалимского, и что, следовательно, Иаков, Иуда и Симеон были все сыновья Клеопы, находим у Евсевия в следующем виде: «Когда Домициан повелел истребить иудеев, происходящих от рода Давидова, то некоторые из еретиков, по древнему преданию, указали на потомков Иуды (а Иуда по плоти был брат Спасителя), что они происходят от Давида, и находятся в родстве с самим Христом. Об этом повествует Егезипп, говоря слово в слово так: «из родственников Господа оставались еще внуки Иуды, называемого по плоти братом Господним, – и на них-то указывали, как на происходящих из рода Давидова”.⁴¹⁵ «В сие-то гонение (при Траяне), по преданию, мученически кончил жизнь свою Симеон, сын Клопов, бывший, как сказано выше (кн. 3, гл. 11), вторым епископом Иерусалимской Церкви. Об этом свидетельствует также Егезипп, – который повествует об этом слово в слово так: «из числа сих еретиков, некоторые донесли на Симеона, сына Клопова, что он происходит от Давида и носит имя христианина, – за что Симеон и пострадал при императоре Траяне и консуле Аттике, быв уже 120 лет от роду”. «Тот же писатель, – продолжает Евсевий, – упоминает и о других потомках из рода одного брата Спасителя, именем Иуды: они дожили до того же царствования, исповедав веру во Христа еще при Домициане, о чем сказали мы прежде (кн. 3, гл. 20). Вот его слова: «Они идут и делаются предстоятелями всей Церкви, как исповедники и родственники Господни. Среди глубокого мира, которым наслаждалась Церковь, они доживают до времен императора Траяна, когда вышеупомянутый Симеон, сын Клопа, дяди Господня, оклеветанный еретиками, приведен был на суд пред Аттика и, мучимый в продолжение многих дней, столь непоколебимо исповедал веру во Христа, что и консул и все присутствовавшие крайне удивлялись мужественному терпению

120-летнего старца, и наконец приказали пригвоздить его ко кресту”.⁴¹⁶

В сейчас приведенных нами свидетельствах апостол Иуда называется братом Господним по плоти, а священномученик Симеон, сродник Господень – сыном Клеопы, дяди Спасителя; но ни одним словом здесь не выражено, чтобы апостол Иуда был родной брат Симеона, второго епископа Иерусалимского, и следовательно – тоже сын Клеопы. Даже нельзя не признать очевидной погрешностью, что автор «объяснения» после того, как признал родными братьями между собой Иакова, Иуду и *Симона*, и утверждал, что все они были в числе 12-ти Апостолов (см. выше, в рассмотрении 5-го довода), – одного из них – Симона, без сомнения, принимаемого им за Симона Зилота или Кананита (ибо другого Симона, кроме его и Симона Петра, в числе 12-ти не было), он считает за одно лицо с Симеоном сродником Господним, который принадлежит к лику 70-ти Апостолов. И восточная и западная Церковь различают Симона Зилота и Симеона сродника Господня. Первому из них Православная Церковь празднует 10 (23) мая, а второму – 27 апреля (10 мая).⁴¹⁷ Если же священномученик Симеон, второй епископ Иерусалимский, сын Клеопы, не одно лицо с Симоном, то предположение, что Симон и родные братья его Иаков и Иуда⁴¹⁸ – сыновья Клеопы, остается недоказанным.

Перейдем, наконец, к последнему из рассматриваемых нами доводов известного мнения.

«Все другие учителя Церкви согласны были в том, что братья Господни не были родными братьями; только некоторые из еретиков – Евйонеи, Андикомариане – говорили противное, и были в том обличаемы; сказания апокрифических сочинений увлекли некоторых за собой, – заставили считать братьев Господних за детей Иосифа от первого его брака;⁴¹⁹ но другие строго следовали указаниям Евангелистов о посредстве родства чрез мать братьев Господних,⁴²⁰ и признавали Иакова брата Господня за Апостола, за то лицо, которое называется Иаковом Алфеевым или Клеоповым».⁴²¹

Само собой разумеется, что ни один из учителей Церкви не мог разделять мнения еретиков о том, что братья Господа были родными Его братьями в собственном смысле; но это нечестивое мнение не имеет ничего общего с принимаемым нашей Церковью преданием, что братья Господни были дети Иосифа от первого его брака. Автор «объяснения» повторяет мнение блаженного Иеронима, что признававшие братьев Господних за детей Иосифа от первого его брака основывались на сказаниях апокрифических сочинений; но сам блаженный Иероним, высказывая свою собственную мысль (*nos intelligimus*), что сродники Спасителя были дети не Иосифа, а Марии, тетки Господа, называемой также матерью Иакова меньшего и Иуды, – никаким древнейшим свидетельством не подтверждает этого мнения. Относительно же свидетельства Евангелия, мы уже видели: точно ли, «следуя ясным указаниям Евангелистов о посредстве родства чрез мать братьев Господних», должно признать Иакова брата Господня не только за Апостола, но и за то лицо, которое называется Иаковом Алфеевым или Клеоповым. Да и сам блаженный Иероним в толковании на 17 главу Исаии отличает Иакова брата Господня от Иакова Алфеева,⁴²² хотя и не считает первого сыном Иосифа Обручника. Если бы у Евангелистов действительно были ясные указания в подтверждение того мнения, которое автор «объяснения» желал доказать, то возможно ли предположить, чтобы столько мудрых и святых мужей остались невнимательными к таким указаниям, и предпочли им сказания апокрифов? – Надобно отдать справедливость беспристрастию приснопамятного архипастыря в том, что он подробно исчисляет, как тех, чье мнение разделяет он, так и тех, кто держится противного мнения. Это самое исчисление показывает, на чьей стороне перевес. С одной стороны: блаженный Феодорит, блаженный Августин, какой-то неизвестный греческий учитель и Исидор Севильский; с другой – Ориген, святитель Епифаний Кипрский, святитель Феодот Анкирский, святитель Кирилл Александрийский, святитель Иларий, святитель Димитрий Ростовский, и прибавим: Евсевий Кесарийский, святитель Кирилл Иерусалимский,⁴²³ да и

блаженный Иероним, потом святитель Феофан Никейский, блаженный Феофилакт Болгарский, и вообще – вся православная восточная Церковь.

Нам остается сказать, что, по тщательном пересмотре всего, что только представлено некоторыми из ученых наших богословов в подтверждение того, что будто бы апостол Иаков брат Господень и апостол Иаков Алфеев одно и то же лицо, – мы не находим никакой основательной причины отступать от общего голоса Православной Церкви, восхваляющей священными песнопениями того и другого Апостола, как весьма различных между собой учеников Христовых и наших ходатаев пред престолом Божиим.

О Евангельских женах, помазавших Христа Спасителя миром (исследование)

Среди общественного служения роду человеческому, и в последние дни Своей земной жизни, Господь наш Иисус Христос был помазан миром, по благочестивому усердию евангельских жен. Об этом находим повествование у всех четырех Евангелистов. Но у каждого из них событие помазания Христа Спасителя миром изображается то сходными, то различными между собой чертами. Отсюда у древних и новейших толкователей святого Писания возникли разные предположения о том: где, у кого, кем и сколько раз совершено было помазание Господа?

В западной литературе в разрешение этого вопроса написаны целые томы.⁴²⁴ У нас, по крайней мере, всякому любителю духовного просвещения должно быть известно, что в разрешении вопроса, кем совершено помазание Господа Иисуса Христа, вообще западная Церковь разногласит с восточной. Относительно же вопроса, *сколько раз* совершено было помазание, замечается в нашей отечественной духовной литературе та особенность, что иначе решается этот вопрос составителями евангельской истории, и иначе – толкователями православного богослужения.

Но, прежде нежели покажем, в чем состоят и на сколько основательны различные мнения о рассматриваемом предмете, обратимся к первоначальному источнику его – святому четвероевангелию, и посмотрим, в какой последовательности событий и в каких именно чертах излагается этот предмет у каждого из четырех Евангелистов.

Святой евангелист *Матфей*, после изложения пророчесственной беседы Иисуса Христа, произнесенной через три дня после входа Его в Иерусалим, на горе Елеонской – о разрушении Иерусалима, кончине мира и страшном суде (Мф. 24; 25), говорит: *«Когда окончил Иисус все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что чрез два дня будет Пасха, и Сын человеческий предан будет на распятие»* (Мф. 26:1–2).

"Тогда, – продолжает Евангелист, – тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы; и положили в совете взять Иисуса хитростью, и убить. Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе» (Мф. 26:3–5).

Вслед за этим, евангелист Матфей пишет: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного, и возливала Ему возлежащему на голову. Увидя то, ученики Его вознегодовали, и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену, и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете. Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, скажется в память ее и о том, что она сделала» (Мф. 26:6–13).

Непосредственно за сим, читаем у святого евангелиста Матфея о предательстве Иуды: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искарот, пошел к первосвященникам, и сказал: что вы дадите мне, я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников. И с того времени он искал удобного случая, предать Его» (Мф. 26:14–16).

Подобно евангелисту Матфею, и святой евангелист Марк, после предсказания Иисуса Христа (через три дня после Его входа в Иерусалим) о разрушении Иерусалима, кончине мира и втором пришествии Христовом (Мк. 13), говорит: «Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью, и убить; и говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе» (Мк. 14:1–2).

Вслед за сим продолжает: «И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда, цельного, драгоценного; и, разбив сосуд, возлила Ему на голову.

Некоторые же вознегодовали, и говорили между собой: к чему сия трата мира? Ибо» можно было бы продать его более, нежели за триста динариев, и раздать нищим. И роптали на нее. Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собой, и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие, в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала» (Мк. 14:3–9).

За этим срядом и у евангелиста Марка, как и у евангелиста Матфея, следует о предательстве Иуды: *«И пошел Иуда Искарот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им; они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его» (Мк. 14:10–11).*

Совсем в другой последовательности событий и в иных чертах повествует о помазании Иисуса Христа миром святой евангелист Лука.

После нагорной проповеди Христовой о блаженствах евангельских и т. д. (Лк. 6), евангелист Лука говорит сперва об исцелении Господом слуги капернаумского сотника (Лк. 7:1–10); после сего – о том, что при входе в город *Наин* Иисус Христос воскресил несенного на погребение сына вдовицы; далее, – что Он дал ответ посланным от Иоанна Крестителя, и в заключение свидетельства о Крестителе упомянул, что фарисеи и книжники Его самого, Христа, называли другом мытарям и грешникам. *«И оправдана, – говорит, – премудрость всеми чадами ея» (Лк. 7:11–35).*

Непосредственно за сими словами Господа, святой евангелист Лука передает нам следующее событие: *«Некто из фарисеев просил Его (Иисуса Христа) вкушать с ним пищи; и Он, вшед в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнавши, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром; и, ставши позади у ног Его, и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, целовала ноги Его, и мазала*

миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: «если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница». Обратясь к нему, Иисус сказал: «Симон! Я имею тебе нечто сказать». Он говорит: «скажи, Учитель!» – Иисус сказал: «у одного заимодавца было два должника: один должен был пятью стами динариев, а другой пятидесятью. Но как они не имели чем заплатить: он простил обоим. Скажи же, который из них больше возлюбил его?» – Симон отвечал: «думаю, тот, которому более простил». Он сказал ему: «правильно ты рассудил». И, обратясь к женщине, сказал Симону: видишь ли Ты сию женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги, и волосами головы своей отерла. Ты лобзания Мне не дал; а она, с тех пор, как Я пришел, не перестает лобызать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ея многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот меньше любит». Ей же сказал: «прощаются тебе грехи». И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: «кто это, что и грехи прощает?» Он же сказал женщине: «вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк. 7:35–50).

«После сего, – говорит святой евангелист Лука о Иисусе Христе, – Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиной, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим» (Лк. 8:1–3).

Очевидно, что описанное евангелистом Лукой событие помазания Христа Спасителя, относится к середине общественного Его служения роду человеческому; тогда как первые два евангелиста, Матфей и Марк, повествуют о помазании, бывшем в последние дни земной жизни Иисуса Христа – перед самой Пасхой Его страданий.

Святой евангелист *Иоанн Богослов* в своем повествовании о помазании Господа миром, подобно первым двум евангелистам, переносит нашу мысль к последней Пасхе в земной жизни Христовой, но с тем однако же различием, что у него представляется нам и другая последовательность событий, и некоторые особенности в изложении самого помазания. После воскрешения Лазаря, святой Иоанн говорит о злом совещании синедриона, бывшем вследствие сего – величайшего из чудес Христовых. Христос удаляется в страну близ пустыни, в город Ефраим. Приближается Пасха иудейская. Многие пришли в Иерусалим пред Пасхой, и там ищут Иисуса. *«Первосвященники же и фарисеи дали приказание, что, если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его»* (Ин. 11:57).

После этого евангелист Иоанн, говорит: *«За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь, умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был один из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового, чистого, драгоценного мира, помазала ноги Иисуса, и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: «для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» Сказал же это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. (Он имел денежный ящик, и носил, что туда опускали). Иисус же сказал: «оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда»* (Ин. 12:1–8).

Далее у евангелиста Иоанна следует замечание: *«Многие из иудеев узнали, что Он там; и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради его многие из иудеев приходили, и веровали в Иисуса»* (Ин. 12:9–11).

Затем в Евангелии от Иоанна говорится о входе Господнем в Иерусалим: *«На другой день, множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в*

Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли Ему на встречу, и восклицали: «осанна», и проч. (Ин. 12:12–18).

После обстоятельного изложения сказаний каждого из четырех евангелистов о помазании Спасителя миром, обратимся к рассмотрению различных мнений об этом предмете, касательно того: 1) где именно и у кого совершено было то или другое помазание; 2) кем оно совершено; и 3) сколько раз, и когда именно был помазан Господь?

1. Мы видели, что евангелисты *Матфей* и *Марк* прямо и определенно говорят, что Господь был помазан в доме Симона прокаженного, в Вифании. По сказанию евангелиста *Луки*, еще прежде помазаны были ноги Спасителя – тоже в доме Симона, который однако же именуется не прокаженным, а фарисеем; притом у евангелиста *Луки* не говорится прямо, в каком это было городе, хотя по ходу его повествования надобно полагать – это было в одном из городов галилейских, и можно думать – в Наине. У евангелиста *Иоанна* находим, что помазание совершалось в Вифании, но в чьем доме, – определенно не сказано: говорится лишь, что там служила Господу Марфа, сестра Лазаря и Марии.

Спрашивается: один ли это и тот же Симон прокаженный, упоминаемый евангелистами Матфеем и Марком, и Симон фарисей, упоминаемый евангелистом Лукой; и не в его ли также доме служила Христу и Марфа, – тогда как сестра ее помазывала ноги Его, по сказанию евангелиста Иоанна?

Блаженный Августин⁴²⁵ и некоторые другие из древних толкователей святого Писания⁴²⁶ – полагают, что было два Симона: один фарисей, о котором говорится у евангелиста Луки, а другой – прокаженный, о котором говорят евангелисты Матфей и Марк. Такое мнение они основывают на том, что 1) событие описанное евангелистом Лукой наверное произошло в Галилее, а описанное Матфеем и Марком – в Вифании, близ Иерусалима, т.е. в Иудее. – 2) Упоминаемый при первом случае Симон называется фарисеем, а при последнем, – прокаженным, в отличие от фарисея.⁴²⁷

Другие, еще более древние толкователи святого Писания, хотя и полагают, что помазание Христа Спасителя было в доме

Симона – и в Галилее, в городе, вероятно, Наине, и близ Иерусалима, в селении Вифании; но думают, что в том и другом случае хозяин дома был один и тот же Симон, который мог иметь два жилища в различных местах – и в селении Вифании, и в городе Наине. Так думали Ориген⁴²⁸ и святитель Киприан, епископ Карфагенский.⁴²⁹ – За одно и то же лицо признают Симона и святитель Златоуст⁴³⁰ и святитель Амвросий Медиоланский.⁴³¹

Очевидно, этому не противоречит различие наименований – фарисея и прокаженного: одно напоминает звание, а другое – болезнь, которой могли подвергаться люди всякого звания и состояния. Без сомнения, фарисей Симон, подвергшись проказе, был исцелен Иисусом Христом, и за ним осталось название, напоминавшее об исцелении неизлечимой его болезни – милосердием Господа.

Такой милости наверное удостоился Симон уже после первого посещения его дома Христом Спасителем, во время которого он еще думал, что пригласил к себе только Пророка, да и в этом усомнился было при допущении Господом к Своим пречистым ногам – грешницы. Исцеление от проказы не могло не произвести в нем веры во Христа; и вот, при вторичном посещении его дома Спасителем близ Иерусалима, он уже называется не именем фарисея, напоминавшим враждебную Христу секту, а смиренным наименованием прокаженного, напоминавшим о благодеянии Христовом. *Прокаженным* он после своего исцеления стал называться в том же смысле, в каком Лазарь, возлежавший за столом, на вечери в Вифании, был назван *умершим* (Ин. 12:1), или Матфей, именуемый в лике Апостолов *мытарем* (Мф. 10:3), – т.е., принимая, по известному обороту слов, прошедшее состояние за настоящее.⁴³²

И с другой стороны, при упоминании о событии, бывшем в доме Симона фарисея, которое по всей вероятности предшествовало состоянию его прокажения и исцеления от этой болезни, ему усвоится наименование *прокаженного*, под которым он стал известен уже впоследствии времени. Мы разумеем помазание Христа Спасителя явно грешницей, происходившее, по сказанию евангелиста Луки, в доме *Симона*

фарисея. Сего-то Симона святитель Златоуст во 2-й молитве ко святому причащению именует прокаженным: «И якоже не удостоил еси (Господи) внити и свечеряти со грешники *в дому Симона прокаженнаго*: тако изволи внити и в дом смиренныя моея души, прокаженныя и грешныя; и якоже не отринул еси подобную мне *блудницу, и грешную*, пришедшую и прикоснувшуюся Тебе: сице умилиосердися и о мне грешнем, приходящем и прикасающемся; и якоже не возгнушался еси скверных ея уст и нечистых, целующих Тя: ниже моих возгнушайся скверных оных уст и нечистых, ниже мерзких моих и нечистых устен, и сквернаго и нечистейшаго моего языка».

Впрочем, можно думать, что святитель Иоанн Златоуст в приведенных нами словах 2-й молитвы ко святому причащению понимает и то помазание, которое совершено было в последние дни земной жизни Иисуса Христа, и описано у святых евангелистов Матфея и Марка. Правда, у сих евангелистов помазавшая Господа жена не именуется грешницей; но такой издревле она изображается в богослужении православной Церкви на святую и Великую Среду. И при этом, Симон, именуемый первыми двумя евангелистами *прокаженным*, называется *фарисеем* не в одном из церковных песнопений – в самый день предания Спасителя Иудой искаротским. Так Церковь возглашает Господу: «*Симонов дом*, Невместимаго везде, вмести Тя, Иисусе Царю, и жена грешная миром Тя помаза». ⁴³³ Далее: «Не к *фарисеом*, Спасе, ни к Симону токмо изволил еси во храм (в храмину) на снедь внити, но уже и мытари вкупе и блудницы Твое почерпают милосердие». ⁴³⁴ – «Показати хотя, Иисусе преестественное Твоего служения всем, ял еси *в дому Симоневе вечеряв*, алчущих пище». ⁴³⁵ И вслед затем: «Хлеб сый животворящий, снел еси, Иисусе, с *Симоном фарисеем*, да блудница приобрящет некупимую благодать Твою истощанием мира». ⁴³⁶ И наконец неоднократно поется в святую и Великую Среду: «*Днесь* Христос приходит в дом *фарисеов*, и жена грешница приступивши к ногам, валяшеся вопиющи: виждь погруженную грехом, отчаянную деяний ради, негнушаемую от

Твоя благодать, и даждь ми, Господи, оставление злых, и спаси мя“.⁴³⁷

На основании приведенных нами мнений святых отцов Церкви, и согласно с указанными изречениями православно-церковных священных песнопений, – мы признаем, что тот *Симон фарисей*, о котором упоминает евангелист Лука, и тот *Симон прокаженный*, о котором говорят евангелисты Матфей и Марк – *одно и то же лицо*. Но вместе с сим, и по содержанию, и по самому ходу евангельских сказаний, признавая, что бывшее в доме Симона помазание Господа, – описанное евангелистом Лукой, и то, которое описано евангелистами Матфеем и Марком, – не одно и то же, а происходило, как в разное время, так и в разных местах, – мы не находим причины сомневаться в справедливости и того предположения, что у одного и того же Симона-фарисея, прозванного впоследствии прокаженным, было два дома, – один в Галилее, быть может в Наине, а другой в Иудее, и именно – в Вифании.

В Вифании, как известно, было совершено и то помазание Господа, о котором упоминает святой евангелист Иоанн Богослов. Но где именно, в чьем доме оно совершено, – Евангелист не рассказывает, и потому это обстоятельство составляет вопрос, разрешаемый различно.

Святитель Иоанн Златоуст, в беседах на евангелиста Иоанна, признает, что описанное сим евангелистом помазание Господа было в доме Марфы. *«Прежде шести дней Пасхи прииде (Иисус) в Вифанию, идеже бе Лазарь, и вечерял у них (сестер Лазаря), причем Марфа служит, а Лазарь возлежит (Ин. 12:1,2). Вот доказательство несомненного воскресения (Лазаря): спустя много дней он был жив и ел. Отсюда видно также, – говорит святитель Златоуст, – что вечеря была в доме Марфы: (Лазарь и его сестры) принимают Иисуса, как друзья и любимцы Его“.*⁴³⁸

Согласно с мнением святителя Златоуста, в синаксаре постной триоди в святую и Великую Среду говорится, что за шесть дней до Пасхи помазание Христа было именно *«в доме Марфы и Марии, сестр Лазаревых»*, который именуется также *«домом Лазаря»*, и высказывается, что этот дом надобно

отличать от «дома фарисея Симона» (бывшего в Галилее), и от другого «дома (того же⁴³⁹) Симона прокаженного, – бывшего в Вифании».

На этом основании и почтенный автор пользующейся у нас заслуженной известностью книги: «Дни богослужения православной католической восточной Церкви», говорит: «За шесть дней до Пасхи Господь приходит в Вифанию, и возлежит на вечери *в доме Лазаря*, на которой между прочим находился и Лазарь; Марфа служила Иисусу Христу, а Мария помазала главу и ноги Его народным миром». ⁴⁴⁰

«Некоторые, впрочем, – как заметил еще в свое время святитель Иоанн Златоуст, – говорят, что это было *в чужом доме*». ⁴⁴¹

Держась этого, упомянутого святителем Златоустом, но не усвоенного им себе мнения, два знаменитых архипастыря нашей Церкви, блаженной памяти преосвященные – Филарет, митрополит Московский, и Иннокентий, архиепископ Херсонский, выразили мысль, что тот *чужой* для Марфы и Марии дом принадлежал именно *Симону прокаженному*.

Так преосвященный Филарет в своем «Начертании церковно-библейской истории» написал: «За шесть дней до Пасхи Иисус является в Вифании в доме *Симона прокаженного* на вечери, на которой между прочими возлежал с Ним и *Лазарь*: *Марфа* служит; *Мария* помазует главу и ноги Его *народовой* мастью». ⁴⁴²

А преосвященный Иннокентий в «Последних днях земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», то же самое изложил следующим образом: «За шесть дней пред Пасхой, как говорит святой Иоанн, Иисус явился опять в Вифании. Приход Его был празднеством для всего населения, особенно для Его почитателей и друзей. Один из них, именем *Симон*, так называемый, *прокаженный*, которого Иисус Христос исцелил, вероятно, от проказы, – воспользовавшись покоем субботнего дня, учредил богатую вечерю для Его угощения. Гостеприимная *Марфа* уступила ему честь принять у себя Господа; но взяла на себя труд распоряжаться угощением и служить самой при трапезе Иисусу». ⁴⁴³

В одном из академических духовных наших журналов находим и доводы, которыми хотят доказать, что действительно Марфа служила Господу в чужом доме, где был и Лазарь – только по приглашению. Эти доводы в майской книжке «Христианского чтения» за 1867 год⁴⁴⁴ изложены в следующем виде: «Если, по сказаниям *первых трех* Евангелистов⁴⁴⁵ вечера происходила в доме Симона⁴⁴⁶ прокаженного, а по сказанию евангелиста Иоанна неизвестно где, то считать это за противоречие еще нельзя. Положим, из повествования евангелиста Иоанна и можно отчасти заключить, что вечера была как будто не в доме Симона, как говорят первые евангелисты, а в доме самого Лазаря; но если внимательно рассмотрим это повествование, то мы найдем, что такое заключение было бы очень спешно. В этом повествовании есть два признака, которые несомненно приводят к тому, что вечера была не в доме Лазаря. Первый из таких признаков – есть указание на хозяйничанье Марфы. Такое указание было бы совершенно неуместно, если бы вечера происходила в том доме, где Марфа была хозяйка. Значит, если сказано, что Марфа служила, то сказано для того, чтобы указать на особенное усердие Марфы, решившейся служить Господу даже в том доме, где она не была хозяйкой. Другой признак есть указание на то, что Лазарь возлежал, т.е. был в числе гостей. Странно было бы со стороны Евангелиста указание на то, что Лазарь возлежал, если бы это было в его доме. Это было бы все равно, если бы кто-нибудь сказал, что такой-то N был у такого-то N, и этот последний был с ним. Итак если мы знаем, что вечера была не в доме Лазаря, то почему не принять, что она была в доме того Симона прокаженного, о котором говорят первые Евангелисты. Значит и здесь противоречия нет никакого“.

Внимательно рассмотрев изложенные доводы, мы должны сказать, что если евангелист Иоанн не говорит прямо, в чьем доме совершено было помазание Господа, а другие евангелисты говорят; то, конечно, считать это за противоречие еще нельзя (какое ж, в самом деле, противоречие, когда одни *говорят* о чем-нибудь, а другой о том же *молчит?*). Но такое

отсутствие противоречия относительно известного обстоятельства события еще не показывает, что и первые два евангелиста и последний из четырех – говорят именно об одном и том же событии: это еще следовало бы доказать, и доказать поосновательнее. Те два признака, которые, по словам автора, *несомненно* приводят к тому, что упоминаемая евангелистом Иоанном вечеря была не в доме Лазаря, – вовсе не имеют характера несомненности. «Указание на хозяйничанье Марфы» нельзя назвать «совершенно неуместным», если вечеря происходила и в том доме, где Марфа сама была хозяйка. Почему «хозяйничанье» ее в чужом доме представляется автору более уместным, чем в ее собственном? Потому, думает он, что этим указывается «на особенное усердие Марфы, решившейся служить Господу даже в том доме, где она не была хозяйка». Но ведь это одна догадка, в основательности которой мы имеем причины сомневаться – столько же, сколько и в основательности предположения о том, что будто бы неуместно было бы указание на «хозяйничанье», или по выражению Евангелия (Ин. 12:2), на *служение* Марфы Господу, если вечеря была в ее доме. В другом месте четвероевангелия находим прямое, и потому не подлежащее никакому пререканию или признанию «неуместным» указание на то, что Марфа служила Господу, и заботилась об угощении Его именно в том доме, которого несомненно была она хозяйка.

Жена же некая, именем Марфа, говорит евангелист Лука, прият Его в дом свой. И сестра ей бе нарицаемая Мария, яже и сядши при ногу Иисусову, слышаше слово Его. Марфа же молвяше о мнозе службе (заботилась о большом угощении); ставши же рече: Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя осшави послужити? рцы убо ей, да ми поможет (Лк. 10:38–40).

Но здесь, скажут, была особенная причина упомянуть о служении Марфы, – чтобы тут же показать нам и сестру ее, Марию, занятую другим, более благим и приятным Господу делом. То правда; но и в описанной евангелистом Иоанном вечери находим почти то же самое: упоминается, что когда Господь возлежал среди любимого Им семейства, в Вифании:

то старшая сестра Марфа служила, Мария же помазывала ноги Иисуса Христа, а Лазарь был один из возлежавших с Ним: гость из другого мира, он был на этот раз гостем у своих сестер, или в своем собственном доме, и притом гостем самым близким к Господу, Который вновь даровал ему жизнь. Указание на это вовсе не представляет в себе ничего ни столь странного, ни столь излишнего, как бы «это было все равно», по словам автора, «если бы кто сказал, что такой-то N был у такого-то N, и такой-то N *был с ним*» (не просто был с Ним, а сказано – возлежал с Ним...). Посему-то нельзя не признать и сделанного автором из своих догадок *заклучения – очень спешным*: «Итак, – говорит он, – если *мы знаем*, что вечера была не в доме Лазаря, то почему не принять, что она была в доме того Симона прокаженного, о котором говорят первые Евангелисты?” *Мы знаем!*.. Но знание, основанное на одних догадках, очень шаткое, и мы не находим причины предпочитать его мнению святителя Златоустого, или указанию нашего церковного синаксаря, что описанное евангелистом Иоанном помазание Господа было именно в доме сестер Лазаревых Марфы и Марии, или прямо в доме самого Лазаря. Нельзя однако же умолчать, что на счет этого дома есть и такие мнения, которые признают его родственным Симону прокаженному, или даже его собственностью.

"О Симоне прокаженном, – говорит блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, – некоторые говорят, что он *отец Лазаря*, – что Господь очистил его от проказы и угощен был им".⁴⁴⁷

Такое мнение о Симоне фарисее, «прокаженном», как об отце Лазаря и сестер его Марии и Марфы, синаксарь во святую и Великую Среду считает неправильным – собственно потому, что из него хотят вывести то заключение, что вечера в доме Симона и в доме Марфы и Марии была одна и та же.

Автор «Дней богослужения Православной кафолической восточной Церкви» принимает, впрочем, это мнение, не выводя из него сказанного заключения.⁴⁴⁸

Иные, напротив, чтоб еще более внушить мысль, что посещение Спасителем дома Симона было одно и тоже с

посещением дома Марфы и Марии, сестер Лазаревых, предполагают, что Симон был муж Марфы. На основании этого предположения, «о вечери в доме Симона прокаженного» – в одной из лучших наших священных историй Нового Завета, говорится следующее: «За шесть дней до Пасхи Иисус Христос пришел в Вифанию, и остановился в любимом Им семействе двух сестер, Марфы и Марии, и недавно воскрешенного Им брата Лазаря. Этот дом евангелисты Матфей и Марк, называют домом Симона прокаженного. *Можно предполагать, что Симон был муж Марфы*, и, конечно, исцелен был от проказы Иисусом Христом: почему и в любви этого семейства к Нему могла участвовать также признательность за исцеление главы семейства. Теперь же эта признательность должна была достигнуть самой высшей степени после возвращения к жизни Лазаря». ⁴⁴⁹

Все это прекрасно, но предположение, на котором построено такое изложение события, ни на чем не основано, кроме личного мнения автора о том, что Симон прокаженный был муж Марфы, и что дом у них и у Лазаря был общий. Но если уже основывать свое суждение на авторитете чьего-либо мнения, то опять скажем, что в таком случае мы признаем за лучшее следовать мнению святителя Златоуста и руководству Церкви, предлагаемому в изложении православного богослужения.

С таким же взглядом на предмет, обратимся к решению и второго вопроса в нашем исследовании:

2. Кем из евангельских жен совершено помазание Господа?

Решение этого вопроса у толкователей святого Писания до такой степени различно, что число жен, помазавших Господа, то увеличивают до четырех, то уменьшают до одной.

Так один из древнейших церковных писателей, именно Ориген, свидетельствует, что еще в его время существовало мнение, будто у четырех евангелистов упоминается о *четырех женах*, помазавших Господа.⁴⁵⁰ Но для всякого должно быть очевидно, что первые два евангелиста – Матфей и Марк, повествуя о жене, помазавшей главу Иисуса Христа, – в одном и том же доме, в одно и то же время, при одних и тех же

обстоятельствах, и – одинаковыми чертами, изображают не сходное, а одно и то же событие, – говорят об одной и той же евангельской жене. Поэтому, если допустить, что последние два евангелиста – Лука и Иоанн – говорят каждый об особой жене, совершившей помазание; то и в таком случае не могло быть более *трех* жен, помазавших Господа. Так думал и Ориген.⁴⁵¹ Из других известных толкователей святого Писания того же мнения держался Евфимий,⁴⁵² на его же сторону склоняется и блаженный Феофилакт,⁴⁵³ хотя более вероятным признает он, как увидим ниже, другое мнение.

По замечанию поименованных толкователей Евангелия упоминаемая евангелистом Лукой жена, помазавшая Господа, должна быть различаема от той, о которой говорят евангелист Матфей и евангелист Марк, – уже потому, что первая называется грешницей (Лк. 7:37), а последняя так не называется, но еще представляется пророчествующей о смерти Христовой: *возлиявши бо сия*, говорит о ней сам Христос, *миро сие на тело Мое, на погребение Мя сотвори* (Мф. 26:12; Мк. 14:8). Сверх того, первая помазала Господа, как можно видеть из всей последовательности повествования евангелиста Луки, задолго до времени страданий Господа Иисуса Христа: а последняя – только за два дня до Его крестной смерти, как видно из предшествующих сказанию евангелистов Матфея и Марка об этой жене – слов Христовых к ученикам: *весте, яко по двою дню Пасха будет, и Сын человеческий предан будет на пропятие* (Мф. 26:2; Мк. 14:1). Но и первая и последняя, говорят, должна быть отличаема от той (*третьей*) жены, которая, по свидетельству евангелиста Иоанна, помазала Господа *прежде шести дней Пасхи* (Ин. 12:1).

Вопреки этому мнению – о *трех* женах, помазавших Господа, издревле существует другое, которое признает более достоверным, – что их было только *две*; но какие именно, – о том не одинаково рассуждают толкователи святого Писания.

Так блаженный Иероним⁴⁵⁴ и некоторые из западных учителей Церкви⁴⁵⁵ – думают, что одна жена была та, о которой пишет евангелист Лука, и которая помазала Господа задолго до Пасхи и смерти Христовой; а другая та, о которой повествуют

евангелисты Матфей, Марк и Иоанн, что она помазала Господа, вообще говоря, пред самым наступлением Его страданий в Вифании, и – стало быть в одно и то же время, в одном и том же месте.

Но святитель Иоанн Златоуст⁴⁵⁶ и другие из восточных пастырей и учителей Церкви, как то Леонтий Византийский⁴⁵⁷ и блаженный Феофилакт Болгарский,⁴⁵⁸ полагают, что та жена, о которой пишут евангелисты Матфей и Марк, по своему образу жизни – одна и та же с упоминаемой евангелистом Лукой; а та, о которой говорит евангелист Иоанн – различна от нее. По изъяснению сих отцов, упоминаемая первыми тремя евангелистами жена помазала Господа, хотя и в разное время, и в двух разных домах, но принадлежавших одному и тому же Симону; а упоминаемая евангелистом Иоанном совершила помазание хотя и пред самой Пасхой, и в Вифании, но не за два дня, как та, что у евангелистов Матфея и Марка, а за шесть дней, и не в доме Симона прокаженного, а в доме Лазаря или сестер его. Притом, «прежде всего необходимо заметить, – говорит святитель Иоанн Златоуст, рассуждая о сестре Лазаревой Марии, помазавшей Господа миром, – что эта не блудница, упоминаемая у Матфея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нет, – это другая (женщина). Те действительно были блудницы и преисполнены многих пороков; а та была честная и усердная; ибо она заботилась о принятии Христа».⁴⁵⁹ В другом месте святитель Златоуст, беседуя о жене, помазавшей Господа в доме Симона прокаженного, говорит: «жена эта по-видимому есть одна и та же у всех евангелистов, но нет. *Три евангелиста*, мне кажется, *говорят об одной и той же*, но Иоанн говорит о другой некоей чудной жене, сестре Лазаря».⁴⁶⁰

Такое-то мнение о двух женах, помазавших Господа, в толкованиях восточных отцов Церкви представляется как бы золотой серединой между мнениями тех, которые считают, что было три таких жены, и тех, которые у всех евангелистов подразумевают одну и ту же жену.

Так и блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, в одном месте пишет: «Некоторые говорят, что было *три жены*,

помававшие Господа миром, и о которых упомянули все четыре евангелиста. А другие полагают, что их было две: одна, упоминаемая у Иоанна, то есть, Мария, сестра Лазарева: другая та, которая упоминается у Матфея: она одна и та же с упоминаемой у Луки и Марка”.⁴⁶¹ А в другом месте: «о мире упоминают все четыре евангелиста, И думают некоторые, что (у всех их разумеется) *одна и та же* жена. Но несправедливо: это две разные жены, из коих одна упоминается у Иоанна (Ин. 12:3), она же и сестра Лазаря, другая – у трех прочих (евангелистов) “. ⁴⁶²

Согласно с этим и в синаксаре в святую и Великую Среду (в постной триоди) сказано: «Да будет известно, что жена сия, по мнению некоторых, – одна и та же у всех евангелистов; но нет, – а у трех, как говорит божественный Златоуст, одна и та же, которая и блудницей наименована, у Иоанна же не та, но другая некая чудная жена, имеющая житие честное, Мария, сестра Лазарева, которая, не будучи блудницей, была любима Христом”

Впрочем, хотя, по мнению отцов и учителей Православной восточной Церкви, – в отличие от Марии, сестры Лазаревой, упоминаемая первыми тремя евангелистами жена именуется блудницей, но так как евангелисты Матфей и Марк не называют ее, подобно евангелисту Луке, явно грешницей; то надобно думать, что бывши действительно таковой при первом помазании, она при последнем – удерживает за собой это название лишь в том смысле, в каком Симон называется в Евангелии прокаженным, то есть, потому что он был некогда подвержен проказе, от которой исцелен Господом. И блудница, покающаяся и прощенная Господом, хотя уже и переменила свою жизнь, и вела себя целомудренно, – могла быть известной под именем, означавшим прежнюю ее жизнь, и такой она была, наверное, по собственному сознанию – в глубоком чувстве своей греховности.

В этом отношении и святые отцы расположение ее души сравнивают с состоянием Симона. «Евангелист, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – не просто упомянул о проказе Симона, но с тем, чтобы показать причину, почему жена с

дерзновением приступила к Иисусу. поскольку проказа казалась ей болезнью нечистой и гнусной, и между тем она видела, что Иисус исцелил человека и очистил проказу, – иначе не восхотел бы остаться у прокаженного; то она возымела надежду, что Иисус легко очистит и душевную ее нечистоту”.⁴⁶³ Ту же самую мысль высказывает и блаж. Феофилакт: «Видя сего (Симона) прокаженного очищенным, и означенная жена возымела веру, что и она получит отпущение грехов и очистится от своей душевной проказы”.⁴⁶⁴

«Чудной женой” называет святитель Златоуст, как мы видели, Марию, сестру Лазаря, но и эту – бывшую блудницу – признает достойной удивления. » Все прочие жены, – говорит он, – приходили за получением здоровья телесного, а она пришла за тем, чтобы воздать честь Иисусу, и получить душевное исцеление. Она не имела никакого повреждения на теле, и потому всякий ей должен удивляться. Приходит к Иисусу не как к простому человеку, иначе и не отерла бы своими власами ног Его, но как к такому лицу, которое выше человека. Посему и принесла к ногам Христовым главу свою – такую часть тела, которая драгоценнее всего тела и всех членов...” «Этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца”.⁴⁶⁵

«О блаженных рук!, – воспевают Церковь, – о власов и устен *целомудренныя* блудницы! имиже возлия, Спасе, миро на нозе Твои, отираючи я, и часто облобызаючи”.⁴⁶⁶ И еще: «Яже первее *блудница* жена, внезапно *целомудренна* явися, возненавидевши дела студного греха”.⁴⁶⁷ – «Священнодействуется избавление *благонравней*, от спасительных же утроб и слез источника, в немже исповеданием измывшись, не стыдяшеся, но вопияше: вся дела Господня Господа пойте, и превозносите во вся веки”.⁴⁶⁸ – «Грешная тече к миру, купити многоценное миро, – еже помазати Благодетеля, и миропродателю вопияше: *даждь ми миро, да помажу и аз Очистившаго вся моя грехи*”.⁴⁶⁹

Таким образом, в священных песнопениях Православной восточной Церкви бывшая блудница именуется «целомудренной” и «благонравной”, – потому что она принесла

покаяние, и хотя уже была не блудница, но признавала себя помилованной грешницей, и, тогда как Симон выражал свою благодарность Спасителю за исцеление от проказы учреждением для Него вечери, и она поспешила вторично помазать многоценным миром «Благодетеля», который благоволил некогда явить ей Свою милость сими божественными словами: *прощаются греси ея мнози... Вера твоя спасе тя, иди в мире* (Лк. 7:47,50). И вот теперь она «мироподателю вопияше: даждь ми миро, да помажу и аз очистившаго вся моя грехи». Влагая эту речь в уста жены, помазавшей Господа в доме Симона прокаженного, церковная песнь, очевидно, и отличает ее действие от другого подобного, не ею совершенного (да помажу и аз), и намекает на другое помазание, совершенное той же женой, когда Господь очистил ее грехи, о чем она воспоминает, как о событии, прежде последовавшем (да помажу – *Очистившаго* вся моя грехи).

После этого должно быть понятно для нас, какое значение имеют выше приведенные нами доказательства того мнения, что было три жены, помазавшие Господа, на что указывает и следующее место в толковании блаженного Феофилакта, сходное и с некоторыми указаниями в синаксаре: «Ежели вникнешь, то найдешь, что их (жен помазавших Господа) было три: об одной упоминается у Иоанна, о другой у Луки (Лк. 7:37,38), а у прочих двух евангелистов о третьей. Ибо упоминаемая у Луки была блудница и (помазала) Господа среди Его проповеди; а упоминаемая у Матфея (сделала то же) около времени страдания, и притом она не была явная блудница. Господь приемлет усердие ее, как издержавшей так много мира». ⁴⁷⁰

По справедливому замечанию блаженного Августина, и некоторых других толкователей священного Писания, – если евангелист Лука говорит, что Господь был помазан некой грешницей, и притом задолго до Своего страдания, а у других евангелистов – Матфея и Марка принесшая миро жена не называется грешницей, и даже представляется как бы святой и, чрез помазание, пророчесвенно предуготовляющей Христа уже к приблизившейся крестной смерти и погребению Его; то это

значит не то, чтобы разные евангелисты говорили о разных женах, но что одна и та же женщина – в разное время была различных нравов, сперва грешницей, а потом – святой, и что она не однажды, не одновременно и не в одном месте, но в разное время и в различных местах – дважды помазала Господа. Посему-то, рассуждает блаженный Августин, бывши грешницей, она, по свидетельству евангелиста Луки, осмелилась помазать только ноги Иисуса Христа, считая себя недостойной коснуться главы Его; а очистившись от грехов, она же впоследствии дерзает возлить миро не только на ноги, но и на главу Его, как об этом свидетельствуют евангелисты Матфей и Марк.⁴⁷¹

Вполне соглашаясь с такими доводами блаженного Августина и некоторых других западных учителей, мы не можем однако же согласиться с ними в дальнейших их соображениях насчет того, что упоминаемая первыми тремя евангелистами жена есть одна и та же с упоминаемой и евангелистом Иоанном, и что поэтому будто бы у *всех четырех евангелистов* *разумеется одна и та же* помазавшая Господа жена, которую евангелист Иоанн прямо называет *Марией, сестрой Лазаря*. Мы не можем согласиться с этим последним, общепринятым западной Церковью, мнением, так как оно не согласно с мнением святителя Златоуста, и вообще всей восточной Церкви.

Мнение западной Церкви о том, что у всех четырех евангелистов упоминается одна и та же помазавшая Господа жена, едва ли не в первый раз высказанное святителем Амвросием Медиоланским,⁴⁷² и особенно раскрытое блаженным Августином,⁴⁷³ прямо выражено и святителем Григорием Двоесловом, папой Римским, и тоже довольно древним английским пресвитером Бедой, по прозванию – Достопочтенным.⁴⁷⁴

Так святитель Григорий Двоеслов в одной из своих бесед на Евангелия говорит: «научитесь, какой скорбью терзается та, которая плачет, и среди пиршества не краснеет. А то, мы думаем, была та самая Мария, которую Лука называет грешницей, Иоанн – Марией, из которой, по свидетельству

Марка, изгнано было семь бесов. И что означает чрез семь бесов, если не все пороки?“ ⁴⁷⁵

Но на чем же основывается это мнение отцов и учителей западной Церкви, что грешница, помазавшая Господа, и сестра Лазаря Мария, и та Мария, называемая Магдалиной, из которой изгнано было семь бесов (Мк. 16:9. и Лк. 8:2), – одно и то же лицо?

Главным образом на том, что евангелист Иоанн, желая описать отличительной чертой Марию, сестру Лазаря, говорит: *Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром, и отерла волосами головы своей* (Ин. 11:2). Такого описания, говорят, Евангелист не употребил бы, если б было несколько жен, помазавших Господа миром; ибо тогда читатель не мог бы понять, о которой из них идет речь у Евангелиста. И этот один довод в пользу своего мнения западные толкователи считают важнее всех доводов, которыми подтверждается, что не одна была жена, помазавшая Господа.⁴⁷⁶

Правда, что приведенными словами Евангелиста о Марии, сестре Лазаревой, что она была *помазавшая Господа миром*, показывается, по выражению святителя Златоуста, «что особенного имела» эта Мария;⁴⁷⁷ но надобно думать, что евангелист Иоанн такой особенностью отличил ее не от *всех* вообще жен евангельских, а только от *соименных* ей и не менее ее известных учениц и спутниц Иисуса Христа, каковы были упоминаемые тем же Евангелистом, стоявшие при кресте Иисуса Христа, вместе с Пречистой Его Матерью, Мария Клеопова и Мария Магдалина (Ин. 19:25). При таком предположении (а оно представляется нам весьма естественным), из приведенного свидетельства вовсе не то следует, чтобы кроме Марии, сестры Лазаревой, не было другой жены, помазавшей Господа миром, а только то, что эта Мария должна быть различаема от другой Марии, непомазавшей Господа, какова была и Мария Магдалина.

Между тем, учителя западной Церкви, настаивая на том, что *Мария Магдалина* была и *сестра Лазаря*, и *грешница*, помазавшая Господа, о которой упоминает евангелист Лука,

ссылаются на то, что у сего Евангелиста, после повествования об этой грешнице, – в следующей главе упоминается Мария Магдалина – в числе спутниц Иисуса Христа. Действительно упоминается; но ни из чего не видно, чтобы она была одно лицо с той грешницей. Напротив, видно, что причиной ее последования Христу, в числе других учениц, было не прощение грехов, а исцеление от злых духов и болезней: *И бысть по сем, и Той прохождаше стозе грады и веси..., и обанадесяте с Ним, и жены некия, яже бяху исцелены от духов злых и недуг: Мария, нарицаемая Магдалина, из неяже бесов семь изыде, и т.д.* (Лк. 8:1,2). Конечно, святитель Григорий Двоеслов говорит: «и что означается чрез семь бесов, если не все пороки?»⁴⁷⁸ Но в той же 8-й главе евангелиста Луки (Лк. 8:26–36) представляется нам описание гадаринца, одержимого бесами, разительно показывающее нам, что бесы не то же, что пороки, хотя и бывают первыми советниками и споспешниками порочных дел.

Наконец, западные учителя подтверждают свое мнение просто авторитетом своей Церкви.⁴⁷⁹ На это мы заметим, что если для западных важен авторитет западной Церкви, то для нас не менее важен авторитет восточной православной Церкви, тем более, что утверждаемое православной Церковью мнение основано не на одних догадках, но на достоверных фактических соображениях. Это можно видеть и из следующего рассуждения святителя Димитрия Ростовского о Марии Магдалине:

«Западнии сию святую Марию Магдалину мнят быти Марию сестру Лазареву, тую же и жену блудницу, омывшую слезами нозе Христовы, и власами главы своея отершую, и миром помазавшую: но восточнии не мнят быти тако. Лазарева бо сестра бяше из Вифании, родом иудеяныня, а Магдалина из Сирии, от гор Магдальских, отнюдуже и прозвание ей бысть, – наченшая шествовати по Христе в Галилеи, а не во Иудеи. Еще же ни блудницею быти сестра Лазарева яве известуется, ибо во дщерях израилевых возбраняше закон быти блудницам; сие в Моисеевых книгах пишется: *да не будет блудница от дщерей израилевых* (Втор. 23:17. Ин. 8:5). Аще же бы какая ята была в таковом грехе, то камением побити оную закон веляше. Како бы убо сестра Лазарева близ Иерусалима, от дщерей

израилевых сущи, могла явно грешницею быти? Еда ли не побили бы оную камением по закону своему жидове, иже и на Лазаря враждоваху? Еще же и Лазарь, муж честен и сановен (топарх во Вифании бяше), ⁴⁸⁰ с сестрою Марфою, како бы попустили сестре своей Марии явно грешницею быти? Ина убо бысть сестра Лазарева, а ина жена блудница. Несть же и о том совершенного известия, Магдалина ли бе оною блудницею, в Евангелии воспоминаемою, яже нозе Христовы омы слезами, и власами отре, и миром помаза, или ина кая? Аще та бяше Магдалина, то како можаху с нею мужие имети греховное общение, бесною бывшею, от седми духов мучимою? Разве прежде беснования бяше грешница: и аще бы Магдалина оною была, блудницею; то вслед Христа и Его учеников явно грешнице долгое время ходящей, что бы рекли ненавистницы Христовы жидове, ищуще на Него каковыя-либо вины, да Его охулят и осудят? Аще ученицы Христовы единою (однажды) узревше Господа с самарянынею беседующа, *чудяхуся, яко с женою глаголаше* (Ин. 4:27), кольми паче враждебницы не умолчали бы, егда бы видели явно грешницу, по вся дни Ему последствующую и служащую. Обаче (впрочем), – заключает богомудрый святитель, с достойной удивления и подражания скромностью, – мы о неизвестных вещах и неведомых много испытovati, и како бе утверждати не дерзающе, *церковному разсуждению* та подлагаем. О различии же жен, нозе Христовы власами отерших, и миром помазавших, изволяяи да чет синаксарь в триоди, во святую Великую Среду, яже пред вечерю Христовою”.⁴⁸¹

На этот-то синаксарь мы уже не раз и ссылались в своем исследовании, и его же словами находим приличным заключить ряд наших соображений в разрешение вопроса: кем из евангельских жен совершено было помазание Господа? – «Итак нам кажется, что с истиной согласно – мнение Златоустаго, и более достоверно то, что было две жены (помазавшие Господа): *одна*, как сказано, у трех (первых) евангелистов, бывшая *блудница* и грешница, излила миро на главу Христову; а *другая* у евангелиста Иоанна – *Мария, сестра Лазарева*, к

самим божественным ногам Христовым принесла и возлила миро“. ⁴⁸²

3. После того, как мы пришли к известному убеждению относительно числа и личности жен, помазавших Господа, само собой уясняется для нас и решение вопроса: сколько раз, и когда именно помазан был Господь?

Сколько бы, впрочем, ни предполагалось таких жен, – все толкователи Священного Писания совершенно согласны в том, что упоминаемое евангелистом Лукой помазание Господа, среди общественного Его служения роду человеческому, в Галилее, надобно отличать от того, которое было в Вифании, в последние дни земной жизни Иисуса Христа, – считать ли это вифанское помазание однократным или двукратным. По этому все также должны быть согласны и в том, что Господь был помазан не менее *двух раз*, если, после помазания в Галилее, Он был помазан в Вифании *однажды*, – и не более *трех раз*, если в одной Вифании, кроме Галилеи, помазание было двукратное. В этом-то и заключается сущность двоякого решения предложенного вопроса. Посмотрим, на чем основывается то или другое решение, и каким образом примиряются встречающиеся при этом недоумения.

Признающие, что Господь был помазан только два раза, рассуждают так: Если бы Христос был трижды помазан, то иное было бы помазание, о котором повествуют евангелисты Матфей и Марк, и иное то, о котором говорит евангелист Иоанн; ибо, очевидно, Матфей и Марк говорят об одном и том же. Но что и евангелист Иоанн повествует не о различном, а о том же помазании, – это, говорят, видно из многих обстоятельств: во-первых, из того, что помазавшая Господа жена была одна и та же – Мария, сестра Лазаря, и что место, где Господь помазан был пред Своими страданиями, было одно и то же – Вифания, как согласно свидетельствуют Матфей, Марк и Иоанн; далее, из того, что по свидетельству тех же трех евангелистов, для помазания был употреблен один и тот же род масти – нардовое, цельное, драгоценное миро, одинаковой цены, и что при этом одинаково упоминается о ропоте Иуды или некоторых учеников

против жены помазавшей, и что, наконец, одинаковое приводится и ее защищение со стороны Иисуса Христа.⁴⁸³

Так как насчет первого из представленных доводов, которыми хотят подтвердить мнение, уже довольно предложено нами соображений; то нет нужды повторять их, а достаточно ограничиться здесь одним напоминанием, что мы имеем причины думать, что упоминаемая евангелистами Матфеем и Марком, помазавшая Господа жена – различна от упоминаемой евангелистом Иоанном Марии, сестры Лазаревой.

Равным образом, и насчет места помазания уже предложено нами соображение, что хотя по сказанию всех трех поименованных евангелистов, Господь был помазан в Вифании; но есть причины предполагать, что это было не в одном доме, а сперва в доме Лазаря, или сестер его, потом же – в доме Симона прокаженного.

Подобно сему, и относительно *времени помазания*, можно было бы ограничиться уже сделанным нами замечанием, что хотя, по сказаниям евангелистов – как Матфея и Марка, так и Иоанна – Господь был помазан прежде Своих страданий, – этим, однако же, не выражается, что помазание Его тогда было одновременное и однократное; потому что по словам последнего евангелиста – оно было *за шесть дней* до Пасхи, а по словам первых двух – *за два дня* до Пасхи, в которую пострадал Иисус Христос. Но здесь нельзя не обратить особенного внимания на то, каким образом издревле старались и теперь стараются как бы устранить эту разность в сказаниях Евангелистов.

Еще блаженный Августин, а после него Беда и другие западные толкователи Священного Писания, которых, с некоторого времени, стали держаться в этом отношении и наши отечественные составители новозаветной священной истории, – полагают, что евангелисты Матфей и Марк упомянули о помазании Господа, в числе других событий, не по порядку времени, а по причинной связи этих событий. По их толкованию, евангелисты Матфей и Марк, передав слова Господа: *через два дня будет Пасха*, и сказав затем о совете иудеев, воспользовавшихся предательством Иуды, привели на память

то событие, которое, как известно из Евангелия Иоанна, последовало за *шесть дней до Пасхи*, – собственно потому, что, приступая к сказанию о *предательстве Иуды*, естественно было им наперед припомнить о предшествовавшем ему *помазании Господа*, при котором явно обнаружилась в Иуде *причина предательства* – алчность сребролюбия. Известно, что именно эта алчность заставила Иуду, под предлогом попечения о нищих высказать свое неудовольствие на бесполезную, по его словам, трату мира, что с особенной ясностью выразил о предателе евангелист Иоанн: *сие же рече, не яко о нищих печашеся, но яко тать бе, и ковчежец имеяше, и вметаемая ношаше* (Ин. 12:6).⁴⁸⁴

Что сказать о таком способе соглашения евангельских свидетельств касательно рассматриваемого события?

Нужно сказать, что в четвероевангелии, действительно, нередко встречается изложение событий не по порядку времени, а по причинной их связи, и на предложенном основании мы легко могли бы согласиться на то, что евангелисты Матфей и Марк только по поводу предательства Иуды, бывшего за два дня до Пасхи, говорят о том самом помазании, которое, по свидетельству евангелиста Иоанна, совершилось за шесть дней, – мы могли бы на это согласиться, если бы у нас не было в виду других причин, заставляющих признавать, что первые два и последний евангелисты говорят о двух разных событиях.

Но, когда такие причины, как мы видели, есть, то, рассматривая повествование евангелистов Матфея и Марка отдельно от повествования евангелиста Иоанна, мы находим следующее противоречие сказанному предположению. Первые два евангелиста, которые говорят о помазании Господа будто бы не по порядку времени, а только по поводу предательства Иуды, бывшего за два дня до Пасхи, вовсе не говорят собственно о ропоте Иуды, – упоминая лишь вообще о негодовании некоторых учеников на помазавшую жену за трату мира; и напротив, евангелист Иоанн, который отнюдь не по поводу предательства Иуды повествует о помазании Господа, а

по порядку времени, – говорит, что при этом событии, за шесть дней до Пасхи, роптал Иуда, потому что был вор!..

И вот, как бы для того, чтобы исправить такое неудобство в предложенном способе – привести к единству повествования трех евангелистов относительно времени бывшего в Вифании помазания Господа, – появился еще новый способ соглашения. По этому новому способу дают нам знать, что о помазании Господа в доме Симона прокаженного евангелисты Матфей и Марк повествуют не по хронологическому порядку, но и не по поводу предательства Иуды, – так как это предательство и самый совет иудеев о предании Господа – были тоже не за два дня до Пасхи (не в среду), – а только по поводу приведенных теми Евангелистами слов Господа, которые заключали в себе предсказание о имевшей последовать, чрез два дня, Его крестной смерти.

По нашему убеждению, такое соглашение евангельских повествований не только не лучше придуманного блаженным Августином, но гораздо дальше его отстоит от истины. Если мнение блаженного Августина не согласно с преданием восточной Православной Церкви, то сейчас изложенное мнение противоречит апостольскому преданию всей вселенской – не только восточной, но и западной Церкви – относительно того дня, в который предан был Господь. Между тем оно изложено с такими «особенностями» логической последовательности, и притом высказано так смело и решительно, что иной, пожалуй, встречая это мудрование в одном из последних выпусков академического духовного журнала, и не давая себе труда сверить его, с чем должно, и взвесить, как следует, – готов будет признать его за последнее слово науки.

Но, чтобы убедиться, что это совсем не так, – стоит внимательно рассмотреть предложенное мнение, или измышление, и прежде всего – представить его в том виде, как оно изложено в майской книжке «Христианского чтения» за 1867 год. «Если, – говорится в этой книжке, – если с *полной вероятностью* можно допустить, что Господь Иисус на пути в Иерусалим” (пред торжественным входом в него), «остановился в Вифании, *то можно с полной вероятностью* признать *и то,*

что в это именно время была та вечеря, о которой говорит евангелист Иоанн, и которую евангелисты Матфей и Марк относят ко времени более позднейшему, именно: за два дня до Пасхи (Мф. 26:6–13; Мк. 14:3–9). Если рассмотрим внимательно повествования этих Евангелистов, то не найдем в них ничего, что могло бы препятствовать такому принятию. Из этих повествований видно, что сказание о вечери, поставленное ими непосредственно следующим за решением синедриона, поставлено ими отнюдь не потому, что событие так следовало в порядке времени, а просто потому, что событие это имело ближайшее отношение к *предсказанию* Господа о Своей смерти, помещенному ими выше. Упомянувши о тех особенно напечатлевшихся в памяти словах Господа, в которых заключалось предсказание о Его смерти, евангелист Матфей заметил, что он ничего еще не сказал о том, как подготовилась та страшная катастрофа (!), которая имеет быть чрез два дня, и вот он, чтобы не оставил дело в неясности, сперва говорит о решении синедриона, а потом прибавляет, что такое же предсказание было еще много ранее, когда был Иисус в Вифании. Вследствие этого Евангелист употребляет такой способ выражения, который никак не приложим к хронологическому изображению событий «Ὁ δὲ Ἰησοῦς ἦλθεν εἰς Βηθανίαν». Эти слова очевидно не иначе должны быть понимаемы, как только так: «тогда же, когда был Иисус в Вифании». Но такие слова отнюдь не слова хронолога. Таковую не хронологичность в этом отделе повествований мы должны признать тем более, что и предыдущее событие, а именно: решение синедриона, точно также, как и вечеря, не может занимать то место, какое занимает оно по сказаниям евангелистов Матфея и Марка. Синедрион, желая избежать волнения народа, предлагает исполнить приговор прежде Пасхи, которая, по словам Господа, помещенным выше, должна быть через два дня. Теперь если бы решение синедриона было за два дня до Пасхи, то оно *не имело бы смысла*. За два дня город наполнялся уже тысячами народа, избежать волнения народа, было бы тогда невозможно. Евангелист Марк, следовавший во всем почти евангелисту Матфею, поставил

событие так же, как и тот. И так, если ни евангелист Матфей, ни евангелист Марк не поставили означенные события на том месте, какое они должны занимать по порядку хронологическому, то последнему Евангелисту предстояла настоящая нужда – указать событиям, поставленным вне связи хронологической, их настоящие места. И вот он, говорит, что решение синедриона последовало не за два дня до Пасхи, а много ранее, именно вскоре по воскресении Лазаря (Ин. 11:40–53), а вечера в Вифании была за шесть дней до Пасхи, когда Господь был в Вифании. Такое распределение события, *нельзя не признать* верным. Решение синедриона не является, по этому распределению, делом беспричинным, каким является оно у первых Евангелистов; оно имеет в основе ту ненависть фарисеев, которая возбуждена была в них воскресением Лазаря. Точно также и вечера в Вифании не является такой *бесцельной*, какой является она у первых Евангелистов. Она является результатом той благодарности, которую имели благодетельствованные родственники Лазаря к их благодетелю. Таким образом указанное нами различие в определении времени вечера ни мало не может говорить о каком-либо противоречии, а только о том, что евангелист Иоанн дополнял и уяснял другие повествования”...

«Итак, – заключает автор, – мы *смело* можем принять, что вечера была в Вифании, была накануне входа Господа в Иерусалим и была та самая, которую первые два Евангелиста, как не державшиеся строго хронологического порядка, поместили после повествования о входе в Иерусалим”.⁴⁸⁵

Первое, что представляется нам в этом довольно пространном изложении известного мнения, есть именно та особенность в «логической» последовательности соображений автора статьи «Христианского чтения», по которой вещи несомненные и непререкаемые признаются только «вполне вероятными», а не вполне вероятные и спорные – ставятся наравне с несомненными и непререкаемыми; и затем у него тотчас следует уверение, что будто бы в повествованиях евангелистов «не найдем ничего, что могло бы препятствовать такому принятию».

Статья «Христианского чтения» называет только «вполне вероятным» – то, что Господь Иисус Христос на пути в Иерусалим, пред торжественным входом в этот город, останавливался в Вифании, – тогда как это несомненная и непререкаемая истина; потому что об этом прямо и определенно сказано в Евангелии Иоанна: *Иисус же прежде шести дней Пасхи прииде в Вифанию (Ин. 12:1)*. Зато, совершенно неожиданно для нас, выводится отсюда заключение, что будто бы по тому самому – столько же несомненно, или что «можно с полной вероятностью признать» за истину – «и то, что в это именно время была» не только «та вечера о которой говорит евангелист Иоанн», но «и» та, «которую евангелисты Матфей и Марк относят ко времени позднему, именно: за два дня до Пасхи». Как будто Господь в последние дни земной Своей жизни только однажды был в Вифании, пред входом в Иерусалим! Нет, Он был там и после этого торжественного входа, даже и вечером того дня, – как ясно свидетельствуют сами евангелисты Матфей (Мф. 21:17) и Марк (Мк. 11:11).

Мы не находим причины сомневаться, что Господь не только по окончании дня входа в Иерусалим провел ночь в Вифании, но вечерял там и в то «позднейшее время», к которому первые два Евангелиста относят вечерю в доме Симона прокаженного, то есть за два дня до Пасхи.

Чем же доказывает автор статьи противоположное сему мнение, – что евангелистами Матфеем и Марком «сказание о вечери поставлено непосредственно следующим за решением синедриона – отнюдь не потому, что событие так следовало в порядке времени, а просто потому, что событие это имело ближайшее отношение к предсказанию Господа о Своей смерти, помещенному ими выше?» – Тем, что евангелист Матфей, «упомянувши о тех особенно напечатлевшихся в памяти словах Господа, в которых заключалось предсказание о Его смерти», – будто бы «заметил, что он ничего еще не сказал о том, как подготовилась та страшная катастрофа, которая имеет быть чрез два дня, и вот он, чтобы не оставить дело в неясности, сперва говорит о решении синедриона, а потом прибавляет, что

такое же предсказание было еще много ранее, когда был Иисус в Вифании”.

Но утверждать, что евангелист Матфей прежде упомянутых им в начале 26 главы слов Господа о приближении времени крестной Его смерти, ничего еще не сказал о том, как, по выражению автора, подготовилась эта «страшная катастрофа», имевшая быть чрез два дня, – то есть, каким образом и прежде решения синедриона – *«взять Иисуса хитростью и убить»* (Мф. 26:4), обнаруживалась сильная, дышавшая коварством и убийством, вражда против Него книжников, фарисеев и первосвященников, – утверждать это, или представлять себе, что сам Евангелист «заметил”, что он ничего такого не сказал, мог бы только тот, кто совсем не читал предшествующих глав того же Евангелия от Матфея. Не говоря уже о тех главах, где у евангелиста Матфея описывается общественное служение Иисуса Христа роду человеческому, до входа Его в Иерусалим, и где также много раз указывается на постоянное преследование Спасителя со стороны книжников и фарисеев, как самых ослепленных и ожесточенных врагов, насмешками, желанием уловить в каком-либо слове или деле – с явным намерением погубить Его,⁴⁸⁶ – довольно прочитать 21 и 22 главы, чтобы видеть, как злоба этих врагов явно высказалась при входе Господнем в Иерусалим и в последующие дни. Там сказано, что они гласно выражали свое негодование на торжественную встречу Господа, сопровождавшуюся чудесами Его и восклицаниями отроков (Мф. 21:15); а на другой или на третий день после входа в Иерусалим, когда Он снова пришел в храм, они всенародно вопрошали Его, какой властью Он делает то, что делает (Мф. 21:23), и, не вразумившись притчами о двух сынах и злых виноградарях, – в которых Господь ясно изобразил их дух и образ деятельности, и чем она кончится, и какие будут ее последствия, – *старались схватить Его, но боялись народа, который Его почитал за Пророка* (Мф. 21:46); не вразумившись же потом и новой притчей – о брачном пире сына Царя, они пошли и совещались, как бы уловить Его в слове, и действительно старались это сделать, предлагая Ему разные вопросы, с очевидным намерением или подвергнуть Его

уголовной ответственности пред римским правительством, или возмутить против небесного Наставника истины народ. Правда, божественной мудростью Иисуса Христа сии совопросники были посрамлены – до того, что на Его собственный вопрос о «Сыне Давидовом», *«никто не мог отвечать Ему ни слова, и с того дня никто уже не смел спрашивать Его»* (Мф. 22:1–46); но это самое, и вслед за тем – потрясающая душу обличительная речь Христова относительно сидящих на Моисеевом седалище, книжников и фарисеев (Мф. 23:1–39), делают для нас совершенно понятным, что после всего этого должно было последовать, и по свидетельству евангелистов Матфея и Марка, действительно последовало, за два дня до Пасхи страданий Христовых, последнее злое совещание синедриона, на котором положено – взять Иисуса Христа хитростью, и убить.

Тем непонятнее становится для нас уверение автора, что будто бы «евангелист Матфей, упомянувши о словах Господа, в которых заключалось предсказание о Его смерти (Мф. 26:2), – заметил, что он еще ничего не сказал о том как подготовилась та страшная катастрофа, которая имеет быть чрез два дня», и проч.

Конечно, ни автор, ни те, которые способствовали приведению в известность и распространению его статьи – не могут сказать о себе, что они не читали упомянутых нами глав Евангелия от Матфея (Мф. 21; Мф. 22; Мф. 23), и не захотят сознаться, что опустили их из виду при своих соображениях. Они скорее станут повторять, что все написанное в этих главах – изложено не в порядке времени, что всему этому предшествовали события, которые изложены в начале 26 главы (Мф. 26:3–13), и что об этих событиях здесь сказано «просто потому, что они имели ближайшее отношение к предсказанию Господа о Своей смерти, помещенному ими выше» (Мф. 26:1–2): *весте, яко по двю дню Пасха будет, и Сын человеческий предан будет на пропятие*. Потому-то, говорят, и прибавлено здесь о самом помазании Господа, бывшем в Вифании «еще много ранее», что тогда было такое же предсказание – о смерти Христовой, в словах Господа о жене помазавшей: *возлиявши бо*

сия миро сие на тело Мое, на погребение Мя сотвори (Мф. 26:12).

Но в этом последнем сочетании событий нельзя усмотреть уже и причинной связи. Представляется только, что при известном предсказании естественно было вспомнить о *событии*, при котором было *такое* предсказание. Но кто же не видит, что общее предсказание о смерти, под образом приготовления к *погребению*, вовсе не есть *такое* же предсказание о ней, как то, которым прямо объявляется о предстоящем чрез два дня *распятии*? Между тем, действительно, уже было *такое* же предсказание, и несомненно – пред входом Господним в Иерусалим: *Се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет архиереем и книжником; и осудят Его на смерть; и предадут Его языком на поругание и биение, и пропятие; и в третий день воскреснет (Мф. 20:18,19).*⁴⁸⁷

После такого решительного предсказания о том, что Господь предан будет на распятие, – с которым в этом отношении совершенно сходно другое, бывшее за два дня до Пасхи, – нельзя согласиться и на то, что о помазании Господа евангелист Матфей упомянул потому, что при сем событии было предсказание о смерти, – как будто об этом прежде не было ничего сказано, и теперь нужно было сказать, «чтобы не оставить дело» о предстоящей смерти Христовой «в неясности», – а не потому, что сказанное событие тогда именно, т.е., за два дня до Пасхи, и последовало.

Чтобы убедить нас в этом, автору следовало бы представить другие, какие-нибудь положительные доказательства, а не одно только предположение. Однако же он, принимая это последнее как бы за истину уже доказанную, спешит вывести из него *следствие*, – которое в свою очередь принимает у него вид нового доказательства: «Вследствие этого, – говорит он, – Евангелист (Матфей) употребляет такой способ выражения, который никак не приложим к хронологическому изображению событий: “Ο δε Ιησούς ἦλθεν εἰς Βηθανίαν” – Эти слова очевидно не иначе должны быть

понимаемы, как только так: «тогда же, когда был Иисус в Вифании» – Но такие слова отнюдь не слова хронолога.»

С глубоким сожалением мы должны сказать, что этим самым выводом, которым автор, по-видимому, хотел доказать, между прочим, что он не только перечитал Евангелие, но и знает его в греческом подлиннике, – он доказал только то, что у него, при составлении статьи, вовсе не было под рукой греческого Евангелия. Только при этом условии, – делая извлечение из какого-нибудь иностранного источника, возможно было сделать такой странный недосмотр, какой находим у автора. Он уверяет, что приведенные им греческие слова, будто бы взятые из Евангелия от Матфея, – «отнюдь не слова хронолога», – и стало быть, не то, что соответствующие им слова у евангелиста Иоанна, которому, по его мнению, «предстояла настоятельная нужда – указать событиям, поставленным вне связи хронологической, их настоящие места». И что же? Обращаясь к подлинному тексту Евангелия, – видим, что эти самые слова, этот «способ выражения, который никак не приложим к хронологическому изображению событий», находится не у евангелиста Матфея, а у евангелиста Иоанна! – Они заимствованы из 1-го стиха 12-й главы Евангелия от Иоанна (Ин.12:1), которым начинается повествование о помазании Господа в Вифании, за шесть дней до Пасхи: Ὁ οὖν Ἰησοῦς (πρὸ ἑξ ἡμερῶν τοῦ πάσχα) ἦλθεν εἰς Βηθανίαν.

Соответственное же сему место в Евангелии от Матфея – 6-й стих 26-й главы, которым начинается повествование о помазании, бывшем тоже в Вифании, но (по буквальному смыслу предыдущих стихов) за два дня пред Пасхой (Мф. 26:6), – читается так: Τοῦ δὲ Ἰησοῦ γενομένου ἐν Βηθανίᾳ, и т.д. И сие-то выражение, равно как и параллельное ему в Евангелии от Марка, гл. 14, ст.3 (Мк.14:3): Καί ὅντος αὐτοῦ ἐν Βηθανίᾳ, «не иначе должны быть понимаемы, как: «тогда же, когда» (или просто: «когда же», «и когда», – как переведено в русском тексте Евангелия от Матфея и от Марка), – «был Иисус в Вифании».

И все-таки ни из чего не видно, что «такие слова – отнюдь не слова хронолога». ⁴⁸⁸ Но автор, не замечая ни сделанного им недосмотра, или промаха, в указании на евангельский текст, ни

бездоказательности своих предположений, продолжает столь же смело и решительно простирается вперед по пути произвольных догадок. «Такую нехронологичность в этом отделе повествований мы должны, – говорит он, – признать тем более, что и предыдущее событие – именно: решение синедриона, точно также, как и вечера, не может занимать то место, какое занимает она по сказаниям евангелистов Матфея и Марка. Синедрион, желая избежать волнения народа, предлагает исполнить приговор прежде Пасхи, которая, по словам Господа, помещенным выше, должна быть чрез два дня. Теперь если бы решение синедриона было за два дня до Пасхи, то оно не имело бы смысла. За два дня город наполнялся уже тысячами народа, – избежать волнения народа было бы тогда невозможно».

Касательно этого суждения довольно было бы нам сказать, что подтверждаемое им мнение, будто бы последнее совещание синедриона о предании Господа было не за два дня перед Пасхой страданий Христовых, то есть, не в среду, а гораздо прежде, – противоречит апостольскому преданию вселенской Церкви. Всякому, изучавшему пространный катихизис православной католической восточной Церкви, известно (из учения о четвертой заповеди Божией), что среда и отличается постом, собственно потому, что Господь в этот день предан на смерть. Яснее и определеннее это выражено в следующем каноническом правиле вселенской Церкви о посте среды и пятка: «Никто да не укоряет нас за соблюдение среды и пятка, в которые дни благословно заповедано нам поститься по преданию. *В среду, по причине составленного иудеями совета, о предании Господа, а в пяток потому, что Он пострадал за нас*». ⁴⁸⁹

Но, чтобы возбужденное автором недоумение, насчет несвоевременности такого совета иудеев, не осталось без разрешения, приведем следующее толкование из 79 беседы святителя Иоанна Златоуста на евангелиста Матфея:

«Они, – говорит он о составлявших совет иудеях, – боялись народа; посему и ждали, когда пройдет праздник. *Глаголаху бо, да не в праздник*. Дьявол не хотел, чтобы Христос пострадал в

Пасху, дабы страдание Его не сделалось известным; а они, – да не молва будет (Мф. 26:5). Заметь, они боятся не гнева Божия и не того, что время праздника может увеличить их злодеяние; но везде опасностей со стороны людей. Впрочем, кипя гневом, они снова переменили свое намерение. Ибо сказав: да не в праздник, потом, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убийство в праздник. Почему же они взяли Его в это время? Потому что и гневом кипели, как я сказал, и надеялись Его найти в то время, и во всем действовали, как *ослепленные*".
490 .

Из этого мудрого воззрения святителя на совет и дело иудеев видно, что не решение синедриона о предании Господа, бывшее за два дня до Пасхи, было противно здравому смыслу, – напротив оно было составлено по всем правилам так называемого житейского благоразумия, – а несвоевременное выполнение определения совета, последовавшее неожиданно для самих иудеев, единственно по причине раздражения, нечаянной находки предателя и – ослепления.

Но на этом основании утверждать, что совет иудеев о предании Господа последовал не за два дня до Пасхи, не в среду, едва ли не столь же основательно, как если бы кто стал утверждать, что и самое распятие Господа было не в пяток Пасхи, а в другое время...

Между тем автор продолжает: «Евангелист Марк, следовавший во всем почти евангелисту Матфею, поставил событие так же как и тот. Итак, если ни евангелист Матфей, ни евангелист Марк не поставили означенные события на том месте, какое они должны занимать по порядку хронологическому, то последнему Евангелисту предстояла настоятельная нужда – указать событиям, поставленным вне связи хронологической, их настоящие места. И вот он говорит, что решение синедриона последовало не за два дня до Пасхи, а много ранее, именно вскоре по воскресении Лазаря (Ин. 11:49–51), а вечера в Вифании была за шесть дней до Пасхи, когда Господь был в Вифании. Такое распределение событий нельзя не признать верным».

А по нашему убеждению, такое распределение нельзя не признать совершенно произвольным.

Если бы автор внимательно прочитал в Евангелии Иоанна (Ин. 11:46–57) все, что там сказано о совещании синедриона, бывшем вскоре после воскрешения Лазаря, и сличил с ним то совещание и то определение синедриона, которое, по сказанию евангелистов Матфея (Мф. 26:1–6) и Марка (Мк. 14:1,2), последовало за два дня до Пасхи; то он наверное не стал бы утверждать, что эти два события – одно и то же, и что евангелист Иоанн только указывает известному событию его настоящее место. Напротив, у самого евангелиста Иоанна находим явный намек на то, что после первого совещания должно было последовать и второе. На первом, еще за несколько времени до торжественного входа Господа Иисуса Христа в Иерусалим, первосвященники и фарисеи прямо *«положили: убить Его»* (Ин. 11:53), и, так как они, по их словам, – которые, без сомнения, постарались распространить, – будто бы действовали из попечения о благе народа, и для предотвращения опасности со стороны римлян; то, еще не опасаясь большого сопротивления в своем деле со стороны народа, открыто *«дали приказание, что, если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его»* (Ин. 11:57). И после этого глаголаху: *что мнится вам, яко не имать ли приити в праздник* (Ин. 11:56)? *«В Пасху злоумышляли, – замечает святитель Златоуст на сии слова, – и время праздника делали временем убийства. Здесь, говорят, Ему должно попасть в наши руки, так как теперь (праздничное) время призывает Его сюда»*.⁴⁹¹ Но когда, спустя несколько времени, последовал торжественный вход Иисуса Христа в царственный город Давидов, и много народа, пришедшего в праздник, восклицали: *«осанна, благословен грядущий во имя Господне, Царь израилев»* (Ин. 12:12,13)! – *фарисеи говорили между собой: «видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним* (Ин. 12:19)!“ Поэтому они убедились, что народ мало им верит, и что открытой силой действовать против Иисуса Христа им нельзя. И вот оказалось нужным опять сделать, и сделали – совещание, на котором изыскивали, *«как бы взять Его*

хитростью, и убить“; но говорили: «только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе». В таком именно виде и представляют это последнее совещание евангелисты Матфей (Мф. 26:4,5) и Марк (Мк. 14:1,2), и причина решения его особенно очевидна после того, что изложено сими евангелистами в предыдущих главах (Мф. 21; Мф. 22, и Мк. 11; Мк. 12) – о действиях фарисеев против Господа во время Его входа и после входа в Иерусалим.

Кто беспристрастно рассудит об этом, тот, конечно, согласится, что противоположное сему распределение евангельских событий, какое сделано автором, нельзя признать верным. Но автор, настаивая на своем, говорит: *«Решение синедриона не является, по этому распределению, делом беспричинным, каким является оно у первых евангелистов; оно имеет в основе ту ненависть фарисеев, которая возбуждена была в них воскрешением Лазаря».*

Если решение синедриона, по свидетельству евангелиста Иоанна, *«имеет в основе ненависть фарисеев»*, и потому причинно; то почему же считать беспричинным и другое решение, в том же духе составленное, когда нет недостатка и в свидетельствах евангелистов Матфея и Марка о ненависти фарисеев против Иисуса Христа, и когда эта ненависть, не возбужденная, а только усиленная воскрешением Лазаря, еще более должна была усилиться событиями торжественного входа Господня в Иерусалим и последующих дней? – Мы уверены, что автор не в состоянии представить никакой основательной причины этой мнимой «беспричинности».

Столь же неосновательно и следующее суждение его: *«Точно также, – говорит он, – и вечеря в Вифании не является такой бесцельной, какой является она у первых Евангелистов. Она является результатом той благодарности, которую имели благодетельствованные родственники Лазаря к их благодетелю».*

Этим и оканчиваются все доводы автора в пользу своеобразного его соглашения того «различия в определении времени вечера», – на которой был помазан Господь, – какое

находится у первых двух и у последнего из четырех евангелистов. Что сказать и об этом последнем доводе?

Скажем, прежде всего, о нем, как и вообще о всех рассмотренных нами доводах автора, что, не находя их основательными, мы особенно изумляемся этому резкому, самоуверенному тону суждений, по которому он усвоенный им себе взгляд на евангельские повествования признает столь верным, что при другом взгляде то, о чем повествуют евангелисты, представляется ему даже «не имеющим смысла», «беспричинным», «бесцельным», – хотя святая Церковь смотрит на тот же предмет иначе, нежели он.

Не тем ли более должно удивлять нас достоподражательное смиренномудрие великого святителя Христова, Димитрия Ростовского, который, как мы видели выше, ряд весьма основательных своих доказательств на счет «различия жен, нозе Христовы помазавших», заключает словами: «обаче мы о неизвестных и неведомых вещах, много испытovati, и како бе утверждати не дерзающе, *церковному рассуждению* та подлагаем. О различии же“ тех «жен – изволяяй да четет синаксарь в триоди” и проч.

Невольно припоминается нам при этом и смиренномудрый ответ великого Арсения – некоему брату, удивлявшемуся, что он, знающий науки, сведущий в греческом и латинском языках, относительно своих помыслов просил совета у одного простого человека: «греческое и римское учение свем, алфавиту же егоже той простец умеет, аз еще не возмогах научиться”.

«Сие же глаголаше Святый, – замечает святитель Ростовский Димитрий, – извествуя, яко смирение всем добродетелем есть начало, якоже и алфавит книгам; и аще кто всю премудрость мирскую увестъ, не имать же истинного смиренномудрия, той не может обрести спасеного пути Божия”.⁴⁹²

Изучение сказанного алфавита, конечно, ни для кого неизлишне, во всякое время, во всяком возрасте жизни. Поэтому и мы, желая не столько учить, сколько учиться, позволяем себе однако же заметить, что и для нашего автора, при всей его учености и при всем знании греческого и других

языков,⁴⁹³ — чем как известно, отличался и святитель Димитрий, — весьма было бы прилично и полезно, в духе христианского смирения, «подлагать», или подвергать вычитанные им в иностранных источниках мнения — «церковному рассуждению», а для этого со вниманием прочитывать и то, что о предметах столь близких сердцу каждого христианина изложено в наших православных богослужебных книгах, в синаксарях и в писаниях святых отцов.

Там можно найти удовлетворительное разъяснение и того, почему вифанская вечеря, упоминаемая первыми двумя евангелистами, — и отдельно взятая от той вечера, о которой упоминается у евангелиста Иоанна, — вовсе не представляется *бесцельной*, как полагает автор.

Мы приведем здесь то, что говорится об этом в синаксаре во святую и Великую Среду, где также ясно различаются две вечера, бывшие в Вифании.

«В святую и Великую Среду, — говорит синаксарь, — божественнейшие отцы повелели творить память помазавшей Господа миром жены блудницы, так как это (помазание) было пред самым временем спасительных страданий Христовых. Ибо по входе Иисуса Христа в Иерусалим, когда Он был в доме *Симона прокаженного*, приступила к Нему женщина и излила на главу Его драгоценное миро. Итак (воспоминание об этом) установлено здесь (совершать) для того, чтобы, по слову Спасителя, везде и у всех проповедано было дело *теплейшего усердия* той жены. Что же побудило ее придти (ко Христу)? То, что она видела сострадательность Христову и общительность ко всем, — особенно же ныне, когда видела, как Он введен был в дом прокаженного, которого закон признавал нечистым и лишенным права на общение. Итак, помыслила жена, что как у *того исцелена проказа*, так будет исцелен и ее *душевный недуг*. И вот, когда возлежал Господь на вечера, льет она на верх главы Его миро, ценой около 300 динариев, т.е., 60 ассариев, 10 пенязей и 3 сребренников.⁴⁹⁴ Ученики запрещали ей, и наиболее Иуда Искариотский; но Христос защитил ее, чтобы не пресекли доброго ее намерения. Потом и о погребении Своем воспоминает, — Иуду отклоняя от предательства, а жену

сподобляя чести, – что везде, по всей вселенной, будет проповедано это ее *доброе дело*“.

Итак, очевидна *цель* вечера, бывшей в доме Симона прокаженного, о которой говорят первые два евангелиста, и бывшего на ней помазания Господа. Если вечера, упоминаемая евангелистом Иоанном, по выражению автора, «является *результатом той благодарности*, которую имели благодетельствованные *родственники Лазаря* к их благодетелю:“ то и последовавшая чрез несколько дней после того вечера в доме Симона была также «результатом той благодарности”, которую Симон имел к Спасителю, исцелившему его от проказы; а со стороны жены, помазавшей Господа на вечера, она была «делом теплейшего ее усердия”, выражение ее благодарности за исцеление от душевного недуга, и сам Господь назвал это ее дело – *добрым* и, стало быть, тоже не бесцельным.

Но, как бы для большего еще разграничения двух сходных событий, синаксарь сравнивает их между собой, и обращая особенное внимание на сравнительное достоинство усердия той и другой жены, продолжает так: «Мария, сестра Лазаря, – за шесть дней до Пасхи, в своем доме, в Вифании, когда Христос возлежал на вечера, сделала помазание миром, изливая оное на прекрасные Его ноги, и отирая их волосами головы своей, употребив на то большую цену и как Богу принося Ему мир. Ибо она знала, что и в жертвах приносился ей Богу (Лев. 2:4), и священники миром помазывались (Лев. 8:10), и Иаков древле помазал столп (в жертвенник) Богу (Быт. 28:18).⁴⁹⁵ Но явно, что она *принесла* сие в дар Учителю, как Богу, (в благодарность) за *оживление брата*. Поэтому *и не обещается ей мзды*. Тогда и один лишь Иуда ропщет, как любостяжатель (Ин. 12:1–8). Другая же, явно грешница, за два дня до Пасхи, в той же Вифании, когда еще раз был там Христос и находился на вечера у Симона прокаженного, и когда возлежал Он, – многоценное то миро изливает на главу Его, как повествуют священные Матфей и Марк. На сию-то блудницу (кроме Иуды) и ученики негодуют, (не лицемерно, подобно предателю, а искренно представляя себе, (что) *приготовленное с таким усердием для Христа*,

(пригодилось бы) для милостыни.⁴⁹⁶ Этой-то жене и мзда дана (дано в награду обещание), – что по всей вселенной доброе ее дело прославится” (Мф. 26:6–13; Мк. 14:3–9).

Таким образом, кроме различия жен, помазавших Господа, и времени, когда каждой из них совершенно было помазание в том или другом доме, – разность этих двух евангельских событий еще усматривается – как из разных побуждений к выражению благочестивого усердия со стороны помазавших,⁴⁹⁷ так и из того, с чьей стороны, и в каком духе высказано было неудовольствие против той или другой из них, и особенно, – какой сделал отзыв сам Господь об усердии каждой из них.

Добрые побуждения к помазанию Господа имела и Мария сестра Лазарева, преисполненная чувств благодарности к Нему «за оживление брата». Но самое это благодеяние, ей оказанное, – возвращение к жизни четверодневного мертвеца – было так велико и необыкновенно, что и величайшее с ее стороны усердие представлялось весьма естественным, так что разве один только Иуда, ослепленный любостязанием, мог прямо выразить при этом свое сожаление о потраченных трехстах динариях, как о потере для нищих. И действительно, по свидетельству евангелиста Иоанна, «тогда», как помазывала Господа Мария, сестра Лазарева, – только *«один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: «для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?»*» (Ин. 12:4,5) Со стороны же прочих учеников, не высказано было при этом ни малейшего неудовольствия на Марию; да и сам Иуда не выразил какого-либо «негодования». Понятно, что чем глубже затаены были в предательской душе Иуды постыдные чувства зависти и злобы, тем тщательнее он старался скрывать их; поэтому и самое замечание его о лучшем употреблении мира – было весьма сдержанно, и, по-видимому, вовсе не к тому было направлено, чтобы унижить или уменьшить достоинство изъявляемого Господу усердия со стороны благодетельствованной Им Марии.

Надобно впрочем думать, что лукаво сделанное Иудой замечание о нищих, как бы о предмете совсем опущенном из

виду, произвело на Апостолов, по чувству развитой в них самим Господом любви и сострадательности к нищим, неблагоприятное впечатление, и они – если не словом, то, может быть, взглядом, или каким-нибудь движением, выразили свое одобрение замечанию, сделанному Иудой, – которое впоследствии и сами сделали, хотя «по другому побуждению», как говорит святитель Златоуст,⁴⁹⁸ и при других обстоятельствах.

Как бы то ни было, никто в слух Марии не сказал, с выражением негодования и ропота: «к чему такая трата мира?» Не видно было, чтобы кто-нибудь желал привести ее в смущение. Сама она, без сомнения, была вполне уверена, что все признавали причину ее усердия весьма уважительной, и потому, должно быть, нисколько не смущалась от слышанного ею замечания, что лучше б было продать миро в пользу нищих. «Можно ли, – думала она, по прекрасному выражению ее мыслей автором «Последних дней земной жизни Иисуса Христа», – можно ли назвать тратой почесть, оказанную Тому, кто воскресил Лазаря? Все благоухания Ливана ничтожны в сравнении с Его благодеянием».⁴⁹⁹ Посему-то и Господь не нашел нужным успокоивать Марию, как бы смущенную, хотя и защитил ее от нареkania Иуды за излишне будто бы сделанную ею трату мира. Он только сказал: *«оставьте⁵⁰⁰ ее; она сберегла⁵⁰¹ это на день погребения Моего; ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда»* (Ин. 12:7,8); но не присовокупил к сему тех слов, какие сказал впоследствии при подобном защищении другой жены, против которой было высказано негодование, уже кроме Иуды – другими учениками.

Настоящим ответом Господь больше всего снимает личину с того человека, который, тая в сердце смертоносный недуг сребролюбия, и по этой причине жалея о мире, выразил притворную заботу о нищих, как будто бы Мария, в избытке своего усердия к Господу, совсем забыла о них. «Между тем Иуда, – говорит святитель Златоуст, – под предлогом благочестия, ее укорил (за это). Что же Христос? Почему Он не обличил ученика за эту жену, и не сказал того, что сказал Евангелист, то есть, что Иуда укорил ее потому, что был тать? –

Он хотел тронуть его великим долготерпением. А что Он знал, что Иуда – предатель, (видно из того, что) Он прежде неоднократно обличал его, говоря: «не все веруют», и: *один из вас диавол есть* (Ин. 6:64,70). Этим Он показал, что знает его, как предателя, но не обличил его открыто, а оказал ему снисхождение, желая отвратить его (от такого дела)... Поэтому Он не обличал его в краже, дабы тем обуздать его злое пожелание, и отнять у него всякое оправдание. *Не дейте ея, говорит, потому что она сделала это для Моего погребения* (Ин. 12:7). Сказав о погребении, опять сделал намек на предателя. Но его не трогает это обличение, не смягчают эти слова, хотя они и могли возбудить сострадание. Как бы так Он говорил: «Я неприятен (тебе) и тягостен? Но подожди немного, и Я отойду». К этой же мысли Он приводит словами: *Мене не всегда имате* (Ин. 12:8). Но все это не преклонило человека зверонравного и неистового”.⁵⁰² – Он остался таким и после сделанного ему прикровенного и кроткого обличения из уст Сердцеведца, и, продолжая действовать как хитрый лицемер, «по дерзости и наглости своего характера, и не в сем одном случае мог увлекать своими мнениями прочих”,⁵⁰³ хотя прочие имели совсем другие мысли и намерения. И действительно успел в этом, как это вскоре обнаружилось, когда, через несколько дней, другая жена помазала Господа столь же драгоценным миром.

Побуждения – помазать Господа миром, руководившие этой другой женой, хотя также, как и одушевлявшие Марию, проистекали из одного источника – из чистейшей любви к Нему, но были еще более возвышенны. Тем не менее, простым наблюдателям, даже совершенно чуждым того настроения, каким отличался Иуда, не трудно было ошибиться насчет уместности необычайного ее усердия.

В те дни Господь не оказал ей никакого особенного благодеяния. Быть может, и припоминали некоторые из учеников, что Спаситель простил некогда «*грехи ее многие, за то, что она Его возлюбила много*», похвалил ее веру, и даровал душе ее мир (Лк. 7:47–50). Однако же сии духовные блага – в то время едва ли и для самих учеников Христовых

представлялись не только не меньшими необыкновенного благодеяния, оказанного семейству Лазаря, – возвращением к временной жизни любимого человека, но и гораздо драгоценнейшими; а любвеобильное обращение Спасителя с кающимися грешниками, по которому даже враги Его говорили о Нем: это – *друг мытарям и грешникам* (Лк. 7:34), – казалось уже так обыкновенно, и было у Него так постоянно, что иные, может быть, и не в состоянии были представить себе, какое глубокое чувство благодарности к Господу сохранила в своей душе эта помилованная грешница, еще выше ценившая оживление своей души, чем Мария – оживление брата. ⁵⁰⁴ Оттого-то, должно быть, и ученикам, еще не получившим благодатного дара сердцеведения, представилось, что ее особенное усердие было делом, сколько неожиданным, столько же излишним и напрасным. *Видевши же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сия бысть? можаше бо сие миро продано быти на мнозе (за большую цену), и датися нищим* (Мф. 26:8,9). И такая мысль родилась у них не под одним только впечатлением прежнего, а может быть и нового напоминания Иуды о ценности мира и о милостыне нищим, но уже и по собственным их соображениям.

«Откуда, – говорит святитель Златоуст, рассуждая о приведенных нами словах евангелиста Матфея, – откуда родилась в учениках такая мысль?» – и так отвечает на этот вопрос: «Они слышали, как Учитель говорил: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9:13; 12:7. Ос. 6:6); и порицал иудеев за то, что они *оставили важнейшее, суд и милость и веру* (Мф. 23:23); – как на горе рассуждал с ними о милостыне (Мф. 6:1; 25:40): и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если Он не принимает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее примет помазание елеем. Так думали ученики. Но Иисус, *видя мысли жены*, попускает ей приблизиться, и как *благоговение ее было велико и усердие неизреченно*; то Он, по величайшему снисхождению Своему, позволил ей излить миро на главу Свою... Как Отец Его принимал курение и дым: так и Он принял блудницу, приемля, как я прежде сказал, ее *расположение*... Но ученики, – продолжает святитель, – *не зная*

мыслей жены, неуместно укоряли ее, и в самом обвинении указали на ее щедрость". ⁵⁰⁵

Таким образом, ученики Христовы, хотя сами, подобно жене, помазавшей Господа, были проникнуты любовью к Нему, но по неведению мыслей жены, пришедшей ко Христу в дом Симона прокаженного с сосудом драгоценного мира, – «некоторой на сей раз неспособности оценить достоинство и, так сказать, сердечность поступка» этой жены, – «из похвальной, но безвременной заботы о нищих, и следственно, – увлечения примером Иуды», – ⁵⁰⁶ прямо выражали неудовольствие на трату мира, и не скрывали своего негодования на излившую это драгоценное вещество на главу Божественного их Учителя, который, думали они, «ищет более человеколюбия, нежели чести себе». ⁵⁰⁷ Такой откровенности и надобно было ожидать от их «привычки изъяснять свободно пред Учителем все свои мысли: – ⁵⁰⁸ тем более, что они теперь были вполне уверены, что действуют в духе Его учения. «И роптали», сказано, на помазавшую: и *прещаху* ей, говорит евангелист Марк (Мк. 14:5), «то есть, – как изъясняет блаженный Феофилакт, – негодовали, укоряли, поносили». ⁵⁰⁹

«Но кто поверит, – говорят западные толкователи Священного Писания, – кто поверит, чтобы после того, как за четыре дня только перед этим Христос обличил такой же ропот (на помазавшую Его жену), так скоро – при событии совершенно сходном, *если не одним и тем же*, снова стали роптать (ученики)?» ⁵¹⁰

Этому может поверить всякий, и в простоте сердца верующий тому, что написано в книгах евангельских, и основательно изучивший святое четвероевангелие. Ибо у каждого из четырех евангелистов легко можно найти подтверждение той истины, что Господь нередко повторял Своим ученикам то, что уже было сказано им прежде, и даже весьма недавно, потому что многое, и очень важное, они, по своему духовному состоянию, еще не могли вместить (Ин. 16:12). Таково было, особенно, предсказание Спасителя о Своей крестной смерти и воскресении. Довольно вспомнить, что после первого предсказания об этом, за *неделю* до

преображения (Мф. 16:21. Мк. 8:31. Лк. 9:22,28), Господь повторил тоже предсказание – почти вслед за преображением Своим, или в ближайшее к нему время (Мф. 17:22,23. Мк. 9:31,32. Лк. 9:43–45). Но они и тогда *«еще не поняли сего»* крестного «слова» (Мк. 9:32), *«и оно было закрыто от них; а спросить Его о сем слове боялись»* (Лк. 9:45), *«и опечалились весьма»* (Мф. 17:23). Мало того, когда впоследствии и в третий раз Господь предсказал Своим ученикам о Своей крестной смерти и воскресении, – известно, с какой просьбой обратились к Нему двое из них, сыны Зеведеевы: – *«дай нам сесть у Тебя, – говорили они, – одному по правую руку, а другому по левую, в славе Твоей»* (Мк. 10:37)! Так трудно вмещалось в них слово о предстоящей Иисусу Христу смерти! Видно, что мысль их более склонялась к другим предметам, ближе подходящим к обыкновенному образу человеческих воззрений, чувств и соображений.

Нечто подобное можно заметить и здесь: на вечери в доме Лазаря или сестер его, при помазании Господа усердием Марии, две мысли заняли Апостолов: одна – о трате мира и о нищих, лукаво возбужденная Иудой, но ими простодушно принятая, – и эта мысль, как очень близкая к их человеколюбивому сердцу, глубоко запала в их душу; другая, – кротко высказанная Спасителем о имеющем наступить дне погребения Его, мысль неудобовместимая для них, и оттого не с надлежащей силой напечатлевшаяся в их памяти. Поэтому неудивительно, что и не более, как чрез четыре дня – при новом возникновении в умах учеников первой из этих двух мыслей, оказалось нужным вновь исправить ее, и еще сильнее и разительнее внушить им вторую. Притом, легко сказать: «четыре дня»; но надобно вспомнить, что произошло в эти четыре дня после вечери, бывшей за шесть дней до Пасхи, – начиная со входа Господня в Иерусалим и до вечери в доме Симона прокаженного, за два дня до Пасхи страданий Христовых.

Сколько пришлось в эти дни и видеть и слышать такого, что говорило им о торжестве и силе Божественного их Учителя и о неистощимой Его любви и благоснисхождении к человечеству, и

что, по-видимому, так мало угрожало неминуемой смертью, – особенно после того, как и жесточайшие враги Его были посрамлены божественной Его мудростью, и уже не смели предлагать Ему коварных вопросов, а *народ неотступно слушал Его* (Лк. 19:48), и удивлялся Его учению (Мк. 11:18). И не в те ли именно дни Господь с особенной силой обличал книжников и фарисеев, лицемеров, что они дают *десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе, суд и милость и веру* (Мф. 23:23)? И не сряду ли после этого обличения Он явно показал, что высоко ценит не богатство даров и приношений, а внутреннее расположение сердца, – когда, указав ученикам на бедную вдову, положившую в сокровищницу храма две лепты, сказал: *«истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу»*, – между тем, как *многие богатые клали много* (Мк. 12:41–44)!

И что еще? Когда, за тем, вышел Он из храма, и, прямо против него сев с избранными учениками на горе Елеонской, – предсказал им разрушение этого иерусалимского храма, и самого Иерусалима, и всего видимого мира, – объявил, что после всего этого *«проповедано будет Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам»* (Мф. 24:14. Мк. 13:10), и все Свои предсказания заключил изображением второго Своего пришествия и страшного суда: то вспомните, с какими в том изображении словами Он, Господь всесильный, как Царь, восседающий на престоле славы Своей, окруженный всеми святыми Ангелами, и всеми народами, – обращается к тем, которых поставил по правую Свою сторону, благословенным Отца Его, призываемым к наследию царства Его? *«Я алкал, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня!»*... Кого как громом поражает гневный Его глас: *«идите от Мене, проклятии»*? ... Тех, которые в жизни своей не совершили дел милости, – не оказали призрения нищим, нуждающимся, – Его меньшим братьям, – и в лице их – Ему самому (Мф. 25:31–46)!

И все это было говорено не далее, как за день, – а может быть и в тот самый день, которого вечер провел Господь в доме Симона прокаженного. *И бысть, егда сконча Иисус вся словеса сия, рече учеником Своим: весте, яко по двю дню Пасха будет, и Сын человеческий предан будет на пропятие* (Мф. 26:1,2). Что же удивительного, если это последнее предсказание далеко не так сильно действовало на них, как пред сим только слышанное учение о важности дел милосердия, и что после этого-то особенно они даже с негодованием смотрели на излияние драгоценного мира, которого ценой можно было, по расчислению предателя, призреть множество нищих?

Теперь представим себе, что должна была испытывать жена, помазавшая Господа, при таком воззрении учеников на дело ее искреннего усердия и беспредельной любви к Нему? – Негодование учеников не могло не привести ее в крайнее смущение, хотя, она, как мы уже заметили, без всякого сомнения, не менее Марии, сестры Лазаревой, сознавала и чистоту своих побуждений, и уместность своего усердия. О если бы она могла пред всеми излить свою душу! Если б она могла выразить, из какой бездны греха, как бы из пропастей ада, извлек ее Господь! – Но такое поведение пред людьми, негодующими на нее, об исцеленных Господом смертельных язвах ее совести, – не успокоило бы ее смущения, а еще более заставило бы ее краснеть от стыда пред всеми. Только Тот, Кто, – как она слышала, и как веровала всем сердцем, – *пришел взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18:11), *и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20:28), в полной мере постигает и прежнее и настоящее состояние ее души, и – не отринет этого последнего ее приношения...

Но вспомним, при каких оно было обстоятельствах? – «Иисус Христос, – так беседует об этом святитель Иоанн Златоуст, – Иисус добровольно идет на страдание. Прежде сего Иисус удалялся от иудеев, но теперь, когда особенно воспламенилась их ненависть, Он проходил близ их на расстоянии стадий пятнадцати... Итак жена, увидев Его, и получив дерзновение, приступила к Нему. И если жена

кровоточивая и несознававшая ничего подобного, так как нечистота ее была от природы, со страхом и трепетом приступила: то тем больший страх и стыд надлежало иметь сей жене, по причине нечистоты ее совести”, ⁵¹¹ которая впоследствии была очищена благодатью Христовой. Но вот, она – у ног Спасителя: «приступивши жена к ногама Твоима, Спасе, возливаше миро, благоухания исполняющи, и мира исполняема, дел очищения”.⁵¹² «Благоухания таинственного исполнена, первого избавися зловония, Спасе, многих грехов: миро бо истощавши жизни”.⁵¹³ Так воспевают святая Церковь о жене, помазавшей Господа, и затем от ее лица такие трогательные вопли возносит ко Господу: «Ароматы богатею, добродетельми же нищенствую, яже имам, Тебе приношу; даждь Сам, яже имаши, и ослаби ми, и остави, – вопиет блудница Христу”.⁵¹⁴ – «Миро у мене тленное, миро у Тебе жизни, миро бо Тебе имя излиянное на недостойныя: но ослаби ми и остави, вопиет блудница Христу”.⁵¹⁵

Нет сомнения, что та, которая с такими чувствами, пред самым наступлением страданий Христовых, в глубоком сознании своей греховности и с живой верой в милосердного Исккупителя грешных, приносила Ему драгоценное миро, – сама считала весьма ничтожным свое приношение, которому другие, в слух ее, назначали довольно высокую вещественную цену. Но, может быть, слышанное ею негодование учеников смущало ее особенно потому, что еще сильнее давало ей чувствовать свое недостойнство, – что оно вызывало в ее душе воспоминание о прежней беззаконной жизни, и она, считая себя достойной всякого порицания, трепетала при мысли, – не отринул бы ее Господь!.. К Нему-то обращает она слезящий взор свой, и у Его человеколюбия ищет для себя защиты против строгости Божественного правосудия: «Тебе Девыя Сына, блудница познавши Бога, глаголаше, в плачи молящися, яко слез достойная соделавшая: разреши долг, яко же и аз власы: возлюби любящую, праведно ненавижимую, и близ мытарей Тебе проповем, благодетелю Человеколюбче”. ⁵¹⁶

Все это, что в приведенных нами и подобных им священных песнопениях церковных так прекрасно выражено, – раздавалось

только в душе помазавшей Господа жены, и только Сердцеведец все то слышал, что вопияла Нему ее душа. Только Он один мог успокоить, и действительно – тотчас успокоил ее смущение. Обратившись к ученикам Своим. Он сказал: *«Оставьте ее; что смущаете женщину? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете, и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла. Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно говорю вам, где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее и о том, что она сделала»* (Мф. 26:10–13. Мк. 14:6–9).

Кто не видит, что в этих словах Господа, сказанных в защиту жены, помазавшей Его миром, хотя и есть сходство с теми словами, которые были произнесены при помазании Его усердием Марии, сестры Лазаря, но есть и весьма значительная разница? – Так Господь не просто велит не препятствовать жене в излиянии мира, – не довольствуется словами: «оставьте ее», но, признав, что ропот учеников привел ее в смущение, внушает им, чтоб они не смущали ее, и даже упрекает их за это: *что труждаете жену?*

Далее, Он дает им понять, что они неправильно поняли ее дело, считая его достойным порицания, и признает его *добрым делом*, – как бы услугой, Ему самому оказанной. При вторичном (после Иудина) напоминании учеников о нищих, которым благотворение, они знали, Господу особенно приятно, – Он подтверждает, что для этого всегда будет время, и присовокупляет: *«и когда, захотите, можете (и должны) им благотворит»*. И опять обращаясь к поступку жены, признает его настолько добрым, насколько было у нее возможности сделать его таким – по ее крайнему разумению и полнейшему усердию: *она сделала, что могла* (Мк. 14:8).

При таком условии, она, эта пренебрегаемая людьми, но покающаяся и возлюбившая Господа грешница – сделалась орудием благодати Божией, – действовала по внушению Божию, в духе пророческом: *«возливши миро на тело Господа, она приготовила Его к погребению»*⁵¹⁷ Самые эти слова,

закрывающие в себе предсказание о предстоящей Иисусу Христу смерти и погребении, значительно разнятся от подобных слов, сказанных при помазании усердием Марии: о ней Господь сказал лишь то, что она *сберегла мир на день погребения* (Ин. 12:7) Его, но не сказал, что этот день скоро должен наступить, хотя и надобно было так думать, после предшествовавших предсказаний. Но такого прямого и определенного предсказания, какое перед сим последним помазанием слышали ученики, – что *«через два дня будет Пасха, и Сын человеческий предан будет на распятие»* (Мф. 26:2), – еще не было; и после него-то слова, сказанные о помазании жены: *«она приготовила Меня к погребению»* (Мф. 26:12) получали особенно разительный смысл, по которому они должны были произвести самое сильное, потрясающее душу впечатление на всех, слышавших.

В особенности же, предатель Иуда – в словах Господа еще яснее прежнего мог видеть, что от Его всеведения не сокрыты затаенные в душе его замыслы, и он должен был знать, против Кого решается поднять пята, и к чему поведет его предательство;⁵¹⁸ прочие ученики, которые по любви к Господу и по самой немощи своей природы, всегда смущались, слыша предсказание о страданиях и смерти Христовой, теперь еще более должны были смутиться; а едва оправившаяся от смущения и возвышенная пред всеми защитой, ободрением, похвалой Господа, помазавшая Его жена – при одном представлении того, что она оказала Ему почесть погребальную, без сомнения, снова готова была погрузиться еще в большее смущение.

И вот премудрый и всеблагый Владыка, чтобы и предателя вразумить, и возлюбленных учеников утешить и успокоить, и возлиявшую на главу Его миро жену окончательно ободрить и ее усердие вполне вознаградить, торжественно изрекает пророчество – о том, что самая смерть не преодолет Его силы, – что, как Он сказал перед этим, на горе Елеонской, наедине, четверем избранным ученикам, Петру, Иакову, Иоанну и Андрею, что во всех народах будет проповедано Евангелие (Мк. 13:3–10), так повторяет это теперь при всех. «Видишь ли, – говорит

святитель Златоуст, – как Христос предвозвещает ученикам изшествие к народам, и таким образом утешает их при мысли о смерти? Ибо после крестной смерти откроется такая сила, что проповедь распространится повсюду. Итак какой несчастный будет противоречить столь очевидной истине?”⁵¹⁹

К пророчеству о всемирном торжестве евангельской проповеди, Господь присовокупляет, что вместе с проповедью Евангелия, в целом мире, сказано будет, в память этой помазавшей Господа жены, и о том, что она сделала (Мф. 26:13. Мк. 14:9). Для нее это была честь, а для всех грешников – назидательный урок, что Спаситель всегда готов даровать жизнь умерщвленной грехами душе, обращающейся к Нему с покаянием.⁵²⁰

«Велико человеколюбие Господа! – восклицает святитель Иоанн Златоуст, – Он приемлет блудницу, блудницу, лобызавшую ноги, помазующую елеем, и отирающую власами, приемлет, и упрекает тех, кои обвиняют ее. Ибо не надлежало приводить в смущение жену за такое усердие».

«Обрати внимание и на то, сколь высоки были ученики и усердны к подаянию милостыни».

«Для чего Иисус, – продолжает святитель, – не просто сказал: *доброе дело сделала*; а сказал прежде: *что труждаете жену?* Для того, чтобы мы знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Для сего-то и рассматривает дело не просто, каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон; то не упомянул бы о жене. Но дабы ты знал, что для нее это сказано, с той целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, но еще более возбудили: для сего Он говорит выше упомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и не требовали совершенства в самом его начале».

«Что Христос и Сам желал того, чего желали ученики, это видно из того, что Он велел носить денежный ящик – (в пользу нищих), – хотя и не имел, где главу преклонить. Но теперь не время было исправить поступок, а только принять его. Как прежде сего поступка жены не произнес бы такого мнения, если

бы кто спросил Его;⁵²¹ так после одного поступка имеет в виду только то, чтобы жена не приведена была в смущение от порицания учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше, чрез служение Ему... И все, что ни говорит, говорит в ее утешение.

«Далее, – когда сказал: *на погребение Мя сотвори*; то дабы не показалось, что Он приводит в смущение жену, упомянув о таком предмете, то есть, гробе и смерти, – смотри, как опять укрепляет ее, говоря: *во всем мире речется, еже сотвори сия*. Это служило для учеников увещанием, а для жены утешением и похвалой. Все, говорит Он, прославят ее впоследствии, и теперь она предвозвестила страдания, принеши необходимое для погребения. Почему никто да не порицает ее. Я не только не хочу осуждать ее, как бы за худой поступок, или укорять, как бы за неправо дело; но даже не поущу остаться в неизвестности случившемуся, и произведу то, что мир узнает о поступке, сделанном в доме. Ибо *этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца*. Для чего Христос обещал жене не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрез это вселить в ней надежду на получение духовных благ. Если она сделала доброе дело, то, очевидно, и получит достойную награду».⁵²²

«Заметь же, – говорит блаженный Феофилакт, – человеколюбие Божие! Каким великим даром воздает Он жене! Ибо устрояет то, что память о ней будет повсюду, и притом до тех пор, пока продолжится проповедь евангельская».⁵²³

Таким образом, внимательное рассмотрение того отзыва, какой сделан самим Господом, о жене грешнице, помазавшей Его в доме Симона прокаженного, приводит нас к убеждению, что он действительно имеет существенное различие от того отзыва, какой был сделан о Марии, сестре Лазаря, которая помазала Господа «за оживление брата», и при других обстоятельствах: а потому и не было при ее помазании сказано того, что сказано было теперь.

Итак, ничто не препятствует принять за истину то предание, которого держится православная восточная Церковь в

разумении свидетельств святых Евангелистов о том, что Господь наш Иисус Христос был *трижды* помазан, – усердием *двух* евангельских жен: *в первый раз* – среди общественного Его служения роду человеческому, покаявшейся *явно грешницей*, в одном из галилейских городов, в доме Лазаря или его сестер. *Марией, сестрой Лазаря*, за шесть дней до Пасхи; и *в третий раз* – в доме того же Симона фарисея, прозванного прокаженным, который прежде удостоился принять Господа в Галилее, и *той же покаявшейся грешницей*, которая в первый раз Его помазала.

Все эти три события святая Церковь, одно за другим, представляет нашему вниманию и благоговейному размышлению – в течение одного великого поста и Страстной седмицы. Так в *пятую неделю* великого поста, на Божественной литургии читается Евангелие, благовествующее о *первом* помазании Господа явно грешницей (Лк. 7:36–50), – потому что, подобно сей жене, воспоминаемая в эту неделю преподобная Мария Египетская, спустя несколько веков после евангельского события (в 6 веке), явила достойный пример покаяния, и прощены грехи ее многие – за то, что она возлюбила Христа много.

В *неделю цветоносную*, или в день входа Господа во Иерусалим, читается на Литургии Евангелие о том, как за шесть дней до Пасхи был Господь помазан в Вифании, в доме Марфы и Марии, усердием Марии, сестры Лазаря, и как на другой день, после этого торжественно встретил Его народ при входе в Иерусалим (Ин. 12:1–18).

Наконец во святую Великую Среду читается на Божественной литургии о третьем – последнем помазании Господа некой женой, – (по преданию) той же грешницей, о которой упоминает евангелист Лука, – в доме Симона прокаженного, за два дня перед Пасхой, а также о последнем совещании иудеев о предании Господа, и о предательстве Иуды, и наконец о приготовлении Пасхи (Мф. 26:1–20).

Заметим, что с сим последним помазанием в непосредственной хронологической связи ставит предательство Иуды и святитель Златоуст, держась в точности прямого

значения слов евангелиста Матфея: *Тогда шед един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда искариотский ко архиереом, рече: что ми хотите дати, и аз вам предам Его (Мф. 26:14, 15)?*

«Тогда: когда же? – вопрошает святитель Златоуст, и отвечает: – Когда Иисус говорил сие“, (что помазавшая Его жена получит достойную награду), «когда сказал: *на погребение Мя сотвори*: Иуда не тронулся этим, и не убоялся, когда услышал, что Евангелие будет проповедано повсюду (ибо сказанное заключало в себе невыразимую силу); но тогда как жены, и притом жены блудницы – оказывали такую честь Иисусу, он совершал диавольское дело”.⁵²⁴

Также рассуждает и блаженный Феофилакт: «Когда чуждая жена, блудница, оказала такую честь, тогда ученик уходит, чтобы предать Его. *Тогда шед*, сказано не напрасно, но для означения его бесстыдства”.⁵²⁵

Святая православная Церковь, кроме чтения святого Евангелия о последнем помазании Господа грешницей, провозглашаемого на Литургии во святую и Великую Среду, и во всем богослужении сего святого и великого дня, (начиная с повечерия в святой и Великий Вторник, и потом на утрени и вечерни в среду), – в самых трогательных священных песнопениях изображает это событие в нераздельной связи, по времени, и с последовавшим тогда советом иудеев против Иисуса Христа, и с предательством Иуды.

«Се лукавый совет, – воспевает Церковь, – воистину собрася неистовно, яко осужденника осудити горе сидящего, яко Судию всех Господа”.⁵²⁶

«Днесь Христос приходит в дом фарисеов, и жена грешница приступивши, валяшеся, вопиющи: – даждь ми, Господи, оставление злых, и спаси мя”.⁵²⁷ «Иуда льстец, сребролюбия рачительствуяй, предати Тя, Господи, лестно поучашеся, отонудуже и упився, течет ко иудеом, глаголет беззаконным: что ми хотите дати, и аз вам предам, во еже распяти Его”.⁵²⁸ Но кроме сопоставления помазания Господа и предательства Иуды, «как одновременных событий», Церковь делает между ними трогательное сравнение, – и потому, именно, особенно

трогательное и поразительное, что они произошли в одно и то же время:

«Блудница приступи к Тебе, миро со слезами изливающи на нозе Твои, Человеколюбче, и смрада зол избавляется повелением Твоим: дыша же благодать Твою ученик неблагодарный, сию отлагает, и смрадом одевается, сребролюбием продавая Тебе. Слава, Христе, благоутробию Твоему!»⁵²⁹ «Егда грешная приношаше миро, тогда ученик соглашашеся беззаконным. Овая убо радовашеся, истощающи миро многоценное; сей же тщашеся продати Безценнаго. Сия Владыку познаваше, а Иуда раб бывает врагу. Люто есть леность, велие покаяние: еже ми даруй, Спасе, пострадавый о нас, и спаси нас!»⁵³⁰ «О Иудина окаянства! Зряше блудницу целующую стопы, и умышляше лестию предания целование; оная власы разреши, а сей яростию вязашеся, нося вместо мира злосмрадную злобу. Зависть бо не весть предпочитати полезное. О Иудина окаянства, от него же избави, Боже, души наша!»⁵³¹ «Простре блудница власы Тебе, Владыце, простре Иуда руке беззаконным: ова убо прияти оставление, ов же взяти сребренники. Темже Тебе вопием проданному, и свободждшему нас: Господи, слава Тебе!»⁵³²

Весьма важное значение имеет то, что сии священные церковные песнопения составлены святыми отцами – Андреем, архиепископом Критским (в 7-м веке, – ему принадлежит трипеснец во святой и Великий Вторник), и Космой, епископом Маюмским (в 8 веке, – ему принадлежит трипеснец во свяую и Великую Среду), и преподобной Кассией (в 9 веке, – ей принадлежат разные стихиры), – на основании священного предания древней Церкви, как об этом свидетельствуют отцы первых веков христианства. Так еще в четвертом веке святитель Амфилохий, епископ Иконийский, и святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, говорили беседы во святую и Великую Среду – о жене, помазавшей Иисуса Христа миром. Равно преподобный Исидор Пелусиот упоминает о ней в своем писании, и относит ее знаменательное выражение веры и любви Спасителю – к Великой среде.⁵³³

И замечательно, что в сих писаниях мы можем находить указание на то, что именно «исполняя слова Господа о жене, за два дня до смерти Его, помазавшей Его миром: *во всем мире речется и еже сотвори, в память ея*, православная Церковь в Великую Среду воспоминает преимущественно о жене грешнице, возлиявшей миро на главу Спасителя, – проповедуя миру: *еже сотвори сия, в память ея*“.⁵³⁴

«Вот исполнилось, – говорит святитель Златоуст, – то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают о жене той; хотя и не знаменита, не имела многих свидетелей, была не на позорище, но в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников Христовых.

«Кто ж это сотворил? Сила Того, кто предсказал сие. Умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых памятники доселе еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имени те, которые построили города, соорудили стены, одержали победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многих народов, поставили статуи, издали законы: но то, что жена блудница излила елей в доме некоего прокаженного, в присутствии двенадцати мужей, все *воспевают* во вселенной! Прошло столько времени, а память о сем происшествии не истребилась; и персы, и индийцы, и скины, и фракияне, и сарматы, и поколения мавров, и жители британских островов, повествуют о том, что сделала жена блудница в Иудее тайно – в доме.

«Велико человеколюбие Господа! Он приемлет блудницу“, покаявшуюся, и явившую пред Ним «великое благоговение и неизреченное усердие!“⁵³⁵

Заключая сими сладкоречивыми словами вселенского учителя наше исследование, позволяем себе выразить скромное желание, чтобы и наш посильный труд способствовал к разъяснению вопроса о женах, помазавших Христа Спасителя миром, и чтобы замечаемое ныне разногласие в решении этого вопроса между отечественными нашими толкователями богослужения Православной Церкви и составителями новозаветной священной истории, само собой исчезло.

Бог же терпения и утешения да даст нам, чтобы мы, неуклонно и в этом следуя руководству святой Православной Церкви, тоже мудрствовали друг ко другу о Христе Иисусе (Рим. 15:5), мудрствуя не паче написанных (1Кор. 4:6): да единодушно, едиными усты славим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа (Рим. 15:6).

Примечания

- ¹ - Посл. Вост. Патр. член 14.
- ² - Слово на день св. апост. и еванг. Иоанна Богослова, сказанное в церкви Санкт-Петербургской духовной академии, 26 сентября 1846 г.
- ³ - Кан. песн, 8, тр. 1. п. 3, тр. 3., 26 сент.
- ⁴ - В первом слове о Богословии
- ⁵ - 26 сент. на Господи воззвах, слава
- ⁶ - В слове на Пс. 104, 3. Христ. чт. 1846 г., сент. м.
- ⁷ - Церк. Истор. Иннокент. век 2, отд. IV.
- ⁸ - В 1 слове о Богосл.
- ⁹ - Кан. Песн. 6, тр. 1
- ¹⁰ - Кан. П. 6, тр. 2. П. 8, тр. 2.
- ¹¹ - П. 5, тр. 2.
- ¹² - Слово на Сретение Господне, сказанное в Академической церкви, февр. 2. 1846. г.
- ¹³ - См. на Сретение парем. 2. Кан. Песн. 5. тр. 3 и др. Молит. 4 в 40 день.
- ¹⁴ - На стих., ст. 4.
- ¹⁵ - Песн. 9., тр. 1. 3
- ¹⁶ - В беседе на Срет.
- ¹⁷ - Мол. 4 в 40 день
- ¹⁸ - Четьи-Мин. июль
- ¹⁹ - Златоуст «О чтении Св.Писания»
- ²⁰ - В бес. на псал. 44
- ²¹ - Воск.чтен. г.VI. стр.363
- ²² - Четьи-мин. Июль, 7
- ²³ - О единстве Церкви
- ²⁴ - Сочин. Ч.2. стр.166
- ²⁵ - О единстве Церкви
- ²⁶ - Об обрядах после крещения – соответствующих нынешнему воцерковлению

- ²⁷ - В Слове о крещении
- ²⁸ - См. св. Димитрия Ростовск., Роз. Стр., 557, св. Кипр. О единстве Церкви
- ²⁹ - Св. Ирин. Кн. V. Гл.20
- ³⁰ - Свт. Димитрия Рост. Соч. ч. 2. Стр.116
- ³¹ - Кстати заметим здесь, что по некоторым древним, Греческим требникам (см. Гоара Евхолог.), иерей, входя с младенцем в алтарь, должен говорить: Господу единому послужиши; и притом входит туда со светильником, который, по изъяснению св. Григория Богослова (сл. о крещ.), «служит символом тех свещ, с которыми мы сретим Господа».
- ³² - Кн. V, гл. 20.
- ³³ - Слово в Неделю пред Рождеством Христовым (24 декабря 1850 г.), произнесенное в Казанском собор.
- ³⁴ - Слово, произнесенное в пятую Неделю Великого поста, 2 апреля 1867 г., в Исаакиевском соборе.
- ³⁵ - Слово в Неделю Ваий, сказанное в Исаакиевском соборе, 5 апреля 1859 г.
- ³⁶ - Злат. бес. на Матф. 85
- ³⁷ - Учительное известие в конце служебника
- ³⁸ - В кратком очерке «уголовного законодательства иудейского» мы будем в точности следовать одному из современных нам ученых иудеев, коего исследованиям «о постановлениях Моисеевых» (des institutions de Moise, Demonstr. Evang. 1. XVI, p. 734. Salvador, op. cit, lib. IV, ch. Administration de la justice), где он пользовался как законами собственно Моисея, так и достоверными древними раввинскими преданиями – приписывают высокое значение даже известнейшие законоведы Европы. А для нас они тем важнее, что можем воспользоваться ими, как орудием противника веры Христовой для его же поражения.
- ³⁹ - Потому в свидетели не принимались ни женщины, так как в ней не предполагалось столько смелости, чтобы она решилась, по закону, нанести первый удар осужденному, ни детей, которые не могли подлежать строгой ответственности.

⁴⁰ - Mischna, t. IV de Sanhear. Cap. IV § 2 it. Bartenora, Maimonides, Coccejus: de poenis

⁴¹ - Mischna, loco citat. Cap. IV § 4

⁴² - Mischna de Sanhendr, Cap. IV § 2

⁴³ - Если какие-нибудь судьи объявляли, что они недовольны решением дела, то к судейскому совету присоединяли еще двух других, и так до тех пор, пока, наконец, не составлялся совет из 72 лиц; члены его, в таком случае, составляли великий совет, или синедрион.

⁴⁴ - V. Prost. de Royer, t. II. pag. 205, au mot: accusation, p. 85.

⁴⁵ - Бес. на Иоан. 83

⁴⁶ - Златоуст бес. на Матф. 84

⁴⁷ - Избр.разм. на страд. Господ. – Хр. чт. 1845. г. Ч. II.

⁴⁸ - С этим согласен и Сальвадор: Caiphe, говорит он, se constitue son accusateur. pag. 85.

⁴⁹ - Бес. на Ин. 83.

⁵⁰ - Св. Златоуст говорит, что если Христос и говорил нечто сокровенное, то говорил однакоже не из боязни, и не для возмущения, как предстали иудеи, а потому что некоторые слова Его превосходили понятия многих (Бес. на Ин. 83, 3). И бл. Августин на то же указывает говоря, что учение, которое Христос сообщал ученикам наедине, имело быть по заповеди самого Господа проповедано всему миру (S. August. in Johan. Tr. 113. N.3).

⁵¹ - Злат. в указ. месте.

⁵² - Злат., там же

⁵³ - S. August. Tract. in Joh. 113

⁵⁴ - Св. Злат., бес. на Ин. 83.

⁵⁵ - Ср. Деян. 23:3. Как согласить ответ Спасителя, в настоящем случае, с Его собственной заповедью: Аз же глаголю вам не противитися злу: но аще кто тя ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мф. 5:39)? – По мудрому изъяснению бл. Августина, Иисус Христос явился здесь не только исполнителем Своей заповеди об обращении с

оскорбителями, ударяющими в ланиту, – ибо Он имел в то время совершенную готовность не одну ланиту, а все тело предать на ужаснейшие мучения, – но еще более – истолкователем преподанных Им уроков терпения, вразумляя нас Своим правдивым и исполненным кротости ответом, что от нас требуется, главным образом, внутреннее мирное расположение сердца, а не одно показание телесного терпения. «Очень может быть, – замечает блаж. Августин, – что кто-либо в гневе даже наружно и поступит по заповеди Господа, но не исполнит ее в сердце, пред Судией сердец человеческих Богом». (S. Aug. Tr. in Joh. 113, п. 4). Кроткое слово Спасителя показывает, как мирно было Его сердце в сии тяжкие минуты. Итак, не есть ли это самый высокий образец кротости, какую соблюдать должно при оскорблениях?

⁵⁶ - Злат. бес. на Матф. 84

⁵⁷ - «Он говорил, – рассуждает св.Златоуст, – не «разрушу» (утвердительно и как бы с некоторой угрозой), но разрушите (условно) и притом говорил не о церкви, а собственном теле» (Бесед. на Матф. 84). Подобным образом рассуждают иероним, Феофилакт, Евфимий. Ср. Матф. и Марк с Ин. 2:19–21.

⁵⁸ - Бес. на Матф. 84

⁵⁹ - Бес. на Матф. 84

⁶⁰ - Злат. бес. на Матф. 84

⁶¹ - «Mais Jésus», говорит Сальвадор (1.c.p.82), en donnant de nouvelles forms à des idées déjà repandues, parle de Ini-même comme dun Dieu; ses disciples le répètent, et la suite des événements prouve avec la dernière évidence qu'ils lentendaient ainsi (нужно бы это заметить социнианам и рационалистам); c'était un horrible blaspheme aux yeux des citoyens; la loi commande de ne s'attacher qu'à Jehovah, l'unique; de ne croire jamais à des dieux de chair et de sang, ayant ressemblance d'homme ou de femme», etc, (Cf. Orobium in Amica collat. ad Limb.. cit. in tertio Scripto n. VII seqq. Et Salvador. Hist. des institut. de Moise. t. II. liv. IV. ch. III. Jugement et condamnation de Jésus.

⁶² - In lib. Tikkune Sohar, apud Glaesener, Theol. Sogarica p. 87. «Metatron est ipsissima Schechina, et Schechina Metatron

Jehovae vocatur, quia corona est decem Sephirarum». Здесь показывается тождественность Шехины и Метатрона (под. место встречается ap. And. Danzium in Menschen N. T. ex Talmudb illustr. p. 733. Edzardi tract. Berachot. p. 232). А другие места показывают, что Метатрон и Шехина, в иных отношениях, различаются между собой, и что «Метатрон с Шехиной становились тождественными в той мере, в какой этот последний предпринимал свое начало от первого и лично представлял себя в нем». Так in lib. : Eschel Abraham ap. Danzium. op. cit. p. 735: «Columna medietatis est Metatron, in quo apparet Sanctus ille in Schechina sua»; и в другом месте, ap. Sommer p. 36. «Deus Opt. Max., ejusque Schochina sunt intra Metatronem quippe qui vocatur Schaddai»; ib p. 37. R. Moses Corduero ait. : "Schechina est incluza in Metatron». Cf. Knorrta Rosenroth in Kabbalo denudata, Sulzbaei 1677, p. 1. p. 678 ad vosem... Cf. etiam: Schoettingen de Massia 1. III, thes. III, seqq.

⁶³ - Сверх вышеприведенных исследований заслуживают внимания Hengstenberg, Christologia V. T. in dissert de Divinitate Messiae in V. T., par 1, c. III, p. 215. seqq. cl. Drach.: deuxieme lettre d'un Rabbin converti Paris, 1827; Grotius, de veritate rel. 1. V. В указанных исследованиях приводятся очень ясные, разительные доказательства из вероучения иудеев, удостоверяющие, что иудеи, по общепринятому у них древнейшему преданию, признавали, что Мессия имел быть Богом, лицом, рожденным от Бога Отца, долженствовавшим состоять из двоякой природы в одном лице, и все прочее, чему учит Церковь Христова. De libro Sohar vid. In Kabbala denudate IV. vol. 4.

⁶⁴ - И то, нужно заметить, судья – потому лишь, что самоуправно присвоил себе это звание, хотя, как известно, по гражданскому тогдашнему праву, синедрион не мог судить судом уголовным. Об этом подробнее – ниже.

⁶⁵ - Бес. на Матф. 85.

⁶⁶ - Бес. на Матф. 85

⁶⁷ - Постная триодь, В.Пят. утр. Антиф. 13, 2

⁶⁸ - С тех пор, как Иудея присоединена к римской империи и сделалась ее провинцией (а это было уже при Августе), иудеи хотя пользовались собственными гражданскими законами, касавшимися до благочиния и земского (municipale) управления, равно как общественным отправление своего богослужения, и т.п., однако не имели уже права жизни и смерти. – Это право римляне всегда удерживали за собой: «apud Romanos», говорит Тацит (Annal. X) *jus valet gladii, caetera transmittuntur*, – и в Иудее предоставили его римским правителям, игемонам (praeses), или тем лицам, которые исправляли эту должность (vice praesidis) в звании прокуратора кесаря (procurator Caesaris), чем был на то время Пилат (Jos. Antiqu lib. 18, с. 4). Итак первосвященники, книжники и их друзья – фарисеи, если имели какие-либо опасения на счет проповеди и дел Иисуса Христа, если страшились за свое богослужение, – могли только расспрашивать о Его верованиях и учении, делать род предварительного исследования, даже сделать донос в том случае, когда бы действительно это учение противно было их закону. Только. Но этот закон, хотя и не допускал никакого нарушения в порядке религиозном, не имел однакоже никакой «понудительной силы» (vim coercitivam) в порядке внешнем. Совет иудеев не в праве был произнести смертный приговор. Нет сомнения, что так именно должно понимать текст Евангелия, где иудеи говорят Пилату: «не достоин нам убить никогоже», – не достоин, потому, что они лишены были уголовно-судебной власти (de justice criminelle) – с тех пор, как стали подданными римлян (Loiseau, Traicte de Seigneries. chap. de Justices appartenants aux villes). См. Подр. сравн. Обзор Четвероев., Спб. 1859. Ч. II, стр. 86, прим. к § 105.

⁶⁹ - Бес. на Иоанн. 83

⁷⁰ - Там же

⁷¹ - Бес. на Иоанн. 83

⁷² - S. August. Tract. In Joh. 114

⁷³ - Избр. разм. на страд. Господ., Хр. чт. 1845, ч. II

⁷⁴ - Злат., бес. на Матф. 84

⁷⁵ - Св. Лев В., избр. разм. на стр. Господ.

- ⁷⁶ - Там же
- ⁷⁷ - По этому-то Клавдий Лисий писал к игемону Феликсу, по делу ап. Павла: «я нашел, что его обвиняют в некоторых спорных мнениях, относящихся до закона их, но впрочем, нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков ». (Деян. 23:25).
- ⁷⁸ - Бес. на Матф. 86.
- ⁷⁹ - Злат. бес. на Матф. 86.
- ⁸⁰ - Хр. чт., ч. 29, стр. 349. «Последние дни земной жизни Иисуса Христа».
- ⁸¹ - Злат., бес. на Матф. 86
- ⁸² - S.Cyrrill. in Joh., lib. IX. cap. 5
- ⁸³ - Loco citato
- ⁸⁴ - Cf. Bossuet, Politique. Tiree des propres paroles de l'Ecriture s., 1.5, c.6: De l'amour de la patrie: «Jésus Christ établit par sa doctrine et par ses exemples l'amour que les citoyens doivent avoir pour leur patrie».
- ⁸⁵ - Бес. на Матф. 86
- ⁸⁶ - Там же
- ⁸⁷ - Хр.чт.ч.30. стр.104 и 105
- ⁸⁸ - Кстати припомнить, что это тот самый Ирод-плотоугодник, которого Иоанн Креститель обличал в кровосмешении с женой брата и который, из угождения Иродиаде, подверг мученичеству св. обличителя. Мф. 14:1 и 11
- ⁸⁹ - Быста же, замечает евангелист (ст.12) друга (сделались друзьями) Ирод же и Пилат в той день с собою: прежде бо беста вражду имуще между собою.
- ⁹⁰ - Один из толкователей св. Писания представляет на этот предмет следующую неопровержимую дилемму: Audi te ipsum, Pilate: si innocens est Christus cur non absolves? Si flagris caedendum judicas, cur innocentem illum pronuncias? (Gerhard harm. cap. 193, pag. 1889).
- ⁹¹ - Св. Льва В. Разм. на стр. Господ.
- ⁹² - Бес. на Мф. 86.
- ⁹³ - Некто иудей Сальвадор, желая объяснить, почему иудейский народ столь бесчеловечно несправедливый к Иисусу

Христу – мог принять участие в Варавве, говорит, что это отнюдь не был какой-нибудь отъявленный злодей, презренный преступник, которого одно имя наводило ужас и отвращение. Нет, Варавва, по его уверению, был жаркий ревнитель отечественной свободы, которого любовь к отечеству побуждала к благороднейшим предприятиям; это был человек уважаемый, узник знаменитый, хорошо известный старейшинам, синедриону, первосвященникам, и пользовавшийся важным влиянием на них: и не трудно понять, каким образом народ иудейский с своими неприязненными расположениями к римскому правительству, мог принимать в Варавве безмерное участие (*un interet immense*). *Salv. Hist. des inst. de Mois. t. II, pag. 105 – 109*). Однакож, при таком произвольном предположении, никак нельзя понять, каким образом римский прокуратор, которому, конечно, хорошо была известна мрачная подозрительность римского двора, имея полную возможность – из всех узников указать на любого, – решился бы избрать (для освобождения) самого подозрительного для римлян, открытого мятежника, начальника партии, опаснейшего для римской политики, – особенно в такое время, когда частые возмущения иудеев так сильно обнаруживали их нетерпимость к чуждому игу! Тем более, возможно ли это предположить в Пилате, политике столь тонком, столь приверженном к римскому двору, что одно имя кесаря совершенно обезоружило его, и, вопреки собственным его решениям, сделало малодушным убийцей? Далее, если Варавва действительно был такой знаменитый мятежник, каким его представляет Сальвадор, то почему же совсем не упоминают о нем ни Иос. Флавий, ни Филон, между тем, как они со всей точностью наименовывають всех предводителей, бывших в то время возмущений? Так, например, говоря о возмущениях при Августе, при Тиверии и его преемниках, они именуют Февду, – сына известного вора, Симона, раба Иродова, пастуха Афронта, и т.п. (*V. Tillemon, Hist. des emper. t. II, p. 173 – 178*); а о Варавве – ни слова. Личность его определяется только сказаниями Евангелия; а по этим сказаниям он был известен как разбойник, убийца. И когда св. апостол Петр, обращая речь свою к тысячам иудеев, очевидцев, сказал прямо, что они

испросили мужа убийцу (Деян. 3:4), то никто не возразил против этого ни слова (V. Guillaume, crit. des doctrin. de mr. Salv. t. II, p. 226 – 230).

⁹⁴ - Бес. на Матф. 86

⁹⁵ - Бич у римлян состоял из различных кожаных ремней, которые прикреплялись к рукоятке и все оканчивались куском свинца или железа (Bynaëus de morte Christi, t. III). Посему-то один из римских поэтов (Martial) называет эти ремешки – *lora horrida*, а у другого этот бич называется – *horribile flagellum* (Horat. sat 1. 3. 119). Бичевание (*flagellatio*) – одно из самых поносных и мучительных наказаний, еще более становилось тяжким от положения страдальца, которого тело было согнуто и обнажено даже до пояса, а руки прикреплены к кольцу, утвержденному в каменном столпе, который не мог иметь более полутора фута возвышения. Был ли Иисус Христос, во время бичевания, привязан к столпу, Евангелисты не упоминают; но постоянное и всеобщее предание утверждает, что был (S. Hieron. in Epitaph. Paulae. S. Paulin. Epist. 54. Prudent. Dyptrch. LXI). Римляне, действительно, подвергали этому ужасному наказанию только за весьма важные преступления (Phil. in Flacc. p. 975): обыкновенно же предавали они бичеванию всех, кого осуждали на крестную казнь (Liv. 1. 32, с. 26). Очевидно, что в настоящем случае, это еще не было следствием осуждения на смерть, а только средством к утолению ярости врагов Иисусовых, как видно из евангелиста Иоанна. Если же по сказанию евангелистов Матфея и Марка тоже бичевание (ибо оно у них описывается в тех же чертах, как и у евангелиста Иоанна) представляется совершившимся уже после осуждения Иисуса Христа, то это, по изъяснению бл. Августина (*de Cons. Evang. lib. 3, cap. 9*), должно понимать так, что евангелисты Матфеем и Марк заботились не о хронологическом порядке повествования, но о том, чтобы о самом суде над Иисусом Христом пред Пилатом, рассказать в непрерывном течении речи: и потому сказание о бичевании предложили особо.

⁹⁶ - Св. Злат., бес. на Ин. 84

⁹⁷ - Христ. чт., ч. 30, стр. 70.

⁹⁸ - Бес. на Ин. 84.

⁹⁹ - Cyrill. Alex. In Joh. I. XII, с. 20. S. Chrysost. loco cit.

¹⁰⁰ - Ovid. Metam., I. 1. Сн. Деян. 14:11,12

¹⁰¹ - Хр. чт., ч. 30, стр. 79.

¹⁰² - Бес. на Ин.84

¹⁰³ - «Дано здесь то же, – говорит св. Златоуст, – что допущено; значит, как бы так сказал Он: Бог попустил быть сему; однакож эт оне избавляет вас от греха...» (Бес. на Ин.84). Отсюда видно, что по разумению св. Златоуста, свыше ἄνωθεν, означает от Бога. Так объясняют эти слова и другие церковные толкователи (напр. Евфимий: εἰ μὴ ἦν σοὶ συυκεχοίριμενον ἐκ Θεοῦ)! А то мнение, будто под словом свыше разумеется синедрион, предавший Иисуса Христа Пилату (Semler, Bolten), или кесарь, от которого Пилат сделан прокуратором (Usteri), весьма произвольно и неуместно.

¹⁰⁴ - Сего ради – относится к словам: дано свыше. Но в таком случае естественно рождается недоумение: следует ли из того, что власть судить Иисуса Христа дана была Пилату свыше, чтобы он (если судил несправедливо) имел меньший грех, нежели те, которые предали ему Иисуса? Каким же образом решить это недоумение? Златоуст, Феофилакт, Евфимий – выражение сего ради относят не к слову: дано свыше, и проч., но к предшествовавшим словам Пилатовым, и выражение διὰ τοῦτο – объясняют так: «посему-то, что ты, имея власть освободить Меня, не освобождаешь, и ты не освободишься от греха, хотя твой грех и меньший греха тех, которые предали Меня тебе: ибо их грех – злобное человекоубийство, а твой – слабость и легкомыслие». (Euthym: διότι ἐξουσίαν εἶχεις, καὶ οὐκ ἀπολύεις με, οὐκ ἀπολέλυσαι ἁμαρτίας, σὶ καὶ ἐλάττονος τῆς τῶν παταδόντων μὲ σοὶ. Καὶ γὰρ οὗτος μὲν μιαφόνος, σὺ δὲ ἄπαλος καὶ εὐρίπιστος). В таком объяснении достоверно по крайней мере то, что относительная важность греха Пилата и иудеев зависит не от того только, что ему, игемону, дано было судить свыше, но главным образом от тех расположений, с которыми первый и последний участвовали в суде над Иисусом Христом. Приняв это в соображение, мы

можем в выражении «сего ради» найти некоторое довольно близкое отношение и к слову «дано свыше» – в следующей связи речи: «судить дано тебе свыше, и ты судишь, – судишь по праву (хотя и без правды); посему меньший на тебе грех за несправедливость суда, за злоупотребление данного тебе права, чем на тех, которые предали Меня тебе на суд, без всякого права, незаконно и настоятельно требуют незаконного осуждения, не имея сами на то власти».

¹⁰⁵ - Предавый – в значении слова «собирающего» относится ко всем вообще иудеям, предавшим Господа.

¹⁰⁶ - Tract. in. Joh. 118.

¹⁰⁷ - Христ. чт., ч.30. стр. 81–83

¹⁰⁸ - Так как и прежде сего Пилат провозглашает невинность Иисуса Христа и, значит, искал отпустить Его, то, в настоящем случае, слова евангелиста должно понимать так, что решимость Пилата особенно усилилась после второго допроса Иисуса Христа. Cf. August. Tr. in Joh. 112

¹⁰⁹ - Amicus Caesaris было почетным титулом римских легатов и префектов (V. Wetstein zu d. St.). Здесь употреблено это имя в более общем значении, только для выражения преданности и верности кесарю, – как ясно видно это из противоположного выражения: противиться кесарю.

¹¹⁰ - Св. Злат., бес. на Ин. 84.

¹¹¹ - Св. Льва Вел., Разм. на страд. Господ.

¹¹² - Λιθόστρωτον, pavimentum tessellatum. Это был высокий помост, или пол, устланный мрамором, по большей части разноцветным, художественно расположенным. Сирохалдейское слово гаввафа тоже означает возвышенный помост. Седи лифостратона тоже находилось судейское место – βήμα, tribunal, под открытым небом (V. Bynaeus, de morte Christi, lib. 3, p. 165. 174).

¹¹³ - Св. Лев В. в разм. на страд. Господ. Эта мысль, которую весьма нередко можно встретить и у многих языческих писателей (V. Wolf Curs. Philol. ad Math. 27, 24), без сомнения, была хорошо известна и Пилату.

¹¹⁴ - Не мог не знать Пилат и этого превосходного римского закона: «*vanae voces populi non sunt audiendae, quando aut noxium crimine absolve, aut innocentem condemnare desiderant*». Lex.12, Cod. de poenis. Мог он читать и у Горация: «*Justum ac tenacem propositi virum, Non civium ardor prava jubentium, Menti quatit solida*».

¹¹⁵ - Св. Льва В. Разм. на страд. Господ.

¹¹⁶ - Бес. на Матф. 86

¹¹⁷ - Бес. на Матф. 87

¹¹⁸ - Злат. Бес. на Матф. 87

¹¹⁹ - Хр. чт., ч. 30, стр. 210

¹²⁰ - Христ. чт., 80, стр.224

¹²¹ - Избр. разм. на страд. Госп., Хр. чт. 1845 г., ч. II.

¹²² - Постн. триодь. Вел. субб. утр. ст. 3, стр. 139.

¹²³ - Вел. Пят. утр. песн. 9, тр, 7.

¹²⁴ - Бес. на Мф. 86.

¹²⁵ - Избр. разм. на страд. Госп. Хр. чт. 1845. г., ч. 2.

¹²⁶ - О сем пророчественном месте, а равно и о всех последующих местах, на которые указываем здесь, довольно заметить, что все они взяты из чтений (часов и паремий) во св. Вел. Пятко, и следовательно самой Церковью прилагаются к Иисусу Христу.

¹²⁷ - Постн. триодь, В. Пят. на 3 часе, В. Четв. на повеч. п. 5, тр. 5.

¹²⁸ - S.Augustin. tract. in Joh.114

¹²⁹ - «Делаша», евр. (харешу) выражает собственно биение кузнецов молотом по наковальне, или еще значит избороздить землю оранием: таково было бичевание!

¹³⁰ - S.Hieronum. in. h. 1

¹³¹ - Вел. Пят. на блаж. ст. 4. Снес. Деян.3:14. К месту припомнить здесь и прообразовательный закон о двух жертвенных козлах, из которых одного, как бы обремененного исповеданными на нем беззакониями сынов израилевых, надлежало отпускать в пустыню, а другого приносить во

всесожжение – за грехи людей. И отпустивший козла измывал себя водой (Лев. 16:5–26; см. Матф.27:20–25).

¹³² - Злат., разсужд. прот. иуд. и яз. о том, что Иисус Христос есть истинный Бог. Хр. чт. ч. 47.

¹³³ - См. Часы и паремии в Вел. Пяток.

¹³⁴ - S.Augustin. tract. in Johan.114

¹³⁵ - Признавая суд над Иисусом Христом «искупительным», мы не думаем чрез то утверждать, что наше искупление совершилось единственно или даже главным образом через суд над Иисусом Христом; сила нашего искупления по учению апостольскому – в крестной сметри Иисуса Христа. А суд, совершенный над Ним, имеет искупительную силу по тому самому, что он есть непосредственное предуготовление и даже начало самых крестных страданий Спасителя. Посему-то, если бы надлежало вполне показать значение рассматриваемого события в догматическом отношении, то мы должны были бы взять его в связи с другими важнейшими истинами христианского вероучения. Здесь же мы ограничились той лишь стороной его, с которой оно может быть рассматриваемо отдельно.

¹³⁶ - Постн. триодь: Вел. Понед. утр., по 2 стихосл.

¹³⁷ - Октоих, гл.3, нед. кан. п.5, тр.1.

¹³⁸ - Гл. 2, нед. кан. п. 7, тр. 1.

¹³⁹ - Окт. гл. 4, пят. кан. п. 4, тр. 1.

¹⁴⁰ - Там же, п. 8, тр. 1.

¹⁴¹ - Вел, пят. на Госп. воззв., и ныне

¹⁴² - Окт. гл. 8. сред., кан. п. 6, тр. 2.

¹⁴³ - Гл. 4, пят., кан. п. 8, тр. 1.

¹⁴⁴ - Гл. 5, сред. кан. п. 8, тр. 2.

¹⁴⁵ - Гл. 8, среда, кан. п. 6, пр.2.

¹⁴⁶ - Гл.4, пят. кан., п.3 тр.2.

¹⁴⁷ - Октоих, гл.4, сред., кан. п.6, тр.1.

¹⁴⁸ - Гл.6, вторн., на Госп.воззв., ст.2.

¹⁴⁹ - Гл.6. сред. кан. п.7, тр.1

¹⁵⁰ - Гл. 6, четв., на Госп. воззв., ст. 2.

- 151 - Гл. 5. сред., кан. п. 7, тр. 2.
 - 152 - Гл. 8, пят., кан. п. 5, тр. 1.
 - 153 - Гл. 8, сред., кан. п. 8, тр. 1.
 - 154 - Гл.5, сред., кан. п.7. тр.1, – п.9, тр.2.
 - 155 - Гл.3. четв. веч. на Господ. воззв. ст.2.
 - 156 - S. Hieronym. in Matth. 27.
 - 157 - Октоих. гл. 4, пят. кан. п. 9, тр. 1.
 - 158 - Окт. гл, 7, сред., кан. Богор., п. 3, тр. 2.
 - 159 - Гл. 6, сред., кан. п. 6, тр. 1.
 - 160 - Гл. 2, пят., кан. п. 5, тр. 1. Гл. 1. сред. кан. п.1. тр. 2.
 - 161 - Гл. 6, пят., кан. п. 7, тр. 2. Гл. 5, сред., ii. 9, тр. 2.
 - 162 - S.Athanas.M. serm. De cruce et passione.
 - 163 - S.Hieronym. in Matth. 27.
 - 164 - S.Cyrill. lib.XII in Johan.
 - 165 - Октоих, гл.3, четв.веч. на Госп.воззв. ст.2.
 - 166 - S.Ambros. in.Luc.cap.22.
 - 167 - S.Hieronym. loco cit.
 - 168 - Вел.Пят. на хвал., слав.
 - 169 - Homil. In Joh.64.
 - 170 - S.Ambros. in.Luc. с.22.
 - 171 - Избр. размышления на страдания Господ. Хр. чт.1845 г.
- Ч.II.
- 172 - S.Chrysostom. Homil. In Joh. 84.
 - 173 - S.Ambros. in.Luc.c.22.
 - 174 - S.Hieronym. in Matth. 27.
 - 175 - Св.Ефр.Сир. Opp.tom.3, pag. 246, 8.
 - 176 - Было первоначально напечатано в Христ. чтении (Октябрь 1845 г.), потом особой книжкой – тремя изданиями (1845, 1848, 1853).
 - 177 - На Воздвиж., светилен. – Служба честн. кресту, кан. песн. 8, троп. 3.
 - 178 - Св. Иоанна Златоуста, бес. 54 на Матф.
 - 179 - Пр. Феодора Студ., сл. на покл. кресту.

- 180 - Св. Андрея Крит. слово на Всеславное Воздвижение ч.
и ж. крста.
- 181 - Св. Андрея Критского в том же слове.
- 182 - Канон на Воздвиж. Ирмос 1.
- 183 - На Воздв. Стихир. Самогл. 7.
- 184 - Кан. песн.4, тр.1.
- 185 - Песн.9. ирм.2, троп.2.
- 186 - Песн.3, тр.1.
- 187 - Песн.3, тр.2.
- 188 - Кан. песн.4, тр.2.
- 189 - По 2 стихосл. ст.2.
- 190 - Стих.самогл.7.
- 191 - Кан. песн.1 тр.2.
- 192 - Песн.6. тр.1,2.
- 193 - Песн.7. тр.3.
- 194 - Песнь.3, ирмос.
- 195 - Быт.2:9. Св.Иоанна Дамаскина, Точное изложение
православной веры, кн.4, гл.11
- 196 - Быт.22:6, св.Андрея Критского. Сл. на Воздвижение
чест.крста.
- 197 - Быт.30:37–43, в том же слове св.Андрей Крит., и
пр.Феодора Студита, слово на поклонение кресту среди
четыредесятницы.
- 198 - Исход, гл.7 и след. В том же слове прп.Феодора
Студита.
- 199 - Исх.13:21, Сл.св. Андр. Крит. на Воздв.
- 200 - 4Цар.2:8, в том же слове св.Андрея Критского.
- 201 - Там же.
- 202 - Кан. на Воздв., 6 ирм.
- 203 - Камень веры, о честн.кресте.
- 204 - Прп.Феодора Студ. Слово на покл. Крсету.
- 205 - На Воздвиж., стих., самогл. 6; св. Иоанна Дам., о вере,
кн. 4, гл. 11.
- 206 - Кан. на Воздв., песн. 8, троп. 1.

- 207 - Св. Иоан. Дамаск., 4. кн. о вере, гл. II
- 208 - Св.Иоанн Дамаск. Бес. на Вел.Пяток.
- 209 - Св. Андрей Крит. в слове на Воздвиж.
- 210 - Там же.
- 211 - Служба апост. общая. (или 30 июня), кан. п.4, тр.2.
- 212 - Св. Прокла, архиеп. Константиноп., похвала св. ап. Павлу.
- 213 - Св. Прокла. Слово, похв. св.ап.Андрею.
- 214 - Сл. св.ап.Иоанну Богослову. (сент.26), по 2 стихосл, седален.
- 215 - Послание пресвитеров и диаконов Ахаии, учеников св. ап. Андрея и очевидцев его мученичества. Христ. чт., ч. XVI (1824 г.), стр. 275–276.
- 216 - Св. Василия Вел., сл. о св. мучен. Гордие.
- 217 - Св. Григ. Богосл. 1 облич. сл, на ц. Юлиана.
- 218 - Св. Злат., похв. слово всем св. мученикам.
- 219 - На Воздв., на Господи воззвах, ст. 2; на стиховне, ст. 2.
- 220 - На Воздв., на хвалитех, ст. 3.
- 221 - Сл. св.Ефрема Сир. Сл. на покл. Кресту.
- 222 - Прп. Феодора Студ. Сл. на покл. Кресту.
- 223 - Леонтия, еп.Неапол. сл.5, прот. Иуды.
- 224 - Злат. бес. о назв. Кладбища и о кресте.
- 225 - Слова одного из отцов – некот. Иконоборцу. См. святителя Тихона, еп. Воронежского, письмо о знаменовании благословляющей иерейской руки.
- 226 - Прп. Феодора Студ. Сл. на покл. Кресту.
- 227 - Злат. рассужд. Против иудеев и язычн.
- 228 - Св.Андрей Кр., сл. на Воздв.
- 229 - Прп. Феодора Студ. Сл. на покл. Кресту.
- 230 - Злат. прот. Иуд.
- 231 - Андр.Критск.
- 232 - Григ. Наз. стихотвор. XXI, в котором прогоняется диавол.
- 233 - Злат., рассужд. прот. иуд. и язычн.

- 234 - Crucicolae – так называли христиан, еще первенствующей церкви, язычники. Min. Felix. Octav. 2,9
- 235 - Тертуллиан, писатель II христианского века, in libro de corona militis (о венце воина).
- 236 - Там же.
- 237 - Кан. на Воздв., песн. 1, троп. 3; песн. 9. ирм. 2, тр. 3
- 238 - Св. Андрея Критс. Слово на Воздвиж.
- 239 - Пр. Федора Студ. Слово на поклонение Кресту.
- 240 - На Воздв. кан., песнь 9, тр. 1.
- 241 - Св. Федора Студ. Слово на поклонение Кресту.
- 242 - Простр. Правосл. катехизис.
- 243 - Св. Дионисий Ареопаг. О церк. иерерхии, гл. 5; св. Златоуст. бес. на Матф. 54.
- 244 - Св. Иоанн Дам. О вере. Кн. 4, гл. 11.
- 245 - Высокоперсв. Филарета, митр. Моск. сл. в Вел. пят; бл. Иеронима толк. на Ев. от Марка. гл. 11.
- 246 - Высокопр. Иннокентия., «Страстная седмица», слово в Вел. Вторник.
- 247 - Св. Амвросий Медиол. (кн. 3, сл. 56) – тоже называет св. крест – «мачтой с парусами в великом корабле Церкви».
- 248 - Св. муч. Иуст. Филос. аполог. I гл. 33. Подобные мысли есть и у многих других св. отцов.
- 249 - Бес. на Матф., 55 – Бл. Августина тракт. 118, на Иоанна.
- 250 - Св. Ефрема Сирина, сл. на честный крест, и на второе пришествие Христово; – св. Иоанна Дам. 4 кн. о вере.
- 251 - Октоих. 3 глас, в ср. на утр. седален; и мног. др.
- 252 - На Воздвиж. Паремия 3
- 253 - Обличение непр. раск. Гл., 2, разс. 2, лист. 43, 44. Камень веры, о честн. кресте.
- 254 - В привед. месте той же паремии на Воздвижение.
- 255 - Житие св. Симеона Столп. Сент. 1
- 256 - Житие прп. Илариона Вел. Октябрь. 21
- 257 - Житие. Прп. Антония Вел. Янв. 15; свв. муч. Киприана и Иуст., окт. 2; прп. Варлаама и Иосафа, нояб. 10 и мн. др – Камень

веры о чудесах, бываемых от Креста.

258 - Св. Афан. Вел., сл. о воплощении.

259 - Св. Григ. Боголс. стихотв. XXI

260 - Св. Иоанна Злат. слово на покл. Честному кресту (помещ. В Камне веры).

261 - Златоуст. Бес. на Матф.54

262 - Григ. Наз. или Богослова, слово 1, обличит. на царя Юлиана.

263 - Св. Антония Вел., письмо (1 к монах. (о том, что духи злобы всегда стараются совратить благочестивых людей с пути добродетели): «днем и ночью молю о вас Господа..»⁴ и проч.

264 - Слова св. Антония Вел. в том же письме.

265 - 1Солун. 2:18

266 - Св. Иоанна Дамаск. О вере. Книга 4, гл.41

267 - Послед. Молитва на сон грядущим. Неизлишним считаем напомнить здесь о следующем наставлении св. Церкви: «Таже (т.е. после вечерних молитв) целуй крест твой и прекрести крестом место твое (постель) от главы и до ног: такожде и от всех стран, глаголя молитву честному кресту».

268 - Св. Григ. Богосл., слово о человеческой природе.

269 - Св. Злат., бес. на Мф. 54.

270 - В его сл. о человеческой природе.

271 - Там же

272 - Св. Григорий Богосл. Стихотв. XXI. О побеждении гнева. Христ. чт. 1840 г. Ч. III.

273 - См. Лимонарь или Луг духовный, гл.3.

274 - Григ. Наз. в указ. выше стихотв. О побеждении гнева

275 - Св. Григ. Наз., сл. о малоценности внешнего человека и суете всегоящего.

276 - Пр. Ефрема Сир., сл. на честный и животворящий крест.

277 - Огласит. поуч. 13, 36.

278 - Житие св. Иоанна Богослова, сент. 26.

279 - Житие св.апостола Филиппа. Ноября. 14. О сем и о прочих житиях – см. Четьи-Минеи, собранные и сост. Св.Димитрием, святителем и чудотворцем Ростовским. Камень веры, о чесн. Кресте.

280 - Жит. Св. Епифания. Еп. Кипрск. Мая 12.

281 - Жит. Пр. Макрины, июля 19.

282 - Сл. 18, говор. в похвалу и в утешение матери Нонне, в присутствии св. Василия В.

283 - Жит. св. Феклы, сент. 24.

284 - Жит. св. мученицы Василиссы, сент. 4.

285 - Жит. св. муч. Авдона и Сенн. июля 1; св. Павла Фив., янв. 15 и мн. др.

286 - Лимонарь, или Луг дух., гл. 3.

287 - Жит. преп. Венед. марта 12

288 - Жит. св. Иоанна Богосл. сент. 26.

289 - Св. Злат. Сл. на поклон. Чест. Кресту в средопокл. Неделю.

290 - Бес. на 3 гл. к Колосс.

291 - На Воздвиж. стихир. после Евангелия.

292 - На Воздвиж. на хвалит., ст. 4

293 - Кан. честн. кресту, песн. 8, троп. 4.

294 - Камень веры, изд. 1848 г., ч. I, стр. 296. Новая скрижаль, гл. III, § 5.

295 - Гл. 33. Нов. скриж. гл. XI.

296 - Речь огласит. Гл.32. Нов.скриж. гл.XI, §9.

297 - Св.Афанасия Вел. Слово о воплощении. Нов.скриж. гл.XI.

298 - Камень веры. Ч.I, стр.227.

299 - Кан. честн, кресту, песн.: 4. (Камень веры, в указ. месте).

300 - Кан. песнь 4, тр.2.

301 - Блаж. Августина, посл.120. Нов. скрижаль, гл. XI, § 8.

302 - Св. Иоанна Дам. О вере кн. 4, гл. II.

303 - Лактанция, кн. 4, гл. 26. Нов. скриж. гл. XI.

- 304 - Св. Андрея Критского, Слово на всеславное Воздвижение.
- 305 - Амвросия Мед. Книга о Исааке, гл.8, в изъясн., слов Песн.8:6.
- 306 - Св.Андрея Кр. Слово на Воздвижение честн. и животв. креста.
- 307 - Пр.Феод.Ст. Слово на поклон. Св. кресту, ср. четырдесятницы.
- 308 - Христ. чт., 1821 г., ч. IV, стр. 88.
- 309 - Мол. Утр., 8, Ин.8:34,44, и Ин.3:5 и проч.
- 310 - Совершается в Вел. Четверток ввечеру, идя в Вел. Пятюк в раннее утро.
- 311 - Совершаются в Вел.Пятюк утром.
- 312 - Псал. 103: Благослови, душе моя, Господа.
- 313 - Плач на погребение Христова.
- 314 - 6 января, на хвалит. Стихир.4
- 315 - 4 января, на стих. веч., ст. 2
- 316 - 3 янв., на утр., по 2 стихолог., сед.
- 317 - 6 янв. на лит., ст. 5.
- 318 - 5 янв. кан., п. 3, тр. 3.
- 319 - Троп. перед водоосвящ.
- 320 - Янв., на повеч. песн. 9, 2-го кан. тр. 3.
- 321 - Акафист сладчайшему Иисусу, ик.7
- 322 - Воскр. троп., 1 гл.
- 323 - Слово в неделю святых отец, сказанное в Казанском соборе, 28 мая 1854 г.
- 324 - Слово в неделю по просвещении, сказанное в Казанском соборе 8-го января 1856 г.
- 325 - Слово в Неделю перед Воздвижением, сказанное в Казанском соборе 11-го сентября 1854 года.
- 326 - Октоих, гл.2, нед.кан.полун.,ирм 4.
- 327 - Беседа о покаянии 1
- 328 - Слово в Неделю 12-ю по Пятидесятнице, произнесенное в Казанском соборе, 7 авг. 1855 г.

- 329 - Бес. на Мф. 42.
- 330 - Бес. о покаянии 3.
- 331 - Злат., бес. на Мф. 43.
- 332 - Высокопреосв. Филарета, митр. Московского. Слово в Неделю вторуюнадесять.
- 333 - Бес. на Мф. 43.
- 334 - Слово в Неделю 22-ю по Пятидесятнице, сказанное в Казанском соборе, ноября 12, 1850 г.
- 335 - Беседа о Лазаре 3
- 336 - Беседа о Лазаре, 7
- 337 - Слово в Неделю 23-ю по 50-це, сказанное в Казанском соборе 15-го ноября, 1853 года.
- 338 - Христ. чт., 1826 г., ч. XXIII, стр. 180.
- 339 - Слово в Неделю 25-ю по Пятидесятнице, сказанное в Исаакиевском соборе, 29 ноября 1864 г.
- 340 - Слово в Неделю 26-ю по Пятидесятнице, сказанное 25 ноября 1851 г. в Казанском соборе.
- 341 - В слове на текст: разорю житницы моя и большия созижду
- 342 - Слово в Неделю 14-ю по Пятидесятнице, произнесенное в кафедр. Исаакиевском соборе, 25 авг. 1868 г.
- 343 - Св. Иоанна Злат., бес. о непостиж. III.
- 344 - Слово, произнесенное в Казанском соборе, в Неделю 27-ю по 50-нице 9 дек. 1856 года.
- 345 - Сдowo в Неделю 27-ю по Пятидесятнице.
- 346 - В бес. о зависти.
- 347 - В беседе о зависти.
- 348 - Беседа в Неделю блудного сына, сказанная в Казанском соборе, 22 января 1855 года.
- 349 - Слово в Неделю о блудном сыне, сказанное в Казанском соборе.
- 350 - Слово в Неделю сыропустную, произнесенное в Исаакиевском соборе, 14 февраля 1865 г.

³⁵¹ - Есть и церкви во имя св. ап. Иакова Алфеева, напр. в Киеве, при церкви Покрова Пресв. Богородицы в подольской части. См. Полный христ. месяцеслов. Киев, 1854, стр. 356.

³⁵² - Никифор. кн. II, гл. 40. См. также об Апостолах в начале богослужебной книги Апостол. Дни богослуж. прот. Г. Дебольского, изд. 6-е. 1866 г. т. I, стр. 336.

³⁵³ - На стих., стих 4

³⁵⁴ - Светилен, 9 октября.

³⁵⁵ - Кан. п.4, тр. 1

³⁵⁶ - Кан. п.1, тр. 3

³⁵⁷ - Кан. п. 6, тр 3.

³⁵⁸ - Кан. п.9, тр. 3

³⁵⁹ - Икос

³⁶⁰ - Кан. п.8, тр. 2

³⁶¹ - Кан. п.9, тр. 1

³⁶² - На Хвал. ст.2

³⁶³ - На стих. ст.1

³⁶⁴ - На Госп. Воз. Слава.

³⁶⁵ - На Стих. ст.1

³⁶⁶ - На Стих. ст.3

³⁶⁷ - Кан. п.7, тр.3

³⁶⁸ - Седал.

³⁶⁹ - Кан. п.8, тр.1 – п.9, тр.2

³⁷⁰ - На Хвал., ст.3.

³⁷¹ - На Хвал. Сл.

³⁷² - См. Месяцеслов православно-кафолической восточной Церкви, прот, Д. Верщиского, Четъи-Минеи, Acta Sanctor. maji VI. р. 364.

³⁷³ - См. Дни богослуж., прот. Г. Добольского, изд. 6, т. 1. стр. 362 и пр. Насчет этой книги, пользующейся заслуженным вниманием благочестивых читателей, заметим впрочем, что относительно родства ап. Иакова мы встретили в ней противоречие: в одном месте (на стр.. 362) Иаков брат Господень называется сыном Иосифа и родным братом ап.

Симона, Иуды и Иосии; в другом месте – о св. апостоле Иуде Иаковлеве (на стр. 338) говорится, что он сын Клеопы брата Иосифова и двоюродный брат Иакова, а родной – Симеона, еп. Иерусалимского, который, – как опять о Симоне Зилоте (на стр. 337) сказано, – должен быть отличаem от Симона брата Господа и ап. Иуды, – новое противоречие. Чтобы устранить такие противоречия, надобно везде держаться одного, – что Иаков, Иуда, Симон и Иосия были родные братья и дети Иосифа обручника, а Симеон, еп. Иерусалимский – двоюродный их брат, как сын Клеопы брата Иосифова.

³⁷⁴ - См. исторический обзор песнопевцев и песнопений греч. церкви Филарета, архиеп. Черниговского, СПб., 1860, стр.244.

³⁷⁵ - Кан. п.3, тр.1

³⁷⁶ - Кан., по 6 песни икос.

³⁷⁷ - На Стих, ст.2

³⁷⁸ - Кан., песн.7, тр.2

³⁷⁹ - На Госп.воззв., ст.3

³⁸⁰ - На Стих, ст.3

³⁸¹ - Конд.

³⁸² - Кан.п.1, ст.3

³⁸³ - Кан.п.1, тр.1

³⁸⁴ - Кан.п.7.тр.1

³⁸⁵ - На стих, ст.4,сл.

³⁸⁶ - На Госп. воззв.сл.

³⁸⁷ - Кан.п.5,тр.2

³⁸⁸ - Кан.п.9,тр.1

³⁸⁹ - На хвал.ст.1

³⁹⁰ - На хвал.ст.2

³⁹¹ - На хвал.ст.3

³⁹² - В списке при богослуж. книге Апостол и в Четьих-Минеях; но в службе 4 янв., хотя не однократно о нем упоминается, – только 2-й тропарь 8 песни канона начинается так: «похвалами Иакова божественными, Клеопу, Варнаву же и Стефана... почтим“.

³⁹³ - Канон. на 26 дек. составлен св. Космой, епископом Маюмским, VIII века. В этой службе св. Иаков Богобрат изображается теми же чертами, как и 23 октября – апостолом, первоепископом и праведным.

³⁹⁴ - Высокопреосвященнейшего Филарета, архиепископа Черниговского. Чернигов, 1862 г. Тоже мнение преосвященный повторил, – ссылаясь на прежние доказательства в объяснении послания, – при толковании Евангелия от Иоанна, печатавшемся в черниговских епархиальных известиях в 1865 и 1866 гг. (см. №. 3, 1 февр. 1866 г., стр. 67).

³⁹⁵ - «В сочинениях протестантов, и особенно новых, часто могут встречать уверение, будто Иаков брат Господень был брат Спасителя родной, и что он не был апостолом или Иаковом Алфеевым“ (См. Опыт объясн. на посл. Ап.Павла к галатам, стр. 34)

³⁹⁶ - Беседа на Мф. 88, ч. 1, стр. 503.

³⁹⁷ - Благовестник. Казань. 1857 г. Ч. I, стр. 501.

³⁹⁸ - Там же, ч. II, стр. 242.

³⁹⁹ - Дни богослужения. СПб. 1866 г., издание 6, ч. 2, стр. 180.

⁴⁰⁰ - V. Hugonis Crotii annotationes in novum Testamentum. Ed. nova, Erlangae et Lipsiae. 1755, t. 2, p. 1128.

⁴⁰¹ - Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 22, перев. с греч., при СПб. д. академии. Тоже в латинском переводе. В подлиннике: Μαρίας τῆς τοῦ Κλωπᾶ.

⁴⁰² - Благовестник. Казань, 1857 г., стр. 248–249. «Братья и сестры Христовы – говорит он, – были дети Иосифовы, которые родились ему от жены брата его, Клеопы. Так как Клеопа умер бездетным, то Иосиф, по закону, взял жену его за себя и родил от нее шестерых детей, четыре сына и две дочери, Марию, которая по закону называлась дочерью Клеопы, и Саломию“. Святитель Димитрий Ростовский находит такое мнение невероятным, потому что не Иосиф пережил Клеопу, а Клеопа Иосифа, – признавая, что Клеопа есть тот самый ученик, который с еванг. Лукой путешествовал Христу воскресшему в Еммаус. Ссылаясь же на греческого историка Георгия Кедрина,

Святитель утверждает, что вышеупомянутая Мария была дочь Иосифа Обручника, и по возвращении его из Египта, вышла замуж за брата его Клеопу, оттого и называется Клеоповой. См. Четьи-Минеи, апреля 27 дня, в конце жития св. Симеона, сродника Господня.

⁴⁰³ - См. «Каталог собственных еврейских, греческих, и несобственных без перевода во всей Библии оставленных имен, по алфавиту собственных и истолкованных», при так называемом Елисаветинском издании Библии, М. 1757 г., и в подобном же Московском издании 1839 г. Кстати заметим, что в означенном каталоге, при этих изданиях, Иаков Алфеев и Иаков брат Господень сливаются в одно лицо; между тем, в предшествующем в них этому каталогу «Соборинке 12 месяцев», тот и другой Апостол показываются отдельно, как особые лица, под разными числами – 9 и 23 октября, – как и во всех месяцесловах православной Церкви. Без сомнения это произошло оттого, что «Соборник» взят из православных церковных книг, а «каталог» – из западного источника, с которого переведен для острожского издания Библии. Можно надеяться, что при следующих изданиях обратят внимание на эту рознь.

⁴⁰⁴ - Известно, что евангелист Матфей один из всех новозаветных писателей написал свою священную книгу – Евангелие на еврейском языке, с которого оно при Апостолах же переведено на греческий, а в еврейском подлиннике до нас не дошло.

⁴⁰⁵ - Такого мнения держался, напр., Гроций. У. Hug. Grotii, annotationes in novum Testamentum. Matth. cap. XIII. v. 55, pag. 312, in XXVII. 56. pag. 663, in XXVIII, p. 570. – Это мнение выражено и нами в 71 примечании к § 106 Подробного сравнительного обзора Четвероевангелия, изд. 1859 г., как представлявшееся нам более прочих вероятным. Теперь, имея в виду изложенные здесь соображения, мы признаем это мнение требующим проверки и исправления.

⁴⁰⁶ - Не можем пройти молчанием, что кроме преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, в его объяснении послания к галатам, тожество Клеопы и Алфея, – предполагаемого отца братьев Господних, – единственно на

разности «произношения» основывают и некоторые другие наши духовные писатели, как напр. протоиерей М. Богословский, в своей Священной истории Нового Завета (СПб. 1861 г., изд. 2, стр. 23), и проф. И. Чельцов – в своей Истории христианской Церкви (СПб. 1861 г., ч. 1, стр. 78). Первый из них говорит: «Клеопа, о котором упоминает в Евангелии Иоанн (19:25) и который у прочих евангелистов, по другому произношению, именуется Алфеем (Мф. 10:3. сн. 27:56. Мр. 3:18. сн. 15:40. Лк. 6:15. сн. 24:10), отец Иакова, Иосии, Иуды и Симона...” Другой: «Апостол Иаков малый или Алфеев, т.е. по разному произношению еврейского слова *Hirhi*, сын Алфея или Клеопы и Марии Клеоповой, сестры Матери Господа...” Основание догадки у того и другого представляется бездоказательным. Но быть может кто-нибудь из записных гебраистов захочет проверить, насколько правдоподобно разное произношение имени Клеопа и Алфей. Тому трудно будет это сделать по начертанию *Hirhi*, и мы для него из другого источника выпишем сочиненное одним немцем еврейское начертание: *Klopas und Alphaus sind Uebersetzung desselben Wortes: ???*. См. *Geschichte des Leben Jesu Christi, von Dr. I. H. Friedlieb. Breslau. 1855. S. 111.*

⁴⁰⁷ - Это замечание может служить ответом на пободные вышеизложенному суждения и других наших писателей. Так в «Начертании церковно-библейской истории» Изд. 8, М. 1844, с.586 сказано: «Иаков Малый, сын Алфеев брат Господень (вероятно, двоюродный, посредством сестер матерей). Некоторые эти наименования разделяют на два лица, и отличают Иоакова брата Господня, епископа Иерусалимского: но их соединяет в одно апостол Павел (Гал 1:19)”. Между тем в указанном месте свидетельство апостола Павла показывает только то, что Иаков брат Господень был апостолом, а отнюдь не называется он здесь ни малым, ни Алфеевым; поэтому, очевидно, не будет ни малейшего противоречия изречению ап. Павла – не соединять, а разделять эти два лица – Иакова малого, брата Господня, и Иакова Алфеева, одного из 12-ти. В «Истории христианской Церкви» проф. И. Чельцова (СПб. 1861 года, стр. 78), говорится: «что ап. Иаков праведный, брат

Господень и первый епископ Иерусалимский есть тоже самое лицо, что ап. Иаков малый или Алфеев, – это видно из соображения следующих мест Свящ. Писания: Деян. гл. 15, ст. 13–24; гл. 21, ст. 18–25. Гал. 1, ст. 19; гл. 2, ст. 9 и 12”.

Внимательно рассмотрев все указанные места, находим, что ни в одном из них св. ап. Иаков вовсе не именуется ни малым, ни Алфеевым, ни Клеоповым. Из всех их можно вывести только то, что в каждом речь идет об Апостоле, который был вместе и предстоятелем Иерусалимской Церкви. Но из этого, опять повторяем, вовсе не следует, чтобы кроме Апостола, бывшего епископом Иерусалимским с именем Иакова, не могло быть другого апостола Иакова, или же, что упоминаемый в указанных местах Св. Писания есть именно сын Алфеев.

⁴⁰⁸ - Значит, с своей точки зрения мы согласны и с проф. Чельцовым, что возражения против этого (т.е. против апостольского звания Иакова Праведного), заимствуемые из неправильного толкования мест (Ин. 7:5; Деян. 1:14; 1Кор. 9:5), весьма слабы”. (См. его Ист. хр. Ц., стр. 78, примеч.).

⁴⁰⁹ - См. сочинения Евсевия Памфила (Церковная история), переведенные с греческого языка при С. Петерб. дух. академии, Т. I. СПб. 1858, Кн. 4, гл. 22, стр. 209. Приводим здесь и греческий подлинник: μετὰ, τὸ μαρτυρεῖσθαι Ἰάκωβον τὸν δίκαιον ὡς καὶ ὁ Κύριος ἐπὶ τῷ αὐτῷ λόγῳ, πάλιν ὁ ἐκ θεῆς» αὐτῷ (опять из рода его дяди) Συμεὼν ο τοῦ Κλωπᾶ καθίςα 'ἐπίσκοπος ὃν προέθεντο πάντες, ὄντα ἀνεψιον τοῦ Κυρία δεύτερον (двоюродный брат Господа). Из этого подлинного текста очевидно для всякого, что в нем нет повторения одного и того же выражения о сродничестве Симеона Клеопова, и ни в каком случае текст не подтверждает, чтобы Симеон был двоюродный брат Иакова; потому что Симеон по отношению к Господу называется двоюродным братом (ἀνίψιος), между тем Иаков, везде именуется просто братом (ἀδελφός), равно как и ап. Иуда.

⁴¹⁰ - Евс. Памф. Церк. ист. кн. 2, гл. 1, (т. I, стр. 55).

⁴¹¹ - «К убеждению в этом, – говорит проф. Чельцов (Ист. хр. Церк. т.1. стр. 78) –,приводят свидетельства Егезиппа и Климента Александрийского (см. Евсев. Церк. ист. кн. 2, гл. 1 и 23). С своей стороны Евсевий говорит: «Иаковов было два:

один – праведный, а другой – обезглавленный”. Заметим, что в 23-й главе 2 кн. Церк. истории Евсевия, – где говорится о мученической кончине Иакова брата Господня, епископа Иерусалимского, он, также как и в 1-й главе, вовсе не называется ни Клеоповым, ни Алфеевым, ни принадлежащим к лику 12-ти, а говорится только то, что он «принял управление Церковью вместе с Апостолами”. – «Имеет смысл и то, – заключает свои доводы г.Чельцов, – что если апост. Иаков Алфеев не был епископом Иерусалимским: то о нем от древности не сохранилось решительно никакого предания. Конечно, это имеет смысл, но может быть не тот, который желательно находить автору. Немного древних преданий сохранилось и о большей части прочих 12-ти Апостолов. Выражаясь словами самого автора Истории христ. Церкви, скажем, что некоторые Апостолы (каковы Фома, Варфоломей, Матфей евангелист, Матфий, Симон Зилот, Андрей Первозванный и, прибавим, Иаков Алфеев) – «проповедывали преимущественно в странах, неимеющих греческой образованности, и неподлежавших владычеству римского народа, от этого и предания о них так неопределенны” (Ист. христ. Церк., ч.1, стр. 85). А какие предания существуют о св. апост. Иакове Алфееве, мы видели выше.

⁴¹² - Евсев. Церк. ист. кн. 2, гл. 23. (Перев. ч. 1, стр. 93).

⁴¹³ - В подл.: τον γαρ Κλωπᾶν, ἀδελφόν τοῦ Ἰω(…) ὑπάρχειν Νυήσιππζος ἱσореῖ (а в переводе СПб. д. академии – «ибо этот сын Клопы“)...

⁴¹⁴ - Евсев. Церк. ист., кн. 3, гл. 11, (перев. ч. 1, стр. 127). На это свидетельство ссылается и прот. М. Богословский в своей Свящ. истории Нового Завета (стр. 23); но можно ли из него вывести то заключение, что апостол Иаков Алфеев был сын Клеопы, – предоставляем судить всякому.

⁴¹⁵ - Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 19. 20. (ч. 1, стр. 131).

⁴¹⁶ - Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 32. (ч. 1, стр. 152).

⁴¹⁷ - См. Месяцослов православно-кафолической восточной Церкви, состава протоиереем Димитрием Вершинским (СПб.) под 10 мая и 27 апреля, с указанием на восточные и западные

источники. Мученическая кончина ап. Симона Зилота последовала в Британии, а священномученика Симеона в Палестине.

⁴¹⁸ - Об Иосии – 4-м брате Господнем умалчивают, но можно считать его за одно лицо с причисленным к лику 70-ти Иосием, или Иосифом, которого прозвание Иуст (праведный) напоминает подобное прозвание Иакова, и другое – Варсава (сын мира) – (Деян. 1:23. Кол. 4:11) усвоено также и Иуде брату Господню (Деян. 15:22). См. Четьи-Мин. 4 янв.).

⁴¹⁹ - «Так, следуя Евангелию, называемому Петрову, или книге Иакова – полагал Ориген (in Matth. t. 10, p. 45, in Ioh. t. 1, p. 15, in Luc. hom. 7 t. 5. p. 109 ed. Ion), Епифаний (adv. her. 1,1–3), Феодот Анкирский (Amphil. op. ed. Combet. p. 56), Кирилл Алекс. (Glaphyrorum, lib. 7, p. 224), Иларий (in Matth. c. 1, p. 671); тоже в Чет. Мин. дек. 28“.

⁴²⁰ - «Иероним: quidam fratres Domini de alia uxore Josephi filios suspicantur sequentes deliramenta apocriphorum.... Nos – non filios Josephi, sed consobrinos Salvatoris, Mariae liberos intelligimus, materteras Domini, quae etiam dicitur mater Jacobi minorie et Judae. Ad Matth. c. 12. De vir. illustr. c. 2. Тоже Феодорит: ad Galat. 1:19. Неизвестный греч. учит. in Catena Patrum ad epist. Pavli ed. a Cramero. Oxonis. 1842, p. 26. Августин tract. 28 in Johan. Исидор Севильский: de vita Sanct. c. 8; м. Филарет в библист., стр. 540, 586“. О том, что в библист. изложено по сему предмету на 586 стр., сделано замечание выше; а на 540 странице церк. библист. истории сказано то, с чем мы совершенно согласны: «Иакова Праведного, о котором говорит Епифаний, не должно разделять от Иакова брата Господня“.

⁴²¹ - Иероним: adv. Helvidiuni p. 219. Климент Алекс. у Евсевия 2, 1. «Указываемое место у Евсевия мы приводили выше: оно несколько не благоприятствует мнению автора «объяснения“.

⁴²² - Именно, применяя 6-й стих этой главы к числу Апостолов, он говорит: «две, три, четыре и пять, по толкованию некоторых, означают 14 Апостолов, т.е. 12 избранных Господом“

(а в числе их, по сказанию Евангелия: был и Иаков Алфеев), и 13 Иакова, именуемого братом Господним и Павла“.

⁴²³ - В 14 оглашении, 21, толкуя 2 стих 1 Кор, гл. 15, он отличает и отделяет от 12 Апостолов Иакова, брата Господня, и Павла, – подобно тому, как и св. Епифаний Кипрский в гл. 79 кн. 3 против ересей, исчислив 12 Апостолов, вне их лика поставляет и Иакова, брата Господня, и Павла и Варнаву. См, в Христ. чт., за 1846г., часть 3, июль), стр. 74, статью под заглавием: «Св. Иаков, брат Господень, первый епископ Иерусалимский“. – Не излишним считаем заметить, что этой статьи не было у нас под руками при написании и помещении в «Страннике” (октябрь 1866 г.) подлежащего нашего исследования – о святых Апостолах Иаковах. Теперь, прочитав сказанную статью Христ. чтения, мы нашли ее совершенно согласной с нашими убеждениями, за исключением одного лишь довода. Именно, в упомянутой статье говорится, что «братьев Иисуса Христа Св. Писание отличает от Его 12-ти учеников“, и отсюда, конечно, выводится то заключение, что Иаков, брат Господень – не был в лике 12-ти. Между тем ниже говорится; «именем Иакова отличен брат Его (и след., тоже брат Господень), апостол Иуда (Лк. 6:16; Деян. 1:13), который кроме сего сам в начале своего послания, назвав себя братом” должно быть: рабом) «Иисуса Христа, счел нужным присовокупить: брат же Иакова (Иуд. ст. 1) “. Но св. Иуда несомненно был в лике 12-ти Апостолов, к числу которых не принадлежал, более его знаменитый в первенствующей Церкви, св. Иаков, епископ Иерусалимский, – вопреки мнению, заимствованному, по словам статьи Христ. чтения, от римлян, или латинян; и это верно.

⁴²⁴ - Vid. S. Scripturae curs. compl. t. XXI, pag. 1097, comment. In Matth. 26, 6. «Incurrit in hunc vulgaris quaestio, et nostro praesertim tempore magnis scriptis voluminibus agitata.

⁴²⁵ - Lib. 2 de consensus Evang., c.79

⁴²⁶ - Беда venerabilis (англ. Монах VII века) in Commentariis in cap. 7 Lucae; Евфимий Зигабен in Matth. 26, 6. – Это же мнение упоминается, как вероятное, и в синаксаре во св. и Великую Среду. Оно выражено и преосв. Филаретом, арх.

Черниговским, в его «Евангелии св. Иоанна». (См. Черниг. епарх. известия, прибавл., 1 июня 1866 г.; стр. 326).

⁴²⁷ - « К этому можно присовокупить, – говорят позднейшие толкователи, – еще одно основание (для такого мнения); невероятно, чтобы упоминаемый еванг. Матфеем Симон был фарисей, так как это было при наступлении страданий Христовых, а в это время вся секта фарисеев сильно вооружена была против Иисуса Христа, и фарисей не пригласил бы Его к себе на вечерю» (S. Script. curs. compl., t. XXI, pag. 1098). Но, чтобы видеть; как слабо представленное основание, довольно вспомнить, что даже после того, как злоба первосвященников, книжников и фарисеев, по-видимому, восторжествовала, – после крестной смерти Иисуса Христа, – члены совета иудейского, Иосиф Аримафейский и Никодим, не усомнились снять Его с креста, и оказать Ему последнюю услугу – приличное погребение. Значит, ожесточение всей вообще секты фарисеев против Иисуса Христа не исключало возможности веры в Него и усердия к Нему со стороны некоторых членов этой секты.

⁴²⁸ - Orig., Homil. 1 in Cant

⁴²⁹ - S Cyprian., serm. de Ablutione pedum.

⁴³⁰ - Беседа 80 на Еванг. Матф.

⁴³¹ - Libro 6 in Ev. Luc., cap. 7.

⁴³² - См. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изд. 2. Одесса, 1860 г., стр. 486, примеч. 65 к статье: «Воскресение Лазаря с его последствиями».

⁴³³ - Во св. и Вел. Вторн., на повеч., трипеснец св. Андрея Критского, п. 3, тропарь 4.

⁴³⁴ - Там же песнь 8, тр. 5

⁴³⁵ - Там же песнь 9, тр. 4

⁴³⁶ - Там же песнь 9, тр. 5

⁴³⁷ - Во св. и Вел. Среду на утр., на стих., стих. самогл. 1, на веч., на Госп. воз. ст.7.

⁴³⁸ - Св. Злат., бес. 65 на ев. Иоанна, СПб. 1855, ч. II, стр. 409.

⁴³⁹ - Слово того же (Симона) мы присовокупляем, для пояснения, к приводимому нами указанию синаксаря – на том основании, что в священных песнопениях Великой Среды, в середине коих помещен этот синаксарь, Симон прокаженный, как мы видели, именуется Симоном фарисеем; да и в дальнейших соображениях синаксаря отвергается, главным образом, не тожество Симона, а тожество дома Симона, у которого разновременно совершено было помазание Господа, – сперва в Галилее, где дом его был известен под именем дома Симона фарисея, а потом в Иудее, в Вифании, где дом его слыл под именем дома Симона прокаженного, без сомнения по причине и в память – последовавшего перед его переселением сюда, исцеления его от проказы.

⁴⁴⁰ - Дни богослужения правосл. кафедр. вост. Церкви; кн. 2, изд. 6-е. 1866 г., стр. 117.

⁴⁴¹ - Бес. на ев. Иоан. 65, изд. 1855. ч. II, стр. 409.

⁴⁴² - Начерт. Ц. библ. ист., изд. 8-е. 1844 г., стр. 499.

⁴⁴³ - Посл. дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изд. 2, Одесса, 1860 г., стр. 83. Тоже мнение выражено и в объяснении на «Евангелие св. Иоанна», преосв. Филарета, архиеп. Черниг. (См. Черниг. епарх. известия, приб., № 11, 1 июня 1866 г., стр. 325 и 326). – К этому должны мы присовокупить, что в составленном нами «Подробном сравнит. обзоре четвероевангелия» (СПб. 1859 г., ч. 1. § 93, стр. 345) допущена нами таже мысль, – что Марфа в то время, как сестра ее Мария помазывала Господа, служила Ему не в своем доме, а в доме Симона прокаженного. Но теперь, в виду новых соображений, мы отказываемся от этой мысли, – находя лучшим следовать мнению св. Златоуста.

⁴⁴⁴ - См. статью: «Соглашение евангельских повествований о событиях страдания и погребения Господа нашего Иисуса Христа». Хр. чт. 1867 г., май, стр. 702.

⁴⁴⁵ - Должно быть: «по сказаниям первых двух», а не трех «Евангелистов» так как ев. Лука вовсе не говорит о той вечери... Такая ошибка тем более странна, что мы находим ее и выше, в той же статье Христ. чтен., на стран. 699: «Пребывание в

Вифании ознаменовано было вечерей в доме Симона прокаженного. Но так как об этой вечери три первые евангелиста нашли нужным говорить”, и проч. Можно думать, что автор статьи, занявшись иностранными источниками, не справлялся с главным и единственно достоверным источником – св. четвероевангелием. Это предположение тем более вероятно, что он неоднократно делает такие указания на места Евангелия, которые опровергают его собственные доводы. Так, напр., на стр. 696 он ссылается на Мф. 21:46, как на свидетельство о благоприятном взгляде на Христа «мирных жителей Галилеи», вопреки «Иерусалиму», тогда как в указанном месте говорится о том, что происходило вовсе не в Галилее, а в самом Иерусалиме. Вслед за тем, из ев. Марка 6:2, он выводит то заключение, что «Галилея никак не могла подготовить страшную катастрофу (под этим именем у автора разумеется искупительная смерть Господа); но он наверное вывел бы оттуда заключение противоположное, если бы внимательно прочитал указанное место в Евангелии, и заглянул в параллельное ему – Лк. 4:22–29. Притом трудно поверить, чтобы православный духовный писатель решился сам от себя (не увлекаясь какими-нибудь иностранными образцами) – прибегать и к защите св. Евангелистов такими неприличными и несвойственными нашему благоговейному уважению к самовидцам Слова, богодухновенным повествователям – выражениям и оборотам речи, каковы например следующие (на стр. 705): «Если бы Господь ни разу не был в Иерусалиме до последнего путешествия, то решился ли бы Иоанн сказать такую явную ложь?и”... Весьма необдуманно!

⁴⁴⁶ - Непонятно, почему имя: Симон постоянно пишется в этой статье «Христ. чтения» Συμον, тогда как и в подлинном греческом тексте читаем: Σίμων, а не Σύμων.

⁴⁴⁷ - Благовестник, блаж. Феофилакта, арх. Болгарского. Казань, 1857. На Мф, гл. 26, стр. 451.

⁴⁴⁸ - Дни богослужения правосл. Церкви, изд. 6-е, 1866 г., кн. 2, стр. 114: «Лазарь был еврей и фарисей, сын Симона фарисея (Мф. 26:6), родом из Вифании”. А на стран. 117-й читаем следующее: «некоторые считают эту вечерю (в доме

Симона прокаженного, за два дня до Пасхи) за одну с бывшей за шесть дней до Пасхи, предполагая, что Симон был муж Марфы» Но Церковь, согласно с св. отцами, различает эти вечера”.

⁴⁴⁹ - Св. История Нового Завета, прот. Мих. Богословского, изд. 3, СПб. 1866, стр. 164, 165. Тоже мнение о Симоне, у которого была приготовлена для Господа вечера, – высказано было некогда автором известной у нас, хотя вскоре изъятой из употребления «Библейской истории для детей“, (о. Сим. Красноцветова). СПб. 1837 г. (ч. II, отд. 1, стр. 232). «Это было устроено в доме Симона прокаженного, который, как представляется вероятным, был мужем Марфы, и что совершенно верно, некогда исцелен Иисусом Христом от проказы”.

⁴⁵⁰ - Orig. tractatu Math. 36, v.S. Script. curs. compl. t. XXI, pag. 1098.

⁴⁵¹ - Loco citato

⁴⁵² - Euthym. in Matth. 26,6.

⁴⁵³ - В Благосвестн. толков. на 7 гл. ев.Луки.

⁴⁵⁴ - Hieron. in Matth.26,6

⁴⁵⁵ - S.Bernard. in Sermone de Maria Magdalena

⁴⁵⁶ - Бес, 80 на еванг. Матф., и 62 на еванг. Иоанна

⁴⁵⁷ - В изъясн. на кн. Иова о страд. Христ.

⁴⁵⁸ - Благовестн. Толк. на Иоанн. 11:2

⁴⁵⁹ - Св.Злат. бес.62. на еванг. Иоанн. Гл.11, 1. 2 изд. 1855г. Ч.2 стр.357.

⁴⁶⁰ - Его же беседа 80 на еванг. Матф., изд. 1843 года, ч. III, стран. 363. Не излишне заметить, что ясно и определенно высказанная в этом месте св. Златоустым мысль, что все три евангелиста говорят об одной и той же жене – дает понять, что в ином месте употребленное им выражение насчет жены, упоминаемой у Матфея, и – упоминаемой у еванг. Луки: «те действительно были блудницы“ – сказано во множественном числе единственно потому, что та жена упоминается у нескольких евангелистов, а не потому, что они не об одной говорят.

- ⁴⁶¹ - Благовестн., блаж. Феофил., арх. Болг. Казань, 1857 г.; на Матф. гл. 26, ч. 1, стр. 451.
- ⁴⁶² - Там же, ч. 2, на еванг. Марка, гл. 14, стр. 205.
- ⁴⁶³ - Бес. 80 на еванг. Матф. ч. III, стр. 374.
- ⁴⁶⁴ - Благов., бес. на Матф, 26:6, Эта же мысль выражена и в синаксаре в св. и Вел. Среду.
- ⁴⁶⁵ - Бес. на еванг. Матф. 80, ч. III, стр. 375 и 380.
- ⁴⁶⁶ - Во св. и Вел. Вторник на повеч. трипеснец, творение господина Андрея Критского, песн. 8, тр. 7.
- ⁴⁶⁷ - Во св. и Вел. Среду, трипеснец, твор. господина Космы, ИКОС.
- ⁴⁶⁸ - Песн. 8, тр. 3.
- ⁴⁶⁹ - На хвал., ст. 5, слав.
- ⁴⁷⁰ - Блаж. Феофил., Благов., ч. 2, на еванг. Марка, гл. 14, стр. 205,
- ⁴⁷¹ - S.August., libr. 2 de consensus evangelistarum, c.69. Beda in Matth. 26, 2., et in cap. 7 Lucae.
- ⁴⁷² - S.Ambros. in cap. 7. Lucae.
- ⁴⁷³ - S.Augustin. de consens. Evang., lib.2, cap 69.
- ⁴⁷⁴ - Beda in Matth. 26,6. Et in cap. 7. Lucae.
- ⁴⁷⁵ - Бес. на Евангелия св. Григория Двоеслова, перев. Архим. Климентом, СПб. 1860, г., кн.2, бес. XXXIII, говор. к народу в храме св. Климента в 24 день сент., на Еванг. Луки 7, 36–50., стр.164.
- ⁴⁷⁶ - Omnia autem argumenta, etsi multa sunt, quibus plures (mulieres) fuisse probatur, minus quam hoc unum, habent ponderis. S.Script. curs. compl. t. XXI, pag. 1099.
- ⁴⁷⁷ - Св.Злат., бес.на Еванг.Иоанн. 62,1, гл.11, 1.2, ч.II, стр.357.
- ⁴⁷⁸ - Бес. на Еванг. XXXI, кн.2. стр.164.
- ⁴⁷⁹ - Так в S.Script cursu compl. t. XXII, pag.707. Comment. in Luc. 7,v. 37, читаем: Mulier. Nomen tacet honoris causa: quod tamen ob maiorem Dei honorem innotuit; estque Maria, cujus cognomen Magdalena, infra,8, v.2; soror Lazari ac Marthae, Ioan.11, v.2., ex communi Ecclesiae sensu, cui suffragatur

Augustinus, lib.2, de consensus Euang., c.69. И в другом месте того же издания (t.XXII, pag. 191), in Marc.14,v.9: Et quia hoc Ecclesia Commemorat in laudem Mariae Magdalenae, habes hinc argumentum, quod Maria Magdalena est illamet, quae est Maria soror Lazari, de qua textus iste loquitur. И только.

⁴⁸⁰ - «Этот Лазарь, – говорит св. Златоуст, – был человек знаменитый, как видно из того, что многие собрались утешать сестер его“. Бес. на ев. Иоан. 66, стр. 418.

⁴⁸¹ - См. Четы-Мин., июль, 22 дня, в конце Памяти св. Марии Магдалины. – Странно, что изложенное здесь о св. Марии Магдалине, которая ни в житиях святых, ни в богослужении Православной Церкви, нигде не называется грешницей, – до такой степени мало известно многим русским и православным, что из одного слепого подражания христианскому западу, у нас самые убежища кающихся грешниц слывут под названиями Магдалининских! Да будет же им ведомо, что только западная Церковь признает, что Мария Магдалина была некогда блудницей, а Православная восточная – такойю ее не признает, но чтет святой и равноапостольной.

⁴⁸² - «Темже убо сие убо мнится ми, и истине Златолаголиваго паче известнее быти, яко две убо сия жены вменяются: едина убо, якоже речеся, у триех евангелистов, блудница сущи и грешница, на главу Христову миро изливавшая; иная же у Иоанна Мария, сестра Лазарева, самем божественным ногам Христовым сие принеся и изливавшая“.Кстати заметим, что независимо от мнения западных христианских учителей, не принадлежащий к Церкви Христовой и враждебный святой истине французский писатель Ренан признал упоминаемую евангелистом Иоанном Марию, сестру Лазаря, за одно лицо с упоминаемой еванг. Лукой грешницей, – единственно потому, что неблагонамеренно смешал два совершенно разные события, – то помазание Господа, о котором говорит еванг. Лука, и то, о котором говорит еванг. Иоанн. Блаженной памяти преосв. Филарет, архиеп. Черниговский, в своем объяснении «Евангелия св. Иоанна» (12:1–3) так выразился об этом: «академик Ренан легкомыслен был, если сам принимал жену упоминаемую св. Лукой за

Марию сестру Лазареву, и вовсе бессовестно клеветал на св. Луку, когда писал о нем: «Мария из Вифании принимается им за обратившуюся грешницу». (См. Черниг. епарх. известия, ирибавл., № 11, 1 июня 1866, стр. 326).

⁴⁸³ - S.Script. curs.compl. t.XXI. p.1100

⁴⁸⁴ - S.August., lib.2 de consensu Evangelist ., cap. 69. Beda in Matth. 26, 6. – Тоже соображение принято было и нами в «Подр. сравнит. обзоре четвероевангелия» – за основание для известного изложения рассматриваемого события. См. 59 примечание – к § 93 (Вечеря в доме Симона прокаженного), стр. 69.

⁴⁸⁵ - См.Христ.чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской духовной академии, 1867г. май, стр., 699–703. (Статья: «Соглашение евангельских повествований о событиях страдания и погребения Господа нашего Иисуса Христа»).

⁴⁸⁶ - Так, по свидетельству еванг. Матфея (равно как и еванг. Марка и еванг. Луки, в параллельных местах Евангелия), фарисеи и книжники, еще при исцелении расслабленного, принесенного на одре, обвиняли Иисуса Христа в богохульстве – за прощение грехов расслабленному (Мф. 9:3), а при исцелении бесноватых богохульно говорили, что Он действует силой веельзевула, князя бесовского (9:34. 12:24), – роптали за обращение Его с мытарями и грешниками (9:11), и прямо называли Его другом мытарей и грешников (11:19) обвиняли Его учеников и Его самого в несоблюдении обрядового их закона касательно постов (9:14) и хранения субботы (12:2), особенно же за нарушение преданий старцев (15:2), и лицемерно соблазнялись Его учением, или глумились над Ним (15:7,12); всегда мысля худое в сердцах своих, они назирали за Его действиями, – не исцелит ли Он в субботу, чтобы осудить Его (12:2,10), и после исцеления сухорукого, вышедши из синагоги, имели совещание против Него, как бы погубить Его (12:14), – и чтобы поколебать веру в Него и любовь к Нему народа, неоднократно с лукавством требовали у Него знамения с неба (11:38. 16:1–4), коварно предлагали вопрос о разводе (19:3), и т.п. И после всего этого автор утверждает, что еванг. Матфей – до последних дней земной жизни Иисуса Христа ничего не

сказал еще, как подготовилась со стороны иудеев «страшная катастрофа» евангельской истории?. Непонятно!

⁴⁸⁷ - Заметим, что и это было уже третье предсказание о крестной смерти Христовой, – после двух первых, бывших до Преображения и после Преображения Господня (Мф. 16:21; 17:22).

⁴⁸⁸ - Догадываемся, что должно быть частица δέ, же – неправильно внесенная автором в слов евангелиста Иоанна вместо частицы οὐν (по славянски тоже переведена – же), но действительно находящаяся в указанном месте в словах евангелиста Матфея (у еванг. Марка она заменена однакоже частицей καί, и) – по мнению автора, указывает на переход повествования от одного времени к другому, прежде бывшему. Но если этой частице придавать особенное значение, то вероятнее она может означать здесь переход в речи от одного места к другому, – как и действительно после повествования о совещании синедриона, бывшем в Иерусалиме, Евангелист переходит к повествованию о помазании, которое было между тем, или одновременно (в один и тот же день) – в Вифании.

⁴⁸⁹ - Книга правил св. Апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и св. Отец на первоначальном эллинском наречии и в преложении словено-российском. Правило 15 св. Петра, архиеп. Александрийского и мученика, стр.319, СПб.1839.

⁴⁹⁰ - Св. Злат. бес. на еванг.Матф.79.ч.III, стр.366.

⁴⁹¹ - Св. Злат., на еванг. Иоанна, 65, 2., ч. II, стр. 409. Нельзя не привести здесь, для соображения, и следующего толкования блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на еванг. Марка, гл. 14, ст. 1–5: «Совет (против Христа) составляют в среду. И вот причина, почему мы постимся по средам. Враги хотели было переждать праздничное время; но это не было попущено им. Господь, определяя Сам для Себя страдания, благоизволил предать Себя на распятие на самую Пасху; ибо Сам был истинная Пасха. Здесь надобно дивиться могуществу Его. Ибо когда враги хотели взять Его, тогда не могли; а когда не хотели, по причине праздника, тогда Он Сам волею предал Себя им». (Благовестн., ч.2, стр. 204 и 205). – Та

же мысль выражена и у западных толкователей, напр. в S. Script. cursu compl., t. XXI, pag. 1095 in Matth. 26, 5).

⁴⁹² - См. Четьи-Минеи св. Димитрия Рост., кн. май, 8 дня, в житии св. Арсения Великого.

⁴⁹³ - Он нередко ссылается в своей статье на богословские и вообще духовные сочинения немецких писателей, напр. на стр. 712, 719 и др. майской книжки Христ. чт. 1857 г., что, само по себе, конечно, дело хорошее.

⁴⁹⁴ - По нашему счету 63 рубля, или, как полагают другие, 64 р. 50 к. сер. Надобно думать, что это была обыкновенная цена алавастра, заключавшего в себе фунт драгоценного мира (Ин. 12:3); и, как той или другой жене, без сомнения, желательно было употребить для помазания Господа самое лучшее миро, то и неудивительно, что у каждой из них оно оказалось одинаковой ценности (Мк. 14:5. Ин. 11:5). Поэтому из такой одинаковости цены мира вовсе не следует выводить, что и самое помазание совершено в Вифании только однажды. Притом, можно заметить некоторую разность и в самом обозначении ценности того мира, которое было употреблено на помазание в доме Марфы и Марии, и того, которое было излито в доме Симона прокаженного. Там оно оценивается не свыше трех сот динариев (Ин. 12:5), а здесь предполагается возможность продать его более нежели за триста динариев (Мк. 14:5), – быть может потому, что там был алавастр уже не совсем полный, но еще около фунта было сбережено (Ин. 12:3,7), а здесь принесен был алавастр еще не начатый, который тут же был раскупорен, и, как замечает евангелист Марк (14:3), разбит.

⁴⁹⁵ - Такое же значение помазанию приписывает и св. Златоуст, рассуждая о жене грешнице, помазавшей Господа в доме Симона прокаженного. Бес. на еванг. Матф. 80,1., ч.III, стр. 376.

⁴⁹⁶ - Заметим, что это-то нарочитое приготовление мира для Спасителя, без сомнения, придавало особенную ценность приношению сей жены и в глазах учеников, так как о Марии, сестре Лазаря, они слышали от самого Спасителя, что она

сберегла миро (Ин. 12:7), быть может от погребения брата – «с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи» (19:40)!

⁴⁹⁷ - Можно еще находить разность и в самом образе помазания: одна жена, по свидетельству евангелистов Матфея (26:6) и Марка (14:3), помазала только главу Спасителя, а другая, по свидетельству евангелиста Иоанна (12:3), – только ноги Его. Но ни в том, ни в другом свидетельстве не выражается, чтобы помазание главы не допускало помазания ног, и наоборот. В этом мы совершенно согласны и с западными толкователями св. Писания (*S.Script. curs. compl. in Matth. 26, 6., t. XXI, pag. 1100*), хотя и не можем согласиться, чтобы по этому самому нужно было думать, что и у первых двух евангелистов, и у последнего – говорится об одном и том же помазании. Скажем только, что жене, помазавшей миром главу Спасителя, естественно было, в избытке усердия, помазать и ноги Его, тем более, если и прежде она это делала (Лука 7:38). Так и представляют нам ее помазание и св. Златоуст, – который говорит (бес. на еванг. Матф. 80, 1., ч. III, стр. 375), что она «принесла к ногам Христовым главу свою», и т.п., – и церковные песнопения в св. и Великую Среду, где постоянно указывается на то, что она помазала ноги Христовы, а иногда упоминается о помазании вместе и главы и ног: «изливающи жена миро чистое, Владычню и божественному и страшному верху, Христе, – следов Твоих пречистых коснуса, оскверненныма дланьма». (В. ср. на утр., трипесн. п, 8, тр. 1). А что и Мария помазала не только ноги, но и главу Христову, это можно видеть из того, что помазание головы гостю было в обычае (Лк. 7:46), и в настоящем случае само собой предполагается.

⁴⁹⁸ - «Как же, – замечает св. Златоуст, – другой Евангелист говорит, что так сказали все ученики (Мф. 26:8)? Правда, – отвечает на этот вопрос святитель: – и все (говорили это), и он; но другие (говорили) не по тому же побуждению». (Св. Злат., бес. на еванг. Иоанна 65, 2., ч. II, стр. 410). То же сравнение делает и блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, в толковании на еванг. Марка гл. 14, ст. 4: «Бяху же неции негодующе, замечает Евангелист. А Иоанн говорит, что негодовал Иуда (Ин. 12:4,5). Можно думать, что и другие

Апостолы упрекали жену, так как постоянно слышали от Христа о милостыне. Но Иуда негодовал на жену не с той мыслью, как прочие, а по сребролюбию, ради гнусной корысти. По этой причине Иоанн и упоминает о нем одном, как о поносившем с лукавым намерением”. (бл. Феофил., арх. Болг., Благовестн., ч. 2, стр. 205).

⁴⁹⁹ - Преосв. Иннокентий, Посл. дни земной жизни Иисуса Христа, изд. 2, стр. 87.

⁵⁰⁰ - В греческом тексте ἄφεξ, оставь; это прямее – к Иуде.

⁵⁰¹ - Сберегла: по поводу этого выражения, преосвященный Иннокентий, покойный архиепископ Херсонский, размышляя о помазании Господа усердием Марии, сказал: «В доме ее оставался (вероятно, от погребения Лазаря) фунт народного чистого мира. Что может быть лучше, думала она, как употребить его в честь дражайшего Гостя?» – К такому изложению евангельского изречения преосвященный сделал следующее примечание: «К сей мысли располагает выражение Спасителя: сберегла (τήτήρηεν) и слова Иуды, который упрекает Марию не за то, что она купила, а за то, что не продала (прежде купленного) мира”. (См. Посл. дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, стр. 84, и примеч. к статье: Воскресение Лазаря, 68, стр. 487).

⁵⁰² - Св. Злат., бес. на еванг. Иоан., 65, ч. II, стр. 410. 411.

⁵⁰³ - Посл. дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изд. 2, стр. 85.

⁵⁰⁴ - Эта мысль выражена в следующей прекрасной церковной песни, в св. ж Великую Среду, от имени помазавшей Господа грешницы: «Како воззрю к Тебе Владыце? Сам бо пришел еси спасти блудницу: из глубины умершую мя воскреси, иже Лазаря воздвигнувый из гроба четверодневнаго: приими мя окаянную, Господи, и спаси мя“ (на стих, ст. 3).

⁵⁰⁵ - Св. Злат., бес. на еванг. Матф. 80, 1. ч. III. стр. 375. 376.

⁵⁰⁶ - ⁵⁰⁶ Заимствуем эти выражения у автора «Последних дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа” (изд. 2-е, стр. 86), – применяя однакож сказанное им о Марии, сестре Лазаря, к другой жене помазавшей Господа.

⁵⁰⁷ - Блаж. Феофил., Благов., толк. на Матф. 26, 8. 9., ч. I, стр. 453.

⁵⁰⁸ - Посл. дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изд. 2, стр. 86.

⁵⁰⁹ - Блаж. Феофил., Благов., толк. на Марк. гл. 14, ч.II, стр. 205.

⁵¹⁰ - Quis enim credat, si quatuor tantum diebus ante eumdem Christus reprehendisset, tam cito in facto omnino simili, sit tamen non eodem, iterum fuisse murmuraturum? (V.S.Script curs. compl. in Matth. 26,6. t. XXI, pag.1100).

⁵¹¹ - Бес. на Еванг.Матфея. 80.ч.III,стр. 374

⁵¹² - Во св. и Вел. Вторн. на повеч., трипесн., песн. 9, тр. 6.

⁵¹³ - Там же, п. 3, тр. 5.

⁵¹⁴ - В. Вторн. на повеч. трипесн., п. 9, тр. 8.

⁵¹⁵ - Там же, п. 9, троп. 8.

⁵¹⁶ - В. Среда, на хвал. ст. 1., тоже веч. на Госп. воззв. ст. 1.

⁵¹⁷ - «Этим Господь дает нам знать, – говорит блаж.

Феофилакт, – что упомянутая жена поступила так по особенному мановению Божию, прообразуя смерть Его и погребение тела Его. Итак Господь не попустил бы помазать Себя миром, если бы не хотел явить в этом какой-либо тайны. Но как Бог всеведущий, Он предсказал при сем будущее, то есть, что о поступке ее возведено будет повсюду”. (Благов., ч. 1, толк. на ев. Матф. гл. 26, стр. 454 и 455).

⁵¹⁸ - Блаж. Феофилакт говорит: «Господь упрекает Апостолов, что они неблаговременно удерживали усердие жены... А вместе и обличает Иуду, сказав: «она сделала это, приготавливая Меня к погребению и обнаруживает его бессовестность, как бы так говоря ему: «ты, предавая Меня на смерть, не укоряешь себя, а она ужели заслуживает от тебя укоризны за то, что для приготовления Меня к погребению принесла миро, и притом по особенному как бы внушению Божию?» (Благов., ч. 1, толк. на еванг. Марк. 14:6–9, ч. 2, стр. 206, 207).

⁵¹⁹ - Бес. на ев.Матф.80,ч.III, стр.376.

⁵²⁰ - «Но для чего, скажешь, – говорит св.Златоуст в 65 беседе на Еванг.Иоанна (на гл. 11, ст. 1,2 ч. II, стр.358), – и блудницу принял Христос? Для того, чтобы ты познал, что нет недуга, побеждающего Его благодать. Итак, не то одно смотри, что Он принял, но и на то взирай, что он переменял ее».

⁵²¹ - Из этих слов св. Златоуста видно, что он весьма высоко ставит дела милосердия, но не унижает и других дел благочестия. Рассуждая в его же духе или лучше, в духе Христовом, и блаженный Феофилакт говорит: «когда кто приносит дар Богу, не отклоняй его, и не подавляй усердия его, не отсылай его раздать то нищим, но предостав ему совершить приношение. Разве кто потребует у тебя совета о том, нищим ли нужно отдать что-либо, или принести Богу; в таком случае посоветуй ему отдать нищим. Но когда уже он принес, то напрасно будешь отсылать его; надобно и то творить, и сего не оставлять. Притом, честь, воздаваемую (непосредственно) Богу, должно предпочитать всем вообще добродетелям, а следовательно и самой милостыне. И если Христос дела милости относит к Себе: то не подумай, что Бога должно оставлять, и заботиться лишь о милостыне. Ибо в таком случае выйдет, что можно и святотатствовать, и из святотатственного подавать милостыню. Но этого нельзя допустить (Благов. ч. 1, толк. на.еванг. Матф, гл. 26, стр. 453.454).

⁵²² - Св. Злат., бес. на еванг. Матф. 80, ч. III. стр. 378.

⁵²³ - Благов., ч. 1, толк. на еванг. Матф. гл. 26, стр. 455.

⁵²⁴ - Св. Злат., бес. на еванг. Матф. 80, 2., ч. III, стр. 380.

⁵²⁵ - Блаж. Феофил. архиеп. болгар., Благов. Казань, 1857. ч. 1., толк. на еванг. Матф. гл. 26, стр. 476.

⁵²⁶ - Во св. и Вел. Вторн. на повеч., трипесн., но 3 песн. седал.

⁵²⁷ - На стих, стих, самогл, 1.

⁵²⁸ - Во св, и Вел. Среду по 2 стихосл. седал.

⁵²⁹ - Там же, по 1 стихосл., седал.

⁵³⁰ - Там же, на хвал. ст. 8.

⁵³¹ - Во св. и Вел. Среду, на хвал. ст. 4.

⁵³² - Во св. и Вел. Среду на утр., на стих. стих. 2 веч. на Госп. воззв. ст. 8

⁵³³ - De Dominicis et hebdomadibus Graecorum, Allatii. См. Дни богослуженія Правосл. кафол. восточной Церкви, изд. 6, кн. 2, стр. 137.

⁵³⁴ - См. Дни богослуженія Правосл. кафол. восточной Церкви, изд. 6, кн. 2, стр. 136.

⁵³⁵ - Св. Злат., бес. на еванг. Матф. 80, 1, 2. ч, 1, стр. 377, 378. 376